

№ 8 АВГУСТ 1970 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н. А. Мохов (Кишинев), Б. М. Колкер (Кишинев), В. И. Царанов (Кишинев) — История Молдавии в современной буржуазной историографии 3
- А. В. Лепетюк (Петропавловск-на-Камчатке) — Культурное строительство на Камчатке 20
- К. А. Гафурова — Документы разоблачают 30
- И. Г. Рознер (Киев) — Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв. 42
- Б. М. Косарев (Кострома) — О роли американского плантационного рабства первой половины XIX в. в генезисе капитализма 57
- В. Д. Королюк — Владимир Иванович Пичета 72

Дискуссии и обсуждения

- К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации 86

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

- Ю. А. Тихонов — «Азовское сидение» 99

ПУБЛИКАЦИИ

- Документы Раймонда Робинса (Вступительная статья И. М. Краснова) 111

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- В. А. Лесков — Марк Красс и другие 129

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

- Л. С. Гапоненко, Н. Н. Лещенко — Историю пишут сами трудящиеся 143

Рецензии

- В. Н. Шейко — «Советская интеллигенция. (История формирования и роста, 1917—1955 гг.)» 146
А. А. Кондрашенков (Смоленск), Г. Т. Рябков (Смоленск) — Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР» 150
А. С. Гроссман — Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941) 153
Л. А. Березный (Ленинград) — А. В. Бурдуков. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма 155
И. П. Дементьев — А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (Доимпериалистическая эпоха) 158
Новые книги 162
Статьи в советских периодических изданиях 165
М. Я. Сюзюмов (Свердловск) — VIII Всесоюзная сессия византистов 168
Хроникальные заметки 173

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

- Ученые ГДР к XIII Международному конгрессу историков 177

Рецензии

- А. С. Кан — Р. М. Хеттон. Карл XII — король Швеции 178
Л. М. Шейдин — Джеймс Конноли. Рабочий класс в истории Ирландии. Отвоевание Ирландии 181

По страницам зарубежных журналов

- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . . 186
Рецензии на советские издания 189
Хроникальные заметки 191

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- А. Г. Голодова — Окинава: четверть века американского «присутствия» 194

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- А. И. Малютина (Енисейск) — Сибирская страница биографии А. В. Долгушина 202
В. И. Авдиев — Памятники культуры древнего Туниса 205

У исторической карты народов мира

- В. В. Карлов — Эвенки 209

-
- Яков Александрович Левицкий** 217

- Имре Тренчени-Вальдапфель** 218

- Сведения об авторах 219
Резюме статей на английском языке 220
-

СТАТЬИ

ИСТОРИЯ МОЛДАВИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. А. Мохов, Б. М. Колкер, В. И. Царанов

В идеологической борьбе, которая ведется между лагерем социализма и лагерем империализма, важную роль играет правильное освещение истории советских народов. Экономические и культурные успехи трудящихся СССР воодушевляют угнетенные народы мира на борьбу за полное освобождение. Именно поэтому буржуазные идеологи уделяют так много внимания национальной политике Советского государства. Они стремятся подорвать дружбу народов нашей многонациональной страны — основу могущества СССР.

Не является исключением в этом смысле и история молдавского народа. В текущем, 1970 году исполняется тридцать лет со дня освобождения Бессарабии от румынской буржуазно-помещичьей оккупации и образования Молдавской союзной республики. Тридцать лет жизни в составе Советского государства ознаменовались большими хозяйственными и культурными успехами. На глазах одного поколения экономически и культурно отсталый край превратился в богатую республику с динамичной промышленностью, высокоразвитым сельским хозяйством, быстро развивающейся культурой. Этот прогрессивный процесс привлекает внимание зарубежной общественности, стремящейся понять происходящие события, проанализировать революционный опыт. В разных странах все чаще появляются статьи и книги о Молдавии, в которых авторы пытаются показать и объяснить огромные успехи, происходящие в Молдавской республике, как и во всей Советской стране, в ходе социалистического строительства. Эти работы — а их уже немало — требуют особого внимания. История Молдавской ССР все чаще является объектом «изучения» и со стороны идеологических противников коммунизма. Именно эта группа работ интересует авторов данной статьи.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные историки Молдавии в течение многих лет вопреки исторической справедливости пытались доказать, что в 1917 г. молдавский народ не принял участия в социалистической революции, что революционная борьба молдаван сводилась якобы к антирусскому и антиукраинскому движению, к стремлению объединиться с королевской Румынией. За последние десять — пятнадцать лет западноевропейские буржуазные историки, и в первую очередь молдавские и румынские националисты, изгнанные из своих стран и нашедшие приют и покровителей в Мюнхене, Бонне, Париже, Лондоне и других городах капиталистического мира, все чаще обращаются к темам из истории социалистического строительства в Молдавии. Делаются попытки с антисоветских позиций осветить и всю историю народа. В этом направлении, например, действует «Комиссия по истории юго-восточных немцев», созданная в Мюнхене. В «теоретических» изысканиях этих авторов особое

место занимают идеи расизма. Хотя псевдонаучные основы расистской теории давно отвергнуты, а расизм как политическая догма, взятая на вооружение гитлеровцами, отброшен жизнью и осужден ООН (Всеобщая декларация прав человека — 1948 г.), в ФРГ это течение фактически продолжает существовать. Буржуазные политиканы все еще пытаются убедить читателей в особой исторической миссии немецкого народа. В частности, делаются попытки доказать особую творческую роль немцев в истории молдавского народа. С этих позиций написана книга Гуго Вечерка «Немцы в Молдавском княжестве в средние века и начале нового времени»¹. Объемистое «исследование» от начала до конца пронизано идеей превосходства немецких колонистов. Читателю внушается мысль, что только немцы принесли молдавскому народу высокую культуру и только им молдаване обязаны своим прогрессом. Общая оценка роли немецких колонистов звучит как панегирик цивилизаторской миссии немецкого «Drang nach Osten». «Немецкие колонисты,— пишет Г. Вечерка,— подняли эти далекие области на высокую ступень культуры... Сеть городов с хозяйственными, правовыми, социальными и оборонительными функциями, что до тех пор на Востоке было неизвестно, покрыла обширные районы...» (стр. 39). «Немецкие поселения в Молдавии были форпостом Запада...» (стр. 263). Разумеется, эти выводы далеко не соответствуют тому, что было в действительности. Как известно, в средние века немецкие колонисты расселились во многих областях Прибалтики, Пруссии, Польши, Трансильвании, причем независимо от того, каким путем они занимали эти территории — в результате ли опустошительных, грабительских войн немецких рыцарей или же мирным способом, основывая колонии поселенцев,— во всех случаях они преследовали одну цель — эксплуатацию местного населения.

В XIV—XVII вв. немецкие колонисты поселились и в Молдавии, но роль их была неизмеримо меньшей, чем об этом пишет Г. Вечерка. Автор утверждает, что развитием городской торговли Молдавия была обязана главным образом немецким купцам и ремесленникам (купцам — армянам, евреям и местным купцам-молдаванам он отводит весьма скромную роль) (стр. 58—59), что немецкие ремесленники в своих ремеслах не имели конкурентов (стр. 262). При этом он умалчивает о том, что города создавались не на пустом месте, что первые немецкие колонисты нашли в Молдавии многочисленное население, находившееся на стадии развитого процесса отделения ремесленного труда от сельскохозяйственного. Немецкие купцы и ремесленники, разумеется, сыграли свою положительную роль в формировании городской жизни, но они могли селиться в молдавских городах потому, что города уже существовали и имелась потребность в их дальнейшем развитии. Совершенно неверно пренебрежительное определение молдаван средневековья как «народа крестьян и примитивных пастухов». Совершенное для условий тех времен скотоводство и земледелие являлись основными занятиями молдаван, но были развиты и ремесла и торговля. Г. Вечерка неоднократно подчеркивает слабость и беспомощность молдавских купцов (стр. 48, 58—59 и др.), но он не знает особенностей общественно-экономического развития Молдавии, того, что главным купцом здесь был сам господарь и бояре и что на торговлю многими видами товаров существовала монополия господаря. Автор упоминает об этом, но как о факторе, мешавшем развитию (стр. 48, 65 и др.), ибо, согласно утверждениям Г. Вечерки, все, что не похоже на немецкие порядки,— показатель отсталости.

¹ H. Weczerka. Das mittelalterliche und frühneuzeitliche Deutschtum in Fürstentum Moldau. München. 1960.

1 li

1 m

Книга писалась с расчетом на научность, но так как доказывать ложные идеи обоснованными доводами невозможно, автор вынужден прибегать к псевдонаучным рассуждениям, используя при этом давно опровергнутые факты и разного рода натяжки. Так, рассматривая вопрос о существовании городов в Молдавии в XII в., он ссылается на известный «Список городов русских дальних и близких» (стр. 110), помещенный в русской Воскресенской летописи, не зная того, что этот список был составлен не в XII, а в конце XIV в.²; автору неизвестно также, что грамота Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. — фальшивка, составленная из патриотических побуждений Б. П. Хаждэу³.

В оценке роли немцев как главной прогрессивной силы в Молдавии Г. Вечерка не одинок. Другой историк ФРГ, Я. Беккер, именно присутствием немцев объясняет всякий прогресс в Бессарабии. Он пишет, что в XIX в. из всех городов «только Белгород начал превращаться в культурный центр Бессарабии», чему содействовала близость немецких колоний⁴. Однако именно о Белгороде XIX в. надо говорить как о городе, развитие которого шло медленнее других городов Бессарабии, пояснять причины его отставания, а не ускоренного развития. Исторические разыскания Г. Вечерки, Я. Беккера и подобных им авторов не имеют какой-либо научной ценности. Их можно рассматривать только как проявление еще не искорененного расистского мировоззрения, как «теоретическое» обоснование планов западногерманских реваншистов.

Аналогичная — в основе своей расистская — позиция характерна и для некоторых современных буржуазных румынских историков-эмигрантов. Так, А. Горжиу и М. Корня как о «само собой разумеющемся» говорят о неспособности к самостоятельной политической жизни славян: «Как славяне на юге только при помощи катализатора в лице болгар, так и восточные славяне на берегу Днестра должны были ждать прибытия скандинавов под руководством Рюрика, чтобы создать сильное и богатое Киевское государство»⁵. Это — повторение старой сказки норманистов, давно опровергнутой многочисленными исследованиями советских историков.

Одной из излюбленных тем истории Молдавии для антисоветских историков-эмигрантов является тема о событиях 1917—1918 гг. в Бессарабии, судьбу которой в 1918 г. решил якобы своим голосованием «полномочный» орган молдавского народа «Сфатул цэрий». Буржуазная печать без конца возвращается к этому сюжету и повторяет фальшивую версию, сочиненную румынским королевским правительством и буржуазными националистами более пятидесяти лет тому назад⁶.

Как известно, «Сфатул цэрий» был создан 21 октября 1917 г. по решению военно-молдавского съезда, созванного буржуазными националистами, которые больше всего боялись приближающейся социалистической революции. Состав «Сфатул цэрий» был заранее определен комиссией съезда, установившей, сколько делегатов и какой национальности в «парламент» должна была выделить каждая организация. Вначале в «Сфатул цэрий» вошло 120 делегатов, а затем число его

² См. М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и близких. «Исторические записки». Т. 40.

³ См. P. Pănaiteșcu. Diploma bărlădeană din 1134... (falsurile patriotice ale lui B. P. Hasdeu). «Revista istorică română». Vol. II, fas. I. 1932, pp. 46—50; Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964, стр. 83.

⁴ J. Becker. Bessarabien und sein Deutschtum. Wittenberg. 1966, S. 22.

⁵ «Aspects des relations russo-roumaines. Retrospective et orientations». P. 1967, p. 13 (далее — «Aspects»).

⁶ «The Nineteenth Century and After», June, 1924; M. D. Rura. Reinterpretation of History as a Method of Furthering Communism in Rumania. Washington. 1961; «Außenpolitik», 1966, № 8; «Facts and Comments Concerning Bessarabia. 1812—1940». L. 1941; A. G. Mazour. Russia Past and Present. Toronto—New York—London. 1957; A. Suga. Die Völkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwicklung des Landes. Bonn. 1958; «Aspects». ✓

членов несколько раз пополнялось путем кооптаций, при этом первоначальный состав очищался от неугодных лиц путем исключения, арестов и т. д. К концу 1918 г. в «Сфатул цэрий» входило 162 делегата. 2 декабря 1917 г. он провозгласил образование «Молдавской народной республики» как части демократической Российской республики, то есть республики буржуазного Временного правительства, которая была упразднена социалистической революцией.

В буржуазном националистическом движении в Бессарабии ясно разделялись два течения: молдавских буржуазных националистов, которые стремились получить в крае всю власть, но сохранить край в составе буржуазной России, и румынофилов, которые хотели любой ценой присоединить Бессарабию к Румынии. Румынофилы получали поддержку из боярской Румынии, в их числе были и прямые платные агенты. Осенью 1917 г., когда неизбежность скорой победы социалистической революции в Бессарабии стала очевидной, оба течения фактически объединились.

Основной целью молдавских буржуазных националистов и румынофилов с этого времени стало стремление воспрепятствовать победе социалистической революции. Однако революционные идеи к тому времени настолько глубоко вошли в сознание народных масс, что перспектива перехода Молдавии под власть буржуазно-помещичьей монархической Румынии вызывала всеобщий протест. Даже в «Сфатул цэрий» с его специально подобранным составом об этом нельзя было говорить открыто, и поэтому его руководители шли к своей цели тайно. Трудно полностью представить всю картину обмана, шантажа и расправ, с помощью которых главари «Сфатул цэрий», агенты румынского королевства, добивались своей цели — спасения власти и богатств местной буржуазии и помещиков путем отделения Молдавии от революционной России и присоединения ее к буржуазно-помещичьей Румынии. Делалось это вопреки воле народа, которая была им хорошо известна. Что это было именно так, доказывается множеством опубликованных документальных свидетельств⁷, рядом исследований⁸, признаниями самих руководителей «Сфатул цэрий». Так, Г. Пынтя позднее писал, что «лозунги большевиков среди молдавского народа имели глубокие корни». Молдавские крестьяне и солдаты говорили, что члены «Сфатул цэрий» «продались румынам» и что «народ попадает в кабалу к румынским боярам»⁹. Солдаты молдавских воинских частей, созданных «Сфатул цэрий», вскоре поняли его цену и стали переходить на сторону революции. 23 декабря 1917 г. в своем призыве Центральный молдавский военно-исполнительный комитет писал: «Бессарабия не желает никаких отделений от России, не признает никакой румынизации или украинизации»¹⁰. Молдавские крестьяне были крайне возмущены румынофильской реакционной политикой главарей «Сфатул цэрий» и круто расправлялись с его представителями. Тот же Г. Пынтя писал о нападениях молдавских крестьян на посланцев «Сфатул цэрий» и убийстве некоторых из них. Об убийстве крестьянами сел Глодяны и Бегзеш-

⁷ «Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Кишинев. 1957; «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.)». Сборник документов и материалов. Кишинев. 1967; «Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — январь 1918 гг.)». Сборник документов и материалов. Кишинев. 1967.

⁸ Н. В. Березняков. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев. 1957; К. Слуцкая. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев. 1962; «Революционное движение в 1917 г. и установление Советской власти в Молдавии». Кишинев, 1964.

⁹ Ch. Pântea. Rolul organizațiilor militare moldovenesti în actul unirii Basarabiei Chișinău. 1931, pp. 72—73.

¹⁰ «Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.)», стр. 244.

ты посланцев «Сфатул цэрий» сообщалось впоследствии в газетах¹¹. О расправах над членами «Сфатул цэрий» в молдавских селах говорилось на заседаниях этого «парламента» в 1918 году¹².

В январе — феврале 1918 г. румынские королевские войска, тайно призванные главарями «Сфатул цэрий», после упорных боев оккупировали Бессарабию. Естественно, что они взяли «Сфатул цэрий» под свою защиту. Началось подавление революционного движения, расправа с революционными деятелями. Буржуазные историки любят писать о жестокостях, совершенных в 1917 г. революционными массами в Бессарабии. Действительно, в дни революции все местные помещики, в том числе и молдаване, были изгнаны из сел, а некоторые из них убиты. Это была стихийная расправа крестьян со своими вековыми поработителями. Об этих расправах с сокрушением говорили на заседаниях «Сфатул цэрий». Но прямой ложью является обвинение Кишиневского Совета и большевиков вообще в жестокости. Так, А. Зуга пишет: «5 января коммунистические соединения вошли в Бессарабию. Заседания «Сфатул цэрий» были приостановлены, большинство избранных депутатов арестовано и приговорено к смерти»¹³. В этой фразе все ложь: «коммунистические соединения» не входили в Бессарабию 5 января, военной опорой Советов были воинские части, уже много месяцев стоявшие в городе, в том числе и части молдавских полков, созданных «Сфатул цэрий»; вымыслом является и заявление об «аресте» большинства «избранных депутатов». В действительности никаких арестов членов «Сфатул цэрий» не проводилось, никаких судов не было и, следовательно, смертных приговоров не выносилось. Напротив, можно отметить, что Кишиневский Совет рабочих и солдатских депутатов, взяв власть, проявил чрезмерную мягкость и не принял действенных мер по разоружению контрреволюции. В этом заключалась одна из причин его слабости. О клевете А. Зуги можно было бы и не вспоминать, если бы на протяжении десятков лет она не повторялась в книгах, статьях, антисоветских выступлениях по радио и т. д. Эта клевета была необходима оккупантам, чтобы скрыть жестокие расправы над революционными рабочими и крестьянами. Вкупе с главарями «Сфатул цэрий» интервенты беспощадно расправлялись не только с отдельными неугодными им лицами, но и с целыми организациями. Был разогнан, например, 2-й Бельцкий уездный съезд крестьян, принявший резолюцию: «Не признавать власть, которая не выражает волю трудящихся, и арестовать виновных членов «Сфатул цэрий»¹⁴, разогнан 3-й Бессарабский губернский крестьянский съезд, собравшийся в Кишиневе 19 января 1918 г. (то есть через неделю после занятия города оккупантами), который осудил предательскую деятельность «Сфатул цэрий» и потребовал вывода из Молдавии румынских оккупационных войск. Руководители съезда В. М. Руднев, В. Прахницкий, являвшиеся к тому же членами «Сфатул цэрий», были арестованы и тайно убиты в тюрьме.

Еще в 1918—1923 гг. были разоблачены незаконные действия (обман, насилия, террор) группы румынских националистов, захвативших руководство в «Сфатул цэрий»¹⁵. Советские исследователи более детально осветили эту неприглядную историю¹⁶. Из приведенных ими фактов видно, что «Сфатул цэрий» не являлся полномочным, избранным народом парламентом и не выражал волю молдавского народа. Доку-

¹¹ «Бессарабское слово», 19.II.1935.

¹² «Сфатул цэрий», 12.I.1918.

¹³ А. Zuga. Op. cit., S. 19.

¹⁴ «Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.)», стр. 293.

¹⁵ См. G. Ohotnicov, N. Vasinski. La Bessarabie et la paix européenne. Paris—Prague. 1927.

¹⁶ Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис. Разгром контрреволюционного «Сфатул цэрий». Кишинев. 1969.

ментальные материалы дают также возможность восстановить подлинную картину злоупотреблений и насилий в «Сфатул цэрий» при голосовании вопросов о политическом будущем Бессарабии. Целью «шантажа, насилия и фальсификации»¹⁷ при голосовании было устранение из состава «Сфатул цэрий» демократически настроенных членов и пополнение его «надежными лицами». После захвата Бессарабии в начале 1918 г. румынскими королевскими войсками «Сфатул цэрий» и созданное им правительство продолжали действовать под охраной румынских штыков. Именно румынская охранка тайно убила нескольких членов «Сфатул цэрий», выступивших против румынской оккупации Бессарабии.

В этих условиях 24 января (6 февраля) румынофилы сделали первый шаг по пути присоединения Бессарабии к Румынии. «Сфатул цэрий» провозгласил независимость «Молдавской народной республики», что означало отделение ее от революционной России. 9 апреля «Сфатул цэрий» под давлением румынских властей и вопреки протесту ряда групп депутатов сделал следующий шаг, проголосовав за присоединение к Румынии, но с сохранением автономии и особого правительства. За это предложение отдали голоса 86 депутатов из 138 присутствовавших (62,3%). Это голосование обычно подробно описывается в работах буржуазных советологов. Однако буржуазные авторы стараются не упоминать о самом главном голосовании — 9 декабря 1918 г., когда окончательно «решалась» судьба Бессарабии, когда была ликвидирована «Молдавская народная республика» и ее марионеточное автономное правительство. Достаточно первого ознакомления с документами этого заседания, чтобы понять, почему буржуазные авторы не пишут о нем. Организаторы голосования приняли меры к тому, чтобы оппозиционные депутаты не попали на заседание, некоторые депутаты, опасаясь репрессий, не явились. Число депутатов было пополнено путем кооптации. На голосование был поставлен вопрос о безоговорочном присоединении Бессарабии к Румынии. О правомочности решений этого «исторического» заседания можно судить хотя бы потому, что из 162 депутатов на заседании присутствовало только 46. Часть из них (во главе с Бучушканом) протестовала против голосования¹⁸. Это была пародия на голосование, что отметил сам премьер-министр Румынии А. Маргиломан, который в своих воспоминаниях писал: «Несмотря на все истраченные деньги, не набралось и 30 депутатов, чтобы за это голосовать»¹⁹.

В связи с оценкой законности голосования в «Сфатул цэрий» по вопросу о присоединении Бессарабии к Румынии небезынтересно обратиться к письму бывшего румынского министра иностранных дел Н. Титулеску к королю Каролю II осенью 1939 года. Н. Титулеску напоминал королю о юридической шаткости позиции Румынии в вопросе о Бессарабии²⁰. Буржуазные фальсификаторы истории Молдавии стремятся доказать, будто подписанием московского протокола от 9 февраля

¹⁷ Именно так оценили историю голосования в «Сфатул цэрий» семь его членов, устраненных от голосования. От имени нескольких групп членов «Сфатул цэрий» они тогда же, в декабре 1918 г., представили официальный протест («Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.)», стр. 216).

¹⁸ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917—1920 гг.», стр. 219.

¹⁹ Н. В. Березняков. Указ. соч., стр. 171.

²⁰ Он писал: «Число тех (имеются в виду члены «Сфатул цэрий». — Авт.), кто голосовал за самоопределение, довольно малое по сравнению с воздержавшимися... Далее, самоопределение имело место в то время, когда румынские войска оккупировали Бессарабию... Что еще хуже, этому самоопределению предшествовали два письма: а) одно генерала Авереску, впервые занявшего тогда пост премьер-министра, в котором он сообщал Советам, что румынские войска будут отозваны из Бессарабии, как только там будет восстановлен порядок...» (Arhiva Institutului de studii istorice și social-politice. Dosar special. Raportul lui N. Titulescu către Carol al II-lea, pp. 10—11).

1929 г. и Конвенции об определении агрессора 3 июля 1933 г. Советский Союз отказался от своих прав на Бессарабию и фактически признал ее принадлежность Румынии²¹. Тезис фальсификаторов заключается в том, что вышеупомянутые дипломатические документы были равнозначны договору о ненападении между Румынией и Советским Союзом и что, следовательно, их подписание означало косвенное признание Бессарабии в качестве румынской территории. Советские исследователи уже доказали несостоятельность подобных утверждений²². Документы не оставляют никаких сомнений не только в том, что между обоими государствами не существовало договора о ненападении, но и в том, что сама румынская сторона не рассматривала подписанные в 1929 г. и 1933 г. документы в качестве заменителей такого договора. Заметим, например, что после того, как в августе 1936 г. румынский министр иностранных дел Н. Титулеску был смещен за его намерения улучшить отношения Румынии с Советским Союзом и заключить договор о взаимной помощи между обоими государствами, румынское правительство вновь пыталось заключить с СССР договор о ненападении взамен на официальное признание присоединения Бессарабии к Румынии²³. Советский Союз никогда не отказывался от своих прав на Бессарабию. Миролюбие СССР и его желание решить вопрос мирным путем вовсе не означали, что Страна Советов могла равнодушно наблюдать за тем, как эта советская земля и ее богатства эксплуатируются оккупантами.

Румынские реакционные политики продолжали свою авантюристическую антисоветскую политику, связывая судьбу страны с оплотом реакции — гитлеровской Германией. 23 марта 1939 г. румынское правительство заключило с Германией кабальное экономическое соглашение, что предвещало потерю национальной независимости страны. За несколько дней до этого, 19 марта, румынское правительство высказалось против системы коллективной безопасности на основе заключения пакта о взаимной помощи с участием СССР²⁴. В этой обстановке Советское правительство, которое предложило 18 марта 1939 г. немедленно созвать совещание представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения вопроса об оказании Румынии помощи в случае германской агрессии, вынуждено было заявить в конце марта румынскому посланнику в Москве Диану, что СССР не мог бы «относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах»²⁵. Заявление Советского правительства учитывало реально сложившуюся обстановку, так как заключенное Румынией 23 марта экономическое соглашение фактически разрешало гитлеровцам создание опорных пунктов на территории Румынии под видом так называемых «свободных зон». Новое сближение Румынии с гитлеровской Германией делало актуальным никогда не сходивший с повестки дня вопрос о Бессарабии, так как Советский Союз не мог допустить, чтобы последняя была превращена в опорный пункт для борьбы против СССР.

Буржуазные фальсификаторы истории игнорируют эти общеизвестные факты. Они стремятся доказать, что Советский Союз «вернул себе

²¹ См., например, Gr. Gafencu. *Préliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (21 août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941)*. Fribourg. 1944; Al. Crețianu. *The Lost Opportunity*. L. 1957; A. Suga. *Op. cit.*; «Aspects»; «Les frontières européennes de l'URSS, 1917—1941», sous la direction de J. D. Duroselle. P. 1957, etc.

²² См., например, Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Позиция королевской Румынии по вопросу о заключении пакта о ненападении с СССР и подписании Конвенции об определении агрессора. «Балканский исторический сборник». I. Кишинев. 1968.

²³ «Aspects», p. 143.

²⁴ Ch. Zaharia. *Aspects de la politique extérieure de la Roumanie*. «Nouvelles études d'histoire». Vol. III. Bucarest. 1965, p. 411.

²⁵ «Международная жизнь», 1969, № 7, стр. 89.

Бессарабию» чуть ли не в результате сговора с гитлеровской Германией²⁶. Факты же говорят о том, что Советский Союз был вынужден добиваться скорейшего решения вопроса о Бессарабии вследствие полного подчинения Румынии гитлеровской Германии и установления фашистского режима в этой стране.

Как известно, Советский Союз заключил 23 августа 1939 г. предложенный ему Германией договор о ненападении. В буржуазной историографии можно часто встретить утверждения, будто при подписании этого договора Советский Союз выразил свою заинтересованность в Бессарабии. Но Советский Союз никогда не скрывал своей заинтересованности в освобождении братского народа Бессарабии, который уже в период первых революционных боев мужественно боролся за Советскую власть. Советско-германский договор о ненападении изменил положение в Юго-Восточной Европе. Возрос авторитет и международный престиж страны социализма, которая в сложных условиях того времени сумела расстроить планы вовлечения СССР в войну. Нейтралитет Советского Союза помог также балканским странам на некоторое время остаться вне войны. Открылись перспективы улучшения их политических и экономических отношений с Советским Союзом. Румынские правящие круги, однако, не только не стремились улучшить отношение со Страной Советов, но даже не пытались начать с ней диалог для выяснения позиции и нормализации отношений. В конфиденциальных беседах румынские представители делали признания, свидетельствовавшие о том, что они несут вину за плохое состояние этих отношений. Об этом бесспорно свидетельствуют некоторые документы министерства иностранных дел Румынии. 21 сентября 1939 г. румынский министр иностранных дел Гафенку заявил, например, гитлеровскому посланнику в Бухаресте Фабрициусу, что если отношения Румынии с СССР далеки от того, чтобы быть дружественными, то это объясняется лояльностью Румынии по отношению к Германии в соответствии с устной договоренностью, достигнутой с Гитлером, Герингом и Риббентропом во время его визита в Берлин в апреле 1939 года²⁷. В этот же день Гафенку сделал примечательное заявление итальянскому посланнику в Румынии Гиджи: «Польша и Румыния выполняли до сих пор функцию барьера против большевизма. Румыния не сможет впредь выполнять одна эту функцию»²⁸. В то же время румынские правители считали соответствующим их интересам заключение мира между гитлеровской Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, и их совместное выступление против Советского Союза. 28 сентября Гафенку в конфиденциальной беседе с французским послом А. Тьерри сделал заявление, которое он сам резюмировал следующими словами: «Поражение Германии не решит проблемы Европы... Поэтому после победы над Германией потребуются новая победа над Россией. В связи с этим они (Франция и Англия.— Авт.) обязаны взвесить шансы на окончательную победу, определить линию, на которой они будут дальше воевать, и учесть все эти факты»²⁹. Это заявление было расценено даже А. Тьерри как призыв к немедленному заключению мира с Германией и совместному с ней выступлению против СССР.

²⁶ См. Gr. Gafencu. Op. cit.; Al. Cretzianu. Op. cit.; A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marshall Antonescu. Wiesbaden. 1954; Ph. W. Fabry. Der Hitler—Stalin Pakt. Darmstadt. 1962; G. L. Weinberg. Germany and the Soviet Union 1939—1941. Leiden. 1954; E. L. Presseisen. Germany and the Balkans 1940—1941. «The Journal of Modern History», 1960, № 4.

²⁷ Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 86, vol. 41. Telegrama cifrata № 59159 din 21 septembrie 1939 la Berlin, Semnată de Gafencu.

²⁸ «Documenti diplomatici italieni», Nona serie. Voi. 1, doc. 370.

²⁹ Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 2, problema 71/1939. Nota asupra convorbirii dintre Gr. Gafencu și A. Thierry la 28 septembrie 1939.

Следует подчеркнуть, что с конца 1939 г. в Румынии находились гитлеровские военнослужащие. По заключенному тогда соглашению между начальником гитлеровского абвера адмиралом Канарисом и начальником румынской секретной службы Морозовым, действовавшим с ведома Кароля II, абвер под предлогом охраны румынских нефтяных разработок ввел в Румынию значительное число своих сотрудников и часть военнослужащих полка «Бранденбург», состоявшую из немецких выходцев, живших в Румынии. Была создана широкая сеть осведомителей абвера во всем нефтяном районе³⁰. Кроме того, на Дунае находился пароход с «туристами» — военнослужащими в гражданской одежде, готовыми в любую минуту предотвратить возможную якобы попытку взрыва нефтеразработок³¹. Наличие на территории Румынии с согласия румынских правящих кругов значительного числа немецких военнослужащих представляло большую опасность для соседних стран, особенно для Советского Союза. Оно свидетельствовало об уступчивости румынского правительства, его готовности к сговору с гитлеровской Германией, вплоть до предоставления румынской территории для размещения ее войск. Враждебное отношение Румынии к Советскому Союзу усилилось во время событий последующих месяцев. Румынские правящие круги долгое время носились с планом создания так называемого «балканского блока нейтралов», направленного против СССР, участвовали в клеветнической кампании, развязанной против страны социализма в связи с войной между Финляндией и Советским Союзом. В то же время империалистическая пресса подняла шум вокруг якобы агрессивных намерений Советского Союза в отношении Румынии. Румынские газеты утверждали, будто пакт Бриана — Келлога 1929 г. и лондонская конвенция 1933 г. равнозначны пакту о ненападении. Об этом заявляла также газета министра иностранных дел «*Timprul*», хотя Гафенку должен был хорошо помнить о провале попытки заключить такой пакт в 1932 г., когда он занимал пост заместителя министра иностранных дел, а также в сентябре 1939 г., когда он поручил румынскому посланнику в Москве Диану попытаться узнать, нельзя ли заключить с СССР договор о ненападении³².

Как писал позднее Гафенку, 19 апреля 1940 г. состоялось совещание у Кароля II, в котором приняли участие Гафенку, премьер-министр Татареску и министр двора. На совещании рассматривался вопрос о действиях в случае, если вспыхнет в Бессарабии восстание против румынской оккупации, а также вопрос о возможности вступления советских войск в эту провинцию в случае германо-венгерской агрессии на западе страны³³. Сама постановка этих вопросов говорила о многом. В эти дни на страницах румынской печати вновь появились статьи о «правах» Румынии на советские земли³⁴.

Вскоре после начала гитлеровского наступления на Западе в Румынию из Германии нелегально прибыл главарь фашистской «Железной гвардии» Х. Сима³⁵, направленный сюда по указанию гитлеровских главарей, чтобы возобновить в широком масштабе деятельность «Железной гвардии» и подготовить смену режима королевской диктатуры. Германия уже намечала решение балканских и дунайских проблем в духе «нового порядка» и хотела иметь в Румынии полностью преданных ей

³⁰ O. Reile. *Geheime Ostfront*. München. 1963, S. 315—318.

³¹ A. Hillgruber. *Op. cit.*, S. 69.

³² Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 2, problema 71/1939, vol. 9. Telegrama 57920 din 17 septembrie 1939.

³³ Gr. Gafencu. *Op. cit.*, p. 337.

³⁴ См. статью Г. Братиану в «*Universul*». 14.IV.1940.

³⁵ «*România*», 23.V.1940. В 1938 г. после убийства, по приказу Кароля II лидеров запрещенной террористической фашистской организации «Железная гвардия» ее лидером стал Х. Сима, который бежал в Германию.

людей. Отношение румынского правительства к Х. Сима в это время изменилось: он не только не был привлечен к ответственности за участие в подготовке многочисленных террористических актов, но вскоре был выпущен на свободу и переехал на квартиру к заместителю начальника румынской секретной службы³⁶. Сима был принят Каролом II, который одновременно издал закон об амнистировании находившихся еще в тюрьме железногвардейцев³⁷. Все это неопровержимо свидетельствовало о подготовке к установлению фашистской диктатуры, что означало бы превращение Румынии в плацдарм для военных авантур против Советского Союза, утверждение еще более жестокого террора против прогрессивных слоев румынского общества, особенно в оккупированной Бессарабии.

Еще до этого, 28 мая 1940 г., Г. Татареску принял Фабрициуса, перечислил ему факты, подтверждавшие дружеское отношение Румынии к гитлеровской Германии, и уведомил через него гитлеровское правительство об угрозе, содержащейся якобы для Юго-Восточной Европы в мероприятиях соседних стран³⁸. Заявление, сделанное Татареску, выражало желание румынских правящих кругов укрепить отношения с Германией, перейти на ее сторону³⁹. В начале июня новым министром иностранных дел был назначен фашист И. Джигурту, известный своими тесными связями с главарями Германии. Румынское правительство стало самым прогитлеровским правительством на Балканском полуострове и начало добиваться союза с гитлеровской Германией против СССР.

Добиваясь все большего сближения с гитлеровской Германией, Кароль II 21 июня 1940 г. распустил «Фронт национального возрождения» и создал фашистскую тоталитарную «партию нации», которую лично возглавил⁴⁰. Х. Сима приказал своим сторонникам вступить в новую партию⁴¹. Создание новой партии, в которой «Железная гвардия» допускалась фактически на правах самостоятельной организации, было справедливо расценено буржуазной газетой как переход к фашистской диктатуре⁴². В эти дни румынское правительство было настроено особенно воинственно. В беседе с американским посланником в Бухаресте Гюнтером 24 июня Джигурту заявил, что Румыния надеется получить в ближайшее время большое количество немецкого оружия, при помощи которого она сможет вести войну против СССР в течение не менее четырех месяцев. Румынский министр иностранных дел заявил также, что надеется на помощь итальянской авиации⁴³. Гюнтер сообщал, что, по его мнению, Джигурту, хотя и не говорил об этом, рассчитывает на немецкую военную помощь. Гитлеровский посланник Фабрициус передавал в Берлин 25 июня 1940 г., что Татареску заявил ему, будто Кароль II и румынское правительство не удовлетворят требование СССР о возвращении ему Бессарабии, если оно будет предъявлено, и что они намерены в этом случае воевать против Советского Союза⁴⁴.

Превращение Румынии в фашистское государство и ее окончательный переход в лагерь гитлеровской Германии представляли большую опасность для СССР. В этой обстановке Советское правительство, озабоченное укреплением безопасности своих границ, потребовало решения вопроса о возвращении СССР захваченной в 1918 г. румынскими

³⁶ Arhiva Ministerului afacerilor interne, dosar 40010, vol. 23, pp. 283—286.

³⁷ «România», 22.VI.1940.

³⁸ Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 2, dosar 71/1939, vol. II.

³⁹ Гафенку писал о демарше Татареску как о «скольжении Румынии к Германии и о проникновении Германии в Румынию» (Gr. G a f e n c o. Op. cit., p. 341).

⁴⁰ «România», 23.VI.1940.

⁴¹ «România», 25.VI.1940.

⁴² «Neue Zürcher Zeitung», 24.VI.1940, Fernausgabe.

⁴³ «Foreign Relations of the United States», 1940. Vol. I, general. Washington. 1959, p. 470.

⁴⁴ Documents on german foreign policy, Series D, vol. X, doc. 19.

оккупантами Бессарабии и передаче Советскому Союзу населенной украинцами Северной Буковины⁴⁵. 26 июня 1940 г. Советское правительство предложило румынскому правительству возвратить Бессарабию.

27 июня было созвано заседание Коронного совета, на котором Кароль II высказался за объявление войны Советскому Союзу⁴⁶. Ему вторил румынский историк Н. Йорга⁴⁷. Большинство участников заседания высказалось за удовлетворение требований Советского Союза⁴⁸. 27 июня Кароль II имел встречи с Фабрициусом и другим немецким эмиссаром, М. Киллингером, приглашенным Морозовым в качестве опытного партийного организатора для оказания содействия при организации фашистской «партии нации». «Я,—говорил Кароль II Киллингеру,—сделал все возможное, чтобы помочь Германии (в войне)... В Зальцбурге,—продолжал он,—я торжественно обещал фюреру и г. Герингу (имеются в виду встречи Кароля II с Гитлером и Герингом в ноябре 1938 г.—*Авт.*), что буду бороться всеми средствами против большевизма. Я точно выполнял эти обещания. Когда положение изменилось и союзники объявили войну Германии, я сохранил ту же линию поведения против большевизма»⁴⁹. Кароль II обрушился на политику соседних стран, не пощадив также и свою союзницу Югославию, которая якобы готова была «броситься в объятия СССР». Румынский монарх запугивал Киллингера, что не в интересах Германии, чтобы на «Балканах господствовал коммунизм», и что СССР якобы «работает на Англию». Киллингер выразил полное понимание позиции Кароля II, но заявил, что, как политический деятель, он не может в настоящее время одобрить провоцирование Румынией войны против СССР⁵⁰. В то же время Киллингер обещал Каролю II, что «русский гигант будет в конце концов уничтожен»⁵¹. Таким образом, гитлеровская Германия, занятая на Западе и не подготовленная еще к войне против СССР, не советовала румынским правителям начинать войну против СССР. Конечно, Гитлер не хотел признавать свое бессилие в решении бессарабского вопроса и во время пребывания в Германии премьер-министра Румынии Джигурту⁵² заявил ему, что если бы Румыния вела в прошлом подлинно «дружественную политику» по отношению к рейху, то «он, Гитлер, категорически воспрепятствовал бы России в ее желании удовлетворить свои претензии в отношении Бессарабии»⁵³. Это хвастливое заявление было сделано для того, чтобы оказать влияние на румынского премьера и склонить его к территориальным уступкам в пользу Венгрии и Болгарии.

Из изложенного ясно, что следует отвести со всей решительностью утверждения фальсификаторов. Как было доказано, к моменту освобождения Бессарабии Румыния фактически являлась уже сателлитом Германии.

В секретных записях И. Джигурту указывается, что 29 июня 1940 г., на второй день после мирного решения вопроса о Бессарабии, в коро-

⁴⁵ «Документы, относящиеся к мирному разрешению советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине», «Известия», 28.VI.1940.

⁴⁶ «Independance roumaine», 4.VII.1940.

⁴⁷ См. Al. Cretzianu. Op. cit., pp. 49, 54.

⁴⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 30.VI.1940, Fernausgabe.

⁴⁹ Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 2, problema 71/1939, vol. I. Intervederile lui Killinger la București în zilele de 26 și 27 iunie 1940, f. 8.

⁵⁰ Еще до аудиенции у Кароля Киллингер заявил Морозову, что для Германии «военная акция на Востоке в настоящее время невозможна, так как немецкая армия должна закончить войну против Англии» (Arhiva Ministerului afacerilor externe, cazier 2, problema 71/1939, vol. I. Intrevederile lui Killinger la București la 26 și 27 iunie 1940, f. 6—7).

⁵¹ Там же, f. 8.

⁵² 4 июля 1940 г. Джигурту стал премьер-министром страны.

⁵³ Arhiva Ministerului afacerilor externe fond Conferinta de la Paris, Dosar 228, Intrevederea lui Gigurtu cu Hitler la 26 iulie 1940.

левском дворце происходило совещание с целью определить дальнейший внешнеполитический курс Румынии. «Соглашение с СССР оказалось бы для нас фатальным,— записал Джигурту,— оно повело бы нас быстрыми шагами к коммунизму»⁵⁴. На совещании было окончательно решено присоединиться к фашистской «оси». Чтобы набить себе цену в глазах гитлеровской Германии, румынские правители договорились указать на то, что они «служили интересам Германии, когда по ее твердо выраженному желанию согласились с требованием Советского Союза (о мирном разрешении бессарабского вопроса.— Авт.), чтобы не вызывать войны в Юго-Восточной Европе, что было бы на пользу Великобритании»⁵⁵. «Бессарабский вопрос» румынские правители использовали исключительно для того, чтобы показать, какие «жертвы» пришлось принести им во имя дружбы с гитлеровским рейхом, и для усиления антисоветской и шовинистической пропаганды.

В последние годы буржуазные историки еще больше внимания уделяют истории Молдавии советского периода. В этой части ими больше всего изучается национальная политика Советского государства. Буржуазные идеологи стремятся доказать, что она якобы ничем не отличается от национальной политики царского правительства и направлена на подавление нерусских народов, их русификацию. Говоря о молдавском народе и его советской национальной государственности, они выступают с тезисом, будто ему были чужды идеи национально-государственного самоопределения. Идеологи буржуазии игнорируют молдавский народ как особую этническую категорию, не признают существования самостоятельной молдавской нации⁵⁶. «С тех пор как СССР создал Молдавскую ССР, публично была провозглашена особая молдавская нация»⁵⁷,— пишет Р. Вульф. Подобные несостоятельные утверждения можно встретить и у других буржуазных авторов⁵⁸.

В советской литературе достаточно широко освещен вопрос о самостоятельной, самобытной истории молдавского народа, о молдавской нации, ее историческом развитии и успехах за годы Советской власти. Как известно, молдавский народ на протяжении полутора столетий, проживая в тесном общении с русским и украинским народами, связанный с ними общностью экономической жизни и политической борьбы, в этническом отношении развивался в особую самостоятельную нацию — со своей особой экономикой, историческим прошлым, особенностями культуры и особым национальным самосознанием. С победой Октября и утверждением Советской власти в Молдавии завершается процесс складывания самостоятельной молдавской социалистической нации. Вот это-то никак и не желают видеть румынские националисты. Достижения молдавского народа в его национальном развитии бесспорны и общеизвестны⁵⁹. Появление на исторической арене самостоятельного молдавского народа еще до 1918 г. признавали даже некоторые румынские националисты. «В Бессарабии,— писал О. Гибу,— мы все

⁵⁴ Arhiva Ministerului afacerilor externa, d. 71/1939, vol. II. Nota «Situatia externă din 29 iunie 1940, întocmită de inginer I. Gigurtu.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. G. Vernadsky. A History of Russia. L. 1954, p. 423.

⁵⁷ R. L. Wolff. The Balkans in our time. Harvard University Press. Cambridge. Mass. 1956, pp. 458—459.

⁵⁸ См. R. V. Burks. The dynamics of communism in Eastern Europe. N. Y. Princeton University Press. 1961, p. 233. На этой позиции стоит, в частности, Н. Некулче, один из авторов вышеупомянутых «Aspects» (стр. 36, 37).

⁵⁹ См. «История Молдавской ССР», Т. II. Кишинев. Первое (1955) и второе (1968) издания; А. М. Лазарев. Воссоединение молдавского народа в единое советское государство. Кишинев. 1965; «Великий Октябрь в судьбах молдавского народа». Кишинев. 1968; Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историческая наука Советской Молдавии. М. 1970, и др.

больше имели дело с обособленным (то есть отличным от румынского. — Авт.) «молдавским народом»⁶⁰.

Образование в 1924 г. Молдавской АССР в составе Украинской Советской Социалистической Республики было логическим звеном в реализации Коммунистической партией ленинской национальной политики. Оно означало осуществление исторических чаяний молдавского народа, стремившегося к национально-государственному самоопределению. Буржуазные же авторы, повторяя старый тезис господствовавшей олигархии королевской Румынии, утверждают, что создание МАССР не соответствовало внутренним потребностям молдавского населения восточной части Приднестровья, что МАССР была «искусственной советской республикой», образованной якобы для того, «чтобы поставить Румынию в затруднительное положение»⁶¹. Ложность подобных утверждений очевидна.

Советские историки на основе фундаментальных исследований убедительно показали, что создание Молдавской АССР было естественным процессом, вытекавшим из национальной политики Советского государства, что в этом историческом акте участвовали самые широкие массы трудящихся Молдавии⁶². Об этом свидетельствуют и многочисленные документы, опубликованные советскими исследователями⁶³. В историческом акте «Декларации об образовании Автономной Молдавской ССР», утвержденном 12 октября 1924 г. на III сессии Всеукраинского ЦИК VIII созыва, записано, что решение об образовании МАССР было принято, исходя из «твердо выраженной воли рабочих и крестьян Советской Молдавии». Это не вызывало сомнений и у объективных зарубежных очевидцев, посетивших в то время Советский Союз. Так, представитель английских тред-юнионов проф. Юнг, побывавший в Молдавской АССР, писал в газете «Правда», в номере за 20 декабря 1924 г.: «Изучение местных условий Молдавии показало мне с полной очевидностью, что выделение МАССР вовсе не политический маневр Москвы в бессарабском вопросе, как думают за границей, а естественное следствие национальной политики СССР, предусматривающей полную национальную свободу всех народов Союза».

Образование Молдавской автономной республики в 1924 г., а затем преобразование ее в 1940 г. в союзную имели большое внутреннее и внешнеполитическое значение. Они в значительной степени способствовали консолидации и развитию молдавского народа, еще раз демонстрировали сущность советской национальной политики, свидетельствовали об усилившемся процессе развития молдавской нации. Именно последнее и пугает сейчас, как и полвека назад, буржуазных идеологов.

Игнорируя изложенные выше факты, некоторые буржуазные авторы пытаются доказать, что политика Советского государства направлена на подавление, денационализацию народов СССР, в том числе и молдавского, пишут об имевшем якобы место массовом выселении молдаван из республики⁶⁴. При этом делаются ссылки на такие, напри-

⁶⁰ O. Ghibu. De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Analiza unui proces istoric. Cluj. 1926, vol. 1, p. LI.

⁶¹ W. Kogarz. Russia and her colonies. L. 1953, pp. 21, 150; R. Maurach. Handbuch der Sowjetverfassung. München. 1960. S. 165; J. Bochenski, G. Nimeer. Handbuch des Weltkommunismus. München. 1958, S. 273.

⁶² См. «История Молдавской ССР». Т. II. Кишинев. 1968; А. А. Карлов. Молдавская ССР — суверенное советское государство в составе СССР. Киев. 1968, и др.

⁶³ «Начало большого пути». Сборник документов и материалов к 40-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии Молдавии. Кишинев. 1964; «Документы Института истории партии при ЦК КПМ (К 35-летию образования Молдавской ССР)». «Коммунист Молдавии», 1959, № 10.

⁶⁴ «The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia». «Past and Present», January, 1956, p. 6; J. Bochenski, G. Nimeer. Op. cit., S. 274; R. A. Bauer, A. Inkeles, C. Kluckhohn. How the Soviet System Works. Harvard University Press. Cambridge. 1959, p. 200.

мер, факты, как объявления в газете «Советская Молдавия» о возможности и условиях для желающих переселиться в другие районы страны для работы в промышленности и сельском хозяйстве. Такая форма вербовки рабочей силы обычна и проводится во многих областях и городах СССР, и нужно иметь много злопыхательской фантазии, чтобы выдать ее за выселение целого народа. Вопрос о «систематическом выселении» молдаван из Молдавии делается предметом «ученых» исследований. С серьезным видом ведутся подсчеты числа молдаван, «высланных из Молдавии» (спорят о 300 или 500 тыс. человек). Подсчитывалось даже, через сколько лет в Молдавии совсем не останется молдаван⁶⁵. Внутренняя мысль, будто целью этой политики Советского правительства является «дать понять, что в Бессарабии больше нет никаких молдаван», и т. д., и т. п.⁶⁶.

Советская власть, как власть трудового народа, кровно заинтересована в максимальном развитии и расцвете каждой нации, ибо от этого в конечном счете зависит сила и крепость всего Советского государства. Национальная политика Советского государства привела молдавский народ к экономическому и культурному подъему, способствовала росту его численности. Утверждения относительно сокращения числа молдаван в республике легко опровергаются статистическими данными. В докладе о проекте Конституции МССР на I сессии Верховного Совета Молдавской ССР в феврале 1941 г. сообщалось, что на территории республики проживало 1 825 тыс. молдаван, а, согласно переписи 1959 г., количество молдаван в республике выросло до 1 886 тысяч⁶⁷. Таким образом, число молдаван за эти годы, несмотря на то, что Великая Отечественная война унесла много жизней, увеличилось более чем на 61 тысячу. Кстати, данные переписи 1959 г. позволяют в известной степени судить о миграции местного населения в целинные районы и в другие области СССР, что Д. Наку и другие выдают за выселение. Миграция населения внутри государства присуща любому современному обществу. Разумеется, она имеет место и в нашей стране. Грандиозное строительство в промышленности, возведение гигантских гидроэлектростанций, освоение целинных земель и другие свершения советского народа требуют рабочих рук, зовут энтузиастов, романтиков-первооткрывателей, которые есть в каждой республике, в том числе и в Молдавской ССР. Не случайно поэтому, что в Казахстане, где в послевоенные годы ведется большое промышленное строительство, проживают наряду с казахами русские и украинцы, белорусы и азербайджанцы, люди других национальностей, в том числе и 14,8 тыс. молдаван⁶⁸. Молдавский народ по праву гордится тем, что его посланцы вместе с представителями других республик сооружали такие промышленные гиганты, как металлургический комбинат в Темиртау, Кзыл-Ордынский целлюлозно-бумажный, Карагандинский цементно-шиферный, Соколово-Сарбайский рудный комбинаты, Карагандинскую ГРЭС и другие. Свой вклад трудящиеся Молдавии внесли и в освоение целинных земель. Только буржуазные националисты могут превращать это историческое явление — предмет гордости народа — в объект сожалений и нападок.

Успехи Молдавии в экономике и развитии национальной культуры за годы Советской власти разительны, и в этой области идеологам буржуазии трудно выступать с ясными и определенными суждениями.

⁶⁵ D. N. Socu. *Du Kolkhoze au sovkhoeze*. P. 1958, pp. 91—93; A. Suga. *Op. cit.*, S. 100—103, 112; «Aspects», p. 209.

⁶⁶ «Aspects», p. 209. Падкая на сенсацию буржуазная пресса не могла пройти мимо этих «научных открытий». В разное время фальшивка о массовых депортациях появлялась на страницах «The Guardian» (28.V.1962), «Journal de Genève» (7.V.1965), «Figaro» (2.III.1965) и др.

⁶⁷ «Первая сессия Верховного Совета Молдавской ССР». Кишинев. 1941, стр. 208; «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Молдавская ССР». М. 1962, стр. 90.

⁶⁸ «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М. 1962, стр. 210.

Поэтому некоторые из них предпочитают не затрагивать этот сюжет вообще или же пишут о нем весьма туманно. В. Коларц, например, не вдаваясь в детали, заявляет, что «экономическая значимость Советской Молдавии равным образом ничтожна», ее «промышленная активность слаба», что «было сделано мало попыток построить тяжелую индустрию» в Молдавии⁶⁹. Другие же авторы смело бросаются в бой, не стесняя себя средствами. Так, М. Корня, один из авторов упомянутых «Aspects», выдвигая тезис о «слабости экономики МССР», пишет, что темпы индустриального развития Молдавии ниже общесоюзных⁷⁰. Для доказательства этого он берет официальные советские статистические сведения и делает весьма произвольные сравнения. Например, он приводит средние данные на душу населения по добыче нефти, угля и производству некоторых других видов промышленной продукции в СССР, а затем сравнивает их с таковыми по Молдавской ССР. В результате таких сравнений М. Корня делает «открытия»: он находит дефицит в Молдавии по производству на душу населения тех видов промышленной продукции, которые в действительности не производятся в МССР, как, например, нефть, уголь и т. д., ибо здесь их запасы не обнаружены.

Общеизвестно, что до Советской власти экономика Молдавии носила почти исключительно сельскохозяйственный характер. Удельный вес промышленности, специализировавшейся главным образом на переработке сельскохозяйственного сырья, был весьма невелик, промышленные предприятия оставались кустарными или полукустарными. За годы Советской власти Молдавская АССР сделала первые шаги по пути индустриализации. Здесь были построены крупные по тому времени консервные, винодельческие и другие заводы. В 1939 г. продукция 343 промышленных предприятий и кооперативных объединений Молдавии превышала уровень 1913 г. более чем в 33 раза. В эти же годы Бессарабия, находившаяся под пятой румынской королевской оккупации, переживала тяжелый застой, деградацию. Румынский экономист Н. Аркадиан писал, что Бессарабия «все больше приобретала земледельческий характер в результате снижения ее промышленного уровня»⁷¹.

После восстановления в 1940 г. Советской власти в Бессарабии направление развития промышленности, как и всего народного хозяйства, изменилось здесь коренным образом. За короткий срок в республике были построены сотни новых современных предприятий — пищевой, легкой, металлообрабатывающей и других отраслей промышленности. Промышленность Молдавии в послевоенные годы развивалась темпами, которые превышают общесоюзные. Так, в 1940—1968 гг. объем промышленной продукции в целом по Советскому Союзу возрос в 10,2 раза, а по Молдавской ССР — в 21,5 раза⁷². Возросла роль промышленности Молдавской ССР в общесоюзном производстве. Среди союзных республик по производству виноградного вина, сахара-песка и консервов Молдавия занимает третье, а растительного масла — четвертое место. Принципиальное значение имеет то, что наряду с промышленностью, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, здесь начали развиваться новые отрасли. До 1940 г. старая Бессарабия ввозила даже гвозди, серпы, пуговицы. Сегодняшняя Советская Молдавия, о слабости развития экономики которой говорят буржуазные фальсификаторы, экспортирует на мировой рынок более 100 наименований промышленной продукции, в том числе точильно-шлифовальные станки, насосы, автоприцепы, осциллографы, дефектоскопы, электродвигатели, стиральные машины, цемент и др. Изделия, изготовленные руками трудящихся Молдавии, вывозят-

⁶⁹ W. Kolarz. Op. cit., p. 151.

⁷⁰ «Aspects», pp. 260, 261.

⁷¹ N. Arcadian. Industrializarea României. București. 1936, p. 236.

⁷² См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». М. 1969, стр. 188.

ся более чем в 50 стран мира. Все эти факты свидетельствуют не в пользу вышеупомянутых высказываний из «сочинений» зарубежных авторов.

Изучение истории социалистической реконструкции сельского хозяйства СССР буржуазные авторы зачастую сводят к одному только вопросу об экономической политике по отношению к кулачеству, к его экспроприации. Они не хотят видеть сущности социально-экономической революции в молдавской деревне, того, чем была для нее коллективизация. Свое внимание они концентрируют на поисках разрушительных последствий коллективизации для Молдавии. Они пытаются доказать, что «урожай в МССР снизился по сравнению с 1940 г. и медленно возрастал в сравнении с 1950 г.»⁷³. Для выяснения истины вновь обратимся к фактам. Не секрет, что становление социалистических производственных отношений в деревне после установления диктатуры пролетариата является сложным и многогранным процессом, в ходе которого преодолеваются многие трудности. Из исследований советских, в том числе молдавских, историков известно, что Советское государство, приступая к переустройству деревни на социалистических началах, проводило большую работу по созданию необходимых материально-технических и других условий для коллективизации крестьянских хозяйств⁷⁴. Партия и государство всемерно помогали кооперированному крестьянству в укреплении артелей и т. п. Крупные коллективные хозяйства, которые были созданы в Молдавии в ходе коллективизации, имеют неоспоримые преимущества перед мелкими единоличными. В колхозах намного экономичнее применять современную сельскохозяйственную технику, передовую агробиологическую науку, легче получать высокие урожаи. За годы коллективизации количество современных сельскохозяйственных машин, обслуживающих колхозы МССР, резко возросло: тракторов — с 8,4 тыс. в 1950 г. до 57 тыс. в 1968 г., комбайнов — с 805 до 3 400 и т. д.⁷⁵ (заметим, что в последние годы румынской оккупации в правобережных районах Молдавии насчитывалось всего лишь 119 тракторов, принадлежавших помещикам). За годы, прошедшие после коллективизации, в сельское хозяйство Молдавии были направлены тысячи специалистов высшей и средней квалификации. Все это создавало объективные условия для роста производительности труда в колхозах, которая в 1955 г. составляла 154%, в 1960 г. — 190%, в 1962 г. — 219% от уровня 1950 года⁷⁶. Что же касается урожайности, то после коллективизации она стала выше, чем до нее. Так, средняя урожайность зерновых за пять лет, предшествовавших 1940 г., равнялась 8,9 ц с га, а после коллективизации, в 1951—1955 гг. — 11,9, в 1956—1960 гг. — 17,9 ц, в 1961—1965 гг. — 21,8 ц с гектара⁷⁷. Таковы факты о «падении урожайности» зерновых культур в Молдавии, о чем пишут вышеупомянутые буржуазные историки.

⁷³ Н. Neubauer. Zur inneren Geschichte der Sowjetunion. Neue Sowjetische Literatur (1958—1959). «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1961. Juni, Bd. 9, Heft I, S. 123; N. Jasný. The Soviet 1956 Statistical Handbook: a Commentary. The Michigan State University Press. East Lansing. 1957, pp. 110, 111.

⁷⁴ М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954; В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации в СССР. М. 1957. С. Афтенюк, К. Стратиевский, В. Царанов. Осуществление ленинского кооперативного плана в молдавской деревне. Кишинев. 1963; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении кооперативного плана. М. 1967.

⁷⁵ «Народное хозяйство Молдавской ССР». Статистический сборник. Кишинев. 1957, стр. 110; «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». Статистический сборник. М. 1969, стр. 416, 417.

⁷⁶ «Народное хозяйство МолдССР в 1962 г.». Статистический сборник. Кишинев. 1963, стр. 89.

⁷⁷ Там же, стр. 112, 115; «Архив ЦСУ МолдССР. Краткий статистический справочник народного хозяйства и культурного строительства МССР», стр. 33, табл. 11.

На такой же основе построены и рассуждения об упадке и деградации национальной культуры в Молдавии. Молдавский народ может по праву гордиться своей культурой. Народное образование, наука, искусство стали достоянием масс. Достижения в этой области может отрицать лишь тот, кто никогда в Молдавии не бывал, или тот, кто не желает видеть очевидного. И все же об этом пишут. Например, авторы «Aspects», произвольно используя советскую официальную статистику, сокрушаются по поводу якобы сокращения выпуска книг на молдавском языке. Данные же за весь период дают картину роста числа изданных в Молдавии книг и их тиража⁷⁸. «Упадок высшего образования в МССР» они «доказывают» тем, что удельный вес студентов по отношению ко всему населению в Молдавской ССР ниже, чем в среднем по СССР⁷⁹. При этом умалчивается, что еще четверть века назад высших учебных заведений в правобережной Молдавии не было вообще (за исключением двух небольших — агрономического и богословского — факультетов) и что темпы роста числа студентов после 1944 г. здесь выше средних по СССР. В наши дни в Молдавской ССР на 10 тыс. человек населения приходится студентов больше, чем в любой европейской капиталистической стране⁸⁰. В самой молодой в стране Академии наук Молдавской ССР в 60 научно-исследовательских учреждениях, в вузах республики ведут плодотворную научно-исследовательскую работу 17 академиков, 20 членов-корреспондентов АН МССР и более 5 тыс. докторов и кандидатов наук.

Знакомство с литературой по истории Молдавской ССР, издаваемой буржуазными авторами, убеждает в ее идейной бедности. История Молдавии до социалистической революции освещается с расистских или крайне националистических, антисоветских позиций. Авторы этих работ являются эпигонами националистических и расистских теорий. Они не занимаются подлинным исследованием истории революционной борьбы в Бессарабии против румынской оккупации и историей социалистической революции в Молдавии, а пытаются под видом исследователей вести политическую борьбу против СССР, очернить идеи коммунизма, вбить клин в братские отношения между народами нашей страны, между странами социалистического содружества. Для выполнения этой задачи они прибегают либо к прямой фальсификации фактов, либо к замалчиванию их. В работах историков-марксистов убедительно разоблачаются измышления буржуазных фальсификаторов, вскрывается их антинаучность и реакционность. Фальсификаторы истории Молдавии, активизирующие свои идеологические диверсии, обречены на неминуемый провал.

⁷⁸ «Советская Молдавия к 50-летию Великого Октября». Кишинев. 1967, стр. 192.

⁷⁹ «Aspects», р. 266.

⁸⁰ «Советская Молдавия к 50-летию Великого Октября», стр. 182.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА КАМЧАТКЕ

А. В. Лепетюк

Созидание новой, социалистической культуры как одна из закономерностей перехода от капитализма к социализму представляет собой важную проблему советской историографии. Поэтому понятен постоянный интерес историков к вопросам культурной революции в СССР. В последние годы эти вопросы стали предметом коллективного обсуждения ученых¹, углубленной монографической разработки. И все же до сих пор имеются районы страны, слабо изученные в этом отношении. К их числу относится и Камчатка.

Культурное строительство на Камчатке с ее в прошлом крайне отсталым населением представляло особую трудность. Некоторые сведения о нем, к сожалению, довольно общие и краткие, содержатся в опубликованных работах². Однако специально эта тема в литературе еще не рассматривалась. Между тем культурное развитие Камчатки отмечено значительным своеобразием, а глубина и масштабы происшедших здесь перемен заслуживают большего внимания советских историков. Изучение этого развития представляет научный интерес и с точки зрения исследования основных процессов культурного строительства по стране в целом. Попытка показать происшедшие за годы Советской власти решающие изменения в культурной жизни на самой далекой окраине нашей Родины предпринимается в настоящей статье.

Камчатка была одной из самых отсталых окраин царской России. Более двух столетий ее богатства расхищались частными предпринимательскими фирмами, в том числе иностранными, японскими и американскими, а население, обреченное на жалкое существование, вымирало. Рассуждениями о «нерадивости и неприспособленности к труду аборигенов» царские чиновники обосновывали бесполезность затрат средств на их просвещение. По данным переписи 1897 г., на Камчатке было всего 50 человек грамотных³. В начале XX в. на полуострове действовало несколько миссионерских начальных школ «для инородцев». Отношение к ним было настороженным: население видело в них попытку русских властей навязать свои обычаи, религию. Темнота и невежество были уделом местных жителей вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Широкое культурное строительство на Камчатке началось значительно позднее, чем в центре страны, в связи с особыми условиями,

¹ «Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг.». М. 1967; В. Т. Ермаков. О содержании и хронологических рамках культурной революции в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 10; В. А. Куманев. Некоторые проблемы изучения культурной революции в СССР. «Вопросы истории», 1967, № 12.

² «Дальний Восток за 40 лет». Комсомольск-на-Амуре. 1958; Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР 1917—1953 гг. Магадан. 1961; «Вопросы истории партийных организаций Дальнего Востока», Хабаровск. 1968; «Возрожденные народности». Владивосток. 1968 и др.

³ Б. Н. Герцберг. Красная яранга. Хабаровск. 1955, стр. 3.

в которых оказался полуостров в годы гражданской войны. Но и в период борьбы за власть Советов (декабрь 1917 — ноябрь 1922 г.) первый на северо-востоке страны Совет рабочих и солдатских депутатов г. Петропавловска, а затем Камчатский областной военно-революционный комитет, который в январе 1920 г., после разгрома колчаковских банд, стал единственным органом власти, уделяли внимание культурной работе среди населения. При Народном Доме по инициативе коммунистов была открыта первая публичная библиотека-читальня, для коренных жителей были организованы первые школы⁴. В январе 1920 г. по инициативе жителей Петропавловска, в основном учителей-общественников, было создано культурно-просветительное общество «Просвещение». В специальной анкете общество сообщало, что его цель — войти в «непосредственное общение с народом, чтобы... дать ему возможность... научиться тому, что еще неизвестно... проявить свои способности... познакомиться с историей и этнографией родной Камчатки, ...внести в народные массы понятие о красоте и идеалах жизни, развить стремление к усовершенствованию»⁵. Десять секций общества (общеполитическая, литературная, историческая, музыкальная и др.) при материальной помощи ВРК и граждан города развернули разнообразную работу. Следует отметить организацию народных образовательных курсов в объеме гимназии и постановку спектаклей по пьесам Пушкина, Островского, Горького⁶. Параллельно с этой организацией действовал «Петропавловский кружок молодежи», в который входило 30 человек⁷.

Остро ощущалась потребность в образованных людях. В телеграмме В. И. Ленину 21 марта 1921 г. председатель Камчатского облнарревкома И. Е. Ларин, характеризуя обстановку на Камчатке, писал: «Политическая и культурная жизнь мертва, население малокультурно за неимением школ... Нужны кадры интеллигентных работников, инструкторов по всем вопросам... Во всей области имеется 1 юрист, 4 человека с техническими познаниями, 2 врача»⁸. Петропавловский уездный съезд Советов (март — апрель 1920 г.), а затем III Камчатский областной съезд представителей населения (октябрь 1920 г.) призвали к созданию единой трудовой социалистической школы для политического и культурного просвещения взрослого населения. Первые культурные начинания на Камчатке были недолговечны, но они способствовали пробуждению стремления населения к строительству новой, культурной жизни.

С утверждением в ноябре 1922 г. Советской власти на Камчатке были созданы необходимые политические предпосылки для широкого социалистического, в том числе культурного, строительства. С образованием Камчатской губернии в составе Дальневосточной области с декабря 1922 г. начал действовать Камчатский губревком РКП(б) во главе с В. М. Кручиной. На плечи малочисленной группы коммунистов (в Петропавловской уездной организации РКП(б) состояло 10 членов и около 15—20 кандидатов в члены партии)⁹ легла вся ответственность за укрепление Советской власти среди отсталого населения и широкое национально-культурное строительство. Условия работы были трудными: население малочисленно, крайне разбросано¹⁰, весь уклад его жизни был

⁴ «Первый Совдеп». Документы и материалы о Петропавловском Совете рабочих и солдатских депутатов. Петропавловск-Камчатский. 1967, стр. 5.

⁵ Государственный архив Камчатской области (ГАКО), ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 19.

⁶ «Известия Камчатского областного Совета Трудового народа», № 74, 15.IV.1920.

⁷ «Полярная Звезда» — орган Камчатского губбюро РКП(б), 1.VII.1923.

⁸ «За власть Советов, 1920—1922 гг. (Из истории установления Советской власти в Камчатской области)». Документы и материалы. Владивосток. 1967, стр. 81.

⁹ Партийный архив Камчатского обкома КПСС (ПАКО), ф. 19, оп. 1, д. 6, л. 18.

¹⁰ Численность населения Камчатской губернии, в основном кочевого, составляла в 1923 г. немногим более 30 тыс. чел., а его плотность — 0,3 чел. на квадратную версту (ПАКО, ф. 19, оп. 1, д. 6, лл. 12, 14).

примитивным. Камчатка тысячами верст была оторвана от промышленных и культурных центров страны, внутри полуострова населенные пункты были разобщены, с некоторыми из них связь была возможна один раз в год.

Ряды партийной организации на Камчатке росли довольно быстро: к 1 ноября 1924 г. в 8 партиячках было уже 78 членов и 32 кандидата в члены партии, партиячки возникли в Усть-Камчатске, Усть-Большерецке, на Чукотке и острове Беринга¹¹. Но и этих сил было недостаточно. В этих условиях важную роль должно было сыграть политическое просвещение взрослого населения. К коммунистам и комсомольцам, стремившимся овладеть политграмотой, присоединились и беспартийные массы Петропавловска.

Специфические условия Камчатки требовали таких организационных форм культурно-просветительной работы, которые бы учитывали разнообразие этнических групп населения губернии, были бы им понятны и достаточно дешевы для местного бюджета. Так возникли «мягкие» избы-читальни (то есть содержащиеся лишь частично по местному бюджету), типичные для большинства камчатских селений, и красные уголки для населенных пунктов с числом дворов менее десяти. Они обслуживали население, говорившее на русском языке. «Красные яранги» и передвижные палатки-читальни зарекомендовали себя как наиболее доступные формы работы среди местного населения.

Одновременно и в тесной связи с другими районами Дальнего Востока на Камчатке проводились расширение и реорганизация школьной сети, начатые еще в годы становления Советской власти. Состояние дела народного образования в Камчатской губернии было тяжелым. Школы часто прекращали работу из-за нехватки учителей. Так, в мае 1923 г. из 59 школ функционировало только 29¹². Не хватало помещений, которые можно было бы приспособить для занятий, почти не было учебников, бумаги и других принадлежностей. Школьная сеть обслуживала исключительно оседлое население. По охвату школами детей Камчатский округ занимал последнее место в Дальневосточном крае. В 1926—1927 гг. на 1 тыс. детей в школах первой ступени здесь обучалось в среднем 80 чел., в округе — 44 человека¹³. Между тем для развития хозяйственной жизни на полуострове требовались грамотные и культурные люди, хорошо знающие местные условия. В соответствии с этими задачами и строилась камчатская школа. В короткий срок дело народного образования получило заметное развитие: если в 1923/24 учебном году на Камчатке было 38 школ с 1 120 учащихся, то в 1925/26 учебном году школ стало 54, а учащихся — 1 563 человека. Вместе с расширением сети школ увеличивались расходы на народное образование. В расчете на душу населения они выросли с 3 руб. 12 коп. в 1923/24 г. до 6 руб. 95 коп. в 1926/27 году¹⁴. Кадры работников просвещения пополнились учителями, приехавшими с материка. Всего на Камчатке в 1925/26 учебном году трудилось 85 учителей, из них 28 человек имели специальное педагогическое, 2 — высшее, 41 — среднее и 14 — незаконченное среднее образование¹⁵.

Особое значение на Камчатке имело обучение детей коренного населения. Приехавшие с материка учителя, незнакомые с местным языком и обычаями, часто менялись. Отсталое население (особенно кочевое)

¹¹ Н. А. Жихарев. Указ. соч., стр. 121.

¹² ПАКО, ф. 19, оп. 1, д. 26, л. 75.

¹³ «Отчет Камчатского окружного революционного Комитета (ОРК) I Камчатскому съезду Советов». Петропавловск-Камчатский. 1928, стр. 159. (Камчатский округ, образованный в 1926 г., входил в Дальневосточный край. В 1932 г. округ был преобразован в область ДВК).

¹⁴ «Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925/26 год». Приложение 1. Хабаровск. 1927, стр. 12.

¹⁵ ПАКО, ф. 19, оп. 1, д. 81, л. 25.

не сразу освобождалось от недоверчивого, а то и враждебного отношения к школе, выступало против обучения детей. Этому способствовала агитация местных богатеев и шаманов, пытавшихся дискредитировать советскую школу. Учителям, партийным и советским органам приходилось вести большую разъяснительную работу среди родителей, убеждая их отдать детей в школу.

В условиях разбросанности карликовых селений по необъятным просторам тайги и тундры, при почти полном отсутствии средств связи обычные школы были непригодны. Малые народности Северо-Востока нуждались в такой школе, которая, не ломая, по возможности, привычного уклада жизни детей, не отрывая их от трудовой и промысловой деятельности, облегчила бы борьбу с суровой природой Севера, привила культурные навыки в хозяйстве и быту, вооружила техническим опытом, помогла воспринять достижения материальной и духовной культуры. Это определило своеобразие форм школьного строительства в национальных районах: однокомплектные и двухкомплектные школы-передвижки, обслуживавшие села с числом жителей 150—100 чел., и школы-интернаты, где обучались дети, съезжавшиеся из самых глухих и малонаселенных мест. В 1928 г. в 18 национальных школах обучалось 90 детей ительменов, 220 — коряков, 60 — алеутов, 60 — чукчей¹⁶. Почти во всех национальных школах детям предоставлялся завтрак, а в некоторых — одежда и белье. Большое внимание уделялось санитарно-гигиенической работе и борьбе с социальными болезнями.

Большую помощь местным партийным и советским органам в руководстве социалистическим строительством оказывали Коммунистическая партия и Советское правительство. С организацией в 1924 г. при ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) работа по культурному строительству на Камчатке стала более координированной. По инициативе Комитета Севера в Камчатском округе за период 1927—1930 гг. было открыто три культбазы: Корякская, Чукотская и Эвенская. Как и везде на Севере, они представляли собой сложный комплекс, куда входили школы с интернатами и учебными мастерскими, больницы, зооветпункты, радиостанции, бани и другие. Организация культбаз позволила распространить на национальные районы и работу по ликвидации неграмотности, которая на юге полуострова началась уже в 1923 году. Неграмотность населения составляла здесь 90%¹⁷. Уже в 1924—1926 гг. кампания по ликвидации неграмотности стала принимать широкий общественный размах. Празднование 1 Мая 1924 г. прошло в Петропавловске под лозунгами: «1 Мая 1924 года — начало наступления на фронте неграмотности среди трудящихся Камчатки!», «Неграмотность — резерв контрреволюции», «Трудящиеся Камчатки объявляют беспощадную борьбу наследию царизма — безграмотности!»¹⁸. Губревком сообщал, что каждое селение, насчитывавшее даже 10—15 дворов, считало первым делом приобрести и оборудовать здание школы, независимо от того, будет ли к ним прислан учитель. Собрание граждан села Пенжино 13 декабря 1924 г., например, так обосновало свою просьбу к Гижигинскому уревкому организовать в их селе ликпункт и школу для малограмотных: «В настоящее время в Советской России идет успешная борьба с неграмотностью, и нам желательно, чтоб у нас тоже не было бы неграмотных на нашей дальней глухой окраине»¹⁹. В результате принятых мер, несмотря на большие трудности в организации работы по ликбезу на юге округа, грамоте было обучено более тысячи, а на севере — около ста человек²⁰. Особая заслуга

¹⁶ «Отчет Камчатского ОРК I Камчатскому съезду Советов», стр. 160.

¹⁷ ПАКО, ф. 19, оп. 1, д. 100, л. 84.

¹⁸ ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ф. р—2333, оп. 1, д. 144, л. 70.

¹⁹ Там же, ф. р—2323, оп. 1, д. 38, л. 24.

²⁰ «Отчет Камчатского ОРК I Камчатскому съезду Советов», стр. 165.

в этом принадлежала учителям, которые, обучая детей, налаживали в то же время работу ликпунктов и школ малограмотных, изб-читален и красных уголков для взрослых.

Для подъема общественной активности населения Камчатки немало сделала газета «Полярная Звезда» — орган Камчатского окружкома партии. К 1928 г. она накопила уже 10-летний опыт работы. В трех районах начали работать первые кинопередвижки, получило развитие библиотечное дело. Таким образом, было положено начало широкому культурному строительству на Камчатке: расширена и реорганизована школьная сеть, развернулась работа по политическому просвещению и ликвидации неграмотности взрослого населения, создана сеть культурно-просветительных учреждений.

Хозяйственное и культурное строительство на Камчатке в 30-е годы шло значительно возросшими темпами. Уже в 1932 г. рыбная промышленность края давала 10% всей рыбопродукции СССР²¹. Вошли в строй первенцы камчатской индустрии: судоремонтная верфь и жестяно-баночная фабрика. Самостоятельное значение приобретали лесная промышленность, морской, речной, автомобильный, а затем и авиационный транспорт. В 1929 г. на Камчатке началась коллективизация сельского хозяйства, получившая широкий размах в 1931—1933 годах. Приток населения на Камчатку и появление собственного рабочего класса и кооперированного крестьянства были естественным следствием ее хозяйственного развития²². Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. на территории Камчатки были образованы Корякский, Чукотский и Эвенский национальные округа. Впервые в истории малые народности Камчатки получили свое самоопределение, что стимулировало их культурное развитие.

Возросшую потребность в кадрах специалистов помогали удовлетворять Дальневосточный туземный техникум и созданный в 1930 г. Институт народов Севера в Ленинграде. Однако всей проблемы с их помощью решить было нельзя. Нужны были учебные заведения на месте. В этот период были созданы Петропавловское, Тигильское и Анадырское педучилища, Петропавловская фельдшерская школа, зооветтехникум и колхозная школа. В 1938 г. при Корякской (Пенжинской) культурной базе была открыта областная политпросветшкола. Все они стали кузницей кадров партийных, советских, медицинских работников, учителей и работников сельского хозяйства. Успехи в подготовке национальных кадров на местах свидетельствовали о больших достижениях в культурном строительстве на Камчатке.

Выполняя решения XVI съезда ВКП(б), Камчатская партийная организация выдвинула в качестве ударной задачи проведение всеобщего ликвидацию неграмотности. Рост ассигнований на школьное строительство и содержание интернатов, посылка учителей на работу в районы области с материка позволили резко расширять год от года школьную сеть. В 1939/40 учебном году в области работало 213 школ, в которых обучалось 14 669 детей, а в 1940/41 учебном году в 240 школах обучалось уже 16 746 детей²³. Процент охвата всеобщим обучением вырос за один учебный год с 93 до 95,8²⁴. Если в целом по стране предполагалось провести всеобщее обучение к 1930—1931 гг., то для некоторых районов, в том числе для Камчатки, допускалось отступление от этих сроков. Рекомендации Президиума ЦИК и СНК СССР учитывали особенности проведения этой работы в национальных районах. Но, несмотря на трудности, строитель-

²¹ М. А. Сергеев. Камчатский край. Москва. 1932, стр. 43.

²² В 1934 г. население Камчатки увеличилось по сравнению с 1927 г. в 1,5 раза и составило 160,6 тыс. человек. М. А. Сергеев. Народное хозяйство Камчатского края. М.—Л. 1936, стр. 156.

²³ ГАКО, ф. 138, оп. 1, д. 26, л. 2; «Камчатская правда», 10.1.1940.

²⁴ ГАКО, ф. 138, оп. 1, д. 26, л. 3.

ство школ расширялось и здесь. В 1932/33 учебном году в Чукотском национальном округе было 29 школ, в 1933/34 — их стало 37, в Корякском округе соответственно — 35 и 41²⁵. Учителя национальных школ снабжались методической литературой, им предоставлялись материальные льготы и другие преимущества. Роль школы как культурного центра, как проводника советского влияния на население постоянно возрастала.

Большое значение в культурной работе имело создание национальной письменности. Первый букварь на корякском языке составили в 1930 г. учителя Корякской культбазы А. Н. Богданов, Н. М. Коваленко и И. В. Лонгинов. С тех пор письменность на языках народов Севера претерпела большие изменения, с латинской она была переведена на русскую основу. Тем самым восприятие ительменами, коряками, алеутами, чукчами, эвенками русского языка, к которому они тянулись, и приобщение их к культурным богатствам великого русского народа были облегчены. С 1932 г. в начальных и повышенных школах области было введено обучение грамоте на родном языке.

Создание национальной письменности вызвало массовую тягу взрослого населения к образованию, тем самым способствуя решению еще одной ключевой задачи культурной революции в предвоенные годы — ликвидации неграмотности. Если в 1931—1932 гг. в северных районах области действовало 20 пунктов ликбеза, а ликбез-школы окончили 144 чел., то в 1938—1939 гг. на всей территории Камчатки работало уже 90 школ и пунктов ликбеза (84 из них — национальные), а их окончили 1 729 чел.²⁶. Процент населения, умеющего читать на русском и корякском языках, в Корякском национальном округе увеличился в 1931—1937 гг. с 21,1 до 60%²⁷. В ходе ликвидации неграмотности выросли новые кадры учителей, которые шли в гущу населения, становились проводниками социалистической культуры. В целом по области на работе по ликвидации неграмотности было занято 335 учителей и 445 культармейцев²⁸. На всю область прославились имена Юшиной — корячки из с. Тигиль, окончившей курсы ликбеза; комсомолки, учительницы из с. Карага Гуторовой, тоже дочери корякского народа; Кима Кирилла — разъездного учителя, обучавшего охотников в тундре Олюторского района; комсомольца Бобрякова — заведующего почтовым отделением с. Пушино и др. В ряде районов области в 1940 г. появились села сплошной грамотности: Макарка, Пушино, Ганалы, Малка (Мильковского района); Ушки, Камаки, Кресты (Усть-Камчатского района); Воймполка, Седанка (Тигильского района); Зуйково, Опала, Ича (Больше-рецкого района); Уэль-Каль, Чаплино, Певек (Чукотка) и др.

Значительным достижением был выпуск первых подготовленных на Камчатке политпросветработников. Наряду с общим подъемом грамотности росла сеть библиотек, ставших центрами культпросветработы в области. С 1933 по 1940 г. число массовых библиотек возросло с 23 до 81, а количество книг в них увеличилось с 21 тыс. до 87 тыс. экземпляров²⁹.

Событием большой важности для Камчатки было создание в 1933 г. своего драматического театра. С первых дней его коллектив старался максимально сблизиться со зрителем. Творческая и общественно-политическая деятельность театра с самого начала была направлена на решение задач, стоявших перед трудящимися области. Радио, кино, печать, театр, библиотеки, клубы, избы-читальни и «красные яранги» — таковы разнообразные средства, служившие делу коммунистического воспитания трудящихся Камчатки.

²⁵ «Советский Север», № 3, 4, 1935, стр. 51.

²⁶ ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 11, лл. 33—34; д. 18, лл. 114, 116; д. 21, л. 105.

²⁷ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М. 1955, стр. 384.

²⁸ «Камчатская правда», 3, 5.I.1940.

²⁹ «Народное хозяйство Камчатской области». Статистический сборник. Хабаровск. 1966, стр. 120.

Огромным испытанием для всего советского народа была Великая Отечественная война. Свой вклад во всенародную борьбу против фашизма внесли и труженики Камчатской области, в том числе работники культурного фронта. Несмотря на трудности военного времени, неуклонно выполнялся закон о всеобуче. В 1944 г. он был выполнен полностью в 10 районах, а в целом по области 99,3% детей было охвачено всеобщим обязательным обучением³⁰.

Работники культуры принимали активное участие в хозяйственно-политических кампаниях, помогая трудящимся в выполнении государственных планов. Долиновская, Кирганикская, Пахача-Корякская избы-читальни и Паланский Дом культуры показали себя подлинными культурными центрами. Активно работал коллектив Камчатского областного краеведческого музея. К 1941 г. в музее был создан краеведческий актив. Экскурсии по военно-патриотической тематике, передвижные выставки, лекции в колхозах и рыболовецких бригадах — таковы были основные формы работы музея.

В годы войны в областном драматическом театре были поставлены спектакли, воспитывающие в зрителях любовь к Родине, показывающие героизм советских людей в тылу и на фронте, среди них — «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Партизаны в степях Украины» А. Корнейчука и др. Театр ставил спектакли, сбор от которых поступал в фонд помощи фронту. Продолжалась установившаяся с рождения театра традиция выездов артистов с гастрольями на Западное и Восточное побережья области. Эта деятельность коллектива была высоко оценена Камчатским обкомом партии. Дважды за годы войны Наркомат рыбной промышленности СССР отмечал творческую работу театра на путине. В дни боев против империалистической Японии на Курильских островах к коллективу пришла слава театра-бойца. Его фронтовая бригада выступала с концертами в госпиталях и на мобилизационных пунктах Камчатского оборонительного района и районов боев. Активным помощником партийных, советских, профсоюзных организаций области была печать, уже к началу войны представленная 2 областными, 2 окружными, 8 районными, 18 многотиражными газетами, каждая из которых опиралась на свой авторский актив.

В послевоенные годы трудящиеся Камчатки с еще большей активностью трудились на всех фронтах хозяйственного и культурного строительства. Дальнейшее развитие получило народное образование. К 1949 г. в области насчитывалось 377 школ, в которых обучалось 32 тыс. детей. Действовало 3 педучилища, 30 школ рабочей и сельской молодежи. С 1945 по 1949 г. число учителей в школах увеличилось до 455 человек³¹. В 1958 г. в области трудилось уже более 2 тыс. учителей. Качественный состав педагогических кадров год от года совершенствовался, например, только с 1953 по 1958 г. число учителей с высшим образованием утроилось³². Многие учителя трудились исключительно самоотверженно и плодотворно. С 1935 г. работала в школах области С. И. Яковлева. Ее стараниями в Петропавловской школе № 3 создан учебно-опытный участок, лучший в области. С 1934 г., более 20 лет, учительствовал в с. Соболево И. В. Лонгинов. Молодой камчадал прошел большой путь от ученика Паланской церковноприходской школы до заслуженного учителя школы РСФСР. Широко известны на Камчатке имена В. А. Целебровской из Петропавловска, Д. П. Правовой — директора Карагинской школы, А. С. Мазно из Пенжинского района, А. Г. Сопкина — директора Тигильской школы и др. Вместе с педагогами старшего поколения трудилась молодежь, перенимая их ценный опыт.

³⁰ ГАКО, ф. 138, оп. 1, д. 74, л. 31.

³¹ «Камчатская правда», 11.XI.1949.

³² «Камчатская правда», 5.VI.1958.

В 50-е годы в области сложилась широкая система общеобразовательной и производственно-технической подготовки молодежи, куда входили школы ФЗО, ремесленные училища, учебно-курсовые комбинаты, курсы и школы повышения квалификации, вечерние школы. Совершенствовалась и система подготовки национальных кадров. В мае 1948 г. состоялся первый выпуск учащихся в Корякской оленеводческой и Чукотской сельскохозяйственной окружных школах. К 1954 г. в колхозах и совхозах Корякского национального округа работало более 140 грамотных молодых зоотехников, ветфельдшеров, овощеводов, полеводов, счетоводов³³. В эти годы значительно растут государственные ассигнования на культурные нужды области: в 1954 г. они составляли 3 808 тыс. руб., в 1956 г. — 6 230 тыс. руб., в 1957 г. — 8 241 тыс. рублей³⁴.

Основной трудностью по-прежнему оставалась острая нехватка квалифицированных кадров культпросветработников. В 1949 г. в учреждениях культуры работал 321 человек, из них 4 чел. — с высшим образованием, 30 — со средним, остальные — с незаконченным средним и начальным образованием³⁵. В 1954 г. из 89 работников сельских клубных учреждений только 21 имел среднее образование, 43 — семилетнее, остальные — начальное³⁶. Однако работники культуры являлись активными помощниками партийных и советских организаций области. Их творческая работа помогала коммунистическому воспитанию трудящихся, всестороннему развитию народных талантов и дарований. Шире развернулась художественная самодеятельность. Прошедший в феврале 1956 г. первый областной смотр художественной самодеятельности народов Севера вылился в праздник национального искусства.

С вступлением СССР в период развернутого строительства коммунизма хозяйственное и культурное развитие Камчатки осуществляется темпами, каких область не знала раньше. В 1959—1965 гг. объем промышленной продукции увеличился в 1,9 раза, в том числе добыча рыбы — в 2 раза. Рыбная промышленность оснащалась новой техникой, расширялось активное морское рыболовство — основная отрасль хозяйства Камчатки. На Камчатке развивается многоотраслевое сельское хозяйство, которое теперь полностью удовлетворяет потребности населения области в продуктах питания. Объем сельскохозяйственной продукции за семилетие увеличился в 2,8 раза.

Успехи хозяйственного строительства были бы невозможны без непрерывного роста общеобразовательного и культурного уровня трудящихся области. В последние годы особенно возросла тяга населения к науке, литературе и искусству. И это результат деятельности работников культуры. На 1 000 жителей Камчатки приходится 1 700 различных печатных изданий. У трудящихся области 58 тыс. радиоточек, около 40 тыс. радиоприемников. С 1961 г. работает Петропавловск-Камчатская студия телевидения. Только за 1967 г. торгующими организациями продано 3 856 телевизоров³⁷. В области действуют около 450 кинотеатров и киноустановок. Все это создает благоприятные условия для развертывания идеологической и культурной работы.

Находится на подъеме камчатская школа. Ежегодно средние общеобразовательные школы оканчивают около 1,3 тыс. человек. В 1968/69 учебном году численность учащихся в начальных, восьмилетних и средних школах составила около 51 тыс. человек³⁸. Все большее развитие получают школы рабочей и сельской молодежи, созданные в стране в

³³ «Камчатская правда», 27.X.1954.

³⁴ «Камчатская правда», 30.V.1957.

³⁵ ГАКО, ф. 540, оп. 1, д. 1, л. 429.

³⁶ Там же, д. 4, л. 1.

³⁷ «Камчатская правда», 24.I.1968.

³⁸ «Камчатская правда», 24.I.1970.

годы войны. Таких школ в области в 1968/69 учебном году было 23, число учащихся в них составляло 4 018 человек.

Большую работу по подготовке кадров специалистов проводят профессионально-технические училища. Число учащихся в них за последние годы растет очень интенсивно. В 1950 г. их было 321, в 1958 г.—470, в 1965 г.—964, в 1967 г.—1 200 человек. Открылись двери новых школ для детей коренных национальностей Камчатки. Более 2,5 тыс. школьников Корякского национального округа, детей эвенков Быстринского и алеутов Алеутского районов находится на полном государственном обеспечении. В области 12 школ-интернатов с 3,3 тыс. учащихся³⁹.

До 1958 г. на Камчатке не было ни одного высшего учебного заведения. Число средних специальных учебных заведений было недостаточно, а круг специальностей, обучение которым было возможно,—весьма узок. В настоящее время в области действует 6 стационарных средних специальных учебных заведений (Петропавловские — медицинское, педагогическое, мореходное и музыкальное училища, торгово-кооперативный и рыбопромышленный техникумы). В 1958 г. был организован Камчатский государственный педагогический институт с дневным, вечерним и заочным отделениями. В 1968 г. открылось дневное отделение Камчатского филиала Дальневосточного института рыбного хозяйства (Дальрыбвтуза). Число студентов быстро растет. Если в 1964/65 учебном году их было 5,3 тыс., то в 1966/67 году — 6,4 тыс. человек⁴⁰.

Успешно развивается заочное обучение. Камчатский филиал Дальрыбвтуза, организованный в 1960 году, превратился в кузницу инженерно-технических кадров для рыбной промышленности Камчатки. В 1963 г. на Камчатке был открыт учебно-консультационный пункт Всесоюзного юридического заочного института. Пополнилась система заочных средних специальных учебных заведений.

На Камчатке действуют и научные учреждения: Камчатское отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, Институт вулканологии Сибирского отделения Академии наук СССР, сельскохозяйственная опытная станция.

Успехи в подготовке собственных квалифицированных специалистов в настоящее время определяют развитие всех видов культурно-просветительной работы в области. Наряду с коллективом областного драматического театра на Камчатке плодотворно трудится коллектив областной филармонии. В условиях Камчатки особое значение приобретает деятельность различных местных художественных коллективов. В 1959 г. на базе самодеятельного коллектива Елизовского районного Дома культуры был организован первый в области народный театр. Его режиссером стал М. А. Дубов, а первыми артистами театра — рабочие Елизовского СМУ-4, учителя и др., всего 50 человек. За период с 1959 по 1964 г. театром сыграно 108 спектаклей, которые просмотрели 20 тыс. зрителей. На Всероссийском юбилейном смотре народных театров в 1967 г. театр занял первое место. Сегодня в области работает несколько народных театров, в том числе народный театр юного зрителя. Серьезным экзаменом для камчатских самодеятельных артистов был проведенный в 1967 г. в г. Хабаровске смотр художественной самодеятельности зоны Дальнего Востока. В 1967 г. родился первый корякский балет «Мэнго», давший имя национальному ансамблю. Его художественным руководителем стал А. Гиль. Рождение балета, несущего в себе идею борьбы в прошлом отсталого корякского народа за светлое будущее,— знаменательное событие в культурной жизни Камчатки. Десять лет существует Камчатское литературное объединение. За это время оно издало десятки сборников произведений камчатских литераторов. Имена В. Косыгина,

³⁹ «Камчатская правда», 24.1.1968.

⁴⁰ «Народное хозяйство Камчатской области», стр. 118.

Г. Поротова, В. Воскобойникова, А. Харитоновского, В. Воробьева, Р. Райгоредецкого, И. Корнева известны и за пределами области.

XXIII съезд КПСС выдвинул в качестве одной из первоочередных задачу дальнейшего повышения культуры села. На Камчатке это зачастую требует усиления культурной работы в селах с национальным или смешанным населением. Ведущей силой в этой работе являются представители интеллигенции: учителя, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства. По почину интеллигенции села Манилы, Пенжинского района, в 1958 г. в селах области (не только в национальных, но и с русским населением) начался поход за санитарную и общую культуру быта. Партийные и советские органы поддержали создание женсоветов, помогли в организации работы с местным населением. Обучая хозяек приготовлению пищи, уходу за детьми, шитью одежды, прививая вкус в убранстве жилья, женсоветы помогают местному населению отказаться от того, что держало его в плену старых представлений, способствуют внедрению нового быта. Широкое распространение в области получил опыт работы женсоветов сел Парень, Оклан и Манилы, Пенжинского района. Сложились и другие формы культурной работы на селе: спецгруппы по борьбе за здоровый быт, школы культуры быта и др. В корне изменился и внешний облик многих сел области. На смену тесным юртам и землянкам приходят удобные дома; в поселках, как правило, имеются больница, школа, магазин, столовая, баня и другие учреждения культурно-бытового назначения.

Партийные организации области активно поддерживают и направляют развитие общественных начал в культурном строительстве. Одним из ярких проявлений развития таких начал являются народные университеты. Университеты культуры, университеты для родителей, университеты технического прогресса, здоровья и др. завоевали популярность в области и уже накопили известный опыт. Практикуются выездные университеты для обслуживания рыбаков и оленеводов, отдаленных от районных центров. К работе университетов привлекаются артисты, преподаватели, инженеры и техники, медицинские, партийные и советские работники. Вечерние школы, работающие на общественных началах, общественные советы и правления при домах культуры и клубах, методические советы при библиотеках и книжных магазинах — все это характерные черты культурного развития Камчатки сегодня.

Массовая активность трудящихся Камчатки тесно связана с глубокими общественно-экономическими и политическими преобразованиями, входящими в жизнь больших и малых народностей нашей страны. Программа КПСС определяет современный период, период развернутого строительства коммунизма, как завершающий этап культурной революции. В ходе культурного развития на Камчатке предстоит решить еще немало важных задач. Решая их, трудящиеся Камчатской области в братской семье советского народа уверенно идут к новой, высшей ступени в культурном развитии человечества — культуре коммунизма.

ДОКУМЕНТЫ РАЗОБЛАЧАЮТ

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР)

К. А. Гафурова

Победа Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде и установление диктатуры пролетариата в центре России создали решающие условия для успешной борьбы рабочих и крестьян за власть Советов на местах. На окраинах и в национальных районах бывшей Российской империи трудовой народ снова поднялся на борьбу. Утром 28 октября гудок Главных железнодорожных мастерских в Ташкенте возвестил о начале восстания революционных рабочих и солдат, которых возглавили большевики. Несколько дней на улицах города шли ожесточенные бои. К утру 1 ноября сопротивление контрреволюции было сломлено и власть перешла в руки Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. Победа вооруженного восстания в Ташкенте, политическом центре Средней Азии, ускорила установление Советской власти во всем Туркестане¹.

15 ноября в Ташкенте открылся III Туркестанский краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На съезде присутствовало более ста делегатов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к фракциям большевиков и максималистов. Съезд избрал Краевой исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. Трудящиеся края приступали к слому старого, ненавистного буржуазно-помещичьего административного аппарата и к созданию новых, рабоче-крестьянских органов власти. В начале 1918 г. в Туркестане насчитывалось уже 65 Советов; 25 Советов рабочих депутатов, 20 — солдатских депутатов, 8 — рабочих и солдатских депутатов, 7 — крестьянских депутатов и 5 Советов мусульманских депутатов². К весне 1918 г. Советская власть была установлена на всей территории Средней Азии, за исключением Бухары и Хивы.

30 апреля 1918 г. V краевой съезд Советов рабочих, солдатских и дехканских депутатов утвердил Положение о Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республике. Территория прежнего Туркестанского края объявлялась Туркестанской Автономной Советской Республикой Российской Советской Федерации. Управляясь автономно, ТАССР координировала свои действия с центральным правительством РСФСР. Высшим законодательным органом республики был съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманско-дехканских депутатов; постоянным законодательным органом — Центральный исполнительный комитет Советов Туркестанской АССР.

¹ До Октябрьской революции территория Средней Азии была разделена на три части — Туркестанский край, Бухарский эмират, Хивинское ханство.

² Ш. З. Уразов. Туркестанская АССР — первое социалистическое государство в Средней Азии. М. 1961, стр. 40.

Исполнительные функции и управление республикой возлагались на Совет Народных Комиссаров, избираемый съездом Советов. Властью на местах стали Советы и их исполнительные комитеты³.

Под руководством Коммунистической партии и при братской помощи российского пролетариата трудящиеся Туркестана приступили к ликвидации феодальных пережитков и осуществлению первых социалистических преобразований. Еще в декабре 1917 г. Совнарком Туркестана принял декрет о национализации земли и оросительных систем. В начале 1918 г. были изданы декреты о конфискации запасов хлопка, находившихся в руках капиталистов и скупщиков, об обеспечении дехкан посевным материалом, в первую очередь семенами хлопка, национализации железных дорог, введении 8-часового рабочего дня и пр.

Победа Советской власти в Туркестане, осуществленные ею преобразования вызвали яростное сопротивление всех сил реакции, начиная с российских фабрикантов и заводчиков, русских кулаков и белых офицеров, колонизаторского чиновничества, всякого рода анархистов, эсеров, меньшевиков и кончая местными феодалами, реакционным духовенством, буржуазно-националистическими элементами. Следует также учесть, что Туркестан, Хива и Бухара занимали важное место в захватнических планах англо-франко-американских империалистов, стремившихся путем военной интервенции и экономической блокады удушить, по выражению Уинстона Черчилля, «большевизм в колыбели».

Частью общего плана внутренней контрреволюции и интервентов, направленного против Советской власти, было выступление атамана Оренбургского казачьего войска Дутова, который захватил 13 ноября 1917 г. Оренбург, отрезав Туркестан от Центральной России и поставив его тем самым в крайне тяжелое положение. Дутов вел наступление на Ташкент, Челябинск, Самару, стремясь свергнуть Советскую власть в Средней Азии, Казахстане, на Урале, в части Поволжья и намереваясь создать в этом районе помещичье-буржуазный «Юго-Восточный Российский Союз». Готовил поход против Советского Туркестана и бухарский эмир, собравший 70-тысячное войско. Под фальшивым лозунгом «защиты ислама от неверных» реакционные сепаратисты, туркестанская буржуазия и феодалы при прямой помощи империалистических держав, играя на националистических и религиозных предрассудках, подняли часть мелкобуржуазных слоев населения городов, кишлаков и аулов против Советской власти. Контрреволюционные, буржуазно-феодално-националистические элементы организовывали восстания, громили советские учреждения, убивали партийных и советских работников, сжигали продовольствие и сырье, запугивали трудящихся дехкан.

Местные реакционные, клерикальные, феодальные и буржуазные националистические организации и общества вроде «Иттихад ва теракки», «Шуро-и-ислам», «Улема» — агентура британского, французского, американского, германского империализма — вели активную борьбу против Советской власти. Торгово-ростовщическая буржуазия Туркестанского края стремилась использовать в своих интересах усилившиеся в период между февралем и октябрём 1917 г. пролетарское и крестьянское движения в Средней Азии. Для этого она провозглашала демагогические, реакционные, панисламистские, пантюркистские, пантуранистские лозунги, выступала под фальшивым флагом «общенационального» единства, клеветнически отождествляла рабочий класс и трудовое крестьянство России с царизмом, с колонизаторами — помещиками и буржуазией, угнетателями трудящихся всех народов России, в том числе и русского.

³ См. «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». Сборник документов и материалов. Т. I. Алма-Ата. 1963, стр. 25.

Краевой съезд представителей различных панисламистских и пантюркистских организаций, союзов и обществ, состоявшийся в Ташкенте в ноябре 1917 г., объявил, что «пути к самоопределению мусульман не могут быть иными, как только те, которые указаны в коране и шариате», то есть пути сохранения эксплуататорского строя⁴. Буржуазные националисты стремились отделить Туркестан, Хиву и Бухару от России и захватить здесь власть. Когда же их требования были отвергнуты трудящимися массами в лице III съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Туркестанского края, главари контрреволюционных националистов перебрались в Коканд, объявив «Кокандскую автономию» и создав там буржуазно-националистическое правительство. Это правительство стремилось не допустить конфискации земли и имущества феодалов и буржуазии. Идеологи буржуазно-националистической «Кокандской автономии» откровенно заявляли, что «автономия» создается для охраны интересов эксплуататорских классов — буржуазии, феодалов, всех богачей, для борьбы против рабочих и крестьян, против выразительницы и защитницы интересов трудового народа — Советской власти.

Для обороны Туркестанской республики от банд Дутова и разбойничьих набегов басмачей, для защиты социалистической революции и Советской власти повсеместно формировались красногвардейские рабочие отряды, а позднее велась запись добровольцев в Красную Армию. Во второй половине декабря 1917 г. начались военные операции красногвардейских отрядов против Дутова. Рабочие и крестьяне мужественно сражались против численно превосходивших их и хорошо вооруженных офицерских частей оренбургского казачества. В середине января 1918 г. красногвардейские отряды из Ташкента, Бузулука, Перовска, Самары совместными усилиями нанесли удар по войскам контрреволюционного атамана.

22 февраля рабочие и крестьяне, объединенные в отряды Красной гвардии, рабочей милиции и вооруженных дехкан, разбили вооруженные банды «Кокандской автономии», ликвидировав этот контрреволюционный буржуазно-феодальный и клерикально-националистический очаг. Однако положение Туркестанской Советской республики весной и летом 1918 г. оставалось тяжелым. В мае вспыхнули белоказачьи мятежи в Семиречье. Вскоре в Семиречье вторглись части чехословацкого корпуса и белогвардейцы. Туркестан был отрезан от Советской России со стороны Семиреченской области. Атаман Дутов, собрав новые силы, в июле 1918 г. опять захватил Оренбург. Связь Туркестана с центром через Оренбург и Сибирь прервалась. 12 июля произошел эсеро-меньшевистский переворот в Ашхабаде, где было образовано Закаспийское контрреволюционное правительство. В Ферганской области свирепствовали басмачи. Туркестанская Советская республика снова оказалась в кольце вражеских фронтов. Контрреволюция по соглашению с английскими империалистами планировала создать на месте Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики буржуазную Туркестанскую республику, которая «будет находиться под исключительным влиянием Англии и пользоваться такой же самостоятельностью, как африканские колонии Англии Трансвааль и Оранжевая»⁵. В радиোগрамме, посланной 15 июля 1918 г. В. И. Ленину, Туркестанский Совнарком сообщал: «Туркестанская республика во враждебных тисках. Фронты: Оренбург — Асхабад — Верный. Атмосфера накалена... Армия без снарядов и оружия... Положение катастрофическое... В Асхабаде восстание приняло грандиозные размеры. Захвачены военные склады, правительственные учреждения... прервано сообщение с Вер-

⁴ А. Х. Бабаходжаев. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1920 годы. Ташкент. 1955, стр. 40.

⁵ Цит. по: А. Х. Бабаходжаев. Указ. соч., стр. 75.

ным. Ташкент отрезан. В момент смертельной опасности жаждем слышать ваш голос. Ждем поддержки деньгами, оружием, снарядами и войсками»⁶. В тот же день ЦИК ТАСССР призвал трудящихся республики с оружием в руках встать на защиту социалистического Отечества. Большевики Туркестана провели большую работу по организации отпора врагу, строительству и укреплению вооруженных сил республики. В июле 1918 г. в Ташкенте были организованы 1-й и 2-й, а в Ферганской области — 3-й Туркестанские полки Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Усиленно формировались национальные красноармейские батальоны⁷.

В. И. Ленин, Коммунистическая партия, рабочий класс Советской России пришли на помощь трудящимся Туркестана. На Закаспийский фронт были посланы свежие пополнения — до 6 тыс. бойцов красноармейских частей, сформированных в центральных городах России. Местные партийные и советские органы широко проводили организаторскую, агитационно-пропагандистскую, политико-воспитательную работу, направленную на мобилизацию масс в защиту Советской власти, на решительный отпор контрреволюционерам. Пленарное заседание Самаркандского Совета, состоявшееся 25 июля 1918 г., постановило: «Принять резолюцию большевиков следующего содержания: асхабадская контрреволюция, учитывая затруднительное положение Туркестанской Советской Республики в связи с операциями чехословацких и белогвардейских банд под Оренбургом и на Сибирской магистрали, решила использовать момент, чтобы вонзить нож в спину туркестанского республиканского пролетариата. Для этой цели асхабадские контрреволюционеры мобилизовали все темные силы... Сознавая опасность разыгрывающихся в Закаспии событий, которые разрушают транспорт и лишают необходимого перевоза жидкого топлива и притока хлеба со стороны Кавказа, постановили: немедленно принять меры к использованию всех живых сил, поддерживающих Советскую власть, для чего энергично вести военную подготовку всех членов Совета, всех членов партии большевиков-коммунистов..., дабы была возможность в любой момент оказать вооруженное сопротивление контрреволюционным бандам гор. Асхабада, посягающим на Советскую власть, власть пролетариата — беднейших рабочих и крестьян... Приступить также к обучению всех членов профессиональных союзов... Вооружить для защиты Советской власти железнодорожный профессиональный союз мастеровых и рабочих»⁸.

Было организовано обучение рабочих и бедняков военному делу. Военный комиссар Красной гвардии Ташкента писал в приказе 25 июля 1918 г.: «Контрреволюционеры осмелели и снова вступили в активную борьбу с Советской властью. Отовсюду несутся вести о восстаниях белогвардейцев... Враг втайне надеется снова вернуться к буржуазному строю... Надо тесным строем сомкнуть штыки для защиты Советской власти. Надо показать всем противникам ее, что у Советской власти есть гвардия, на которую она может надежно опереться... Самым надежным элементом для гвардии Советского правительства являются рабочие, чьи интересы главным образом и защищает правительство. Поэтому, товарищи рабочие, идите учиться военному строю!»⁹.

Выступая на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 29 июля 1918 г., В. И. Ленин отмечал, что «часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 734, л. 71.

⁷ Ю. Н. Алескеров. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент. 1959, стр. 83—84.

⁸ Государственный архив Самаркандской области, ф. 74, оп. 1, д. 4, лл. 16—17.

⁹ Центральный государственный архив УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1170, л. 130.

подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию... Вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей республики. Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»¹⁰.

В конце июля национальные формирования Красной Армии (добровольческие дружины и отряды) вместе с ее регулярными частями нанесли под Чарджоу серьезный удар закаспийским контрреволюционерам. Противник был изгнан из Восточных Каракумов. Успешные операции проводились и на других фронтах. Ташкентский боевой отряд очистил Джаркентский уезд Семиречья от белоказацких банд. В начале августа в Семиречье был освобожден г. Копал. Части Красной Армии разбили группу белочехов, наступавших из-под Семипалатинска, и укрепились в Урджаре. Некоторые успехи были достигнуты и в борьбе с басмачеством¹¹. Империалисты Антанты, прежде всего Англия, убедились, что внутренняя контрреволюция, которой они оказывали помощь оружием и деньгами, не в состоянии свергнуть Советскую власть в Туркестане.

В августе английские империалисты начали открытую интервенцию в этом районе. Подразделения английских колониальных войск 12 августа вторглись в Закаспийскую область Туркестана. Вместе с тем английские империалисты продолжали активную антисоветскую подпольную деятельность, подготавливая внутри Советской республики мятежи, подстрекая белогвардейцев, казаков, басмачей, разного рода буржуазных националистов к выступлению против Советской власти.

Для руководства контрреволюционными силами в Туркестане военное министерство Англии направило в Ташкент так называемую «Кашгарскую военно-дипломатическую миссию» — шпионско-диверсионную группу во главе с полковником «Интеллидженс сервис» Ф. Бейли. О ее антисоветской деятельности, как и о деятельности иных английских, а также американских шпионских центров в Ташкенте и других городах Туркестана, уже неоднократно писали советские исследователи¹². При этом ими были использованы не только материалы советских архивов, периодическая печать и воспоминания, но и зарубежная литература¹³. В 1946 г. в Лондоне вышла книга Ф. Бейли «Миссия в Ташкент», в которой автор, рассказывая о своем пребывании в 1918 г. в Советском Туркестане¹⁴, стремился обелить колонизаторские действия английских империалистических кругов, затушевать планы интервентов и собственную шпионско-диверсионную подрывную деятельность против Советской республики.

До приезда в Ташкент Бейли находился в Южном Иране, где выполнял поручения английской разведывательной службы. В марте 1918 г. его вызвали в Шринагар (Индия) и дали задание отправить-

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 7—8.

¹¹ «История Узбекской ССР». Т. III. Ташкент. 1967, стр. 171.

¹² А. Х. Бабаходжаев. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918—1924). М. 1962; С. К. Тимошков. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М. 1941; М. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе. 1963; Р. А. Тузмухамедов. Ответ клеветникам. Самоопределение народов Средней Азии и международное право. М. 1969; А. И. Зевелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент. 1959; Г. А. Хидоятов. Правда против лжи. Ташкент. 1964; Ш. Ташлиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане (1917—июнь 1918 г.). Ашхабад. 1957, и др.

¹³ L. V. Blacker. On Secret Parol in High Asia. L. 1922; P. T. Etherton. In the Heart of Asia. Boston-N. Y. 1926, etc.

¹⁴ F. M. Bailey. Mission to Tashkent. L. 1946.

ся в Среднюю Азию вместе с майорами Эсертоном и Блэккером¹⁵. В своей книге Бейли подробно описывает путь из Персии в Кашгар (Синьцзян) через Индию и перечисляет лиц, входивших в состав его группы. Говоря о «целях и намерениях большевиков», о деятельности Советского правительства Туркестана, Бейли фальсифицирует национальную политику Советской власти, клеветнически утверждая, в частности, что в Средней Азии религия подвергалась преследованиям. Факт упрочения Советской власти в Туркестане, которого Вейли, безусловно, не мог не заметить, он объясняет «слабостью и неорганизованностью» контрреволюционных выступлений. В книге описывается жизнь в Ташкенте, «который уже почти год был под властью большевиков». С большим пренебрежением автор говорит о местном трудовом народе. В его книге имеются также свидетельства об участии представителей зарубежного Востока в защите Советской власти в Туркестане. Особенно много говорит он об индийских революционерах, не скрывая своей ненависти к ним. Работу Бейли завершает рассказ о коллекции бабочек, которую тот собрал в Средней Азии. В целом английский полковник хочет создать впечатление у читателей о своем пребывании в Туркестане как о простой поездке для «выяснения обстановки» в этом районе.

Сравнительно недавно стало известно, что Бейли является автором особого документа, также посвященного «визиту» кашгарской миссии в Советский Туркестан. Мы имеем в виду выявленный советскими исследователями в Национальном архиве Индии отчет полковника Бейли о его деятельности в ТАССР в 1918—1920 годах¹⁶. Отчет был обнаружен в секретном фонде «Специального информационного бюро», созданного британскими колониальными властями для борьбы с проникновением в Индию идей марксизма-ленинизма. Он отпечатан типографским способом на 9 страницах и состоит из 28 параграфов. Этот документ, впервые вводимый нами в научный оборот, уже сам по себе разоблачает происки англо-американского империализма на Советском Востоке и раскрывает шпионско-диверсионную деятельность английской «миссии», действовавшей совместно с американскими дипломатами. Он позволяет уточнить многое из того, что было связано с агрессивной стратегией, тактикой, политикой и планами империалистических держав в трудные годы становления и упрочения Советской власти.

По предписанию заместителя секретаря иностранного и политического департамента в Индии, отчет полковника Вейли о деятельности кашгарской миссии считался строго конфиденциальным. Об этом же просил и его автор. «Я имею честь представить при этом доклад о работе кашгарской миссии за период 1918—1920 гг., — писал Бейли. — Я прошу, чтобы этот доклад рассматривался как совершенно секретный... Помимо этого доклада, я собрал также некоторую информацию о путях сообщения, которую я пошлю отдельно»¹⁷. Из отчета видно, что шпионская группа, рядившаяся в тогу так называемой «кашгарской миссии», в составе полковника Вейли, майоров Эсертона, Блэккера и Шахзаде Абдул Рахим Бека в сопровождении нескольких индийских унтер-офицеров прошла через Кашмир, Гильгит, Тагдумбаш-Памир и достигла Кашгара 7 июня 1918 г., где пребывала до 24 июля. Отправляясь из Кашгара в Ташкент, «миссия» оставила там майора Эсертона, который был назначен на должность генерального консула по случаю отставки его предшественника Джорджа Макартнея. В связи с тем, что Шахзаде Абдул Рахим Бек являлся протомком кокандских ханов, группа Бейли решила и его оставить в Кашгаре, дабы не вызвать «подозрений большевиков» относительно вмешательства членов

¹⁵ См. Р. А. Тузмухамедов. Указ. соч., стр. 186.

¹⁶ «Report of the Kashgar Mission, 1918—1920». Foreign and Political Department. Special Bureau of Information. № 22(b). 1920.

¹⁷ Ibid., p. 1.

«дипломатической миссии» в кокандские дела¹⁸. В качестве переводчика «миссии» был привлечен Хан Сахиб Ифтекар Ахмед, главный клерк кашгарского генерального консула. Для связи между Кашгаром и Индией¹⁹ должны были служить почтовые голуби.

В сопровождении М. Стефановича, сотрудника бывшего царского консульства в Кашгаре, группа перешла границу Советского Туркестана 31 июля 1918 г. в районе Иркештама и 9 августа достигла г. Андижана, где впервые, по словам Бейли, встретилась с «большевистскими официальными лицами». Затем Блэккер, Хан Сахиб Ифтекар Ахмед и Бейли прибыли поездом 14 августа 1918 г. в Ташкент. Бейли сразу же навестил консула США Тредуэлла, который находился в Ташкенте с мая 1918 года. Пользуясь своей дипломатической неприкосновенностью, Тредуэлл разъезжал по Туркестану и вел активную антисоветскую работу. Он установил контакт с местными эсерами, меньшевиками и представителями других контрреволюционных партий и организаций (например, «Туркестанской военной организацией» — «ТВО»), подрывная деятельность которых затем направлялась им и финансировалась. По сговору с Тредуэллом усилили подрывную и шпионскую деятельность против Советской власти и другие находившиеся в Ташкенте иностранные миссии и представительства (французская, шведская, датская, румынская, чехословацкая и пр.).

Английская «миссия» тотчас начала совместную работу с американцами²⁰. Особенно следует отметить признание Бейли, что с американским дипломатом он «все время работал в тесном контакте и дружбе». Как руководитель «военно-дипломатической миссии», Бейли встречался с представителями правительства Советского Туркестана: 19 августа нанес визит комиссару по иностранным делам ТАССР и обсуждал с ним вопросы о прекращении Туркестаном поставок хлопка Германии, о неучастии немецких и австрийских военнопленных в войне против Антанты и др.²¹. В то же время Бейли как глава шпионско-диверсионной группы сразу же по примеру своего американского коллеги установил связь с руководителями контрреволюционных организаций в Туркестане. «Вскоре после моего прибытия я вступил в контакт с тем, кто, как я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций», — говорится в отчете²². Бейли должен был совместно с американцами подготовить в Ташкенте антисоветский заговор, оказать материальную и моральную поддержку силам, которые стремились к свержению Советской власти в Туркестане. «Самая большая организация антибольшевистского типа, — пишет он, — возглавлялась генералом Кондратовичем, но настоящим ее главой был М. Назаров. Они сказали мне, что в их организации — 3 000 русских и что в нее входил Иргаш с 15 000 туземцев»²³.

Еще до прибытия Бейли в Ташкент английское командование установило контакт с Иргашем (уголовником, ставшим деятелем «Кокандской автономии», а затем возглавлявшим басмаческие банды в Фергане), финансируя и снабжая его оружием и боеприпасами. Понимая непрочное положение английских войск в Закаспии, где части Красной Армии наносили удар за ударом по интервентам и белогвардейцам, а партизанские отряды своими действиями ставили под угрозу их коммуникации, члены английской «миссии» срочно создавали новые антисоветские центры и опорные пункты.

¹⁸ К тому времени контрреволюционная «Кокандская автономия» была уже разгромлена революционными силами.

¹⁹ Сведения английской разведки передавались главным образом в Кашгар, а затем отсюда непосредственно британским властям в Индии.

²⁰ А. И. Зевелев. Указ. соч., стр. 86—87.

²¹ F. Bailey. Report of the Kashgar Mission, p. 1.

²² Ibid., p. 3.

²³ Ibid., p. 1.

В отчете раскрывается система вербовки и конспирации членов контрреволюционных организаций в Советском Туркестане. «Они были,— пишет Бейли,— организованы следующим образом: сам генерал (Кондратович.— К. Г.) знал лишь пятерых членов организации, и один из этих шести человек вербовал еще шесть других, каждый из которых вербовал еще шесть других, и так далее... Не было возможности узнать, сколь далеко простирается эта организация, и, следовательно, количество членов ее было совершенно переменчиво. Численность в три тысячи, о которой говорил Кондратович, в этих условиях была неточной»²⁴.

Весной 1918 г. возникла антисоветская организация «ТВО». В нее входили подполковник Корнилов (брат небезызвестного генерала Корнилова), генерал Кондратович и другие бывшие царские военнослужащие. «ТВО» имела филиалы в Самарканде, Фергане, Ашхабаде. Помощь этой организации оказывалась через американского консула Роджера Тредуэлла.

Отчет Бейли дает возможность установить формы, пути и каналы материальной помощи, которую предоставили англичане контрреволюционным организациям в Средней Азии. «ТВО», например, снабжалась деньгами не только из американских источников, но и через британского консула на Кавказе Макдонелла. Бейли писал, что снабжение с Кавказа было связано для англичан с большими трудностями: препятствием на пути связных являлись красноармейские заградительные отряды и органы Всероссийской чрезвычайной комиссии. Бейли описывает случай, когда органы ЧК перехватили на пути с Кавказа посланного англичанами курьера в Ташкент с большой суммой денег для «ТВО»²⁵. Сложность поставок с Кавказа оружия и денег контрреволюционерам в Средней Азии вызвала необходимость выполнения этой функции самим Бейли, который лично передавал деньги главарям тайных организаций и басмачам. Об этом он пишет: «Мне было совершенно необходимо финансировать их в Ташкенте, что я легко мог сделать».

В отчете говорится о причинах раскрытия и разгрома в октябре 1918 г. в Ташкенте органами ЧК и революционным народом «ТВО». «Когда я (Бейли.— К. Г.) дал деньги для покупки лошадей, большевики узнали, что он (Кондратович.— К. Г.) покупает лошадей, и таким образом раскрыли организацию. Мистер Назаров был арестован, а генерал Кондратович избежал ареста чудом»²⁶. Однако контрреволюционная «ТВО» была разгромлена лишь частично. Оставшиеся филиалы ее и вновь созданные Бейли и Тредуэллом центры длительное время действовали в Средней Азии. А шпионские диверсионные группы, как свидетельствуют материалы Национального архива Индии (фонды иностранного и политического департамента), образовали довольно густую сеть в Туркестане, Бухаре и Хиве. Сложная система вербовки и передачи информации, глубокая конспирация врагов Советской власти позволили «ТВО» определенное время вести подрывную деятельность на территории Советского Туркестана.

Бейли удалось установить связь с антисоветски настроенными элементами, предателями и изменниками, временными попутчиками революции, обосновавшимися в советских учреждениях. Подкупая и вербуя их, Бейли расширял свою разведывательную сеть, подготавливая условия для дальнейшей разведывательной и подрывной работы в Советском Туркестане.

Советские историки уже отмечали ранее, что приезд английской «миссии» в Ташкент по времени почти совпал со вступлением войск интервентов на территорию Закаспия. Это, естественно, не было случайностью. Материалы отчета Бейли еще раз подтверждают, что руководи-

²⁴ Ibid., p. 3.

²⁵ Ibid., p. 2.

²⁶ Ibid.

тель «миссии» систематически передавал информацию о положении в центре Советского Туркестана командующему английскими войсками генералу Маллесону. «Я полагал,— пишет Бейли,— что смогу предоставить значительную полезную информацию войскам в Закаспии, которые, как я думал, продвинулись к Ташкенту, и ожидалось, что..., когда они серьезно продвинулись, я сделаю к их приходу необходимые приготовления»²⁷. Таким образом, отчет Бейли еще раз подтверждает замыслы интервентов в Средней Азии, а также показывает полную согласованность деятельности и взаимную осведомленность английских разведывательных органов и интервентов в Закаспии. Так действовала в Ташкенте английская «миссия» в течение нескольких месяцев.

Уже в сентябре 1918 г. Чрезвычайная следственная комиссия ТАССР получила в свое распоряжение ряд данных, свидетельствовавших о бесспорных связях внутренней контрреволюции с «миссией» Бейли и другими агентами империализма²⁸. Дальнейшее пребывание Бейли в Ташкенте, как указывается в отчете, было небезопасным: «Я обсудил создавшееся положение с м-ром Тредуэллом и решил исчезнуть... Мое положение значительно отличалось от положения м-ра Тредуэлла, так как его прислали из Петрограда с надлежащими документами и, прожив несколько месяцев в Ташкенте, он был признан как официальное лицо во многих отношениях, чего нельзя было сказать обо мне. Появление британских войск в Закаспии настроило большевиков против нас, и, даже если меня не расстреляют по приказу правительства, была любая возможность того, что солдаты с фронта возьмут это дело в собственные руки. Особенно было рискованно, если бы я содержался под арестом или в тюрьме»²⁹.

Вскоре из Москвы поступило распоряжение о немедленном аресте Бейли. «Я исчез, как и намечал, предварительно уничтожив свои бумаги и спрятав свои наиболее ценные небольшие вещи»,— говорится в отчете³⁰. Оказавшись в подполье, Бейли направил свое внимание на то, «чтобы вступить в контакт с генералом Кондратовичем, который также прятался, и вместе с ним отправиться в Фергану повидать Иргаша... Скрываясь, я связался с генералом Кондратовичем и договорился присоединиться к нему в хижине в горах, но мы решили не ехать вместе; мы посчитали, что для меня лучше будет оставаться в Ташкенте неделю или две, когда меня не будут уже искать так рьяно. Я покинул Ташкент около 5-го ноября, надев австрийскую форму, и присоединился к генералу Кондратовичу 8-го ноября. Я сказал ему, что хочу отправиться в Фергану, и на следующий день [9] мы послали двух человек разведать дорогу и посмотреть, можно ли пройти и когда Иргаш сможет принять нас... Я ожидал, что буду часто связываться с м-ром Тредуэллом, но посланные нами люди вернулись ни с чем. Тогда я решил возвратиться в Ташкент и укрыться там, откуда мне было бы легче посылать и получать известия [имелась в виду связь с Тредуэллом, а также с англичанами в Закаспии и Кашгаре и с контрреволюционерами в Туркестане.— К. Г.], а также сделать все другие приготовления, чтобы попасть в Фергану»³¹.

Скрывавшийся в горах Бейли был заинтересован в обмене информацией с американским консулом и в координации совместной англо-американской шпионской деятельности. Бейли, однако, не удалось попасть ни в Ташкент к Тредуэллу, ни в Фергану к Иргашу. Тем не менее он активно продолжал свою антисоветскую деятельность, готовил туркестанскую контрреволюцию к мятежу. В январе 1919 г. в Ташкенте про-

²⁷ Ibid., p. 1.

²⁸ А. И. Зевелев. Указ. соч., стр. 148—149

²⁹ F. Bailey. Report of the Kashgar Mission, p. 4.

³⁰ Ibid., p. 5.

³¹ Ibid., p. 3.

изошло восстание, организованное англо-американскими шпионами с помощью белогвардейцев и буржуазных националистов, имевшее целью свергнуть Советскую власть и открыть закаспийским белогвардейцам и английским интервентам путь в глубь Советской России. Усилиями рабочих отрядов и подразделений гарнизона мятеж был разгромлен. Планы английских интервентов и местных контрреволюционеров рухнули.

В своем отчете Бейли пытался определить причины поражения заговорщиков. Он игнорирует тот факт, что местные трудящиеся решительно поддержали Советскую власть; что на ее защиту встали как русские, так и узбеки; что рабочие Ташкента и солдаты гарнизона сплотились вокруг партии большевиков. Бейли сетует на отсутствие «какой-либо координации между различными силами, борющимися против большевиков. Туркестанская республика должна была защищать себя на четырех фронтах: на Оренбургской железной дороге, в Семиречье, Фергане и Закаспии, не считая опасности восстания в самом Ташкенте. Если бы все эти четыре фронта действовали сообща и в то же время было организовано восстание в Ташкенте, то появились бы хорошие виды на успех». Далее он пишет, что «эту координацию нельзя было наладить прямо из Ташкента из-за того, что невозможно было связаться с различными силами, но ее можно было организовать извне республики»³². Предложения Бейли, как известно, были учтены его хозяевами. Помощь контрреволюционерам, «координация» их деятельности осуществлялись впоследствии британскими империалистическими кругами главным образом из-за пределов Советского Туркестана.

Тайно возвратившись в Ташкент 14 февраля 1919 г., Бейли совместно с Тредуэллом продолжал подрывную деятельность, собирал шпионскую информацию, пытался содействовать контрреволюционным организациям. В марте войска английских интервентов вынуждены были покинуть пределы Советского Туркестана. За восемь месяцев пребывания в Закаспии (август 1918—март 1919 г.) оккупанты показали себя настоящими душителями свободы народов Средней Азии. Они чинили жестокую расправу над активными борцами за Советскую власть, истребляли дехкан, рабочих-коммунистов, разграбили и сожгли г. Теджен, полностью уничтожив его население. Оккупанты не щадили ни стариков, ни детей. Они спровоцировали массовые убийства в Казанджике, Кызыл-Арвате и других городах Закаспия. На английском командовании лежит ответственность за зверскую расправу на территории Туркестана над 26 бакинскими комиссарами. Командование английских войск не останавливалось перед насильственным вывозом жителей Закаспия в Индию³³.

Уход английских войск в марте 1919 г. из Закаспийской области под натиском Красной Армии и всего революционного народа означал крушение планов английских интервентов. Последние в этих условиях сделали ставку на внутреннюю реакцию, подкармливаемую империалистами, и на действия своей агентуры. Кроме того, как явствует из отчета, английские интервенты надеялись в скором времени снова вторгнуться на территорию Средней Азии. В «Миссии в Ташкент» Бейли пишет, что в октябре 1918 г. он бежал в Бухару. То же утверждает и в некоторых работах по истории Узбекистана. Из отчета Бейли мы впервые получаем точные сведения о переходе его на нелегальное положение и дальнейшей деятельности на территории Туркестанской республики. С января по февраль 1919 г. Бейли находился в селе Троицком под видом пленного австрийца³⁴, а 14 февраля вернулся в Ташкент.

³² Ibid., p. 4.

³³ Р. А. Тузмухамедов. Указ. соч., стр. 104.

³⁴ F. Bailey. Report of the Kashgar Mission, p. 7.

В отчете он пишет: «С февраля 1919 г., когда я вернулся в Ташкент, и до весны было совершенно невозможно уехать из города из-за того, что искали людей, которые принимали участие в январском восстании (автор имеет в виду антисоветский мятеж 19—21 января 1919 г. — К. Г.). За всеми дорогами велось наблюдение, и многие были пойманы. Все это время я надеялся получить новости из Кашгара или Мешхеда, но ничего не поступило. В августе 1919 г. я услышал, что в марте для меня было послано сообщение из Мешхеда, но оно так и не попало ко мне. Я верил, что британские силы в Закаспии будут продвигаться. Для меня будет и полезно и безопасно оставаться в Ташкенте, пока они придут. Я также надеялся послать известия, которые были бы полезными...».

Считаем целесообразным привести отрывки из приложения к отчету Бейли, составленного им же. Они содержат неизвестные ранее сведения о пребывании Бейли в Ташкенте и в Бухаре в 1919 году. В приложении говорится: «В августе [1919 г.] я встретился с лейтенантом Мандичем, военнопленным из Австро-Венгрии, который в октябре 1918 г. предупредил меня о грозившем мне в то время аресте. Он помог мне поступить на работу в военное ведомство по надзору в качестве тайного агента. Предполагалось, что я буду выступать в роли албанца, который примкнул к группе австро-венгерских военнопленных в Одессе в 1915 году. Мы выбрали эту национальность потому, что никто в Ташкенте не умел говорить по-албански. В то время был намечен план, согласно которому меня должны были послать на Кашгарскую границу с отрядом войск, предназначенных для Памирского гарнизона, и я устроил так, что мне дали приказ сопровождать их. Однако это распоряжение пришлось отменить, потому что дороги подвергались постоянным нападениям со стороны разбойников и врагов — большевиков; поэтому мне было приказано направиться в Каган [Новая Бухара], чтобы расспросить там об английских офицерах, которые, как предполагалось, находились в городе. В то же время лейтенанту Мандичу было приказано направиться в Каган в качестве командующего военным ведомством по надзору. С его помощью я надеялся добиться приказа о назначении в пункт, находившийся недалеко от границы с Персией, откуда я надеялся бежать, а в случае неудачи — перейти из Бухары в Мешхед через пустыню. Мой план был тщательно продуман с тем, чтобы никто в Бухаре, за исключением одного известного лица, которому я прежде направлял секретные письма из Ташкента, не знал, кто я есть на самом деле.

Я прибыл в город Бухару 19 октября 1919 г., но мой план полностью провалился, потому что, когда я представился этому человеку, он совершенно потерял голову: подумал, что я — большевистский шпион. Впоследствии я узнал, что в середине ноября генерал Маллесон посылал ко мне своих людей, и я уверен, что с ними мне были направлены распоряжения. Я был лишен возможности отправить сообщения из Ташкента, но, находясь в Бухаре, я имел постоянную связь с Ташкентом и мог всегда посылать доверенных лиц через пустыню в Мешхед, а иногда они могли пользоваться железнодорожным транспортом для поездок в Ашхабад. Я уже совсем приготовился остаться в Бухаре и был уверен, что смог бы регулярно посылать сведения из Ташкента и пересылать их в Мешхед. Единственно важным было то, что власти в Бухаре помогали мне, обеспечивая мою безопасность, и предоставляли мне для жилья квартиры, которые не привлекали бы внимания. Если бы большевики когда-либо узнали о том, что я нахожусь в Бухаре, они могли бы повлиять на эмира, чтобы он выдал меня, хотя это поставило бы его в весьма неловкое положение... Мой хозяин, Хайдар Ходжа Мирбадалев, прослуживший около сорока лет в русском резидентстве, был очень любезен по отношению ко мне».

Бейли продолжает: «Выяснилось, что большевики в Кагане не знали, что я нахожусь в Бухаре. Однако во время моего пребывания в Персии я встретил австрийских военнопленных, бежавших в декабре из Туркестана; они сообщили мне: стало известно о том, что лейтенант Мандич скрылся из Ташкента, однако никто не подозревал, что я бежал вместе с ним. В Бухаре я нашел двух военнослужащих сержантского состава из разведки, которых я встречал в Кашгаре и которых направили из Мешхеда со стрелковыми частями для эмира. Эти люди были чрезвычайно полезными для меня: они могли установить мою личность, доказав, что я действительно английский офицер, в чем позволили себе сомневаться власти в Бухаре, несмотря на то, что генерал Маллесон предупредил их о моем прибытии»³⁵.

Бейли решил тайно перейти границу. Перед бегством он разыскал «попутчиков», подобрав небольшую группу, в состав которой вошли английские разведчики и разное белогвардейское отребье. В ночь с 18 на 19 декабря 1919 г. под покровом темноты он со своими спутниками покинул Бухару³⁶: «Из Наурузабада, где мы пересекли границу с Персией, мы направились в Сарахс, губернатор которого принял меня, как гостя. Отсюда мы смогли за четыре дня добраться до Мешхеда...»³⁷. Так заканчивает свой отчет Бейли.

Советская власть в Средней Азии утвердилась и окрепла в ожесточенной борьбе возглавленных Коммунистической партией народных масс против многочисленных внутренних и внешних врагов, главными вдохновителями которых был международный империализм. Уход английских войск из пределов Советского Туркестана и бегство главы «миссии» Бейли явились одним из результатов укрепления Советской власти, роста ее авторитета среди широких кругов трудового народа. В 1920 г. белогвардейско-националистические банды и иностранные интервенты были разгромлены и изгнаны. Трудящиеся Советского Туркестана получили возможность вплотную приступить к мирному строительству, к восстановлению народного хозяйства, к ликвидации колониального наследия феодально-патриархальных отношений, к социально-экономическому упрочению Советской власти.

³⁵ Ibid., p. 8.

³⁶ Ibid., p. 3.

³⁷ Ibid., p. 9.

АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И НА УКРАИНЕ В XVI—XVIII вв.

И. Г. Рознер

Проблема генезиса государственных образований феодальной эпохи чрезвычайно сложна и еще недостаточно изучена. Исследователи продолжают проявлять значительный интерес к государствам господствовавших классов или сословий. Что же касается тех политических образований, которые возникали и в нашей стране и в других странах при определенном участии или при прямой поддержке неполноправных слоев и сословий в ходе их длительной борьбы против угнетения, то им почти никакого внимания не уделяется. Такое положение, по нашему мнению, неправомерно. Основоположники марксизма-ленинизма, как известно, интересовались любыми проявлениями политического творчества народных масс. Их наблюдения и выводы следует всячески расширять и конкретизировать. В советской исторической литературе вопрос о необходимости подобных исследований поднимался неоднократно¹. Однако практической разработки этой важной проблемы не велось. В данной статье сделана попытка затронуть лишь некоторые ее аспекты применительно главным образом к истории Центральной и Восточной Европы XVI—XVIII веков.

Зарождение и установление, а затем распространение и упрочение отношений феодальной зависимости повсеместно — и на Западе и на Востоке — уже с самого начала встретили более или менее сильный отпор со стороны народных масс. В этой связи Ф. Энгельс справедливо отметил, что «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье»². Если иметь в виду прежде всего крестьянство, то это сопротивление, вначале стихийное и во многом еще пассивное, сменилось по мере усиления феодального гнета более активными и организованными формами протеста — крестьянскими выступлениями, локальными восстаниями и, наконец, крестьянскими войнами. Последние наблюдались уже не в ограниченных территориальных рамках, а в национальных или почти национальных масштабах. Крестьянские войны, происходившие в условиях возникновения и расширения товарно-денежных и раннекапиталистических отношений, выражали стремление угнетенных и обездоленных утвердиться в положении свободных производителей, точнее, товаропроизводителей, разрушить феодальные порядки, заменив их отношениями свободными, то есть раннебуржуазными. Это

¹ См. С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «Второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957; А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961; В. Е. Чиркин. Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. «Вопросы истории», 1955, № 9 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

стремление и имел в виду Ф. Энгельс, отметив, что «уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя»³ и что плебейская реформация с крестьянской войной в качестве критического эпизода — «это буржуазная революция № 1»⁴, то есть вид ранней, не совсем зрелой буржуазной революции. Не менее важно также, что в ходе борьбы с феодалами крестьяне пытались использовать свои традиционные формы организации, прежде всего общинную. Местами, особенно во время восстаний, возникали даже союзы общин, которые, однако, чаще всего оказывались слабыми, недолговременными. Распыленные и нередко враждующие между собой крестьянские миры, связанные с отсталыми формами производства (земледелием и т. д.), — и на Западе и на Востоке — не могли организовать длительное сопротивление феодалам, феодальной державе, а потому быстро или сравнительно быстро терпели поражение.

В несколько лучшем положении оказалось население городов, прежде всего в Западной, отчасти в Центральной Европе. Горожане (ремесленники, торговцы и т. д.), связанные с более передовыми формами производства и, следовательно, отражавшие более передовые тенденции социально-экономического развития, с большим успехом организовывали сопротивление все возрастающему натиску феодалов. Для борьбы против последних горожане во главе с богатой городской верхушкой стремились создавать, а затем и всячески укреплять свои собственные политические и военные организации. Примером этого могут служить западноевропейские города раннего средневековья вообще, в особенности же городские коммуны. Феодалы и еще недостаточно окрепшее в то время феодальное государство оказались вынужденными пойти на известные уступки коммунам, на компромисс с ними, признать за ними определенные права на автономию, на внутреннее самоуправление, прием беглых («городской воздух делает человека свободным!»).

По мере своего укрепления коммуны, разумеется, старались расширить завоеванные права, добиваясь предельной независимости от сеньоров. Коммуны создавали свои войска — городскую милицию (обычно все граждане были обязаны отбывать воинскую повинность), собственное выборное управление. Хотя последнее находилось целиком в руках городской верхушки, патриции в целях успешного сопротивления феодалам вынуждены были заигрывать с городскими низами, искать у них поддержки. Отсюда известные демократические черты в самоуправлении коммун и вообще городских обществ (более или менее радикальное отрицание крепостнической и вообще феодальной зависимости, выборность органов самоуправления). Подчеркивая демократические черты, так или иначе свойственные коммунам, К. Маркс и Ф. Энгельс называли их «вооруженными и самоуправляющимися ассоциациями» бюргерства⁵. Феодалы, естественно, никогда не могли полностью примириться с существованием вольных коммун. В период консолидации сил класса феодалов, укрепления их государств и углубления внутренних противоречий в самих коммунах последние стали терпеть одно поражение за другим и вскоре оказались разгромленными.

Однако борьба горожан против феодалов, как известно, на этом не закончилась. Наоборот, с развитием городов и увеличением роли горожан в экономике страны, особенно в период позднего средневековья, эта борьба приобрела новые, более совершенные политические и организационные черты. Она поднялась на более высокую ступень и привела к возникновению так называемых вольных городов. Феодалы и их государства (на этот раз уже в какой-то степени централизованные)

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 496.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 417.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 426.

вновь оказались вынужденными идти на уступки городам, на компромисс с городской верхушкой, предоставлять горожанам некоторую самостоятельность, автономию. Так появились на Западе «вольные города», многие из которых (например, Флоренция, Генуя и другие итальянские города-республики, немецкие вольные города — Гамбург, Бремен, Любек, ганзейские города — Дубровник в Хорватии и другие) приобрели фактическую независимость. Нередко вольные города также объединялись в союзы, превращались как бы в самостоятельные государственные политические образования, или городские республики, со своими выборными правительствами, собственными войсками и т. д. Определенную степень независимости (следует подчеркнуть, значительно меньшую) завоевали себе в этот период в Западной и Центральной Европе и другие города (например, так называемые магдебургии). Тем не менее борьба горожан с феодалами и их государством и на этом не закончилась. По мере развития товарно-денежных и раннебуржуазных отношений, расширения внутреннего рынка, усиления борьбы горожан (на этот раз уже в общенациональных, как правило, масштабах) феодальные правительства вновь оказались вынужденными пойти на уступки городам, кое-где (например, во Франции) даже официально признать бюргерство в известном смысле привилегированным «третьим сословием» наряду с дворянством и духовенством⁶.

Таким образом, можно считать, что каждой из трех основных стадий в развитии, точнее, разложении, феодальной формации на Западе — раннему, развитому и позднему феодализму — соответствуют три основные формы антифеодального протеста, которые различаются между собой по степени своей зрелости и организованности. Крестьянство в своей антифеодальной борьбе от пассивных во многом форм сопротивления и разрозненных, как правило, мелких выступлений в эпоху раннего средневековья переходит потом к более мощным крестьянским восстаниям, а затем (главным образом в позднее средневековье) — к крестьянским войнам, то есть к «общенациональным» восстаниям. Горожане, со своей стороны, также проходят в своей антифеодальной борьбе сложный путь — от низших форм борьбы и политической организации (коммун — в раннее средневековье и вольных городов — в последующее время) до более высокой политической активности и завоевания прав «третьего сословия». Как бы отмечая эти три основных этапа в развитии антифеодальной борьбы бюргерства в Западной Европе, Ф. Энгельс писал: «Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоевали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия»⁷. Вместе с тем Ф. Энгельс заметил, что городские общины, представлявшие собой своеобразные микрореспублики внутри феодальных монархий, противостояли последним также своим более демократическим и, следовательно, более прогрессивным общественно-политическим устройством — выборные, как бы республиканского типа власти и т. д. «Города, — подчеркнул Ф. Энгельс, — бывшие сами республиками, хотя и находившимися под опекой монархов... впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика»⁸.

Указанные три последовательные организационные стадии антифеодальной борьбы характерны в целом и для стран Восточной Европы. Тем не менее эта борьба имела здесь свои особенности, что явилось резуль-

⁶ Это имело место не только во Франции, но и в других странах. В России самодержавие также вынуждено было (пусть в меньшей степени и в иной форме) в середине XVII в. признать за частью городского населения — посадскими людьми определенные сословные привилегии, зафиксированные в Соборном уложении 1649 года.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 426.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 362.

татом своеобразия местных социально-экономических и исторических условий. В Восточной Европе ранним ступеням развития феодализма были свойственны мелкие, стихийные и разрозненные крестьянские выступления и восстания. В то время крестьяне выступали еще только против насаждения и упрочения отношений феодальной зависимости, боролись за сохранение своего положения вольных производителей, часто общинников, еще не порвавших с патриархальным хозяйством. Позднее, особенно начиная с XVI в., по мере дальнейшего углубления процесса общественного и географического разделения труда, развития товарно-денежных, а затем и раннебуржуазных отношений⁹, расширения национальных связей, стремления феодалов и их государства сохранять и все более укреплять в новых, изменяющихся экономических условиях старые, традиционные социальные порядки, картина стала заметно изменяться. Антифеодальная борьба крестьянства становилась все более упорной и, так сказать, массовой, она приобретала новые формы, неизвестные или малоизвестные в Западной Европе, не характерные для нее. Это прежде всего такой вид борьбы, как повальный, массовый уход крепостных крестьян и других зависимых элементов из крепостного центра на новые, еще необжитые, незаселенные окраины. В странах Западной Европы, где ко времени позднего средневековья основной массив обрабатываемых земель был в целом уже исчерпан или почти исчерпан, беглые феодально угнетенные элементы направлялись главным образом в города, способствуя росту последних и усилению антифеодальных настроений горожан. В странах же Восточной Европы, прежде всего в России и на Украине, к этому времени еще сохранились громадные незаселенные, неколонизованные пространства (особенно в южных степных районах, граничивших с владениями турок, татар и т. д.). Наличие этих богатых своими естественными ресурсами необжитых пространств стимулировало бегство крепостных крестьян из внутренних районов страны. Бегство крестьян и других зависимых лиц приняло со временем форму массового движения. Наряду с бегством все более мощным фактором антифеодальной борьбы становились крестьянские восстания и крестьянские войны, широкой волной прокатившиеся по странам Восточной Европы в XV—XVIII столетиях. Но какие бы формы ни принимало антифеодальное движение в этот «новый» период, цель его заключалась уже не в возвращении давно пережившего себя патриархального и родового уклада (как в эпоху раннего средневековья), а в уничтожении сословного, крепостнического строя, установлении бессословного общества свободных и формально (в правовом отношении) равных производителей, то есть объективно буржуазных, точнее, раннебуржуазных общественных отношений.

Массовое бегство крепостных крестьян на новые земли, колонизация этих земель в эпоху позднего средневековья не являлись сами по себе революционным актом, подобным крестьянским восстаниям и войнам; тем не менее, по существу, крестьяне преследовали те же объективные цели — обретение полной свободы от крепостничества, правда, не в «общенациональных» масштабах, а в значительно более ограниченных географически рамках. Характеризуя социально-экономические цели и значение бегства крепостных, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что, хотя беглые феодально зависимые крестьяне в тех условиях «освобождались не как класс, а поодиночке» и «не покидали сферы сословного строя, образуя лишь новое сословие, и сохраняли и в новом положении прежний свой способ труда», они «были

⁹ Вопрос о генезисе капитализма в России, как известно, вызвал оживленную дискуссию в нашей литературе. Несмотря на то, что участники дискуссии не пришли к единому мнению, никто из них не отрицает спорадического появления элементов раннебуржуазных отношений в экономике России XVI—XVII веков.

уже на половину буржуа». Сохраняя свой традиционный способ труда, они тем не менее «развивали его дальше, освободив от прежних пут, уже не отвечавших достигнутой ими ступени развития»¹⁰, то есть, иными словами, освобождались от феодальных пут и становились свободными производителями, или товаропроизводителями.

В положении беглых крепостных в Западной и в Восточной Европе были существенные различия. На Западе, освободившись от своих сеньоров и переселившись, как правило, в города, беглые крепостные не должны были создавать и не создавали свои общественно-политические антифеодальные институты. В Восточной же Европе наоборот: чтобы защитить свою свободу от прежних господ и от соседей-феодалов, беглые крепостные с самого начала вынуждены были заботиться о создании собственных общественно-политических организаций. Примером такой антифеодальной политической организации, в создании которой, правда, принимали участие главным образом беглые горожане и сравнительно имущие крестьяне, а также патриотически настроенные чешские дворяне, был знаменитый Табор начала XV века¹¹. В противовес сословному феодальному государству, с которым они вели борьбу, табориты выступали за осуществление «христианского равенства», на деле же буржуазного по своей сущности принципа «равенства перед законом» (то есть как бы равенства возможностей, но, разумеется, отнюдь не фактического имущественного равенства)¹². Табор представлял собой зародышевую государственную организацию республиканского типа, своеобразную демократическую республику. Принцип сословности и наследственности при замещении должностей (начиная с верховных), характерный для феодальных монархий, был заменен в Таборе принципом выборности представителей власти, включая высших — гетманов; вместо сословного феодального землевладения тут было провозглашено равное право всех пользоваться землей и другими угодьями (что, конечно, открывало простор для хозяйственной деятельности прежде всего имущих элементов). Кроме того, все табориты обладали равным правом участия в народном собрании — официальном высшем органе власти, правом быть избранными на все должности и т. д. Оценивая эту во многом новую и своеобразную форму государственной политической организации, Ф. Энгельс заметил, что в Таборе «упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом», что у «таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и начале XVI века у представителей плебеев Германии»¹³.

Для образования республики таборитов необходим был ряд условий. Кроме появления новых элементов в экономике страны (развития товарно-денежных отношений и т. д.), важное значение имело наличие в Южной Чехии незаселенной территории, защищенной в какой-то мере от феодалов природными условиями — труднопроходимыми горами. Последнее дало таборитам возможность для организации своей обороны и создания своей «государственности». С другой стороны, сравнительная кратковременность существования Табора была предопределена неразвитостью новых социально-экономических отношений, относительной организационной слабостью таборитов, наличием глубоких внут-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 77—78.

¹¹ Б. Т. Рубцов. Гуситские войны. М. 1955; Я. Мацек. Табор в гуситском революционном движении. Тт. 1—2. М. 1956—1959.

¹² Ф. Энгельс, например, рассматривая принципы, которым следовали табориты, отметил, что защищаемое ими «неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 364).

¹³ Там же, стр. 363—364.

ренных противоречий в их среде и непосредственной территориальной близостью Табора от цитадели крепостничества — феодального государства.

Исторические условия, во многом сходные с теми, которые привели к образованию Табора в Южной Чехии в первой половине XV в., появились в соседней с ней Польше и Литве, а также в России в конце XV — начале XVI века. Это прежде всего резкое усиление феодально-крепостнического гнета в связи с развитием товарно-денежного хозяйства, стремление феодалов сохранить и укрепить в новых, изменившихся экономических условиях старые социальные отношения, ухудшение положения крестьянства, городского населения, рост национального и религиозного (особенно в Польше) гнета. Естественным следствием этого явился новый подъем антифеодальной и национально-освободительной борьбы угнетенных народных масс. Одной из особенно распространенных форм протеста против феодального гнета и тут стало бегство. При этом потоки беглых устремились в первую очередь на юг и юго-восток — в Запорожье, на Дон, Яик, Терек, то есть в земли, которые фактически не находились во владении феодалов и их государства. Тут беглые объявляли себя вольными от всякой крепостнической зависимости людьми — казаками. Они основывали на новых местах поселения — станицы, слободы и хутора. Главным занятием их на первых порах были промыслы — скотоводство, рыболовство, соледобыча, охота, ремесло и т. д. Занятие земледелием было поначалу запрещено, так как в земледелии казаки усматривали основу для развития ненавистных отношений феодальной зависимости. То обстоятельство, что казаки в своем подавляющем большинстве происходили из беглых крепостных, единогласно подтверждается источниками. В 1773 г., например, анонимный автор-дворянин в Записке о происхождении яицких казаков сообщил: «Умножаясь от времени до времени разнаго звания из России беглецами и принимая в общество свое из татар, и калмыков, зделалось число [их] весьма знатно»¹⁴. То же писал об украинских, в том числе запорожских, казаках польский автор середины XVII в. С. Грондский: «Те из русского (украинского. — *И. Р.*) народа, которые... не захотели далее терпеть ярмо и власть местных панов, уходили самовольно в далекие земли, к тому времени еще не заселенные, и тем приобретали себе право на свободу... закладывали новые колонии и, чтобы отличаться от подданных, принадлежавших панам, начали называть себя казаками»¹⁵.

Уже в конце XV — начале XVI в. на отдаленных от основных крепостнических центров просторах России и Украины — на Дону, Яике, Тереке и в Запорожье появились своеобразные антифеодальные политические организации, носившие официальное название казачьих областей, или войск. Общественному и политическому строю этих областей были свойственны определенные демократические черты: отрицание крепостнической зависимости и сословного неравенства, предоставление всем беглым, независимо от их национальной и религиозной принадлежности, права вступать в казаки, провозглашение равных прав всех казаков на пользование земельными и всеми другими угодьями, на участие в высших органах казачьего самоуправления — кругах и радах, на выбор должностных лиц — атаманов (гетманов), судей, есаулов, сотников и т. д. Фактическая власть в казачьих общинах принадлежала, как и повсеместно в классовом обществе, имущим элементам. Вместе с тем казачьи области с их выборными и сменяемыми властями, обязанностью всех казаков отбывать воинскую службу, с их казачьими кругами и другими демократическими институтами явно противостояли крепостническому государству, представляя собой своеобразные (пусть и нераз-

¹⁴ ЦГАДА СССР, ф. ГА, Р. VI, д. 664, ч. 1, лл. 2—3 об.

¹⁵ S. Grondski. Historia belli cosacco-polonici. Pestini. 1789, str. 15.

витые) демократические «республиканские» организации. Упомянутый выше дворянин, описывая в 1773 г. общественное устройство яицких казаков, заметил, что они «управлялись всегда выборными из них самих войсковыми атаманами и старшинами, реша при том важныя свои дела общим в кругу всех казаков приговором», при этом, добавляет он, не признавая над собой власть царей, «начальство (форма управления.— *И. Р.*) у них было республиканское»¹⁶. Польский король Сигизмунд III в своей инструкции сеймикам от декабря 1625 г. тоже отметил, что украинские казаки, «забыв долг свой и подданство, образуют отдельную республику (*Rzecz Pospolita*)... устанавливают свои законы»¹⁷. Много лет спустя, 9 сентября 1774 г., запорожский войсковой судья М. Тимофеев, замещавший в Сечи войскового атамана П. Калнышевского, который находился на турецком фронте, жаловался последнему на «непослушание» казаков, на нежелание их подчиниться его указаниям. «Одним словом сказать можно,— писал он,— что такая республика, что нехай только бог исправит, и потому управление [казаками] крепко тяжело, бог знает, что и делать, разорение мое с ними, да и только»¹⁸.

Казачьи области, которые не признавали отношений крепостнической зависимости и доказали на деле возможность жить без феодалов, стали вскоре служить своеобразным идеалом для угнетенных народных масс. Среди последних начало все больше распространяться убеждение, что республиканские, вольные казацкие порядки следовало бы установить во всем государстве. Так, в 1648 г. жители города Козлова Андрей Покушелов и Мишка Гринев заверяли других лиц, собравшихся возле городских ворот: «Только бы де они в то время, как учинилось смятение (восстание 1648 г. в Москве.— *И. Р.*), были на Москве, и они б де весь боярский корень повывели». Сын боярский Иван Хлыновский, присутствовавший тут же, возразил им, что «они про бояр такие речи говорят не делом», ибо «в Московском де государстве без великих людей быть не уметь» и вообще «которое окрестное де государство без великих людей может стоять?» На это Покушелов, не задумываясь, ответил ему: «На Дону и без бояр живут, а в Литве (Запорожье.— *И. Р.*) де Черкасы (украинцы.— *И. Р.*) панов больших побили и повывели ж»¹⁹. В то же примерно время восставшие в другом конце государства томские «казаки» также призывали «Дон (донские казачьи порядки.— *И. Р.*) заводить вверх по Оби-реке и вверх по Бии и Катуню»²⁰. И в более позднее время свободные, республиканские порядки казацких областей продолжали служить для многих образцом политического устройства всего государства. Осужденный в 1793 г. основатель «Всенародновольно к благодетствованию составленного общества» Ф. В. Кречетов, например, выступал за равенство прав всех граждан, чтобы, «свергнув власть самодержавия, сделать либо республику, либо иное что-нибудь, чтоб всем быть равным», и призывал крестьян, «чтоб они старались о свободе и вольности»²¹.

Вопрос об антикрепостнической направленности и социально-политическом устройстве казацких общин, или республик, занимал не только современников, но и потомков. Немалый интерес проявили к нему русские революционеры-демократы. По мнению Н. А. Добролюбова, пер-

¹⁶ ЦГАДА СССР, ф. ГА, Р. VI, д. 664, ч. I, лл. 2—3 об.

¹⁷ «Воссоединение Украины с Россией». Сборник документов. Т. I. М. 1953, док. 32, стр. 63.

¹⁸ В. О. Голобуцкий. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775 рр.). Київ. 1961, стр. 402.

¹⁹ «Акты Московского государства». Т. II. СПб. 1894, док. 444, стр. 274—275.

²⁰ З. Я. Бояршинова. Волнения в Томске в XVII веке. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 115.

²¹ В. В. Мавродин. Крестьянская война в России 1773—1775 гг. Л. 1961, стр. 22.

воначально до того как они были силой подчинены самодержавием, казацкие общины представляли собой «союз членов, которые равны по правам состояния и которые свободно управляют сами собой», то есть в целом демократические и республиканские организации²². Весьма любопытно высказывание А. И. Герцена о казацких общинах, в частности Запорожской Сечи²³; по его словам, это «казацкая республика, в основании которой лежали демократические и социальные начала»²⁴. В. Г. Белинский также высоко ценил Запорожскую республику как центр борьбы украинского казачества за свободу²⁵. Н. Г. Чернышевский считал возможную победу казачьих порядков раннего периода (демократических и республиканских в своей основе) над реакционным крепостническим строем фактором прогрессивным с исторической точки зрения. Так, рассматривая вековую борьбу украинского казачества против власти панской Польши, он заметил: «И полное торжество казаков для самой Польши было бы облегчением, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились», то есть крепостнические порядки; поэтому «казаки находили сочувствие и у населения коренных польских провинций»²⁶.

Интересно также высказывание известного революционера-народника С. М. Степняка-Кравчинского о ранних казачьих общинах. «Всякий раз,— писал он,— когда русский народ волен управлять своими собственными делами, все снова и снова возникают старые республиканские установления... В период наибольшего развития Московского самодержавия, десятки тысяч крестьян, спасаясь от невыносимого гнета, нашли пристанище в степях Яика (ныне Урала), Дона и Днепра. Беглецы, называвшие себя казаками, основали несколько военных республик... Все эти факты позволяют с полной уверенностью утверждать, что глубоко ошибается тот, кто считает, будто русский народ инстинктивно оказывает предпочтение деспотическому образу правления. Напротив, как показывает история России, в русских живет такая сила стремлений к свободе, такая ярко выраженная склонность к самоуправлению... что они с восторгом осуществляют свои чаяния, как только у них возникает такая возможность»²⁷. Республиканские черты общественно-политического строя ранних казацких общин, или войск, отметил и К. Маркс. На Запорожье, куда, писал он, «шли русские (украинские.— И. Р.) беглецы... образовалась христианская казацкая республика». При этом Маркс также отметил, что казаки противостояли своим врагам в виде «всегда вооруженной милиции»²⁸.

Возникновение вольного казачества, казачьих республик в эпоху невиданного усиления крепостнического гнета явилось важным событием, к сожалению, еще недостаточно оцененным в исторической литературе. С этого времени угнетенные массы страны обрели в казаках союзников в борьбе против крепостничества. Казацкие области становились исходными плацдармами всех, без исключения, крестьянских войн в истории России и Украины. С появлением казачьих республик — этой новой, демократической формы общественно-политической организации, в феодально-крепостнической системе (до того более или менее монолитной) образовалась серьезная брешь. Все большее число крепостных покидало своих господ и уходило к казакам. Казачьи области

²² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 2. М. 1952, стр. 483—488.

²³ А. И. Герцен. Избранные произведения. М. 1946, стр. 360.

²⁴ А. И. Герцен. Полное собр. соч. Под ред. М. Лемке. Т. IX. Л. 1919, стр. 459.

²⁵ В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. М. 1948, стр. 145.

²⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. IV. М. 1948, стр. 822.

²⁷ С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. М. 1964, стр. 47—48.

²⁸ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. VIII. М. 1946, стр. 154.

стали представлять реальную угрозу для крепостнического государства. Вот почему и русское и польское правительства начали ожесточенную борьбу против казаков, стараясь истребить их, вернуть в прежнюю, крепостническую неволю.

Уже Иван III в 1502 г. велел снохе своей сестры, вдовствующей рязанской княгине Аграфене, принять самые решительные меры против донских казаков и, если «ослушается кто и пойдет самодурью на Дон, в молодечество, и их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовым да женским делом не отпираясь»²⁹. Преследование казаков усилилось по мере укрепления казачьих областей, роста их влияния. Иван IV в 1574 г. предложил ногайскому князю Урмает-мурзе и его вассалам самим расправиться с донцами, ибо «казаки донские... не по нашему велению на Дону живут», а «бегая из нашего государства». Пограничным воеводам неоднократно отдавалось приказание: «Которой казак донской не придет на украинный город наш... имая, казнити», в результате чего уже многих донцов, «которые пришли на которую Украину... имали и казнили, и впредь хотим таких воров унимати»³⁰. Преследование казаков еще более усилилось при Борисе Годунове. Как сообщает летописец, «тем же казакам от царя Бориса было гонение велие: не пушали их ни на какой город, куда они не придут, и их везде имаше и по темницам сажалу»³¹. При последующих самодержцах репрессии приняли еще более широкие размеры. Царский указ от 1625 г. прямо предписывает, чтобы воеводы казаков «постоянно имали, и в тюрьмы сажали, а иных многих казнили, вешали и в воду сажали»³². Самодержавие неоднократно организовывало настоящие походы против казаков с целью истребить их и захватить освоенные ими земли на Дону, Яике и в других местах. Но эти попытки из-за самоотверженного сопротивления казаков ни к чему не приводили. У казаков не раз «бывали бои з государевыми служилыми», но и «многими людьми унять (казаков.— И. Р.) было невозможно»³³.

Русские цари, а также польские короли, убедившись, что не располагают еще достаточными силами, чтобы уничтожить казаков или вернуть их в крепостничество, стали искать путей компромисса с имущей казачьей верхушкой, надеясь таким образом подчинить их своему влиянию. За согласие казаков участвовать в обороне южных границ от татар и турок правительство изъявляло готовность признать казачьи области, или войска, их автономию, неограниченное самоуправление, право приема беглых (известная формула «с Дона выдачи нет!») и т. д. Оно обещало даже платить казакам «жалованье» в качестве то ли вознаграждения за их «службы», то ли своеобразной дани. Так, царь Федор Иванович, отправляя 31 августа 1584 г. свою грамоту на Дон — «донским атаманом и казаком старым и новым», предложил им: «Как воинские люди крымские... и нагаи пойдут войною на наши украинны, или которые воинские люди пойдут с полоном с наших украин, и вы б в те поры на тех людей на перевозех приходили и над ними промышляли... а нам тем служили. А мы вас за вашу службу жаловати хотим, а ныне есмя к вам свое жалованье, которым ходили атаманы и казаки под Калмиус, послали с Борисом с Благим, селитру и свинец, а вперед вас своим жалованьем хотим жаловати»³⁴.

Казаки (и русские и украинские) были и сами заинтересованы в «нормализации» отношений с русским и польским правительствами. Во-

²⁹ П. Небольсин. Уральцы. СПб. 1855, стр. 7.

³⁰ ЦГАДА СССР. Ногайские дела. Кн. 14, лл. 338—340.

³¹ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1. СПб. 1910, стр. 61.

³² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. М. 1951, стр. 127.

³³ ЦГАДА, ф. 139, д. 488, л. 1.

³⁴ «Материалы для истории Войска Донского». Грамоты. Новочеркасск. 1864, док. 2, стр. 3.

оруженная борьба с последними стоила огромных жертв и напряжения сил, а казакам, помимо этого, постоянно приходилось отбиваться от нападений татарских, турецких и других феодалов. Кроме того, казаки были кровно заинтересованы в поддержании и расширении своих экономических связей с другими русскими, украинскими и польскими областями, где они закупали хлеб, оружие, одежду и продавали свои товары — рыбу, скот, продукты охотничьего промысла и т. д. Все это побудило их, в особенности казачьи верхи, согласиться с заманчивыми предложениями русского и польского правительств. Яицкие казаки, например, судя по показаниям яицкого станичного атамана Федора Михайлова в Москве в 1721 г., согласились признать «покровительство» самодержавия при Михаиле Федоровиче (1613—1645 гг.). До этого, отметил Михайлов, яицкие казаки были «люди вольные» и «жили они, деды наши, немалое время своеволью, ни под чьей державою», но затем, при Михаиле Федоровиче, «собравшись, думали, у кого им быть под властью; и послали от себя дву казаков, русскаго да татарина, к... государю Михаилу Федоровичу... с челобитьем, чтоб он ...их пожаловал, принял под свою протекцию». Царь признал за яицкими казаками «право служить казачью службу по своему обыкновению, а впрочем ни в чем невредиму стоять», а также собственность их на земельные владения «с вершины той реки (Яика.— И. Р.) до устья», на что выдал им соответствующую грамоту, наконец, право «набиратца на житье вольными людьми»³⁵. Примерно в это же время, можно полагать, покровительство самодержавия признали и донские казаки.

После признания «протекции» царя отношения между казацкими областями и самодержавием носили первоначально более или менее равноправный характер, напоминая собой отношения между отдельными равноправными сторонами или государствами. Так, например, отправляя в марте 1646 г. на Дон своего посланца, дворянина Ждана Кондырева, царь Алексей Михайлович приказал ему по прибытии в столицу Дона — город Черкасск и после того, как он отслужит молебен, в главном войсковом соборе «атаманом и казаком поклониться по обычаю от себя и спросить о здоровье, а молить: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец, его царское величество, вас, атаманов и казаков и все Донское войско пожаловал, велел спросить о здоровье. А спрося атаманов и казаков о здоровье, говорить речи от государя»³⁶. О том, что еще при Алексее Михайловиче самодержавие смотрело на казачьи «республики» как на отдельные политические образования и в отношениях с ними придерживалось обычного в то время в международных сношениях этикета, говорит и дьяк Посольского приказа Григорий Котошихин. Он пишет, что казакам предоставлена «жить воля своя, и начальных людей меж себя — атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу... А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям, а ежели б им воли своей не было, и они б... служить и послушны быть не учили... А посылается к ним на Дон царское жалованье денежное негораздо помногу и не всегда»³⁷. Жалованье посылалось не всему казацкому войску, а лишь тем казакам, которые служили царю, то есть главным образом имущим. Так, в царской грамоте донцам прямо объявлялось: «А мы свое жалованье со князем Григорьем Волконским послали есмь к вам, к лутшим: сукна и зелье и свинцу и запасу»³⁸. Даже, когда казаки в этот период

³⁵ ЦГВИА СССР, ф. 13, оп. 107, л. 10, св. 30, л. 289.

³⁶ «Русская историческая библиотека». Т. 24. Кн. 2. «Донские дела». СПб. 1906, стр. 754—760.

³⁷ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1906, стр. 135.

³⁸ ЦГАДА СССР, Турецкие дела, кн. 3, лл. 134—136.

нарушали установившуюся «гармонию», что, кстати сказать, имело место нередко, правительство старалось загладить конфликт, а не расширять его. Отправляя в таких случаях своих посланцев с грамотами на Дон и в другие места, оно обычно предписывало им вести себя корректно, «многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить», а «выговаривая, покрывать гладостью»³⁹.

Вместе с тем, разумеется, самодержавие отнюдь не отказывалось от мысли подчинить себе казачьи общины, ввести туда при благоприятных обстоятельствах свои войска, упразднить права казаков. Оно тщательно изучало военное, экономическое и политическое положение в казачьих «республиках», но делало все это крайне скрытно и осторожно. Так, царская инструкция посланцам Ждану Кондыреву и Михаилу Прокофиеву от марта 1646 г. повелевала: «Будучи им на Дону, розсмотри подлинно тайно в городках, в которых ныне живут донские атаманы и казаки, сколь велики те места и каковы крепости поделаны, и сколько у них пушек и всякого воинского наряду, и сколько пушечных запасов: зелья и свинцу и ядер. И из украинских городов к ним с хлебными и со всякими запасы приезжали ли, и многие-ль люди приезжали, и по сколько ценою всякий запас... купят, и сколько их ныне в нижних и в верхних городках... И как впредь хотят от турецких людей крепитца... О том, о всем им, Ждану с товарищи, провести и записать себе подлинно, тайно, чтоб то однолично, опричь их, никто не ведал»⁴⁰.

По мере укрепления самодержавия и роста правительственных войск необходимость в соблюдении прежней осторожности в отношениях с казаками отпала. Благоприятные возможности для выступления против казачества создавались в результате поражения крестьянских войн под предводительством И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина и в особенности Е. Пугачева, в которых казаки играли роль застрельщиков и руководителей. Самодержавие пользовалось разгромом каждой новой крестьянской войны, чтобы еще больше ограничить прежнее самоуправление казачьих областей, ввести туда свои войска, построить крепости и разместить гарнизоны, запретить принимать беглых в казаки и т. д. Опираясь на поддержку казачьей старшины и верхов казачества, самодержавие стало предпринимать все более решительные шаги для отмены прежних прерогатив казачьих кругов, выборов старшин, превращения последних в офицеров-дворян, а самого казачества в замкнутое сословие. В результате этой политики уже к середине XVIII в. самоуправление казачьих областей, их прежняя автономия оказались сильно ограниченными. Старшина во многих местах превратилась в землевладельцев и душевладельцев, служба казаков была строго регламентирована, круги фактически упразднены.

Раньше и значительнее всего было ограничено самоуправление Дона, крупнейшей из казачьих «республик». Другие казачьи войска, например, Яицкое, благодаря своему местоположению на отдаленной окраине страны несколько дольше сохранило свою автономию и даже официально продолжало принимать часть беглых в казаки — явление совершенно уже недопустимое в то время, скажем, на Дону. Так, 19 ноября 1720 г. сызранский комендант майор Ф. Воейков рапортовал Сенату, что его сыщики «опознали... на Яйке беглых драгун и солдат, которые живут в казаках, а именно астраханского гарнизона... подпрапорщик Михайло Дементьев, да солдат Осип., который ныне называется Никита Иванов сын Крашенников»⁴¹. Даже в 1772 г. генерал-майор И. Фрейман докладывал из Яицкого городка, что беглых крепостных тут множе-

³⁹ А. М. Сахаров. Очерки истории СССР XVII в. М. 1958, стр. 36—38.

⁴⁰ «Русская историческая библиотека». Т. 24, кн. 2. «Донские дела», стр. 762.

⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. 13, оп. 107, д. 10, св. 30, лл. 266—267.

ство, ибо «в сем городе каждому беглому пристань открытая»⁴². Свое, во многом отличное от донцов, положение, осознавали и сами яицкие казаки. В 1771 г., во время объявления указа об образовании так называемого Московского легиона, который должен был состоять из представителей всех казачьих войск империи, яицкие казаки заявили: «Мы не донцы, чтобы нам бороды скоблили!» — и отказались давать людей в «легионную команду»⁴³.

Еще в большей мере, чем яицкое, сохранило свою автономию Запорожское казачье войско. На Дону, Яике и Тереке самодержавию до 70-х годов XVIII в. все же удалось провести насильно несколько переписей казаков. В результате этого казаки и «неказаки» оказались тут строго разграниченными в правах, и беглые, за исключением очень немногих, уже не могли мечтать о том, что будут приняты в казаки. На Запорожье же по-прежнему в казаки мог поступать без каких-либо ограничений любой беглец. Неоднократные и настойчивые требования правительства представить именные списки всех казаков отклонялись руководством Запорожского войска под разными предлогами. Так, в своей отписке от 1756 г. запорожские старшины сообщали правительству, что хотя частично «именные списки (казаков.— И. Р.)... и сочинены», но «совершенно всему войску именных списков за скорость отправки сего... також живущих в далеких о Сечи расстояниях... козакам учинить невозможно, атаманы же куренные вспомнить всех до единого не могут»⁴⁴. Как ни плохо была позолочена эта пилюля, самодержавию пришлось проглотить ее; оно, по существу, так и не получило ни малейшего представления о численности запорожцев. Правда, впоследствии нежелание запорожцев поступиться своими старинными правами было объявлено самодержавием одной из главных причин разрушения им Запорожской Сечи в 1775 году. В манифесте Екатерины II от 3 июля 1775 г. об уничтожении Сечи «с истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков» это мотивировалось тем, что запорожцы принимали в казаки «всякой веры беглецов» и «заводя собственное хлебопашество, расторгали они тем самое основание зависимости от престола нашего и помышляли конечно составить из себя посреди Отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением»⁴⁵.

Сохранение казачьими областями остатков своей автономии имело большое значение для организации крупнейшей в истории нашей страны Крестьянской войны 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева, которая началась на Яике. П. С. Потемкин рапортовал в этой связи Екатерине II в 1775 г.: «И хотя яицкие казаки не отрицались российского подданства... но управлялись всегда выбранными из них самих войсковыми атаманами и старшинами, реша при том важные свои дела общим в кругу всех казаков приговором, что хотя и начало было с некоторых времен из употребления те круги выходить, однакож до желаемого предмета совершенно по 1774 год не было доведено... все новые учреждения и остались почти без действия, а... своеволие сих необузданных людей от часу более распространялось»⁴⁶. Еще более отчетливо выразил эту мысль князь М. Волконский в своем рапорте Екатерине II от 5 декабря 1774 г., отметив, что если бы Пугачев не встретил под-

⁴² ЦГАДА СССР, ф. 375, оп. 1, д. 74, л. 9.

⁴³ А. Б. Карпов. Памятники казачьей старины. Уральск. 1909, стр. 15—16. Во время восстания 1772 г. на Яике казаки обратились с письмом к генералу И. Фрейману, требуя, чтобы он со своим корпусом «на их рубеж не вступил, но возвращался (бы) в Оренбург» (ЦГАДА СССР, ф. 375, оп. 1, д. 74, л. 10-б).

⁴⁴ В. О. Голобуцкий. Указ, соч., стр. 76—77.

⁴⁵ ПСЗ. Т. XX. СПб. 1830, № 14, стр. 354.

⁴⁶ ЦГАДА СССР, ф. ГА, Р. VI, д. 664, лл. 166—166 об.

держку «бунтующих... яицких казаков, то... такого ни в каком империи в. и. в. (другом.— *И. Р.*) месте... произвести не мог»⁴⁷.

Немалое значение имело распространение в казачьих областях идеологии раскола, направленной как против господствующей церкви, так и против феодально-крепостнических порядков. Несмотря на все принятые правительством меры, на многочисленные указы о выдаче раскольников, раскол, особенно наиболее радикальные его течения, стали получать все большее распространение в казачьих областях. Ярким примером этого может служить Яицкое казачье войско. Еще в 1718 г. яицкий казак «старшинской руки» М. Карташев донес правительственным властям, что казаки «на Яике отпали христианской веры и к церквам не ходят и священников к себе в дома не пушают»⁴⁸. Правительство стало отправлять на Яик воинские команды, хватать раскольников, особенно находящихся в скитах, ссылая их в вечную ссылку в Сибирь. Однако эти меры оказались малоэффективными. Поэтому в 1765 г. был издан правительственный указ, обязавший старшин «все-возможные средства употреблять к отвращению их (казаков.— *И. Р.*) от того суеверия... уверениями и доказательствами из божественного писания»⁴⁹. Но или старшины плохо толковали священное писание, или казаки не были склонны их слушать,— так или иначе меры правительства не дали ожидаемых результатов. Академик П. Паллас, путешествовавший по Яику в 1769 г. и оставивший ценнейшее описание его, заметил, что казаки в церковь «редко ходят, потому, что они, будучи староверцы, по большей части молятся дома»⁵⁰. Генерал И. Фрейман доносил в июне 1772 г., что яицкие казаки «все раскольники и никто в церковь не ходит, старшин и прочих чиновных я к тому принуждал»⁵¹. Во время восстания 1772 г. на Яике, как установила впоследствии следственная комиссия, раскольниковый старец (проповедник) Михаил Васильев «войско Яицкое к возмущению приводил» и «чтоб им бог даровал над тем генерал-майором (Траубенбергом.— *И. Р.*) и его командою победу, молебствие отправлял и присягою, чтобы они (казаки.— *И. Р.*) против его, генерал-майора, стояли единодушно, оных обязывал»⁵². Наконец, П. С. Потемкин, приехавший в 1774 г. в связи с арестом Е. Пугачева в Яицкий городок, донес в Петербург, что раскол на Яике «находится в вышем градусе и требует особого внимания, яко корень всего зла»⁵³.

Одним из важных результатов крестьянских войн в России и на Украине явилось то, что они сопровождались массовым «показаченьем» восставшего населения. Территория казачьих «республик» как бы увеличивалась за счет государственных земель, поскольку восставшие вводили там казачьи порядки. Уже во время Крестьянской войны 1606—1607 гг., по словам летописца, «во всех городах паки казаков из холопей и крестьян намножилось и в каждом городе поделали своих отаманов»⁵⁴. Массовым показаченьем сопровождалась Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг., которая, как известно, началась в Запорожской Сечи. Отметив это примечательное явление, летописец Самовидец писал: «Все, что живо, поднялось в козацтво», кре-

⁴⁷ Там же, д. 512, ч. II, л. 443.

⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. 13, оп. 107, д. 10, св. 30, л. 233.

⁴⁹ «Материалы для географии и статистики России». Ч. II. СПб. 1866, док. 31, стр. 85.

⁵⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. 1773, стр. 412.

⁵¹ ЦГАДА СССР, ф. 375, оп. 1, д. 74, лл. 9—9 об.

⁵² «Бумаги А. М. Лунина». ЧОИДР. М. 1960, кн. II (апрель — июнь). Раздел «Смесь», стр. 51.

⁵³ «Материалы для истории Пугачевского бунта». «Труды Я. Грота из русской истории». Т. IV. СПб. 1901, док. 39, стр. 607.

⁵⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 124.

стьяне и горожане «почали ся купити (собираться.— *И. Р.*) в полки, не только тие, которые козаками бывали, але кто и негди (никогда.— *И. Р.*) козацтва не знал»⁵⁵. В записке, поданной послом Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу 4 февраля 1649 г., говорилось, что «поспольство (крестьянство.— *И. Р.*)... в казачество все поворотилось... и как на сей стороне, так и на той Днепра панов своих... побили»⁵⁶. Казацкие порядки были почти повсеместно установлены на территории, охваченной войной 1773—1775 гг.; после победы восстания их предполагалось учредить во всей стране. Манифест Е. Пугачева от 1774 г., например, жаловал всех «вольностию и свободою и вечно козаками»⁵⁷.

Таким образом, казачество в XVI—XVIII вв. не только поддерживало крестьянство в его борьбе против крепостничества, не только давало ему опытные в военном и организационном отношении кадры, но и более передовые политические формы организации, более ясно сформулированные лозунги борьбы. Интересен в этом отношении вывод акад. Н. М. Дружинина, к которому он пришел, изучая волнения государственных крестьян в 40-х годах XIX в.: «Пугачевское восстание 1773—1775 гг. было выше волнений государственных крестьян 40-х гг. XIX в.: свободное казачество помогло крестьянским прослойкам... более точно и ясно формулировать требования феодально-угнетенной массы. Государственные крестьяне оказались не в состоянии подняться до более широкого и правильного лозунга завоевания всей земли и полной воли»⁵⁸. Весьма важной особенностью крестьянских войн в России следует считать также то, что восставшие казаки, состоявшие из представителей разных народностей, стремились поднять на борьбу против крепостничества и самодержавия все, без исключения, угнетенные народы, населявшие страну, провозглашая их свободу и равенство. Так, манифест Е. Пугачева от июля 1774 г. гласил: «Я хочу, чтобы весь народ был свободным. Поэтому и народам иной веры даю свободу, ликвидирую власть князей над ними. Приказываю им избирать руководителей из своей среды, кого они пожелают»⁵⁹. Однако, несмотря на стремление казачества возглавить борьбу всех антифеодальных элементов, повести их на решительный штурм крепостнических порядков, оно не смогло подняться до политической и организационной роли буржуазии на заре ее развития. Казаки, в отличие от бюргерства, не представляли такие передовые отрасли производства, как ремесло и мануфактура, а были связаны с промыслами и сами в недавнем прошлом являлись крестьянами. В силу всего этого ни казачество, ни казацкие «республики» оказались не в состоянии распространить свое влияние на всю страну.

Царизм поспешил воспользоваться подавлением Крестьянской войны 1773—1775 гг. для окончательного упразднения автономии когда-то вольных казачьих областей, для консолидации феодальной системы в государстве, для распространения крепостнических порядков на окраины. Казачьи войска были коренным образом реорганизованы, из их состава исключены «нежелательные» элементы, казачество превращено в замкнутое сословие, наделенное определенными привилегиями, старшины

⁵⁵ «Летопись Самовидца». Киев. 1878, стр. 6, 12 и др.

⁵⁶ «Киевская старина», 1887, август, стр. 723.

⁵⁷ «Восстание Емельяна Пугачева». Сборник документов. М. 1935, док. 20, стр. 45. Иногда казацкие порядки приходилось вводить и насильно. Так, крестьянин Карп Колесников из деревни Михайловой Ставропольской провинции на допросе 18 декабря 1773 г. показал, что яицкий хорунжий, приехав к ним с отрядом казаков и застав крестьян за работой на барском поле, собрал их и предупредил: «Смотрите же да, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите, а если де мы впредь застанем вас на помещичьей работе, так всех переколем» (ЦГАДА СССР, Р. VI, л. 433, л. 41).

⁵⁸ Н. М. Дружинин. Ответ крестьянства на реформу П. Д. Киселева. «Из истории общественных движений». Сборник статей. М. 1957, стр. 434.

⁵⁹ «Неизвестный манифест Е. Пугачева». «Москва», 1958, № 6, стр. 221.

возведены в офицерские чины и дворянство. Вследствие всех этих и других мер по укреплению крепостнической системы казацкие области потеряли былую роль плацдармов для организации крупных антифеодальных выступлений. Но эти же меры привели к последствиям, на которые не рассчитывало самодержавие: центр антифеодального движения с окраин страны, из бывших казацких «республик», стал перемещаться в крепостнический ее центр. Тем самым классовая борьба поднялась на новую, более высокую ступень. Дело в том, что казацкие области (пока они сохраняли свою автономию), с одной стороны, способствовали развитию антифеодального движения, но, с другой — тормозили его, так как бегство крестьян в окраинные казацкие земли несколько разряжало напряженность социальных противоречий в центральных районах государства, смягчало классовые антагонизмы в стране. После упразднения автономии казацких областей главная угроза для крепостничества стала исходить уже не от окраин, а усилилась в самом центре страны.

Подводя итог, можно констатировать, что на определенной ступени развития, точнее, разложения феодального строя, у непривилегированных классов общества возникает стремление к организации своих собственных политических институтов, которые помогали бы им в борьбе против угнетателей. Такие институты, создаваемые обычно по инициативе имущих слоев непривилегированных классов или сословий, защищают вместе с тем интересы и более широких масс. Иногда они приобретают форму государственных или полугосударственных организаций республиканского типа, которым свойственны и определенные демократические элементы. Однако степень зрелости этих антифеодальных институтов не следует, конечно, преувеличивать, так как она всегда зависела от общего уровня социально-экономического развития страны.

В возникновении, а затем развитии казацких «республик» в России и на Украине в XVI—XVIII вв. как в фокусе отражалась вся сложность и противоречивость исторической действительности того времени, борьба крепостнических и антикрепостнических тенденций во всех сферах жизни. Самый факт создания подобных антифеодальных институтов, какими были первоначально вольные казацкие «республики» в России и на Украине, являлся свидетельством дальнейшего развития антифеодального движения, признаком начавшегося и все более углублявшегося, хотя и затянувшегося на столетия разложения феодально-крепостнического строя.

О РОЛИ АМЕРИКАНСКОГО ПЛАНТАЦИОННОГО РАБСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ГЕНЕЗИСЕ КАПИТАЛИЗМА

Б. М. Косарев

Высокие темпы развития капитализма в США во второй половине XIX—начале XX в. можно правильно понять лишь учитывая роль плантационного рабства в процессе становления и развития капиталистического способа производства. Хотя специальная литература по данной проблеме отсутствует, в работах советских историков этот вопрос в той или иной степени затрагивался. Так, А. В. Ефимов считает, что «американское рабство играло роль, сходную с феодализмом, что оно тормозило развитие капитализма в США». При этом он ссылается на высказывания В. И. Ленина об экономических пережитках рабства в США после гражданской войны 1861—1865 гг., которые играли роль, сходную с пережитками крепостничества в России¹. Вместе с тем А. В. Ефимов считает «превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих»², то есть работорговлю, а также «обращение в рабство» кровавыми методами первоначального накопления³. В другом случае он отмечает, что «трудно отнести безоговорочно в разряд первоначального, или капиталистического накопления прибыль от эксплуатации труда негров-рабов»⁴. В конечном итоге, хотя и в общей форме, А. В. Ефимов признает, что американское рабство способствовало развитию капитализма. Н. Н. Болховитинов, процитировав из работы автора настоящей статьи выдержку, что «плантационное рабство негров существовало до определенного момента не как «нарост» (тормоз) на капитализме, а «как способ обогащения», как источник, питающий образование промышленных капиталистических государств Англии и Америки», сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Конечно, на известном этапе и при определенных условиях рабовладельческий уклад способствовал развитию промышленного переворота»⁵. В работах Н. Н. Яковлева, Г. П. Куропятника, Р. Ф. Иванова, М. Н. Захаровой приводится некоторый конкретно-исторический материал, касающийся влияния рабовладельческой системы хозяйства в США на развитие капитализма, и в частности подчеркивается роль рабства негров в процессе накопления капитала⁶. Имеются, однако, случаи, когда отдельные авто-

¹ А. В. Ефимов. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны (далее — Очерки истории США). М. 1958, стр. 52—54 см. его же. К истории капитализма в США. М. 1934, стр. 192—193. В только что вышедшем в свет сборнике его работ каких-либо изменений по этой проблеме не внесено (см. А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма. М. 1969, стр. 218, 219).

² А. В. Ефимов. Очерки истории США, стр. 37.

³ А. В. Ефимов. Социальный аспект биологической категории «раса». «Против расизма». Сборник статей. М. 1966, стр. 42.

⁴ А. В. Ефимов. Очерки истории США, стр. 39.

⁵ Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро. Происхождение и характер. М. 1959, стр. 22.

⁶ «Очерки новой и новейшей истории США». Т. I. М. 1960, гл. III, разд. 2; Г. П. Куропятник. Вторая американская революция. М. 1961; Р. Ф. Иванов. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М. 1964; М. Н. Захарова. Народное движение в США против рабства, 1831—1860 гг. М. 1965.

ры без каких-либо оговорок считают вообще американское рабство негров только «тормозом» на пути капиталистического развития. Например, И. Я. Разумникова утверждает, что «рабство негров было таким же тормозом экономического, политического и культурного развития, как и крепостничество в России»⁷.

При определении роли плантационного рабства, этого сложного и противоречивого явления эпохи подымающегося капитализма, необходимо, как нам представляется, на конкретно-историческом материале рассмотреть отдельные аспекты этой проблемы: влияние рабства на характер развития экономики Юга США и на обогащение тех, кто непосредственно эксплуатировал рабов; роль работорговли и плантационного рабовладельческого хозяйства в накоплении денежного капитала буржуазией США и Англии и в развитии промышленности этих стран.

В 1790 г. в 6 штатах, а в 1860 г. уже в 15 штатах США рабовладельческое хозяйство было одной из основных форм производства. Современники, познакомившиеся с различными штатами страны, считали, что в Южных штатах условия для развития промышленности и сельского хозяйства были лучше, чем в Северных. Капитан британского флота Б. Хэлл, посетивший Юг США в 1827—1828 гг., отмечал благоприятный для сельского хозяйства климат, плодородие почвы, «сказочные» природные богатства этой части страны. О наличии лучших условий для всестороннего развития народного хозяйства в пограничном рабовладельческом штате Мэриленд по сравнению с северным штатом Массачусетс писал русский исследователь А. Лакиер, путешествовавший по США в 1857 году⁸. Вместе с тем те же авторы, сравнивая Юг и Север, отмечали отсталость первого, говорили о двух частях США, мало похожих одна на другую.

С конца XVIII в. производство экспортных сельскохозяйственных культур, особенно хлопка, в рабовладельческих штатах быстро возрастало. Вместе с тем капиталистическая промышленность, основанная на использовании труда наемных рабочих и машин, развивалась очень медленно. Правда, в середине XIX в. в связи с особенно бурными темпами промышленного переворота в Северных штатах несколько ускорилось и промышленное развитие Юга. Господство рабовладельческих отношений в Южных штатах отрицательно сказывалось прежде всего на росте населения. В 1790 г. там проживало 1 млн. 853 тыс. человек, в 1860 г. — 12 млн. 433 тыс.; в Северных штатах соответственно — 1 млн. 786 тыс. и 18 млн. 951 тыс. человек⁹. Медленный рост населения оказывал отрицательное влияние и на экономику Юга, в частности на расширение капиталистического производства. По общему признанию современников, рабовладельческие штаты развивались гораздо медленнее, чем остальные¹⁰. Несмотря на то, что правительства Южных штатов поощряли развитие промышленности, а видные политические деятели рабовладельческого Юга горячо призывали производить самим промышленные изделия, основная отрасль промышленного производства Юга США — текстильная промышленность развивалась крайне медленно. Если в начале XIX в. на предприятиях Виргинии и Массачусетса, Мэриленда и Род Айленда было примерно одинаковое количество веретен, то в се-

⁷ И. Я. Разумникова. Н. Г. Чернышевский о гражданской войне в США 1861—1865 гг. «Труды» Воронежского государственного университета. Вып. 3. 1955, т. 42, стр. 36.

⁸ J. A. Partridge. *The Making of the American Nation, or the Rise and Decline of Oligarchy in the West*. L. 1866, p. 291; C. Eaton. *The Growth of Southern Civilization 1790—1860*. N. Y. 1961, p. 33; А. Б. Лакиер. Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и острову Кубе. Т. 2. СПб. 1859, стр. 45, 204.

⁹ J. A. Partridge. *Op. cit.*, p. 291.

¹⁰ «The Weekly Register, Containing Political, Historical etc. Documents, Essays and Facts» (Baltimore). Ed. H. Niles (далее «Niles' Register»), vol. 40. 27. VIII. 1831, p. 454.

редине века положение изменилось. В 1860 г. на Юге насчитывалось около 300 тыс. веретен из общего количества 5 200 тыс. веретен в стране, то есть менее 6% общего числа веретен. В 1860 г. в штатах Новой Англии на каждую фабрику приходилось в среднем по 7 тыс. веретен, а в Южных штатах — менее чем по 2 тыс. веретен. А между тем в рабовладельческих штатах насчитывалось около 15% всех хлопчатобумажных предприятий США¹¹. Таким образом, на Юге они были более мелкими и среди них было очень мало предприятий фабричного типа. Быстрый рост там хлопководства на основе рабского труда и конкуренция английских фабричных изделий на американском рынке обусловили неудачи в области развития промышленности на юге США. Все более или менее крупные текстильные предприятия, которые основывались в Южных штатах, в конце концов разорялись¹². В 1830 г. балтиморская газета отмечала, что на Юге «почти полностью уничтожено все выгодное местное производство, которое в свое время обеспечивало жителей товарами более дешевыми, чем те, которые стали ввозиться»¹³.

Среди других отраслей промышленности рабовладельческого Юга выделялось производство хлопкоочистительных машин — джинов, элементарных и грубых по своей конструкции. Хлопкоочистительная машина была изобретена Уитни в 1793 г., и с тех пор они довольно быстро распространились на рабовладельческом Юге. Хлопкоочистительные машины, за небольшим исключением, изготовлялись в Южных штатах. В середине XIX в. насчитывалось около 60 предприятий, выпускавших такие машины. Накануне гражданской войны ежегодно производилось хлопкоочистительных машин примерно на 1 млн. долларов. Самым крупным производителем машин для очистки хлопка был рабовладельческий штат Алабама с 16 заводами, на которых в 1860 г. было занято 178 рабочих и выработано продукции на 435 тыс. долларов. В Джорджии было 12 предприятий, которые в том же году выпустили машин на 250 тыс. долларов; в Миссисипи три завода с 70 рабочими произвели продукции на 132 тыс. долларов. В штате Техас первая хлопкоочистительная машина была сделана в 1823 г.; накануне гражданской войны там было 4 мануфактуры по производству машин¹⁴. В указанных предприятиях применялся не только труд наемных рабочих, но в какой-то степени использовался и труд негров-рабов. Других отраслей промышленности, которые основывались на использовании труда наемных рабочих, на рабовладельческом Юге не было. В Южных штатах «нет и оружейных фабрик, как нет почти никаких других», — отмечал в 1861 г. Н. Г. Чернышевский¹⁵.

Рабство было главным препятствием на пути капиталистического развития Юга. Предложение наемного труда в штатах крайнего Юга было незначительным, при этом труд рабочего обходился сравнительно дорого. Об этом свидетельствует хотя бы стоимость найма рабов. Плата за наем зависела от квалификации и мастерства раба, а также от предложения рабочей силы. В штатах крайнего Юга в 1800 г. обычный работник-раб отдавался хозяином внаем за 100 долл. в год, в 1860 г. — уже за 200 долл. и более. Наем рабов, имевших квалификацию, стоил значительно дороже. Накануне гражданской войны 1861—1865 гг. в штате Миссисипи, например, молодой кузнец отдавался внаем за 500 дол.,

¹¹ V. S. Clark. *History of Manufactures in the United States*. Vol. I. N. Y. 1929, pp. 452—453; Г. П. Куропятник. Указ. соч., стр. 11.

¹² «A Documentary History of the United States». Ed. R. D. Heffner. N. Y. 1953, p. 95; «Niles' Register», vol. 42, 26.V.1832, p. 225.

¹³ «Niles' Register», vol. 29, 2.X.1830, p. 89.

¹⁴ «Agriculture of the United States in 1860. Compiled from the Original Returns of the Eighth Census (далее — «Eighth Census, Agriculture»). By J. C. G. Kennedy. Washington. 1864, p. XXVI.

¹⁵ «Современник», 1861, № 1 (январь), стр. 177.

а в штате Техас были случаи найма рабов за 600 долларов¹⁶. По данным переписи за 1860 г., на рабовладельческом Юге прослойка различных категорий наемных рабочих была незначительной. В Северной Каролине насчитывалось 18 600 чернорабочих и 900 фабричных рабочих, в Южной Каролине — соответственно 5 800 и 623, в Алабаме — 10 000 и 783, в Миссисипи — 7 100 и 25, в Луизиане — 16 500 и 2. В целом же в США насчитывалось тогда 969 тыс. чернорабочих и 87 тыс. фабричных рабочих¹⁷. Естественно, что до середины XIX в. на рабовладельческом Юге белых наемных рабочих было еще меньше.

Слабое развитие промышленности на Юге США обуславливалось в какой-то степени отсутствием там достаточно развитых средств транспорта. Строительство железных дорог на Юге до середины XIX в. обычно велось в соответствии с интересами плантаторов и торговцев: железные дороги связывали хлопководческие штаты в основном с портами, куда доставлялись товары, производимые трудом рабов, и откуда поступали товары, необходимые для хозяйств плантаторов. Протяженность железных дорог была незначительной. Правда, накануне гражданской войны строительство их и на Юге заметно ускорилося в связи с проникновением туда промышленников Севера. Протяженность железных дорог в основных штатах Юга США составляла в 1840 г. 1 171 миль, в 1850 г. — 1 837 миль, в 1860 г. — 5 233 мили. Всего в США в 1840 г. было 3 328 миль железных дорог, в 1850 г. — 8 879 и в 1860 г. — 30 636 миль¹⁸.

Вследствие одностороннего развития экономики и господства рабства внутренняя торговля на Юге США развивалась гораздо медленнее, чем на Севере. Американский экономист Кэри в 1858 г. писал о неразвитости, незначительности торговых связей Виргинии с Кентукки, Каролины с Джорджией и с Теннесси, вообще между штатами Юга по сравнению с громадным развитием торговли между штатами Северо-Востока¹⁹.

Ко времени окончания войны за независимость Южные штаты по уровню промышленного развития мало чем отличались от Северных. Даже по данным переписи 1810 г. промышленное развитие Юга в целом лишь незначительно уступало Северу²⁰. США были аграрной страной. Но положение стало существенно меняться в связи с быстрым развитием плантационного рабства на Юге и ростом темпов промышленного развития Севера после 1820 года. Северные штаты быстро обгоняли рабовладельческие по уровню промышленного развития. Об общем отставании Юга свидетельствуют, например, такие данные: в 1810 г. Юг произвел промышленной продукции на 49 млн. долл., в 1850 г. — на 168 млн. долларов. На Севере ее выпуск увеличился за то же время с 96 млн. долл. до 845 млн. долларов. В 1859 г. недвижимая и движимая собственность страны оценивалась в 16 млрд. 159 млн. долларов. Из этой суммы доля Севера составляла 10 млрд. 957 млн. долларов. Сельскохозяйственной и промышленной продукции было произведено в том же году в целом по стране на 3 млрд. 736 млн. долл., из них Севером — на 2 млрд. 818 млн. долларов²¹. Современники, имея в виду экономическую отсталость рабовладельческого Юга, быстрое исто-

¹⁶ J. H. Franklin. *From Slavery to Freedom. A History of American Negroes*. N. Y. 1948, p. 180.

¹⁷ «Population of the United States in 1860. Compiled from the Original Returns of the Eighth Census». By J. C. G. Kennedy. Washington. 1864, pp. 662—667.

¹⁸ G. R. Taylor. *The Transportation Revolution 1815—1860*. («The Economic History of the United States». Vol. IV). N. Y.—Toronto. 1951, p. 79.

¹⁹ H. C. Carey. *Letters to the President*. Philadelphia. 1858, Letter № 11, 21.XII. 1858.

²⁰ Г. П. Куропятник. Указ. соч., стр. 10.

²¹ «Очерки новой и новейшей истории США». Т. I, стр. 193; H. U. Faulkner. *American Political and Social History*. N. Y. 1957, p. 295.

шение почвы культурой хлопка, писали об упадке Южных штатов, об «одряхлении» Виргинии, Северной Каролины, Южной Каролины, Джорджии и других штатов. Как писал в 1858 г. Кэри, эти места «своею пустынностью напоминают путешественнику развалины Древней Греции». Даже штат Алабама, который 40 лет тому назад был еще почти не заселен, отмечал тот же автор, «быстро догоняет Каролину и Джорджию: почва там быстро истощается и урожаи сокращаются»²².

Таким образом, хотя говорить о полном экономическом застое в рабовладельческих штатах нет оснований, ибо производство экспортных культур развивалось довольно быстро, прогресс в промышленной области до середины XIX в. был крайне незначительным. Система рабства препятствовала прогрессу Юга, который в экономическом отношении являлся своеобразной колонией, аграрно-сырьевым придатком главным образом Англии и других европейских стран, потреблявших американский хлопок, а также и Севера США.

Вместе с тем следует учитывать, что рабовладельческий Юг производил огромное количество хлопка для мирового рынка. При этом в качестве товара выступали и сами производители — негры-рабы. Плантаторы-рабовладельцы обогащались путем их жесточайшей эксплуатации и извлекали прибыли из работорговли. Как известно, сосредоточение капитала в руках отдельных лиц, создание крупных состояний представляли собой одну из важных сторон процесса первоначального накопления — являлись необходимой предпосылкой возникновения и развития капиталистического способа производства.

В исторической литературе иногда встречаются утверждения, что труд раба на Юге США был невыгодным, малопродуктивным по сравнению с трудом наемного рабочего, и отрицается то обстоятельство, что рабовладельческое хозяйство Южных штатов было прибыльным. Надо иметь в виду, что рабовладелец обладал самой личностью производителя, он эксплуатировал его, как говорится, на износ, присваивал не только прибавочный продукт его труда, но и часть необходимого. Представители господствующего класса Америки, плантаторы и связанные с ними коммерсанты, не скрывали того обстоятельства, что в США негры превращались в собственность рабовладельцев. Об этом цинично говорили конгрессмены, выступавшие, в частности, за соблюдение законов относительно работорговли и рабов. Ф. Л. Олмстед, много путешествовавший по рабовладельческому Югу и хорошо изучивший плантаторское хозяйство, отмечал, что абсолютное большинство негров на плантациях или в других имениях считались обычной собственностью и, по расчету их владельцев, должны были приносить максимальную прибыль²³. «Чем больше негров на плантации или в другом имении, — писал он, — тем в большей степени с ними обращаются, как с обыкновенной собственностью, из которой стремятся извлечь возможно большую прибыль в денежной форме. Это обуславливает относительно большие доходы таких хозяйств»²⁴. Несмотря на то, что урожаи хлопка временами сильно колебались, производство этой культуры для плантаторов было очень выгодным, и они продолжали расширять его, осваивая новые земли. В 1790 г. было собрано 1,5 млн. фунтов хлопка, в 1800 г. — 35 млн. фунтов, в 1810 г. — 85 млн.; к 1820 г. его производство удвоилось, к 1830 г. еще удвоилось по сравнению с 1820 г.; в 1840 г. было произведено 834 млн. фунтов. В 40-х годах, особенно в начале и в конце десятилетия, низкие цены на хлопок несколько сдерживали расширение его производства, и его сбор в 1850 г. увеличился до

²² H. C. Carey. Letters to the President. Letters № 24, 26.II.1858; № 9, 8.I.1858; № 27, 12.III.1858.

²³ F. L. Olmsted. Cotton Kingdom. N. Y. 1953, p. 444.

²⁴ F. L. Olmsted. A Journey in the Back Country. N. Y. 1907, p. 64.

1 млрд. фунтов. Промышленный подъем 50-х годов и высокие цены на хлопок обусловили увеличение производства хлопка в 1860 г. до 2,3 млрд. фунтов²⁵. Хорошо понимая, что Юг США обладает монополией в снабжении хлопком Европы, рабовладельцы иногда искусственно повышали цены на это сырье и получали дополнительные прибыли. В 1850 г., например, американские плантаторы получили дополнительно «около 20 млн. долларов вследствие неурожая хлопка, совпавшего с новым подъемом европейской хлопчатобумажной промышленности»²⁶. В середине века было подсчитано, что повышение цены на $\frac{1}{4}$ пенса за фунт приводило к переплате Англией примерно миллиона фунтов стерлингов (Англия вынуждена была переплачивать до 10 млн. ф. ст. в год²⁷).

Увеличивавшиеся из года в год прибыли от продажи хлопка и некоторых других товаров присваивались сравнительно небольшой частью населения Юга. В 1860 г. из 9 млн. белых южан фактически лишь около 500 тыс. человек извлекали выгоду из рабовладения. Из этого числа выделялось не более десятка тысяч наиболее богатых плантаторов²⁸. Основное богатство этой немногочисленной прослойки крупных рабовладельцев заключалось прежде всего в рабах. В ценностном выражении это «богатство» неуклонно увеличивалось, особенно в середине XIX века. Если в конце XVIII в. здоровый раб продавался за 300 долл., в 1845 г. — за 750 долл., то накануне гражданской войны рабовладелец мог сбыть раба за 1500—2000 долларов. Стоимость рабов за 10 лет, с 1845 г., возросла примерно вдвое²⁹. В 1839 г. сенатор из Кентукки утверждал в конгрессе, что стоимость всех рабов Южных штатов составляет 1 млрд. 200 млн. долл., если считать, что каждый негр стоил 400—500 долларов³⁰. Ко времени гражданской войны эта сумма значительно возросла. Богатство крупных плантаторов-аристократов выражалось не только в том, что они имели большое количество рабов. С помощью жесточайшей эксплуатации этой «собственности» они добивались производства большого количества товарной продукции для рынка, стоимость которой постоянно возрастала. В начале XIX в. фунт хлопка стоил примерно 3,5 цента; с середины 40-х годов наблюдалось заметное повышение цен до 4—9 и более центов за фунт, за десятилетие, с 1845 по 1855 г., цена на хлопок увеличилась на 40%³¹.

Большая часть прибыли от сбыта хлопка попадала в руки крупных плантаторов, ибо они производили более половины всего хлопка рабовладельческого Юга и притом специально на рынок. Другая часть хлопка производилась рабовладельцами, у которых число рабов едва ли превышало количество членов их семей. Эти семьи использовали хлопок и для собственных нужд. В целом же на рабовладельческом Юге плантационная система, связанная с производством товаров на рынок, являлась преобладающей³². На американских плантациях господствовали «капиталистические представления»³³. Основной целью производства было получение прибыли в денежной форме. По подсчетам американских авторов, в 1850 г. тысяча самых богатых семей Юга получила от продажи товаров, произведенных рабами, доход в 50 млн. долл., в то время как 660 тыс. семей получили около 60 млн. долларов. Круп-

²⁵ E. N. Elliott. *Cotton is King and Proslavery Arguments*. Augusta (Ga.). 1860, p. 251—252; M. B. Hammond. *The Cotton Industry*. N. Y. 1897, Appendix, p. 357.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 460.

²⁷ J. A. Partridge. *Op. cit.*, pp. 87, 137.

²⁸ A. M. Simons. *Social Forces in American History*. N. Y. 1926, p. 224.

²⁹ H. U. Faulkner. *Op. cit.*, p. 286.

³⁰ «Appendix to the Congressional Globe», 3-d Sess., 25-th Cong. 1839, vol. VII, pp. 167, 357.

³¹ J. A. Partridge. *Op. cit.*, pp. 87, 137; H. U. Faulkner. *Op. cit.*, p. 286.

³² U. B. Phillips. *Op. cit.*, p. 226.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 368.

ные плантаторы, обогащаясь за счет эксплуатации рабов, «все более и более концентрировали в своих руках богатство» Юга. По степени концентрации богатства и доходов Юг США превосходил тогда наиболее развитые промышленные страны³⁴.

Небольшая группировка рабовладельческой аристократии в период интенсивного распространения рабства баснословно обогащалась. Уже в конце XVIII в. отдельные рабовладельцы извлекали огромные прибыли из производства хлопка. Например, крупный плантатор Южной Каролины Хэмптон-первый из Миллвуда, имевший 86 негров-рабов, в 1799 г. получил урожай хлопка в 600 кип на сумму 90 тыс. долларов. В 1835 г., в год его смерти, о нем говорили как об одном из богатейших плантаторов Соединенных Штатов. Одновременно Хэмптоны, имевшие хлопковые плантации в Южной Каролине и сахарную плантацию в Луизиане, расширяли свои владения, приобретали рабов и новые земли на Западе. На одной из крупных плантаций, расположенной на Миссисипи, Хэмптон-третий собрал в 1850 г. 453 кипы хлопка и 5 тыс. бушелей зерновых. Кроме того, он владел еще пятью другими плантациями на Миссисипи. Всего в середине века он имел 10 409 акров земли и 900 негров-рабов³⁵. Дж. Бонд из Джорджии в середине XIX в. поставлял на рынок иногда до 2 200 кип хлопка в год; многие луизианские плантаторы, особенно в районе округа Конкордии, производили его еще больше. Плантатор из штата Миссисипи Д. Данкэн получал урожай до 3 000 кип, а некий Л. Р. Маршалл, имевший плантации в Луизиане, Миссисипи и Арканзасе, обычно поставлял на рынок ежегодно 4 000 кип хлопка. Если считать, что в середине века фунт хлопка сбывался по 9—10 и даже по 11 центов (13—14 коп. серебром), то есть каждая кипа — по 40—45 долл., то можно представить себе, какие барыши получали эти плантаторы. Самый крупный плантатор и банкир рабовладельческого Юга С. Данкэн, проживавший в Южной Каролине, владел в различных штатах Юга 8 плантациями, на которых трудилось свыше тысячи рабов. В 1850 г. его рабы произвели 4 тыс. кип хлопка, примерно на 200 тыс. долларов³⁶.

Для того, чтобы яснее представить себе сам процесс получения прибылей рабовладельцами, необходимо выяснить вопрос о степени эксплуатации рабов — о том, какой доход мог дать каждый негр-раб. Современники отмечали, что рабовладелец ежегодно расходовал на содержание раба 25—30 долл., хотя эта сумма часто была меньше. В течение года здоровый раб обеспечивал собственнику общий доход в 120 долларов. Таким образом, за вычетом стоимости содержания раба, «по самым скромным подсчетам, рабовладелец мошеннически обогащался, получая прибыль по 90 долл. в год» от каждого раба³⁷. Вот некоторые сведения, приведенные самими плантаторами. Один из плантаторов штата Джорджия на основании довольно тщательных подсчетов пришел к следующему заключению: за 18-летний период (с 1830 г. по 1847 г.) чистый доход от каждого раба в среднем составил 83 долл. в год; самый высокий доход — по 137 долл. на раба — был получен в 1835 г., а самый низкий — по 41 долл. — в 1836 году. Более низкий доход был получен в связи с понижением цен на хлопок в период начавшегося экономического кризиса в Европе и США. Заметим, что цены на хлопок во время кризисов резко падали. Например, в 1833 г. в ряде

³⁴ E. C. Kirkland. A History of American Economic Life. N. Y. 1940, p. 184; B. Brawley. A Short History of the American Negro. N. Y. 1939, p. 55; H. U. Faulkner. *Op. cit.*, p. 285.

³⁵ C. Eaton. *Op. cit.*, pp. 29, 43; «The Plantation South». By K. M. Jones. Indianapolis — N. Y. 1957, p. 360.

³⁶ U. B. Phillips. *Op. cit.*, p. 226; C. Eaton. *Op. cit.*, p. 43; А. Б. Лакнер. Указ. соч., стр. 235.

³⁷ B. W. Noel. Freedom and Slavery in the United States of America. L. 1863, p. 66.

округов Джорджии, когда начался промышленный подъем, хлопок сбывался в среднем по 41 центу за фунт, а во время кризиса 1847 г. в Европе — по 14 центов. Во всяком случае, рабовладельцы получали прибыль, в несколько раз превышавшую сумму, которая шла на содержание непров-рабов. Богатые урожаи хлопка, особенно на землях Запада, были для рабовладельцев «золотым руном», отмечал У. Б. Филлипс³⁸. Прибыли, получаемые от эксплуатации рабов, могли быть использованы рабовладельцем для различных целей. Если же само хозяйство не приносило рабовладельцу достаточного дохода, он мог продать его вместе с рабами. «Накопленный» такими способами денежный капитал плантатор мог вкладывать в какое-либо предприятие; сам он имел возможность стать членом железнодорожной или другой компании, превратиться в промышленника, что накануне гражданской войны нередко и происходило. Плантационное хозяйство, способствуя обогащению господствующего класса Юга, накоплению капитала, создавало известные предпосылки для развития капиталистического уклада не только в Южных штатах.

Плантаторы-рабовладельцы получали далеко не всю прибыль от неоплаченного труда рабов. «В то время как плантаторы монополизировали производство хлопка, концентрировали в своих руках рабов и таким путем увеличивали богатства, они, по существу, обеспечивали доходы и другим, являлись столпами богатства северян, которые в конечном счете получали прибыли от труда рабов южных плантаций»³⁹, — подчеркивал У. Е. Додд. Одним из важнейших условий развития плантационного рабства была работорговля. Без постоянного пополнения плантаций рабами, при особо хищнической эксплуатации их производство экспортных культур не могло бы развиваться так интенсивно. При этом негры были объектом наживы еще до того, как они попадали на плантации. Африканская и внутренняя торговля рабами продолжала занимать видное место в сколачивании капиталов буржуазией США. В конце XVIII в. из Африки в США ежегодно ввозилось 5—6 тыс. рабов. Предполагается, что с 1808 г. до гражданской войны в США, несмотря на запрет, было ввезено около 500 тыс. африканских негров-рабов. Но негры доставлялись не только в США. Как правило, американские работорговцы привозили негров сначала на Кубу и в Бразилию, так как эти страны были открыты для африканской работорговли. Затем различными способами негров доставляли в Южные штаты. Таким образом, работорговцы США обогащались и от торговли африканскими неграми с Кубой и Бразилией, ибо в то время во всем западном полушарии дельцы США занимали господствующее положение в работорговле. В 1828 г., например, только в Рио-де-Жанейро было ввезено 46 160 рабов. Торговля африканскими неграми, отмечал У. Дюбуа, велась главным образом на капиталы США, на кораблях с экипажами США и под флагом Соединенных Штатов⁴⁰.

Хотя в период наиболее интенсивного развития плантационного рабства в США африканская работорговля считалась контрабандой и невозможно более или менее точно определить масштабы прибылей, извлекавшихся из нее, все же на основании имеющихся данных можно сделать вывод, что она была, несомненно, прибыльной для работорговцев. Даже если один из трех рейсов был удачен, работорговцы остава-

³⁸ U. B. Phillips. Op. cit., p. 225; e j u s d. Life and Labor in the Old South. N. Y. 1929, p. 100.

³⁹ W. E. Dodd. The Cotton Kingdom. New-Haven. 1919, pp. 29—30.

⁴⁰ J. R. Spears. The American Slave-Trade. An Account of its Origins, Growth and Suppression. L. 1901, p. 147; A. H. Foot. Africa and the American Flag. N. Y. 1859, p. 98; W. E. B. Du Bois. The Suppression of the African Slave-Trade to United States of America 1638—1870, N. Y. 1904, p. 162.

лись с барышом⁴¹. Например, капитан Т. Кэнот в своей автобиографии «Двадцать лет участия в африканской работорговле» писал о баснословных барышах, которые приносила торговля неграми. Он сообщает о рейсе невольничьего судна из Гаваны в Африку в 1827 г., доставившего на Кубу 217 рабов. С Кубы, как известно, негры доставлялись и в США. Чистая прибыль от этого шестимесячного плавания составила 41 449 долларов⁴². С развитием судоходства, с появлением океанских паровых судов прибыли от африканской работорговли заметно возросли, особенно накануне гражданской войны, когда, по существу, работорговля стала легальной. В 1850 г., по подсчету У. Дюбуа, 40 невольничьих судов, которые ежегодно отправлялись из восточных портов, приносили прибыль примерно в 17 млн. долл. в год. В 1858 г. некто Г. В. Ламар из г. Нэшвилля, штат Теннесси, решил заняться торговлей африканскими неграми. Он затратил на оснащение невольничьего парового судна 300 тыс. долларов. За один рейс из Африки было привезено 1 200 негров, которые были проданы в среднем по 650 долларов. Таким образом, общая прибыль составила 780 тыс. долларов. Выходит, что чистый доход от работорговли равнялся 480 тыс. долларов. Торговля африканскими неграми, отмечал У. Дюбуа, являлась важным «процветающим бизнесом» для США. Центром этой торговли являлся Нью-Йорк, который до уничтожения рабства в США «был главным портом мира, через который велась эта позорная коммерция»; города Портленд и Бостон хотя и считались второстепенными, однако тоже обогатились за счет торговли африканскими неграми⁴³.

Во время особенно бурного развития плантационного рабства в США рынок рабского труда пополнялся большей частью рабами из так называемых пограничных штатов. Внутренняя работорговля в отличие от африканской, которая велась, пока существовало в Америке рабство, «начала приобретать значение в конце XVIII в., когда применение рабского труда на табакотводческих плантациях Мэриленда и Виргинии становилось все более и более невыгодным». Уже тогда эти штаты специально занимались «разведением» рабов для продажи, и внутренняя торговля неграми-рабами была там достаточно развита⁴⁴. В связи с официальным запрещением ввоза негров-рабов из Африки с 1808 г. внутренняя работорговля становится более выгодной. Быстрое развитие текстильной промышленности в различных странах требовало огромного количества хлопка. С окончанием англо-американской войны 1812—1814 гг. и установлением мира с Англией усилился поток переселенцев на Запад, в частности на свободные земли Юго-Запада, в «королевство хлопка». Спрос на рабов в хлопководческих районах сильно возрос, и внутренняя работорговля была поставлена на солидную коммерческую основу. Почти в каждом городе Юга были созданы конторы, аукционы, загоны для рабов, тюрьмы и другие «необходимые учреждения для эффективного ведения выгодных операций», связанных с работорговлей⁴⁵. Важнейшими центрами работорговли были города Вашингтон и Новый Орлеан.

В рабовладельческих штатах Юга существовала целая сеть сухопутных и водных путей, по которым рабы из Виргинии, Мэриленда, Северной Каролины, Кентукки и некоторых других пограничных штатов доставлялись в основные хлопководческие штаты: Джорджию, Алабаму, Миссисипи, Луизиану и другие. Временами примерно около полови-

⁴¹ J. R. Spears. Op. cit., p. 85. См. также М. Ю. Френкель. США и работорговля в XIX в. (1808—1861). «Колониализм вчера и сегодня». М. 1964, стр. 22.

⁴² J. R. Spears. Op. cit., pp. 85—87.

⁴³ W. E. B. Du Bois. Op. cit., pp. 178—180; J. R. Spears. Op. cit., pp. 197—198.

⁴⁴ E. F. Frazier. The Negro in the United States. N. Y. 1957, p. 46; J. H. Franklin. Op. cit., p. 174.

⁴⁵ Ibid., p. 176.

ны негров-рабов отправлялось на рынки Юга на судах вдоль восточного побережья США. Таким образом, на внутренней торговле неграми наживались те, кто занимался «разведением» рабов для продажи, различного рода посредники-маклеры, а также судовладельцы. Сезонной наиболее интенсивной внутренней торговли рабами было время с ноября до апреля. Однако местные торговцы обычно закупали негров-рабов раньше, в течение лета и осенью, выбирая удобный момент, когда цены на них становились низкими. Затем рабов приучали к определенному порядку, «брили, отмывали и откармливали их так, чтобы они выглядели достаточно прилизанными», и продавали с большой выгодой оптовым торговцам. Работоторговец видел в невольнике только временно находящийся в его руках товар, на котором он должен был заработать. Перегоняя свой закованный в цепи «груз» на Юг, он заботился главным образом о том, чтобы рабы были доставлены туда живыми и без потерь. С ноября почти до начала апреля негры «ежедневно отправлялись водным путем или по железным дорогам примерно так же, как скот, в товарных вагонах». Оптовые работоторговцы, в свою очередь, продавали негров в штатах крайнего Юга с большой выгодой⁴⁶.

Торговцы рабами получали солидные прибыли в результате того, что, купив рабов в пограничных штатах, они продавали их по более высокой цене в хлопководческих штатах. В начале XIX в. торговец мог купить здорового раба в Виргинии за 350 долл. и продать его в Луизиане примерно за 500 долларов. С распространением рабства на земли Запада цены на рабов «как на северных, так и на южных рынках имели тенденцию к возрастанию». Цены росли особенно быстро накануне гражданской войны. Например, в 1860 г. здоровый раб покупался работоторговцем в Виргинии в среднем за 1 000 долл. и продавался в Новом Орлеане за 1 500 долларов. О какой-либо стабильности цен на рабов в различных штатах говорить очень трудно: в различных частях Юга они были разными⁴⁷. Разумеется, трудно судить о размере прибылей работоторговцев. Но имеются некоторые сведения о продаже негров рабовладельцами, которые занимались их подготовкой для продажи. Так, например, виргинская газета «Times» в октябре 1836 г. сообщала, что не менее 40 тыс. рабов было продано из штата Виргиния в другие штаты в течение предшествовавшего финансового года и что от продажи рабов в среднем по 600 долл. за каждого рабовладельцы штата выручили 24 млн. долларов. С 1840 г. по 1850 г. из пограничных штатов было вывезено 235 тыс. негров-рабов, то есть ежегодно в среднем по 23,5 тыс. рабов на сумму 16 млн. долларов. Виргиния ежегодно продавала примерно 12 тыс. рабов на 8 400 тыс. долларов⁴⁸. В десятилетие перед гражданской войной, как отмечал Ф. Л. Олмстед, ежегодно из штатов, которые «занимались разведением рабов», в семь рабовладельческих штатов крайнего Юга поставлялось по 26 300 рабов. Их стоимость составляла примерно 25 млн. долларов. Значительную долю этой суммы получали рабовладельцы Виргинии. С 1820 г. по 1860 г. почти миллион негров был переброшен из старых и пограничных штатов в штаты крайнего Юга. Подавляющее большинство их переправлялось и продавалось профессиональными работоторговцами и оптовыми торговцами⁴⁹. Кроме обычных маклеров, Юг США изобилует различного рода спекулянтами и авантюристами, которые в погоне за прибылью применяли отвратительные методы торговли людьми. Нередко были случаи, когда и свободные негры, обманутые или насильственно захвачен-

⁴⁶ J. H. Simpson. *Horrors of the Virginian Slave-Trade and of the Slave-Rearing Plantations*. L. 1863, p. 4.

⁴⁷ J. H. Franklin. *Op. cit.*, p. 179.

⁴⁸ J. H. Spears. *Op. cit.*, p. 182; J. H. Simpson. *Op. cit.*, p. 4.

⁴⁹ F. L. Olmsted. *Journeys and Explorations in the Cotton Kingdom*. Vol. I. L. 1861, p. 58; L. M. Hacker. *The Triumph of American Capitalism*. N. Y. 1940, p. 295.

ные, становились объектом наживы. Внутренняя работоторговля признавалась законной, являлась «бизнесом» и не осуждалась официальным общественным мнением. Прибыли, полученные от «торговли человеческими существами», вкладывались потом их владельцами в различного рода предприятия, в том числе и промышленные. Таким образом, работоторговля содействовала промышленному прогрессу Америки.

Наибольшие же «коммерческие выгоды» из труда негров-рабов извлекали северяне и англичане в связи с тем, что с конца XVIII в. хлопок превращался в основу для развития фабричной текстильной промышленности Европы и севера США. В середине XIX в. рабовладельческий юг США давал $\frac{7}{8}$ мирового производства хлопка⁵⁰. По статистическим данным мы имеем возможность проследить, промышленность каких стран зависела от американского хлопка. Хотя полных сведений о его производстве до 1821 г. нет, тем не менее различные источники дают возможность установить более или менее объективные данные.

Примерно с начала XIX в. производство и экспорт хлопка быстро возрастали по мере развития текстильного производства в странах Европы и в США. Американский хлопок потреблялся прежде всего фабричной хлопчатобумажной промышленностью Англии, а также французской промышленностью. В 1820 г. в Англию было экспортировано около 80 млн. фунтов хлопка, в 1850 г.—474 млн., в 1855 г.—672 млн. и в 1860 г.—1 млрд. 230 млн. фунтов. В 1821 г. Франция закупила в США 27 млн. фунтов хлопка, с 1845 г. по 1849 г.—696 млн., в 1850—1854 гг.—785 млн. и в 1855—1859 гг.—968 млн. фунтов⁵¹. За последние полтора десятилетия перед гражданской войной экспорт хлопка в Англию возрос на 51% и составлял приблизительно 55—60% урожая Юга США. Экспорт хлопка во Францию за те же годы увеличился на 39% и составлял 12—13% урожая Южных штатов. Но эти страны, в свою очередь, перепродавали хлопок: Англия — во Францию, германские государства и Россию⁵²; Франция — в Швейцарию и германские государства. В самих США в середине XIX в. потреблялось примерно 20—25% урожая Юга: в 1850 г.—263 млн. фунтов из 1 001 млн. фунтов собранного хлопка, в 1860 г.—470 млн. фунтов из 2 млрд. 275 млн. фунтов. Именно «царство хлопка, определявшее всю жизнь Юга, снабжало необходимым сырьем быстро развивавшуюся текстильную промышленность США»⁵³. Кроме хлопка, рабовладельческий Юг производил на экспорт табак, сахар, рис. Но эти культуры не имели существенного значения для экономики США, так же как и других стран. В целом же более $\frac{2}{3}$ всего экспорта США падало на долю товаров рабовладельческого Юга⁵⁴. При этом хлопок являлся главным предметом вывоза. Он был основой для быстро развивавшейся хлопчатобумажной фабричной промышленности. И в этом заключается огромное значение труда американских негров-рабов. «Рост производства хлопка и его экспорт — отмечала американская статистика, — способствовали быстрому развитию промышленного производства в Англии и США»⁵⁵.

Американский хлопок оказывал, помимо прямого, косвенное влияние на развитие капиталистической промышленности. «На Севере очень

⁵⁰ «Eighth Census, Agriculture», p. XXVI.

⁵¹ «Abstract of the Seventh Census. Report of the Superintendent of the Census for December 1, 1852». Washington. 1853, pp. 66, 67; M. B. Hammond. Op. cit., p. 357; E. F. Frazier. Op. cit., p. 38; «New York Herald» (ed. for Europe), 15.II.1860, p. 44.

⁵² Например, в 1858 г. Россия закупила на 18 млн. серебряных рублей американского хлопка («Letter of the Secretary of State Transmitting a Report of Commercial Relations of the United States with Foreign Nations». Washington. 1861, p. 8).

⁵³ M. B. Hammond. Op. cit., p. 357; S. D. Walton. American Business and its Environment. N. Y.—L. 1966, p. 27.

⁵⁴ «Appendix to the Congressional Globe», 34-th Cong., 3-d Sess. Washington. 1857, p. 144.

⁵⁵ «Eighth Census, Agriculture», p. XXVI.

немного старинных семей, благополучие или начало обогащения которых не связано с рабством», — отмечала газета «The Worker». Именно порабощение африканских негров, прибыли от их жестокой эксплуатации, подчеркивала газета, были «одним из основных источников первоначального накопления в развитии американского капитализма»⁵⁶. Первостепенное значение в обогащении купцов и биржевиков Севера постепенно приобретала торговля продуктами труда рабов, в частности перевозка через океан огромного количества хлопка, а также отчасти табака, сахара, риса. Приведем прежде всего некоторые данные об общей стоимости экспортных товаров рабовладельческого Юга, а затем определим, какая часть ее оседала в банках Севера. В 1790 г. США вывезли различных товаров на 7 млн. 599 тыс. долларов. Из этой суммы товаров, произведенных рабами, было экспортировано на 4 млн. 205 тыс. долл.: табака — на 2 млн. 777 тыс. долл., риса — на 954 тыс. долл., индиго — на 474 тыс. долларов. Кроме того, из Южных штатов вывозились и другие товары, например, зерновые, которых было экспортировано в том же году более чем на 1 млн. долларов. Правда, поставщиками зерновых были и Северные штаты. Во всяком случае, более половины экспорта составляли товары Юга⁵⁷. В XIX в. Юг США становится основным поставщиком хлопка на мировой рынок. По данным министерства финансов, в течение года, предшествовавшего экономическому кризису 1857 г., США экспортировали товаров своего производства на 266 млн. 483 тыс. долл., из них хлопка — на 128 млн. 382 тыс. долл., табака — на 12 млн. 222 тыс. долл., риса — на 2 млн. 390 тыс. долларов. Всего за указанный год из рабовладельческих штатов было вывезено товаров на сумму 172 млн. 995 тыс. долл., а из Северных штатов только на 83 млн. 444 тыс. долларов. В 1859 г. США экспортировали хлопка на 204,1 млн. долл., табака — на 21 млн. долл., всего товаров рабовладельческих штатов — на 262 млн. долларов⁵⁸.

Значение хлопка в торговле США начинает заметно увеличиваться в начале XIX века. Большие прибыли от торговли хлопком были получены купцами Нью-Йорка, особенно выходцами из старинных семей. Торговля хлопком осуществлялась в основном через нью-йоркских купцов, банкиров, биржевиков, которые обладали $\frac{3}{4}$ торгового флота, занимавшегося перевозкой товаров Юга через океан. Современники отмечали, что все прибыльные операции, связанные с судоходством, торговлей, банковским делом, страхованием и т. д., совершались главным образом в Нью-Йорке. Располагая денежными капиталами и торговым флотом, буржуазия Нью-Йорка контролировала экономику Юга, извлекая огромные прибыли из эксплуатации рабов. В начале 30-х годов XIX в. комиссия, созданная законодательным органом штата Алабама с целью определения размера прибылей, пришла к выводу, что одна треть стоимости хлопка полностью шла нью-йоркским купцам. Примерно через 20 лет было подсчитано, что нью-йоркские бизнесмены получали 40 центов от каждого доллара, уплаченного за хлопок, который производился рабами Юга⁵⁹. Об увеличении денежного капитала торговой и банковской буржуазии наглядно свидетельствует возрастание стоимости экспортированных товаров рабовладельческого Юга, приходящихся на каждого раба. Если в 1800 г. вывезено было товаров на 16,1 долл. в расчете на одного негра-раба, то в 1859 г. — на 65,6 долла-

⁵⁶ «The Worker», 2.VIII.1966.

⁵⁷ «Annals of the Congress of the United States, 3-d Congress. Debates and Proceedings in the Congress of the United States». Washington. 1849, p. 332.

⁵⁸ «Appendix to the Congressional Globe», 34-th Cong., 3-d Sess., 1857, p. 144; T. P. Kettell. Southern Wealth and Northern Profits. Alabama. 1965, p. 48.

⁵⁹ T. P. Kettell. Op. cit., p. 98; Ph. S. Foner. Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. Chapel Hill. 1941, p. 7.

ра⁶⁰. С увеличением вывоза товаров Юга, прежде всего хлопка, прибыли банкиров и торговцев Нью-Йорка, несомненно, возрастали.

Торговлей американским хлопком, его перевозкой занимались в какой-то степени и торговцы других городов США, а также английские купцы. Торговые компании и банки извлекали, пожалуй, больше прибыли от продажи хлопка, чем сами плантаторы Юга, потому что владельцы хлопковых полей должны были часть прибылей затрачивать на воспроизводство рабочей силы (покупку новых рабов), на приобретение необходимых предметов для плантаций и неистощенных земель. Не случайно часть плантаторов Юга попадала в кабалу к северянам, находилась в неоплатных долгах у купцов и банкиров Нью-Йорка и вынуждена была продавать урожай хлопка заранее, когда еще он не был собран⁶¹. И если плантаторы-должники разорялись, становились неплатежеспособными, то в таких случаях на аукционе при распродаже собственности плантатора Юга нью-йоркский кредитор забирали и рабов. Например, незадолго до гражданской войны один компаньон бродвейской фирмы таким путем стал обладателем 1 200 рабов, другой — 300 рабов. Такие дельцы-северяне или продолжали эксплуатировать рабов, или же распродавали рабов и вкладывали полученный капитал в торговые и промышленные предприятия. Вообще биржевики и члены разного рода компаний Севера стремились к тому, чтобы вся деловая жизнь Юга «предопределялась в городе Нью-Йорке»⁶².

Североамериканская буржуазия получала прибыли не только от транспортировки большого количества товаров рабовладельческого Юга. Федеральные тарифы давали возможность фабрикантам Севера через посредство разного рода торговцев держать в своих руках монополию по снабжению Юга необходимыми товарами и получать дополнительно высокие прибыли. С ускорением темпов промышленного развития США, особенно с 20-х годов XIX в., рабовладельческий Юг все больше превращался в рынок сбыта для промышленности Северо-Востока США. Первоначально североамериканские дельцы поставляли в рабовладельческие штаты грубые шерстяные изделия, необходимые для рабов и фермеров. С 1824 г. до 1828 г. основной поток грубых шерстяных товаров для южного рынка направлялся компанией «Кэнтон компани» из Массачусетса. Позднее, в связи с введением пошлин на грубые сорта шерсти и конкуренцией на южном рынке со стороны фабричных хлопчатобумажных изделий, она уступила место другим компаниям, продав одной из них все свое имущество. В дальнейшем закупки товаров плантаторским Югом увеличивались. При этом все большее место в торговле занимали компании Нью-Йорка. В 1849 г. нью-йоркские бизнесмены сбыли на Юг различных товаров на 76 млн. долл., десять лет спустя — на 131 млн. долларов. Общая же прибыль коммерсантов Нью-Йорка от сбыта товаров, торговли хлопком, работ торговли и т. д. была гораздо выше. В середине века от торговли с пятью рабовладельческими штатами Юга они получали ежегодно прибыль на сумму в среднем 200 млн. долларов⁶³. Торговые дела с Югом вела также буржуазия Бостона, Хартфорда и других городов, поэтому общая прибыль буржуазии Севера была еще выше. В 1850 г. товаров североамериканского производства было продано в Южных штатах на 146 млн. долл., в 1859 г. — примерно на 240 млн. долл.; кроме того,

⁶⁰ Т. Р. Kettell. *Op. cit.*, p. 48. Увеличение производства экспортных культур на рабовладельческом Юге было обусловлено главным образом тем, что труд рабов концентрировался на выращивании хлопка, а также усилением степени эксплуатации негров и введением некоторых технических усовершенствований, в частности хлопкоочистительных машин.

⁶¹ Н. Г. Чернышевский. *Полн. собр. соч.* Т. VIII. М. 1950, стр. 400.

⁶² Ph. S. Foner. *Op. cit.*, p. 3; «New York Daily Tribune». 15.X.1860.

⁶³ «Niles' Register», vol. 41. 22.X.1831; Ph. S. Foner. *Op. cit.*, p. 7.

преимущественно торговцами Севера туда было доставлено импортных товаров на 106 млн. долларов⁶⁴.

В изданном в 1860 г. памфлете Т. Кеттелла отмечалось, что какая-то часть труда любого ремесленника оплачивалась за счет эксплуатации негров-рабов Юга; что все те, кто занимался перевозкой товаров, в большей или меньшей степени обогащались от торговли с той же частью страны. От «активного взаимного обмена» между Севером и Югом, отмечал Кеттелл, зависит положение агентов, продающих промышленные изделия; купцов и судовладельцев, которые занимаются перевозкой и сбытом импортных товаров; судостроителей и торговцев лесоматериалами; всех тех, кто снабжает южан необходимыми средствами существования; маклеров и различного рода торговцев, занимающихся торговлей продуктами Юга; биржевых дельцов, банкиров, страховых компаний и вообще всех, кто принимает участие «в получении и распределении» продукции Юга; лиц, связанных со строительством различного рода помещений и занятых в сфере образования, отправления религиозных культов, в разного рода увеселительных предприятиях, на транспорте и т. д. Перечислив разные слои населения, которые получали прибыли или какие-либо средства в результате существования на Юге системы рабства, Кеттелл заключал, что «в течение года оборот между Севером и Югом составляет примерно миллиард долларов»⁶⁵.

Торговля и спекуляция американским хлопком обогащали и английских дельцов. В XIX столетии, как подчеркивал К. Маркс, торговля продуктом рабского труда — хлопком — составляла «материальную основу могущества Ливерпуля»⁶⁶. Следует также учитывать, что в период, когда производство хлопка неуклонно увеличивалось, английские торговцы и фабриканты закупали его по сравнительно невысоким ценам, а «тот же самый хлопок в виде хлопчатобумажной материи или одежды поступал обратно из Англии по очень высоким расценкам». США ежегодно теряли таким путем десятки миллионов долларов⁶⁷.

Огромные прибыли английских фабрикантов от хлопчатобумажной промышленности служили, в свою очередь, источником расширения капиталистической промышленности Англии и источником индустриального развития Соединенных Штатов. Как подчеркивал К. Маркс, США пользовались более всех других стран английским торговым и денежным кредитом. Особенно после революции 1848 г. усилился приток в Соединенные Штаты европейского капитала, который поступал туда отчасти вместе с иммигрантами, отчасти же был вложен в американские государственные бумаги. Экономические кризисы также способствовали приливу капиталов в Америку. Например, Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст. почти исключительно благодаря вывозу английских товаров. В 1861 г. К. Маркс писал, что «английские капиталовложения в Соединенных Штатах превосходят весь капитал, вложенный в английскую хлопчатобумажную промышленность, американские же капиталовложения в Англии равны нулю»⁶⁸. Эти капиталы, полученные через систему международного кредита, представляли собой один из скрытых источников первоначального накопления и индустриального развития США. Плантационное рабство оживляло также мировую торговлю, потому что при перевозке хлопка в Европу на обратном пути корабли везли в Америку хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, иммигрантов, а также рабов из Африки.

⁶⁴ Т. Р. Kettell. *Op. cit.*, p. 73.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 75.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 469.

⁶⁷ В. Brawley. *Op. cit.*, p. 54; «Niles' Register», vol. 42. 14.IV.1832.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 446.

В 1847 г. К. Маркс отмечал: «Подобно машинам, кредиту и т. д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немислима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности»⁶⁹. Для Англии, являвшейся тогда первой промышленной и колониальной державой мира, рабство негров было опорой главной отрасли ее хозяйства — хлопчатобумажной фабричной промышленности и вместе с тем источником прибылей вплоть до гражданской войны в США.

На США плантационное рабство оказало более разностороннее и противоречивое воздействие. Наряду с влиянием рабства на развитие американской капиталистической промышленности следует учитывать и ту роль, которую рабство негров сыграло в формировании общественных отношений, в развитии американской нации. В данном случае лишь отметим, что, с одной стороны, рабство отталкивало от Южных штатов переселенцев и иммигрантов, которые в массе своей устремлялись в штаты Севера, и это в определенной степени ускоряло процесс создания там рынка наемной рабочей силы; с другой стороны, наличие рабства исключало возможность создания рынка наемного труда на значительной части территории страны, суживало рынки сбыта для развивавшейся промышленности, что в известной мере сдерживало переход к фабричному производству в масштабе всей страны. Следует отметить также отрицательное влияние рабства на политическую и идеологическую жизнь страны. Американская демократия периода рабства приобрела те уродливые формы, которые во многих отношениях сохраняются и в настоящее время. В период существования рабства идеологами рабовладения были созданы чудовищные человеконенавистнические расовые теории, которые в эпоху империализма были воскрешены и подновлены американской буржуазией.

Отмена рабства стала возможна и необходима в связи с тем, что хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и других стран, и, что особенно важно, в связи с наступлением в США периода бурного развития промышленного капитализма. Вследствие усиленной европейской иммиграции и интенсивной разработки богатых полезных ископаемых в США происходило быстрое развитие промышленного капитализма. Дальнейшее промышленное развитие Америки требовало превращения большей части трудящегося населения, в том числе и рабов, в наемных рабочих, создания емкого внутреннего рынка. Поэтому, несмотря на то, что плантационное рабство негров в середине XIX в. оставалось по-прежнему весьма важным источником прибылей для торговой и банковской буржуазии, в целом оно стало препятствием на пути превращения Соединенных Штатов в крупную промышленную капиталистическую державу.

К. Маркс считал, что рабство негров — «чисто промышленное рабство, — которое все равно исчезает с развитием буржуазного общества и с ним несовместимо, *предполагает это развитие*»⁷⁰. Являясь, таким образом, одной из важных предпосылок быстрого развития капитализма, перехода к фабричной системе производства, рабство стало величайшим препятствием для развития буржуазного общества Америки и было уничтожено в результате гражданской войны.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 135.

⁷⁰ «Архив Маркса и Энгельса». Т. IV, стр. 225.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА

(ОПЫТ ТВОРЧЕСКОГО ПОРТРЕТА)

В. Д. Королюк

И сегодня, когда прошло более двадцати лет с тех пор, как скончался Владимир Иванович Пичета, образ его стоит перед моими глазами как живой. На пороге собственного пятидесятилетия я все еще ощущаю непосредственную связь со своим умудренным жизнью учителем. Вспоминая заседания аспирантского семинара Владимира Ивановича (1943—1947 гг.), я вновь возвращаюсь к тем мыслям и чувствам, которые волновали делавшего свои первые шаги в славистике научного работника два десятилетия назад. Годы не стерли в памяти того особого волнения, того настроения острого умственного подъема и напряженного ожидания большого, значительного разговора, с которыми, бывало, являлся я, как и мои товарищи, на руководимые Владимиром Ивановичем заседания сектора славяноведения Института истории АН СССР, кафедры западных и южных славян истфака МГУ и прежде всего на собиравшиеся у него дома семинары аспирантов.

Я глубоко уверен, что каждый или почти каждый из нас, учеников и сотрудников Владимира Ивановича, возвращаясь к прошлому, думает и чувствует так же, как думаю и чувствую я, пишущий эти строки. И, может быть, именно поэтому до сих пор нет еще достаточно полной научной биографии покойного учителя, историка необычайно широкого, редко повторяющегося научного кругозора, с успехом исследовавшего как проблемы средневековой истории восточного и западного славянства, связанные с кропотливыми источниковедческими разработками, так и сложные, непременно требующие синтетического образа мышления вопросы новой и новейшей истории народов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии. Объективно необходимость в действительно научной биографии историка, заложившего основы возрождения в СССР историко-славистических исследований, осознается всеми; субъективно — лица, хорошо знавшие этого во всех отношениях замечательного исследователя, еще не вполне готовы к тому, чтобы взять на себя труд такого ответственного характера. Именно поэтому и настоящий опыт творческого портрета В. И. Пичета является не только попыткой осмыслить с двадцатилетнего расстояния его творческий путь, оценить вклад его в советскую славистику, подчеркнуть значение его трудов для развития нашей науки, но и в большей мере воспоминаниями ученика об учителе.

Владимир Иванович Пичета родился 9 (22) октября 1878 г. в Полтаве. Окончив классическую гимназию в 1898 г., он поступает на историко-филологический факультет Московского университета, где с увлечением слушает лекции и работает в семинарах В. О. Ключевского, М. К. Любавского, П. Г. Виноградова, М. С. Корелина, Н. А. Рожкова, М. М. Богословского, В. И. Герье. И хотя в дальнейшем непосредственным учителем Владимира Ивановича становится М. К. Любавский, самые

сильные впечатления его от университета связаны с блестящей личностью В. О. Ключевского, под руководством которого им была написана дипломная (тогда называвшаяся кандидатской) работа «Юрий Крижанич о Московском государстве». Эта работа получила самую высокую оценку у В. О. Ключевского, о чем Владимир Иванович всегда любил вспоминать, прибавляя: «Ключевский один, других историков много».

После окончания в 1901 г. университета Владимир Иванович возвращается на Украину. Сначала он поселяется в местечке Коростышев, где преподает в учительской семинарии, а в 1903 г. перебирается в Екатеринослав. Здесь он продолжает преподавать в средних учебных заведениях и одновременно активно сотрудничает в местной архивной комиссии, здесь же начинается его большой путь историка-исследователя. Впоследствии В. И. Пичета становится ведущим историком СССР эпохи феодализма, большим и авторитетнейшим знатоком истории Белоруссии и Литвы XV — XVIII вв., самым крупным и самым разносторонним историком-славистом, фактически руководителем возрождения в СССР историко-славистических исследований. Но начинался этот путь скромно: с работы над местными екатеринославскими архивными материалами и с продолжения предпринятого еще в университете исследования личности и взглядов Юрия Крижанича.

То обстоятельство, что у порога творческого пути Владимира Ивановича стояла тема славистического характера, само по себе еще ни в коей мере не являлось свидетельством сознательной подготовки ученого к будущей работе в области широкой славистической проблематики. Владимир Иванович, правда, и в дальнейшем периодически продолжал заниматься исследованием общественно-политических взглядов хорватского ученого XVII в., о чем свидетельствует опубликованная в 1914 г. работа¹. К тщательному и всестороннему анализу трудов и деятельности Юрия Крижанича он вернулся в последние годы своей жизни, о чем будет сказано ниже. Но все это, пожалуй, является скорее свидетельством большого постоянства научных интересов В. И. Пичета, чем указанием на программу его деятельности как историка вообще.

Для научной деятельности В. И. Пичета в предреволюционный период гораздо более показательны работы по истории России, Великого княжества Литовского, отчасти Украины. Это тем более важно подчеркнуть, что предреволюционный период в научной деятельности Владимира Ивановича, особенно с 1905 г., кстати сказать, менее всего изученный, был не просто периодом его больших исследовательских поисков, чрезвычайно напряженного, подчас изнуряющего труда, — это был период быстрого взлета исследовательского таланта Владимира Ивановича, важный этап в формировании его научных интересов. Поражающие и поражающие нас еще сейчас параметры его исследовательских интересов закладывались именно в те знаменательные и тревожные для России годы.

В бурный 1905 год Владимир Иванович переехал в Москву, где продолжал работать в средних учебных заведениях, давая по 36 уроков в неделю. Здесь его демократические, вступившие в резкое противоречие с действительностью самодержавной России взгляды, резко проявившиеся уже в период пребывания в Екатеринославе, созрели и усилились. Свободомыслие молодого ученого было причиной отстранения его от преподавания на популярных в то время Пречистенских курсах для рабочих. Ему было запрещено и чтение лекций на курсах для народных учителей. Не менее показательна для политических позиций В. И. Пичета и судьба его университетской приват-доцентуры. Сдав в 1910 г. ма-

¹ В. И. Пичета. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб. 1914.

гистерский экзамен и прочтя пробные лекции, Владимир Иванович получил звание приват-доцента Московского университета. Для человека, который, преодолевая огромные трудности, ценой жизненных лишений и изнурительной работы пробивал себе путь в науку, это было, без сомнения, большим достижением, этапом, переломным моментом в творческом развитии. Однако В. И. Пичета не остановился перед тем, чтобы пожертвовать приват-доцентурой, когда того потребовали его убеждения. Вместе с передовыми профессорами и приват-доцентами он в 1911 г. покинул Московский университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо.

Два направления выделялись прежде всего в научной деятельности Владимира Ивановича как историка в те годы. С одной стороны, он вел большую исследовательскую работу по истории Великого княжества Литовского XVI в., в результате чего появилась его двухтомная монография². Первый ее том позволил В. И. Пичета получить ученую степень магистра (1917 г.), а второй — доктора русской истории (1918 г.). С другой стороны, он стал одним из самых плодотворных и известных историков России эпохи феодализма. Его работы, изданные в дооктябрьский период, охватывали широкую и сложную проблематику русской истории от образования централизованного Русского государства и «Смуты» начала XVII в. до эпохи падения крепостного права. В качестве редактора и автора он принял участие в подготовке таких прекрасных, известных каждому историку изданий, как «Москва в ее прошлом и настоящем», «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», «Отечественная война и русское общество. 1812—1912», «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», «Книга для чтения по истории нового времени», «Русская история в очерках и статьях».

В сущности говоря, это была не только научная, но и в определенной мере сознательная политическая деятельность, предпринятая во имя демократизации русской жизни. Для формирования общественно-политических взглядов ученого она, по-видимому, имела большое, если не решающее значение. Помню, в колоссальной библиотеке Владимира Ивановича меня всегда поражало огромное количество книг по истории России XIX в., особенно по истории декабристского движения. Книги эти постоянно пополнялись новыми поступлениями. Хорошо зная круг научных интересов учителя в последний период его творчества, я однажды с недоумением спросил Владимира Ивановича, зачем он не только сохраняет, но и пополняет эту часть своего собрания. «Декабристы — это целая эпоха моей жизни», — как-то очень живо откликнулся он на мой вопрос. Юбилейные издания «Великая реформа» и «Отечественная война» всегда стояли на самом видном месте в квартире В. И. Пичета, напоминая о многотрудном начале его жизненного пути, его периоде «бури и натиска».

Очень скромным по сравнению с отмеченными направлениями научного творчества представляются в предреволюционные годы масштабы его славистических занятий. Помимо работы о Юрии Крижаниче, им было написано в это время несколько научных статей и рецензий, а также популярные статьи и брошюры, главным образом по истории южного славянства³. Показательно само по себе преобладание в его творчестве в это время южнославянской тематики. Казалось бы, что основной исследовательский интерес В. И. Пичета должен был быть вовлекать его в

² В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 1—2. М. 1917.

³ В. И. Пичета. Исторический очерк славянства. М. 1914; его же. Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии, М. 1915; его же. Исторические судьбы Сербии. «Экскурсионный вестник». 1915, кн. 4; его же. Сербия. Пгтр. М. 1917.

круг западнославянской, прежде всего польской истории. Однако как активного участника русской общественной жизни и просто как человека его захватили жгучие вопросы исторического развития южных славян. На них он откликался не только как ученый, но и как гражданин, задумывающийся над будущим России. Такое положение, разумеется, не было случайным.

Балканские войны взволновали русское общество, освободительные стремления южных славян получили широкий отклик среди его передовой части. Судьбы национальной независимости балканских славян не могли быть безразличны передовым людям России, жизненным девизом которых было сопротивление гнетущему самодержавию. Как российских патриотов их беспокоила политика немецкой династии в Софии и германофильство влиятельных кругов болгарской буржуазии. В годы Второй балканской войны (1913 г.) В. И. Пичета, безусловно, сочувствовал Сербии и остро реагировал на авантюризм болгарской правящей верхушки, ведшей страну к национальной катастрофе. Помимо общих, свойственных прогрессивно настроенной российской интеллигенции устремлений, его интерес к южным славянам определяли и личные мотивы. Его мать была украинкой, а отец, Иоанн Христофорович, — выходец из Герцеговины. У себя на родине отец был близок к демократическим омладинским кругам. Особые условия, в которых он оказался в царской России в качестве эмигранта, определили его дальнейший путь. Окончив в 1867 г. Киевскую духовную семинарию, он стал священником, ректором Полтавской духовной семинарии. Он оказал на сына глубокое моральное влияние. Всю жизнь Владимир Иванович хранил о нем благодарную память и глубоко уважал его как умного, необычайно проницательного человека. Отец Иоанн был связан с другими выходцами из Сербии. И эти связи, круг родства, знакомств и личных близких отношений унаследовал и Владимир Иванович. Таким образом, личные симпатии, память о далекой и поработенной родине и родичах с детства были тем важным стимулом, который питал славистические интересы ученого.

И тем не менее историком-славистом Владимир Иванович в предвоенные годы не стал. Славяноведение не было областью его профессиональных интересов и в годы, непосредственно последовавшие за Великой Октябрьской революцией.

Владимир Иванович оказался в числе тех российских интеллигентов, которые если не сразу, то во всяком случае довольно быстро приняли Октябрьскую революцию. Его общественная позиция в тот период определялась, конечно, не столько близостью к марксизму, овладение которым заняло многие годы, сколько высокими патриотическими чувствами, его убежденностью в громадной роли российской государственности, в сохранении национальной независимости страны. Ведь и интерес к славянству в годы первой мировой войны, помимо идущих от колыбели симпатий, определялся, с одной стороны, его демократическими убеждениями, а с другой — глубокой верой в освободительную всеславянскую миссию России. Его славянское самосознание было неразрывно связано с патриотическими взглядами.

Увидев, что не анархия, а огромное и всеобъемлющее государственное строительство является целью большевиков, В. И. Пичета вполне естественно для себя стал активно участвовать в научной и общественной жизни страны. Его воображение покорили невиданные масштабы созидательного государственного переустройства, осуществлявшегося Советской властью под руководством партии. Владимир Иванович вернулся в Московский университет. В годы гражданской войны он преподавал в Военном педагогическом институте, Высшей школе командного состава. С 1918 г., будучи главным инспектором Центрархива, В. И. Пичета активно участвует в громадной реформе архивного дела в СССР, вместе

с другими видными историками и архивистами принимает меры к спасению оставшихся от царского режима ценнейших документальных фондов. В качестве эксперта по вопросам архивов и памятников культуры он привлекается к мирным советско-польским переговорам (1920—1921 гг.). В 1920 г. участвовал также в качестве эксперта в советско-литовских переговорах. В известной мере благодаря его научному опыту, благодаря научно обоснованному им принципу неделимости естественно сложившихся архивных и библиотечных фондов ценнейший архивный комплекс «Литовская метрика», как и ряд других важных собраний, остался в советских хранилищах.

Но самая большая научно-организационная деятельность ожидала В. И. Пичета в Белоруссии. Речь шла о создании в республике, бывшей прежде отсталой окраиной империи, катастрофически разоренной войной и в результате войны лишившейся значительной части своей территории, первого университета. С момента основания Минского университета в 1921 г. и вплоть до 1930 г. В. И. Пичета был его ректором и профессором. В 1928 г. он был избран действительным членом АН БССР. В эти же годы он избирался делегатом съезда Советов Белоруссии, несколько раз избирался депутатом Минского горсовета. Для рожденной Великим Октябрем белорусской государственности особенно важное значение, естественно, имела организация на современном уровне национальной исторической науки. Не будучи белорусом, В. И. Пичета оказался именно тем русским историком, который благодаря своей великолепной научной подготовке и любви к славянскому белорусскому народу мог стать во главе возникшей белорусской исторической школы. Я прекрасно помню, с каким волнением и подъемом рассказывал Владимир Иванович о минском периоде своей жизни. Чувствовалось, что для него эти годы были действительно героическими, полными напряженного труда. Именно в Белоруссии Владимир Иванович сложился как один из крупнейших организаторов советской исторической науки.

Еще до переезда в Минск в 1918 г. в Москве В. И. Пичета прочел курс по истории Белоруссии. В 1920 г. этот курс был издан. С тех пор его исследования по истории Белоруссии постоянно появлялись параллельно с трудами по истории России. В 1924 г. в свет вышел первый том «Истории Белоруссии»⁴ до конца XVI в., а в 1927 г. — «Исторические судьбы Западной Белоруссии»⁵. Оставаясь прежде всего исследователем социально-экономической истории Белоруссии XVI — начала XVII в., В. И. Пичета в эти годы много внимания уделял и истории белорусской культуры. Особенно его интересовала проблема «белорусского возрождения» XVI века.

Нет необходимости подробно характеризовать всю совокупность работ В. И. Пичета, созданных в минский период его жизни, как нет возможности останавливаться на всех сторонах его обширной научно-организационной и общественной деятельности. Может быть, стоило только упомянуть о его плодотворной командировке в Прагу в 1925 г., об участии в съезде польских историков в Познани в том же году и в международном съезде историков в Осло в 1928 году. Гораздо важнее подчеркнуть, что его обширные и разносторонние исследования тех лет в области истории Белоруссии и Украины, Великого княжества Литовского, как и непрекращающиеся занятия историей России XVI—XIX вв., как бы совершенно естественно, в силу внутренней логики научного исследования подвели его к разработке западнославянской, прежде всего польской, проблематики XVI—XIX веков. В этом отношении Владимир Иванович в какой-то мере повторял, хотя и на иной методологической основе и в других масштабах, творческий путь своего учителя М. К. Лю-

⁴ В. И. Пичета. *Гісторыя Беларусі*. Ч. 1. М.—Л. 1924.

⁵ В кн. «Западная Белоруссия». Сборник статей. Кн. 1. Минск. 1927.

бавского, тоже перешедшего от занятий историей Великого княжества Литовского к работе в области истории западных славян.

Будучи историком Великого княжества Литовского, В. И. Пичета, естественно, являлся и историком польско-литовских отношений феодальной эпохи. Работая в области истории России, Белоруссии, Украины, он неизбежно входил в огромную проблематику русско-польских, а также польско-белорусских и польско-украинских отношений и связей. Изучение теперь уже с позиции осваиваемого им марксистского метода исследования проблематики классовой борьбы и народных движений в России, особенно в Белоруссии, подготавливало переход и к разработке вопросов польского национально-освободительного движения конца XVIII — XIX в., в то время как изучение внешней политики России в XIX в., которым он начал заниматься еще до революции, позволило начать в широких масштабах разработку темы «Польский вопрос в международных отношениях второй половины XIX века». Наконец, работа над марксистским синтезом национальной истории Белоруссии оказалась тем отправным моментом, который позволил впоследствии В. И. Пичета предпринять опыт обобщающего труда по истории Польши. О нем, впрочем, придется говорить еще позже. В 1944—1945 гг. В. И. Пичета была написана и обобщающая «История Литвы с древнейших времен до наших дней»⁶.

Собственно славистические в узком смысле этого слова исследования В. И. Пичета концентрировались в минский период главным образом вокруг проблемы происхождения белорусского книгопечатания. Изучая просветительскую деятельность белорусского первопечатника Ф. Скорины, Владимир Иванович дал серьезный толчок марксистской разработке такой важной и традиционной для славистики научной проблемы, как начало славянского книгопечатания. Эта проблематика и в наши дни и, несомненно, в будущем всегда будет находиться в центре внимания историко-культурных исследований в области славяноведения.

Минский период был одновременно важным этапом в становлении Владимира Ивановича как историка-марксиста. Интерес к экономическому материализму еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, изучение опыта историков школы М. Н. Покровского в послереволюционный период, собственные исследования проблем классовой борьбы в феодальном обществе способствовали этому становлению. Владимир Иванович обратился к внимательному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма. О самостоятельном изучении трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина он любил вспоминать впоследствии. Во второй половине 30-х годов В. И. Пичета был уже сложившимся историком-марксистом, исследователем, решительно перешедшим на позиции марксистской методологии.

Значительная часть работ, посвященных польской проблематике или тесно связанных с нею, была написана Владимиром Ивановичем во второй московский период жизни. В 1936—1937 гг. он был приглашен преподавать в Московский университет, одновременно он преподавал в 30-е годы в Московском пединституте имени В. И. Ленина. Не имея вначале большой педагогической нагрузки, В. И. Пичета сосредоточился на широких архивных изысканиях, в результате чего им были написаны крупные работы по истории польского национально-освободительного движения и русской политике в отношении польского господствующего класса в Белоруссии, Литве и на Украине. Попутно собирался большой материал для монографии «Польский вопрос в международных отношениях 1795—1848 гг.».

⁶ Подробнее об этой и других неопубликованных работах В. И. Пичета см. В. Д. Корольюк. Рукописное наследство академика В. И. Пичета. «Ученые записки» Института славяноведения (далее — УЗИС). Т. I. М.-Л. 1949.

Как историк Владимир Иванович всегда высоко ценил работы, в которых освещаются новые, не изученные еще темы. Его всегда тянуло к архивной целине. Вкус к разработке нового архивного материала он стремился развивать и у своих учеников. Новаторский характер имела его монография «Западный комитет», в которой он тщательно анализирует политику русского правительства в так называемых западных губерниях по отношению к польскому землевладению, мелкой шляхте, духовенству, крестьянству и евреям после восстания 1830—1831 годов. Кстати, длительные занятия историей Литвы, Белоруссии и Украины в начале XIX в. привели Владимира Ивановича к очень интересному выводу, что период после разделов Речи Посполитой и до поражения восстания 1830—1831 гг. был периодом энергичного развития процесса колонизации так называемых западных губерний, особенно во время деятельности там Адама Чарторыйского.

Важную для нашей историографии попытку дать характеристику классовой сущности польского национально-освободительного движения конца XVIII в. содержала другая работа В. И. Пичета — «Восстание Костюшко 1794 г.». Особое внимание было обращено исследователем на анализ крестьянского вопроса в восстании. Тогда же на большом новом архивном материале была написана работа «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.». Это часть крупной монографии, над которой затем В. И. Пичета продолжил работу в последние годы жизни.

Названные работы остались в рукописи. Ни одна из них тогда, к сожалению, не была даже подготовлена автором к печати. К последней из них В. И. Пичета вернулся, правда, но уже после второй мировой войны⁷. И тем не менее можно совершенно определенно утверждать, что это были очень важные исследования, переломные для В. И. Пичета как историка. Именно в эти годы (с 1937 г. Владимир Иванович — старший научный сотрудник Института истории АН СССР) в творчестве его наступил такой момент, когда он, не переставая быть историком СССР, становится одновременно в силу своей научной подготовки и историком-славистом, прежде всего историком Польши. В область историко-славистических исследований его влекли теперь не только личные симпатии, но и профессиональные интересы исследователя. Путь в славистику шел, таким образом, от исследований по истории России, Белоруссии, Украины и Литвы и в определенной мере был обусловлен именно интересами более глубокого изучения прошлого восточнославянских народов.

Вполне понятно поэтому, что, когда не только субъективные интересы исторической науки, но и сама жизнь, напряженная предвоенная обстановка 1938—1939 гг. поставили на очередь в качестве одной из первоочередных задач в области наших общественных наук возрождение в СССР историко-славистических исследований, В. И. Пичета оказался именно тем ученым, который возглавил новое направление в советской историографии. Вокруг него стали группироваться немногочисленные кадры как старых, так и еще относительно молодых тогда историков, главным образом историков СССР, по роду своих занятий близких к славяноведческой проблематике. У него появились первые ученики-слависты, студенты и аспиранты, число которых быстро росло, особенно во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Говоря о роли, сыгранной В. И. Пичета, как и Б. Д. Грековым, с самого начала энергично поддерживавшим славистические начинания Владимира Ивановича, нельзя не отметить одного существенного обстоятельства. Как историк В. И. Пичета не испытал на себе длительного и особенно сильного влияния М. Н. Покровского. Овладение марксист-

⁷ В сокращенном виде статья В. И. Пичета «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.» была напечатана в УЗИС. Т. III, М. 1951. Посмертно была опубликована его работа «К истории восстания Костюшко 1794 г.». УЗИС. Т. VII, М. 1953.

ским методом не сопровождалось у него той гиперкритикой национально-го прошлого, которая была характерна для М. Н. Покровского и его учеников в их борьбе с традициями русской буржуазной историографии. В. И. Пичета субъективно был прекрасно подготовлен к тому, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии освоить и вновь пустить в научный оборот большой и ценный фактический материал, собранный дореволюционной русской историографией по истории западных и южных славян. Идейный разгром в 20—30-е годы панславистских и славянофильских концепций исторического процесса создавал для этого необходимые условия.

Новое советское славяноведение возникало как комплекс научных дисциплин, основанный на марксистском понимании единства исторического развития человеческого общества. Ему были чужды националистические концепции и предрассудки прошлого, а славянская общность понималась как вполне определенное историческое явление, связанное с конкретными историческими условиями формирования и развития славянских народов — общностью их происхождения и языковым родством, многовековым соседством, экономическими и культурными связями, в определенные исторические эпохи однотипной стадийностью их развития. Славянская взаимность, связи между славянскими народами не противопоставлялись связям славян с народами другого этнического корня и других языковых семей и систем. На существовавшие в прошлом противоречия между славянскими странами, противоречия, обусловленные политикой господствующих классов, не было нужды закрывать глаза. Они объяснялись теорией марксистского исторического процесса. Зато справедливо отмечалось, что славянское самосознание было важным моментом, способствовавшим, особенно в условиях иноземной агрессии или иноземного гнета, формированию в славянских странах национального самосознания.

Последнее обстоятельство тем более важно подчеркнуть, что Владимир Иванович в те годы особенно акцентировал на нем свое внимание. Обращаясь к широкой славяноведческой проблематике, он понимал, что надвигается война, предчувствовал, что главным противником его Родины будет фашистская Германия. В восточных планах немецкого руководства он угадывал политику того воинствующего пангерманизма, который ради достижения мирового господства пойдет на смертельную схватку со славянским миром. Дружба и научное сотрудничество с выдающимся чешским ученым З. Р. Неедлы, нашедшим после Мюнхена вторую родину в СССР, по-видимому, тоже стимулировали такое его умонастроение⁸.

В 1939 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского университета образована кафедра южных и западных славян. Сектор и кафедру возглавил В. И. Пичета, избранный в том же году членом-корреспондентом АН СССР. В 1941 г. Владимир Иванович вместе с Институтом истории АН СССР эвакуируется в Ташкент. Эвакуация чрезвычайно затруднила, но не прервала научную работу сектора. В 1943 г. В. И. Пичета возвращается в Москву, где снова возглавляет сектор и кафедру.

Теперь его больше всего занимают планы создания в системе Академии наук СССР центрального славянистического научного учреждения — Института славяноведения. Эти планы разрабатываются им совместно с акад. Б. Д. Грековым и при активном участии З. Р. Неедлы. Главный вопрос, который подлежал решению: каков должен быть научный профиль нового исследовательского института? Должен ли он быть тради-

⁸ О роли, сыгранной З. Р. Неедлы в развитии советского славяноведения, см. В. Д. Королюк. Памяти Зденека Неедлы (1878—1962). «Вопросы истории», 1968, № 4.

ционно филологическим по преимуществу, или его прежде всего следует ориентировать на изучение исторических проблем с подключением к исследованиям филологов и специалистов по истории культуры? В конце концов после долгих раздумий и дискуссий выкристаллизовался комплексный подход. И когда в 1946 г. принимается решение о создании академического Института славяноведения, он формируется как институт комплексный, с двумя основными научными профилями — историческим и филологическим (лингвистика и литературоведение). Оба эти направления, в сущности говоря, были самостоятельными, но историческое с самого начала заняло преобладающее положение в институте. Такое преобладание, думается, неправильно было бы объяснять только характером научной подготовки его первых руководителей. Директором Института славяноведения АН СССР был назначен Б. Д. Греков, его заместителем — В. И. Пичета, в том же году избранный академиком АН СССР. Оба они были историками СССР, от проблематики истории СССР переходившими к проблематике собственно славяноведческой в принятом у нас в стране узком ее значении (изучение зарубежных славянских народов). Второй заместитель директора, акад. С. П. Обнорский, прикованный к постели болезнью, фактически в организации института участия не принимал. Главное, однако, что определило в тот период резкое преобладание в Институте исторической проблематики, заключалось не в конкретных условиях формирования руководства института, а в том необычайно возросшем в общественных науках удельном весе исторических исследований, который был характерен для нашей страны уже в предвоенные годы, а затем еще более усилился в годы войны и сразу же после нее. Не могло не сказаться при этом и определенное отставание в те годы лингвистических исследований.

Впоследствии жизнь внесла известные коррективы в первоначальную структуру научной работы института. Преобладание собственно исторической проблематики сохранилось, но появилась и культурно-историческая проблематика. Сильно возрос удельный вес филологических исследований, развивавшихся по двум самостоятельным направлениям — языкознание и литературоведение. Этого требовали интересы славяноведения как комплекса научных дисциплин.

Возвращаясь к периоду образования института, следовало бы, конечно, охарактеризовать основные направления его работы в области исторической проблематики. Нужно иметь в виду, однако, что в тот период она в очень большой мере характеризовалась диапазоном научных интересов В. И. Пичета, руководившего складывавшимся коллективом историков-славистов.

В жизни Владимира Ивановича 1939—1946 гг. были напряженным периодом, связанным с огромным научным поиском. Старый, уже прошедший большой и трудный жизненный путь человек работал в эти годы с невероятным упорством, неистово, несмотря на то, что физических сил оставалось уже немного, а жизненные условия и в Москве и в эвакуации в период войны были очень сложными. Однако глубокая уверенность в важности работы по возрождению в стране славистических исследований придавала В. И. Пичета дополнительные силы, как бы окрыляла его. Продолжая в эти годы свои исследования, главным образом в области истории Белоруссии и Украины, Владимир Иванович центр тяжести в своей научной и научно-организационной работе решительно переносит на славяноведческую проблематику.

Самая большая часть славистических работ В. И. Пичета тех лет, опубликованных еще при его жизни, была посвящена обширной проблематике славяно-германских отношений. Ученый изучал в то время главным образом историю германского *Drang nach Osten* феодальной и капиталистической эпохи. Этого требовали грозные условия времени. Они требовали и яркой публицистической формы изложения, преобладания

элементов описательности над элементами анализа. Публицистичность формы не означала, однако, что В. И. Пичета не понимал классового, а следовательно, исторически преходящего характера немецкой экспансии против славянских народов. Как историк-марксист он прекрасно отдавал себе отчет в этом. Наряду с русско-польскими, польско-немецкими и польско-австрийскими отношения получили освещение в его самой крупной монографии тех лет, «Польский вопрос в международных отношениях 1795—1848 гг.». Исследование было доведено до 1831 года. Польско-немецкие и русско-немецкие отношения подробно прослеживались В. И. Пичета и в его синтетической работе — трехтомной «Истории Польши». Основная часть рукописей относится к первому тому, работа над вторым томом была лишь частично произведена, к третьему В. И. Пичета только приступил. Значение немецкой феодальной угрозы для формирования древнепольского государства было очень выпукло подчеркнуто исследователем в одной из последних сданных им в печать статей⁹.

Второй по объему частью славистических работ, опубликованных при жизни В. И. Пичета, являлись его исследования исторических связей народов СССР (России, Белоруссии, Украины и Литвы) с зарубежными славянскими народами. В этой области Владимиром Ивановичем разрабатывались в последние годы жизни главным образом вопросы русско-польских и отчасти белорусско-польских и украинско-польских отношений конца XVIII — XIX века. Не прекращалась, однако, и разработка им аналогичной проблематики для XVI — XVII веков¹⁰. В. И. Пичета начинал поднимать в своих работах и общие вопросы исторических отношений России со славянским миром¹¹. Одновременно он продолжал и свои многолетние исследования общественных взглядов одного из провозвестников теории славянской взаимности, Ю. Крижанича¹².

Важное место в исследованиях В. И. Пичета в последние годы занимали вопросы внутреннего, социально-экономического развития зарубежных славянских стран. Об этом свидетельствуют и его исследования, посвященные образованию древнепольского государства, и его занятия Вислицким статутом и средневековым польским цехом, и его рукопись «Источники польской истории», над которой он прекратил работу в 1945 году. Но лучше всего об этом говорит задуманная и частично написанная им «История Польши».

Как исследователя Владимира Ивановича всегда отличало стремление к созданию трудов обобщающего характера. Не завершив работу над «Историей Польши», В. И. Пичета, думается, исходя отчасти из тех же соображений, берется за руководство молодым авторским коллективом по написанию популярной истории Чехии¹³. У него были и планы создания двухтомной истории Дубровника. Наконец, он усиленно, причем именно в последние годы жизни, работает над проблемами новейшей истории славян. Среди его рукописей сохранились наброски соответствующих работ.

Характеристика научной деятельности основателя советской исто-

⁹ В. И. Пичета. Образование Польского государства. «Славянский сборник». М. 1947.

¹⁰ В. И. Пичета. Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. «Исторические записки». 1940. Т. 7. См. также серию работ В. И. Пичета 1944—1946 гг. по истории Украины эпохи Богдана Хмельницкого.

¹¹ «Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов». М. 1946.

¹² В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству. «Славянский сборник». М. 1947. Статья является только частью подготовленной В. И. Пичета большой монографии.

¹³ «История Чехии». М. 1947. Несколько позже В. И. Пичета был сформирован авторский коллектив, который должен был подготовить аналогичную «Историю Польши».

рико-славистической школы будет, однако, неполной, если не упомянуть и о его занятиях славянской историографией. В 1941 г. В. И. Пичета была опубликована статья «К истории славяноведения в России»¹⁴ — первый опыт оценки дореволюционного русского славяноведения в советской историографии. В дальнейшем им публиковались обзоры славистических исследований в СССР, а в его архиве сохранилась небольшая рукопись «История Чехии в чешской историографии с древнейших времен до наших дней».

Основная масса написанного В. И. Пичета в 1939—1946 гг. осталась в рукописи, не была завершена, а тем более подготовлена к печати. От письменного стола его часто отрывали организационные научные обязанности и активная общественная деятельность. Он буквально разрывался между давно начатыми и только начинаемыми работами, которые, однако, нужно было срочно написать; от публичных выступлений он должен был немедленно переходить к деловым консультациям, беседовать со студентами, аспирантами. Мне, тогда еще молодому научному работнику, этот старый человек порою казался необычайно молодым. И я восторгался его энергией и широкими планами. Но иногда приходилось заставлять его усталым, выбившимся из сил, и тогда в сердце закрадывалось чувство тревоги, и невольно думалось, что вся его энергия и подвижность — прежде всего бег наперегонки со смертью. что Владимир Иванович спешит, торопится, чтобы книгой или статьей, рецензией или выступлением на диссертационном диспуте, наконец, просто в сердечной беседе с учениками успеть высказать себя целиком, передать свой опыт и свои мысли. К несчастью, это предчувствие оправдалось. Дни Владимира Ивановича были сочтены. Он действительно не успел завершить большую часть начатых работ, несмотря на то, а может быть, именно потому, что писал очень легко и быстро, с необычайной свободой переходя от одной темы к другой, писал главным образом по памяти, почти не обращая за письменным столом к справочным пособиям, зачастую даже не проставляя научного аппарата. А память у него была феноменальной.

Сказанного о славистических трудах В. И. Пичета, учитывая его роль в славяноведении тех лет, может быть, было бы и достаточно, чтобы определить в основных чертах главные направления в историко-славистических исследованиях конца 30-х — 40-х годов. Но это не было бы справедливо ни по отношению к другим участникам возрождения в СССР историко-славистических исследований, ни по отношению к нему самому. Владимир Иванович никогда не был одиночкой в науке. Он всегда стремился к активному научному общению, группировал вокруг себя людей, преданных науке. Вокруг него объединилась небольшая группа ветеранов истории СССР, занявшихся славяноведческой проблематикой, таких, как Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский, и относительно еще молодые тогда ученые, из которых в первую очередь следует назвать М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина. Позже присоединились работавшие тогда в области истории Польши XIX в. М. В. Миско и В. Н. Кондратьева. Возник и большой круг непосредственных учеников: И. М. Белявская, Ц. С. Бобинская, И. Б. Греков, С. Ш. Гринберг, И. С. Достян, И. С. Миллер, Н. Д. Ратнер, Г. Э. Санчук, И. И. Удальцов и другие. Институтские и университетские ученики В. И. Пичета образовали костяк семинара, регулярно заседавшего у него на дому. Семинар посещали и некоторые сотрудники сектора. Многие доклады и сообщения, планы работ, прежде чем попасть на заседания кафедры или сектора, предварительно обсуждались на семинаре, где всегда царила атмосфера дружеского внимания и благожелательной, хотя временами и очень острой товарищеской критики. Семинары Владимира Ивановича («пи-

¹⁴ «Историк-марксист», 1941, № 3.

четники») пользовались большой популярностью в Институте истории АН СССР.

Нет необходимости перечислять всех, связанных тогда с В. И. Пичета изучением истории славянских народов. Нет и возможности даже кратко остановиться на проведенных ими исследованиях. Достаточно будет, если эти исследования будут учтены при определении основных направлений, сложившихся к тому времени в нашей науке.

Таковыми направлениями, на наш взгляд, были тогда следующие: изучение основных социально-экономических процессов, а следовательно, и основных закономерностей исторического развития зарубежных славянских стран; исторические связи народов СССР с зарубежными славянскими странами; славяно-германские отношения. Историографическое направление только еще намечалось в то время, причем следует подчеркнуть, что Владимир Иванович стремился поставить изучение историографии в связь с общими вопросами формирования и развития у славянских народов национального самосознания. Он трактовал историографию как общественное явление, а не только как развитие научных знаний. Сравнительно-историческое направление было представлено тогда главным образом трудами Б. Д. Грекова.

Каждое поколение заново осмысливает историю, внося новое и исправляя старое в ее трактовке. Так и должно быть, потому что объектом исследования является не только неповторимый, но и живой, развивающийся процесс. Историку в нем все время (и так будет всегда) открываются новые стороны и новые явления, миллионами нитей связанные со старыми. Поэтому проблематика научных исследований неизбежно должна быть подвижной, меняющейся. Развития проблематики, как и развития методики ее решения, требует и сама внутренняя логика исторического познания. Наступают моменты, когда меняются даже сами основные направления в науке. Одни отходят на второй план, другие выдвигаются на передний, возникают новые.

Поэтому для сравнения общих уровней историко-славистических исследований конца 30-х — первой половины 40-х годов и сегодняшнего дня, что дает возможность и точнее определить место В. И. Пичета в истории советской славистики; более показательно сопоставление основных направлений исследований, чем анализ под этим углом зрения сформулированной им в свое время конкретной исследовательской проблематики¹⁵. Сопоставление это показывает, что все три главных названных направления историко-славистических исследований успешно развивались в более чем двадцатилетний период, прошедший со смерти Владимира Ивановича. В области монографической разработки наибольший успех имели исследования, посвященные проблематике XIX и XX веков. В 30—40-е годы разрабатывались главным образом государственно-политические аспекты исторических отношений народов СССР с зарубежными славянскими народами. В настоящее время из этого направления выделилось, стало крупным и фактически самостоятельным новое направление, концентрирующее усилия на изучении революционных связей славянских народов.

Временно отошло на второй план после смерти Владимира Ивановича изучение славяно-германских отношений. Но с начала 60-х годов оно вновь усилилось. Очевидно, для развития этого направления в достаточно крупных масштабах на новом исследовательском уровне потребовался более длительный период. Не лишним будет заметить, что на нынешнем этапе изучение славяно-германских отношений непосредственно

¹⁵ Проблематика эта была определена В. И. Пичета в следующих работах: «Основные проблемы советского славяноведения. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции». Ч. 2. М.-Л. 1947; «Проблематика Института славяноведения». «Вестник АН СССР», 1947, № 5; «Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи». «Вопросы истории», 1947, № 5.

сомкнулось с изучением международных отношений и связей в Центральном, Юго-Восточном и отчасти Восточном регионе Европы в целом. Аналогичное сплетение проблематики наблюдается и в направлении, занимающемся вопросами революционных связей. В области славяно-германских отношений стала разрабатываться в отличие от прошлого периода тематика революционных и культурных связей.

В меньшей мере, но все же получило свое развитие в истекшее двадцатилетие и так называемое историографическое направление, особенно в Московском и Воронежском университетах. В Воронеже сильный стимул историографическим исследованиям дал своей деятельностью И. Н. Бороздин. Параллельно с изучением историографических проблем началось и изучение истории общественной мысли в славянских странах. Это, без сомнения, очень актуальная и научно-перспективная проблематика. Менее других повезло, если можно так выразиться, сравнительно-историческому направлению. Вслед за трудами Б. Д. Грекова здесь следовало бы прежде всего назвать работу М. Н. Тихомирова по изданию «Закона судного людем». Однако организация широких сравнительно-исторических исследований в области славистики все еще остается нерешенной задачей. Очевидно, она требует времени и серьезной подготовки. Зато уже фактически после смерти В. И. Пичета появилось новое, пока, правда, только формирующееся, но уже заявившее о себе рядом солидных трудов историко-культурное направление. Здесь успешнее всего разрабатываются в настоящее время вопросы истории музыкальной культуры у славянских народов.

Сопоставление главных направлений исторической славистики в конце 30-х — первой половине 40-х годов с современным состоянием историко-славистических исследований позволяет, думается, прийти к выводу, что в свое время задачи советской историографии в области славистики были сформулированы в основном верно. Были правильно поняты основные тенденции развития историко-славистических исследований. Качественно сегодняшние работы наших историков-славистов, разумеется, далеко ушли от работ начального этапа. Важно, однако, что они продолжают и развивают сложившиеся ранее направления. Новые направления исследований тесно связаны с прежними и, естественно, продолжают и расширяют их. Советские историко-славистические исследования развиваются в достаточной мере органически. И в этом, конечно, огромная заслуга старшего поколения наших историков-славистов и прежде всего Владимира Ивановича Пичета.

Уже отмечалось, что историко-славистические исследования имеют тенденцию к тому, чтобы сомкнуться по ряду своих направлений с региональными исследованиями истории стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Следует подчеркнуть, что в настоящее время советские историки-слависты уже в большей мере ликвидировали в нашей историографии ту зияющую брешь, которая бросалась в глаза в 30-е и даже 40-е годы, когда разрабатывались только проблемы истории СССР и стран Западной Европы.

Разумеется, было бы рискованно утверждать, что такое развитие историко-славистических исследований было в полной мере предугадано в конце 30-х — начале 40-х годов. Гораздо правильнее было бы подчеркнуть, что оно не находится в противоречии с теми задачами, которые формулировали для советских историко-славистических исследований В. И. Пичета и Б. Д. Греков. Об этом ярко свидетельствует большой интерес В. И. Пичета к исторической проблематике Дунайского бассейна, его усилия организовать параллельные исследования истории Белоруссии, Украины и Прибалтики периода феодализма. В 1945—1948 гг. в Институте истории АН СССР существовала даже соответствующая специальная группа, которую возглавляли В. И. Пичета, а затем Я. Я. Зутис. Об этом же говорит тот огромный интерес, который про-

явил В. И. Пичета к возрождению в СССР византиноведения. Он не только выступал с обзорами византиноведческих работ и писал по вопросам славяно-византийских отношений¹⁶, но и твердо считал, что в организуемом Институте славяноведения должна быть представлена византиноведческая проблематика. В свое время этого не получилось не по его вине. Сейчас, когда в преобразованном Институте славяноведения и балканистики византиноведение заняло законно принадлежащее ему место, особенно приятно вспомнить эту несправедливо забытую сторону научной деятельности В. И. Пичета.

Владимир Иванович любил повторять вслед за Ключевским, что главными вехами на пути ученого остаются книги. Он много писал. Книги, как указующие вехи, остались на его большом творческом пути. Его трудами прежде всего будет руководствоваться в своей работе и его будущий биограф. Но было во Владимире Ивановиче и нечто другое, важное, чего порою не вычитаешь из его книг. Было у него огромное личное обаяние, научная толерантность, врожденный педагогический такт и чувство товарищества. Было в нем и совершенно необходимое для организатора и руководителя научных исследований понимание необычайно важной в развитии науки роли научной молодежи. Владимир Иванович не просто любил окружать себя молодыми учеными, он верил в их научный задор, сочувствовал их научной смелости. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что силы научного коллектива определяются не только подготовкой и способностями его членов, но и его возрастными показателями, соотношением старых и молодых кадров. Как руководителя и организатора науки его отличала, наконец, чрезвычайная широта интересов. То обстоятельство, что его личная исследовательская проблематика в определенной мере была шире научной проблематики возглавляемых им коллективов историков, в большой степени определяла его успех и его авторитет как руководителя. Не только трудом и талантом, но и огромными организационными способностями, пылким научным вдохновением и передающимся всем окружающим действительным научным энтузиазмом было достигнуто все то большое, непреходящее, что осталось после В. И. Пичета нашему славяноведению, нашей исторической науке.

¹⁶ В. И. Пичета. Византия и славяне. «Вестник» АН СССР (Отделение истории и философии). 1944, № 7—8; его же. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). «Вестник древней истории», 1947, № 3, и др.

Дискуссии и обсуждения

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ ПО НЕКОТОРЫМ ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ НАЦИИ

Национальный вопрос является одной из сложнейших социальных проблем современности. Наряду с другими важнейшими вопросами социальной жизни он получил свое научное объяснение в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. В новых исторических условиях марксистские идеи по национальному вопросу были развиты В. И. Лениным. В. И. Ленину принадлежит заслуга разработки и научного обоснования программы партии по национальному вопросу, ее национальной политики на различных этапах революционной борьбы рабочего класса против царизма и капитализма и в условиях диктатуры пролетариата. С именем В. И. Ленина неразрывно связано не только теоретическое, но и практическое решение национального вопроса в СССР.

В. И. Ленин отмечал наличие двух принципиально противоположных подходов к национальному вопросу — буржуазии и пролетариата. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мировоззрения) в национальном вопросе»¹. В результате победы социализма и успешного решения национального вопроса принципы пролетарского интернационализма воплощены в нашей стране в жизнь. Реальным выражением этого является братская дружба и сплоченность более чем ста равноправных и свободных советских наций и народностей в едином Советском многонациональном государстве. Пролетарский интернационализм является также основой единства социалистических стран и мирового коммунистического движения. «Империалисты хорошо понимают всю силу международной пролетарской солидарности. Именно поэтому в своей борьбе против сил социализма, против революционного движения они делают ставку на национализм. Они рассчитывают таким путем разобщить, раздробить коммунистическое движение, противопоставить революционные отряды друг другу»², — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в июне 1969 года.

Коммунистическая партия Советского Союза и другие братские коммунистические партии руководствуются в своей национальной политике марксистско-ленинской теорией нации и национальных отношений. В решениях нашей партии, в ее Программе, принятой XXII съездом, в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. дан научный ответ на многие конкретные вопросы национальных отношений, возникшие в процессе строительства социализма и коммунизма. Однако коренные социальные перемены, происшедшие за по-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 123.

² Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. М. 1969, стр. 41.

слевоенные годы — дальнейшее развитие наций в социалистическом обществе, образование мировой системы социализма, гигантский подъем национально-освободительного движения и крах колониальной системы империализма, возникновение на развалинах колониальных империй большого числа независимых государств, мощное развитие мирового рабочего и коммунистического движения, — выдвинули и выдвигают все новые и новые вопросы в области национальных отношений. Новые задачи в области национальных отношений, требующие теоретического и практического решения, возникают в процессе коммунистического строительства и в СССР. В последние годы в нашей научной и пропагандистской литературе замечаются существенные расхождения в определении некоторых современных явлений и в трактовке отдельных положений марксистско-ленинской теории нации. В связи с тем, что существующее определение нации было дано более 50 лет назад (в 1913 г.), высказывались предположения, что оно вообще устарело и требует коренного пересмотра или же что оно относится только к буржуазным нациям, но не распространяется на нации социалистических и развивающихся стран, ибо таковых в 1913 г. не существовало.

Все эти обстоятельства определили решение редколлегии журнала «Вопросы истории» провести дискуссию по некоторым проблемам теории нации. На протяжении 1966—1968 гг. на страницах журнала было опубликовано 27 статей, из них две обзорные: «Отклики на дискуссию» и «Обзор неопубликованных материалов дискуссии о теории нации»³. В дискуссии приняла участие большая группа ученых: 23 историка, 16 философов, 5 этнографов, 3 юриста, 2 филолога, 1 экономист. Это свидетельствует о том, что проблемы, поднятые в дискуссии, волнуют ученых разных специальностей, носят комплексный характер и решение их требует усилий исследователей различной специализации. Широко были представлены авторы союзных и автономных республик СССР⁴.

³ Были опубликованы статьи: П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. О понятии «нация» (1966, № 1); М. С. Джунусов. Нация как социально-этническая общность людей (1966, № 4); С. Т. Калтахчян. К вопросу о понятии «нация» (1966, № 6); П. Г. Семенов. Нация и национальная государственность в СССР (1966, № 7); М. О. Мнацаканян. Нация и национальная государственность (1966, № 9); Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации (1966, № 12); С. И. Пружинкин, В. К. Арсенкин, Ф. И. Веревкин, И. И. Кузьменков, А. В. Санцевич. Отклики на дискуссию «О понятии нация» (1966, № 12); В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации (1967, № 1); А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (1967, № 1); Н. А. Тавакалян. Некоторые вопросы понятия «нация» (1967, № 2); Н. П. Ананченко. От нации к интернациональной общности людей (1967, № 3); Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей (1967, № 4); Е. А. Симония. О роли «национальных социализмов» в революциях стран Востока (1967, № 4); И. П. Цамерян. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории наций (1967, № 6); А. Г. Агеев. Нация, ее сущность и самосознание (1967, № 7); А. И. Горячева. Является ли психический склад признаком нации? (1967, № 8); Б. В. Андрианов. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки (1967, № 9); М. И. Исаев. Нация и язык (1968, № 2); И. Ф. Дроздов. Являются ли традиции признаком нации? (1968, № 3); В. М. Зайченко, К. Сабиров. Общность психического склада — один из существенных признаков нации (1968, № 5); Н. К. Стрелкова. Обзор неопубликованных материалов дискуссии о теории нации (1968, № 6) (в обзоре рассматриваются материалы авторов: Л. М. Глазова, И. Я. Копылова, А. И. Королева, В. С. Костенко, А. Ф. Латышева, М. И. Кукушкина, Д. М. Македонского, Л. В. Малиновского, Э. И. Матхановой, С. И. Новикова, И. В. Перевощикова, Б. С. Рахкина, А. Г. Сахарова, М. М. Сужикова, Ф. М. Тейтельбаума, Д. С. Федорова, А. И. Холмогорова, В. Н. Филатова); М. Н. Росенко. Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации (1968, № 7); В. И. Козлов. Типы этнических процессов и особенностей их исторического развития (1968, № 9); П. И. Пучков. К анализу этнической ситуации в Океании (1968, № 10); А. П. Левандовский. К вопросу о возникновении и распаде средневековых народностей (1968, № 11).

⁴ В редакцию поступали статьи из Российской Федерации, с Украины, из Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Эстонии, Латвии,

На дискуссию откликнулись и некоторые другие советские периодические издания: «Народы Азии и Африки», «Вопросы философии», «Советская этнография», «Советское государство и право»⁵. Она привлекла внимание также ряда периодических научных изданий в других социалистических странах — Польше, Венгрии, ГДР⁶. Не обошла вниманием дискуссию и буржуазная печать. Наряду с более или менее объективными выступлениями отдельных буржуазных ученых раздавались голоса идеологов антикоммунизма, пытавшихся использовать материалы дискуссии для нападок на марксистско-ленинское учение и практику решения национального вопроса в СССР. Наши идейные противники из антикоммунистического лагеря пытались изобразить дело так, будто бы дискуссия свидетельствует о наличии какого-то кризиса марксистско-ленинского учения по национальному вопросу. В данной статье нет необходимости опровергать подобные измышления, тем более что в ходе дискуссии они были подвергнуты аргументированной критике.

Подводя итоги дискуссии, следует сразу сказать, что они не могут быть ни исчерпывающими, ни тем более установочными. В ходе дискуссии было затронуто множество сложных проблем, относящихся к теории и практике национальных отношений. В данной статье нет возможности да и необходимости касаться всех этих проблем. Мы остановимся лишь на тех вопросах теории нации, которые больше всего привлекли внимание участников дискуссии и вызвали наиболее оживленный обмен мнениями. Обсуждение выдвинутых в ходе дискуссии вопросов имело целью дальнейшее развитие и обогащение марксистско-ленинской теории нации, уточнение отдельных ее положений, постановку и решение новых вопросов, возникших в современный период.

Не случайно, что дискуссия по теории нации развернулась на страницах исторического журнала. По замечанию В. И. Ленина, к теоретическому решению того или иного вопроса «можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом»⁷. Понять сущность национальных отношений можно, лишь проследив исторический путь возникновения и развития нынешних форм общности людей. Участники дискуссии проанализировали сложный, имеющий различные локальные особенности процесс развития этнических общностей, связанный с ходом исторического развития общества и приведший к формированию наций.

Формирование донациональных этнических общностей в раннеклассовых формациях рассматривалось участниками дискуссии в основном на материалах древней и раннесредневековой Европы и в тесной связи с процессами ее социального развития, в первую очередь с процессом развития общины. На конкретном материале было показано, что при первобытной общине основной формой этнической общности была родоплеменная; в ходе превращения родовой общины в соседскую создавались предпосылки для последующего процесса этнической консолидации народностей в результате возникновения классового строя. Отмечалось, что народностям раннеклассовых обществ была свойствен-

Литвы, Дагестана, Чечено-Ингушетии, из таких городов, как Москва, Ленинград, Киев, Рига, Тарту, Ереван, Тбилиси, Баку, Алма-Ата, Душанбе, Волгоград, Горький, Новосибирск, Свердловск, Майкоп, Кировоград, Братск, Махачкала, Пенза, Нальчик, Орехово-Зуево, Фрунзе, Тюмень. Эти сведения говорят о большом резонансе дискуссии в стране. Помимо авторов опубликованных статей, участниками дискуссии, несомненно, следует считать и многочисленных читателей, приславших в редакцию письма, в которых поднимаются отдельные важные вопросы, связанные с дискуссией.

⁵ В статье мы не будем касаться материалов, опубликованных по данной проблеме в других органах печати.

⁶ Подробнее об этом см. в обзоре С. Т. Калтахчяна и З. М. Холониной («Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 187—193); М. С. Джунусов. Об изучении нации как социально-этнической общности людей. Фрунзе, 1969.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 68.

на подвижность этнических границ. В ходе переселений, войн, стихийных бедствий и других событий они не раз переживали ассимиляции, растворения, скрещивания. В результате на базе одних народностей возникали другие, отдельные народности дробились на несколько ветвей. Важную роль в консолидации народностей играло государство. Социально-экономической основой консолидации и развития народностей являлись рабовладельческие и феодальные отношения.

В период разложения феодального строя и зарождения и развития капиталистических отношений начался процесс консолидации наций. Отмечалось, что нация качественно отличается от предшествующих ей форм этнических общностей; она складывается на базе более развитых общественных отношений. В странах Восточной Европы процесс формирования наций имел существенные особенности. Если в Западной Европе типичным было национальное государство и уже в средневековые «каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена... особым крупным государством»⁸, то здесь, в границах огромной России или Австро-Венгрии, оказались объединенными в одном государстве десятки разноязычных, нередко далеких друг от друга по происхождению и культуре народов.

Качественно иные формы приняли процессы сложения наций в странах Америки. В отличие от Старого света, где нации формировались, как правило, на базе исторически сложившихся одноязычных групп населения, здесь нации складывались из разноязычных групп европейских переселенцев, которые, осваивая новые территории, смешивались друг с другом и в той или иной степени с неевропоидными в расовом отношении группами: с коренными обитателями Америки — индейцами, а во многих странах — и с неграми, некогда вывезенными из Африки. Биологическое смешение этно-расовых компонентов играло важную роль в образовании американских наций.

Наиболее сложны процессы формирования народностей и наций в современных развивающихся странах (нормальное развитие которых было задержано господством колониализма), особенно там, где сохранились в качестве основных форм этнической общности более ранние ее виды — род и племя — и где образование независимых государств предшествовало формированию не только наций, но и народностей (такие процессы происходят на большей части территории Африки). Но, несмотря на своеобразие социально-исторического развития африканских стран, процессы консолидации народностей и наций протекают в них в целом на основе тех же закономерностей, что и в Европе.

Большое внимание в дискуссии было уделено вопросу о содержании понятия «нация», ее определению. Отдельные советские ученые высказывали мысль, что для создания научной теории нации и, в частности ее определения необходимо предварительно изучить конкретный процесс формирования наций в каждой стране в отдельности на всех континентах. По их мнению, только после этого будет собран достаточно полный фактический материал для определения понятия нации. Как справедливо отмечалось в ходе дискуссии, тщательное и всестороннее изучение конкретного исторического материала является одним из главных условий марксистско-ленинского, научного исследования социальных объектов. Но это не означает, что научная характеристика того или иного социального явления возможна только в результате конкретного изучения всех существовавших и существующих отдельно взятых однотипных явлений. Если придерживаться такого условия, то окажется невозможным никакое научное определение. Всякое определение охваты-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 410.

ваает лишь главные, типичные черты или признаки и вовсе не исключает наличия своеобразия в каждом отдельном случае во второстепенных вопросах.

В ходе дискуссии некоторые ее участники ставили под сомнение целесообразность и правомерность научного определения понятия нации. Одни из них заявляли, что поскольку нации постоянно развиваются и изменяются, то у них нет устойчивых, стабильных признаков. Поэтому, утверждали они, в научном определении нации не должно быть указано никаких обязательных признаков, так как такие признаки превращают нацию в нечто метафизически неизменное. Эти утверждения не получили поддержки. Справедливо указывалось, что поскольку нация существует реально, то научное определение ее должно включить наиболее важные, главные, устойчивые признаки, раскрывающие сущность нации. Если же считать, что таких признаков у нации нет, то тогда следует сделать вывод, что нация есть нечто аморфное, неопределенное, меняющее непрерывно свое существо и свой облик. Другие участники дискуссии говорили, что каждая нация имеет свои индивидуальные черты и особенности и поэтому нет возможности выделить общие для всех наций признаки. По их мнению, основоположники марксизма-ленинизма не дали определения нации. С подобными утверждениями, как это отмечалось преобладающим большинством участников дискуссии, нельзя согласиться. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в своих трудах и высказываниях раскрыли сущность нации, объяснили причины и условия ее возникновения, охарактеризовали ее основные черты. В ходе дискуссии совершенно правильно указывалось, что известное определение нации, сформулированное И. В. Сталиным, является обобщением всего того, что было сказано К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным по вопросу о сущности и главных признаках нации. В этом определении говорится: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁹. Известно, что работа И. В. Сталина, в которой дано это определение, была положительно оценена В. И. Лениным¹⁰. Приведенное определение нации, как справедливо отмечалось в ходе дискуссии, является научным, марксистским определением, оно представляет собой часть марксистско-ленинской теории нации.

Конечно, к этой теории в целом и к определению нации, в частности, нельзя относиться догматически. Как уже отмечалось выше, марксистско-ленинская теория наций и национальных отношений творчески развивается в результате обобщения нового опыта и решения новых проблем. Естественно, что и определение понятия нации не может оставаться абсолютно неизменным. Это определение было сформулировано, когда существовал только один тип наций — буржуазные нации. В ходе дискуссии был рассмотрен вопрос о том, сохраняются ли признаки, перечисленные в данном определении, для социалистических наций, а также для народов, которые еще только формируются в нации в странах, освободившихся или освобождающихся от колониального и национального гнета. Участники дискуссии убедительно показали, что социалистические нации имеют те же признаки, что и буржуазные. Ни один из них при переходе от капитализма к социализму не отпадает, но содержа-

⁹ Определение это дано в статье «Национальный вопрос и социал-демократия» (в последующих изданиях «Марксизм и национальный вопрос»), опубликованной в большевистском журнале «Просвещение», 1913, №№ 3—5 (см. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 296). Впоследствии И. В. Сталин в 1929 г. уточнил последний признак нации, сформулировав его так: «...общность психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» (см. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 333).

¹⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 223, 452 (примечание); Соч. Т. 35, стр. 60.

ние этих признаков коренным образом преобразуется. Что касается народов развивающихся стран, формирующихся наций, то основные положения марксистско-ленинской теории наций для них также сохраняют свою силу.

Таким образом, существующее марксистское определение нации включает в себя главные, определяющие признаки всех типов наций. Однако это определение не отражает и не может отражать всех особенностей развития того или другого типа наций, а тем более отдельных наций. Дискуссия убедительно показала, что в настоящее время необходимо как можно глубже изучать все многообразие национальных отношений современности. Это даст возможность конкретизировать и уточнить существующее определение нации.

В ходе дискуссии были подробно и всесторонне рассмотрены все компоненты, составляющие в своей совокупности определение нации. Общность языка как один из основных признаков нации признается почти всеми участниками дискуссии. Лишь отдельные исследователи ставят под сомнение обязательность этого признака. Ими выдвигаются такие аргументы: национальная консолидация у некоторых народов происходит в условиях отсутствия единого национального языка (например, в Индонезии и в Мали); люди одной нации могут иметь разные языки (бельгийцы, канадцы, швейцарцы); в настоящее время в нашей стране развивается двуязычие и триязычие. Поэтому общность языка нельзя рассматривать как основной признак нации. В своих выступлениях участники дискуссии указывали на неубедительность этих аргументов. Так, отмечалось, что в Индонезии и Мали единые нации еще не сложились. Что касается швейцарцев, канадцев и бельгийцев, то, говоря о них, не следует смешивать государственную принадлежность с национальной. Швейцарцы состоят из германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев и ретороманцев; бельгийцы — из валлонов и фламандцев; канадцы также различаются: канадцы английского происхождения и канадцы-французы. Развивающееся в нашей стране двуязычие и триязычие — элемент сближения наций — вовсе не исключает наличия общего языка у нации. Если какая-то часть той или иной нации обладает знанием второго (после своего родного) или даже третьего языка и использует эти языки для межнационального общения, то это не может служить основанием для отрицания того, что все члены этой нации имеют общий национальный язык. Заслуживает внимания и дальнейшего изучения предложение ряда участников дискуссии уточнить этот признак, назвав его «общностью литературного языка». При этом указывалось, что понятие «литературный язык» не идентично понятию «письменный язык», ибо не всякий письменный язык является литературным.

Общность территории как обязательный и основной признак нации также признают почти все участники дискуссии. Но в ходе ее отмечалось, что, несмотря на всю важность этого признака, он недостаточно глубоко и полно исследован и освещен в научной литературе. Указывалось, что нельзя общность территории ставить в прямую зависимость от национальной государственности и связывать полностью с государственными, административными границами. Под общностью территории следует понимать нерасчлененность этнической территории крупными естественными рубежами. Что касается государственных границ, разделяющих те или иные нации на части, то хотя они не исключают общности этнической территории, но в условиях классово-антагонистического общества длительное сохранение такого разделения приводит к серьезным различиям между расчлененными частями нации. В условиях же советского социалистического общества расселение той или иной нации в различных республиках или краях, областях не влияет столь существенно на национальное развитие частей этой нации, так как социалистический строй обеспечивает по-

стоянные, тесные и всесторонние (политические, экономические и культурные) связи между ними. Некоторые авторы видят помеху для признания общности территории одним из основных признаков нации в том, что у нас на территории одной республики (или автономной области) проживает несколько наций. Но, как отмечалось в ходе дискуссии, многонациональность населения республик не исключает территориальной общности каждой нации в отдельности и свободного национального развития народов.

Что касается такого признака нации, как общность экономической жизни, то мнения участников дискуссии по этому вопросу расходятся в следующих направлениях. Большинство выступавших рассматривают общность экономической жизни не только как один из основных, но и как определяющий признак нации. Незначительная часть участников дискуссии считает неправомерным включать общность экономической жизни в определение нации в качестве ее основного признака. Отдельные исследователи, не отрицая значения экономического фактора, полагают, что экономические отношения являются лишь условиями возникновения и развития наций. Некоторые, признавая в принципе этот признак нации, считают его формулировку неточной и дают свои определения.

Сторонники мнения, согласно которому общность экономической жизни не может служить обязательным признаком нации, утверждают, что общность экономической жизни свойственна не столько нации, сколько государству и определяется не национальными, а политическими границами. Разделение труда между отдельными районами страны, утверждают они, установление экономических контактов между ними исторически связаны с капиталистическими государствами, а не с нациями. В ходе дискуссии эти положения были подвергнуты обоснованной критике. Отмечалось, что экономическая общность определяется не политическими границами. Приводились примеры, когда в крупном эксплуататорском государстве сосуществуют различные экономические уклады. Кроме того, в условиях капитализма имели место факты формирования наций, не обладавших своей государственностью, но приобретших экономическую общность на базе капитализма.

Большое внимание было уделено раскрытию понятия «общность экономической жизни». Указывалось, что суть общности экономической жизни буржуазной нации состоит в том, что на базе возникновения и развития капиталистического способа производства, роста товарного обращения и обмена происходит концентрация местных рынков в один общенациональный рынок, возникает единый национальный экономический центр и таким образом разрозненные до этого части населения объединяются экономическими связями в одну нацию.

Некоторые участники дискуссии считают термин «общность экономической жизни» неточным, так как он может быть понят как «общность экономических интересов» всех членов нации. Поэтому его якобы нельзя применить к буржуазным нациям, ибо он может породить ложную мысль об общности экономических интересов буржуазии и пролетариата, о гармонии труда и капитала. Однако большинство участников дискуссии не согласилось с этим. Справедливо указывалось, что общность экономической жизни буржуазной нации или наличие тесных экономических связей между частями этой нации, объединяющих ее в одно целое, нельзя истолковать как наличие общих экономических интересов. Наоборот, всякая буржуазная нация расколота на антагонистически противоположные классы именно вследствие того, что экономической основой этой нации является капиталистический способ производства, что нация объединена буржуазной экономической общностью. Качественно иное содержание имеет общность экономической жизни социалистической нации, так как она основана на социалистическом способе производства, который порождает единство интересов всех клас-

сов и социальных групп, составляющих данную нацию. Этим объясняется монолитность социалистической нации, в отличие от буржуазной нации, расколотой на антагонистически противоположные классы. Общность экономической жизни социалистических наций в СССР не означает, что каждая советская нация имеет свою особую экономическую общность. Эта общность существует в условиях единой общесоюзной социалистической экономики, что не исключает наличия некоторого своеобразия в хозяйственной жизни отдельных наций.

Что касается мнения о том, что экономическая общность представляет собою лишь условие возникновения и развития нации, то оно в ходе дискуссии не получило поддержки. Справедливо отмечалось, что экономическая общность является и признаком нации и условием ее возникновения и развития.

Рассмотрим варианты формулировок, которые выдвигались некоторыми участниками дискуссии для замены формулировки «общность экономической жизни». Предлагалось упомянутый выше признак заменить «устойчивой общностью хозяйственной жизни, при наличии рабочего класса». Это предложение мотивировалось тем, что формула «общность хозяйственной жизни» включает в себя не только политико-экономический, но и экономико-географический смысл. Каждая нация представляет собой нечто особенное в хозяйственном отношении, поэтому якобы предлагаемая формула более точно отражает реально существующий признак нации. В ходе дискуссии это предложение не получило поддержки, так как оно не улучшает и не уточняет сути рассматриваемого признака нации. Ведь экономико-географические особенности существуют и внутри крупных наций. Достаточно сослаться на русскую нацию и различные районы ее расселения — Сибирь, Дальний Восток и т. д., каждый из которых, конечно, имеет свои экономико-географические особенности. Что касается второй части предлагаемой формулировки — «при наличии рабочего класса», — то в дискуссии правильно отмечалось, что она излишня, поскольку нации формируются и существуют лишь в капиталистическом и социалистическом обществах, а наличие рабочего класса, являющегося одним из основных классов этих обществ, само собою предполагается.

Следующие предложения, выдвинутые в ходе дискуссии, заключались в том, чтобы заменить «общность экономической жизни» «единством промышленной экономики» или же «экономической основой». Однако эти предложения также не были поддержаны большинством участников дискуссии. Как правильно указывалось, нельзя «общность экономической жизни» заменить «единством промышленной экономики», так как и в капиталистическом и в социалистическом обществах экономические отношения охватывают не только промышленность, но и сельское хозяйство. Если принять это предложение, то тогда окажется, что сельское население не входит в нацию. Что касается второго варианта, то он неприемлем потому, что «экономическая основа» не раскрывает сущности указанного явления.

Анализ выступлений по данному вопросу приводит к выводу, что общность экономической жизни является одним из основных признаков нации и играет определяющую роль по отношению к другим ее признакам. Без общности экономической жизни невозможно формирование и существование нации. Что касается конкретного содержания характерных черт этой общности, то они обусловлены лежащим в ее основе способом производства. Одно дело — общность экономической жизни нации буржуазной, другое — социалистической. В первом случае эта общность содержит внутренне антагонистические противоречия, а во втором она свободна от таких противоречий и характеризуется внутренним дружественным сотрудничеством, взаимопомощью и единством частей этой нации.

Наиболее значительные расхождения обнаружились по вопросу о психическом складе нации. Одни участники дискуссии признают необходимым включить психический склад в научное определение нации, другие его отвергают, третьи считают необходимым внести изменения и уточнения в имеющуюся формулировку.

Остановимся прежде всего на точке зрения тех, кто отрицает общность психического склада как один из основных признаков нации. Основная аргументация этой позиции такова: в реальной жизни не существует общих для всех членов нации черт психического склада, поэтому включение в число основных признаков нации общности психического склада неправомерно; можно говорить лишь о некоторых специфических особенностях психического склада у отдельных социальных либо профессиональных или этнографических групп, составляющих нацию. Иначе говоря, нация состоит из различных классов и групп, каждая из которых имеет свой психический склад, поэтому общего для всей нации психического склада быть не может.

Преобладающее большинство участников дискуссии пришли к выводу, что психический склад нации реально существует и с этим нельзя не считаться. Вместе с тем они подчеркивают сложность данной проблемы и трудности ее исследования, наличие многих вопросов, требующих дальнейшего выяснения.

В ходе дискуссии справедливо было отвергнуто выдвинутое отдельными ее участниками положение о том, что психический склад нации находит свое конкретное проявление и в некоторых особенностях мышления людей, его строя. Однако мышление людей в своей основе является общим для всех наций. Психический склад нации, так же как и национальный характер, проявляется в специфических особенностях культуры и быта. Правильно отмечалось также, что национальный характер не является чем-то неизменным. В результате преобразований условий жизни нации изменяется и национальный характер. Глубокие качественные изменения претерпевает национальный характер в результате преобразования буржуазной нации в социалистическую. Что касается вопроса о соотношении национального характера и классовой психологии и идеологии, то материалы дискуссии дают основание сделать следующий вывод. Национальный характер не идентичен ни классовой психологии, ни идеологии. Непримируемая противоположность классовой идеологии капиталистов и пролетариев внутри одной и той же буржуазной нации не исключает наличия общих (для всей нации) черт национального характера. Эти общие черты национального характера находят различное выражение у классов-антагонистов в их культуре и идеологии. Объясняется это тем, что общие черты национального характера, выработанные под воздействием окружающей среды (в том числе и географической) и материальных условий жизни нации, трансформируются через классовую психологию. В отличие от буржуазных наций общие черты национального характера социалистической нации находят свое выражение в единой (для всех членов нации) социалистической идеологии и в общности ее культуры.

Некоторые участники дискуссии считали нужным изменить формулировку рассматриваемого признака нации. Одни предлагали назвать его «некоторыми особенностями психологии», другие — «специфическими национальными чертами культуры и характера». Эти предложения были отвергнуты большинством выступавших, как не вносящие уточнения в определение нации.

Отдельные участники дискуссии предлагали включить в определение нации ряд других черт: «самосознание этнической принадлежности», «некоторые особенности традиций быта, культуры и освободительной борьбы» и т. д. В ходе дискуссии были высказаны убедительные, на наш взгляд, возражения против включения в определение нации

этих признаков. Отмечалось, что «самосознание этнической принадлежности» так же, как и «национальное самосознание», не может служить одним из основных признаков нации, так как оно является субъективным отражением в сознании человека объективного факта существования нации. Кроме того, следует учитывать, что в содержание понятия «национальное самосознание» в качестве его составного компонента наряду с идеологическим элементом включается также и психологический — чувство национальной, этнической принадлежности. Этот психологический элемент национального самосознания входит в четвертый признак нации. Что касается «особенностей традиций быта, культуры и освободительной борьбы», то они также, по существу, охватываются четвертым основным признаком нации.

Значительное внимание в дискуссии было уделено вопросу о соотношении нации и национальной государственности, который рассматривался как с точки зрения влияния государства (точнее, фактора государственности) на исторический процесс формирования наций, так и с точки зрения введения в определение нации признака национальной государственности. Первая сторона этой проблемы не вызвала существенных разногласий. Государство как таковое возникает еще на рубеже классового общества и с тех пор оказывает сильнейшее влияние на все формы общественного развития, в том числе и на этнические общности — народности и нации. Несомненно, важную роль играет национальная государственность для развития и социалистических наций.

Серьезные разногласия возникли при обсуждении вопроса о том, можно ли считать национальную государственность признаком нации. Основные соображения, выдвинутые в обоснование того, что национальная государственность является признаком нации, сводились к указанию на громадную роль, которую играла государственность в исторических процессах становления ряда западноевропейских наций. Это, как правило, приводило к определенному совпадению понятий «нация» и «государство»; известно, что в английском, французском и некоторых других западноевропейских языках термин «нация» употребляется почти всегда в государственно-политическом, а не в этническом смысле. В связи с этим приводились даже слова В. И. Ленина о том, что образование национальных государств является «тенденцией (стремлением) всякого национального движения»¹¹, что «национальное государство» есть «мировое правило», а государство национальностей, то есть многонациональное государство, всего лишь исключение. Из этих положений (и из аналогичных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса) делался вывод о том, что основоположники марксизма-ленинизма якобы рассматривали национальную государственность как признак нации. Что же касается социалистических наций, то, по мнению сторонников данной точки зрения, эти нации на практике пользуются в той или иной форме своей государственностью, будь то, например, союзные или автономные республики СССР.

Многие авторы привели убедительные доказательства в пользу того, что национальную государственность неправомерно относить к числу основных признаков нации. Против такого предложения свидетельствует сам факт исторического существования, помимо однонациональных государств, целого ряда многонациональных государств (в том числе царской России), в которых уже достаточно сформировавшиеся нации не имели своей национальной государственности. Указывалось, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, отмечая большую роль фактора государственности в образовании наций, не считали национальную государственность обязательным условием формирования нации и тем более ее признаком. Что же касается марксистско-ленинского принципа о праве наций

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 259.

на самоопределение вплоть до государственного отделения (на который ссылаются сторонники включения в определение нации национальной государственности), то он, как указывал В. И. Ленин, был направлен против национального гнета и неравноправия и не означает обязательного создания каждой нацией своего самостоятельного государства. В. И. Ленин, разъясняя смысл программного принципа права наций на самоопределение, писал, что «мы за *право* отделения (а не за отделение всех!)»¹². «Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и поэтому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами»¹³. Из всего этого можно сделать вывод, что национальная государственность играет важную роль в консолидации нации и в ее развитии, но не представляет собою обязательного условия ни формирования, ни существования нации.

В ходе дискуссии был выдвинут ряд других проблем, связанных с национальной государственностью (вопрос о понимании института областной и национально-территориальной автономии, о переходном характере советского федерализма, перспективах дальнейшего развития национальной государственности), по которым выявились серьезные различия во взглядах отдельных участников дискуссии и которые требуют дальнейшей разработки.

В марксистско-ленинской теории нации важное место занимает учение о двух исторических типах наций — буржуазном и социалистическом. Этот вопрос также был предметом обсуждения. Участники дискуссии единодушно отмечали, что в условиях социализма сформировался новый исторический тип нации, в корне отличающийся от нации капиталистического общества. Но были высказаны различные суждения по поводу критериев определения типов нации, их различий, а также названий этих наций. Подчеркивалось, что при определении исторического типа нации необходимо прежде всего вскрыть ее экономическую основу, от которой в конечном итоге зависят все остальные стороны и черты национальной жизни. Отмечалась также необходимость при определении типа нации рассматривать совокупность всех общественных отношений в целом, в том числе политических и идеологических. Таким образом, в ходе дискуссии вновь было подтверждено и несколько конкретизировано известное марксистско-ленинское положение о том, что тип нации обусловлен типом господствующих производственных отношений (определяющий критерий), общественным и политическим строем, классовой структурой и природой класса, играющего ведущую роль в жизни нации.

Серьезные разногласия выявились в связи с предложением отдельных участников дискуссии вместо вошедших в научный обиход терминов «буржуазные нации» и «социалистические нации» ввести новые: «социально-неоднородные нации» и «социально-однородные нации». Те, кто выступал против термина «буржуазная нация», говорили, что он правомерен лишь по отношению к ранним этапам развития капитализма, когда буржуазия была прогрессивным классом, олицетворяла нацию, и духовный облик нации во многом характеризовался тем, что было присуще буржуазии. Иную роль играет монополистическая буржуазия, ставшая реакционной силой. Ее господство в идеологии не является уже безраздельным. Кроме того, заявляли они, название «буржуазная нация» характеризует нацию односторонне, ограничивает ее роль производственными отношениями и таит в себе возможность преувеличения зна-

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 235.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 328.

чения буржуазии в современной национальной жизни. Против термина «буржуазная нация» выдвигался и другой довод: абсолютизация этого термина якобы приводит к тому, что черты буржуазии механически переносятся на другие классы нации. Между тем в современных условиях монополистическая буржуазия стала антинациональной силой, а подлинные национальные интересы выражают пролетариат, прогрессивные силы нации. В ходе дискуссии указывалось, что в приведенных выше рассуждениях вопрос о характере нации в условиях капитализма подменяется вопросом о том, какой класс выражает подлинные интересы нации.

Предложенный термин «социально-неоднородные нации» не является удачным также потому, что противоречивость в экономической, социально-политической и духовной жизни людей в условиях капиталистического строя вовсе не является основанием для отказа от термина, выражающего главное в этом строе и в нациях этого типа — господство капиталистического способа производства и класса буржуазии. Термин же «социально-неоднородные нации» затушевывает главное — классовую характеристику нации. Товарищи, возражавшие против его введения, напоминали, что В. И. Ленин неоднократно применял для характеристики наций капиталистического общества такие выражения, как «капиталистические нации», «нации-угнетательницы», «империалистические нации»¹⁴. Выступая против абсолютизации понятия «буржуазная нация», нельзя отрицать реально существующую буржуазную организацию национальной общности людей. Выступавшие раскрыли также логическую противоречивость в аргументации авторов нового термина «социально-неоднородные нации», которые считают, что нации восходящего периода капитализма можно называть буржуазными, а периода его заката — нельзя. Но разве в обоих периодах нация не одного типа? Так почему же она в одном случае должна называться «буржуазной», а в другом — «социально-неоднородной»? Конечно, в период империализма классовая борьба между буржуазией и трудящимися обостряется до крайних пределов, но общественно-экономическая формация остается капиталистической, буржуазной. Поэтому и существующую в этой формации нацию логично и правомерно называть «буржуазной нацией». Далее, в выступлениях отмечалось, что понятие «буржуазная нация» вовсе не исключает, а, наоборот, подчеркивает антагонистически противоречивую социальную структуру этой нации. Кроме того, социальная неоднородность свойственна всем классовым антагонистическим формациям, а также переходному периоду от капитализма к социализму. Полная социальная однородность общества будет достигнута лишь при коммунизме. Поэтому понятие «социально-неоднородные нации» весьма неопределенно и расплывчато. Следует также отметить, что многие участники дискуссии, не высказавшиеся по данному вопросу, используют термин «буржуазная нация» как бесспорный, не вызывающий у них сомнений.

В отличие от термина «буржуазные нации» термин «социалистические нации» никем из участников дискуссии не был подвергнут сомнению. Предложение же заменить этот термин другим — «социально-однородные нации» — не получило поддержки.

Некоторые участники дискуссии предложили дать отдельное определение социалистической нации, отразив в нем ее существенные черты. При этом было выдвинуто несколько таких определений. В одном из них (наиболее развернутом) отмечалось, что социалистические нации отличаются социальной однородностью, общностью экономических интересов, наличием национальной государственности, общностью судьбы, единством культуры и духовного облика, интернационалистическим ми-

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 10.

ровозрением всех социальных слоев. В ходе обсуждения это определение было подвергнуто критике. Справедливо указывалось, что в нем отсутствует такой важный признак нации, как общность языка, а общность территории заменена признаком, вовсе не обязательным для всех социалистических наций,— национальной государственностью; кроме того, нельзя безоговорочно утверждать, что социалистические нации социально однородны. Что касается такой черты, как «общность экономических интересов», то она основывается на общности экономической жизни социалистических наций. Поэтому именно общность экономической жизни является основным признаком социалистических наций. Предлагаемое в этом определении понятие «общность судьбы» нельзя считать научным. В отношении последней части предложенного определения (о единстве культуры и пр.) указывалось, что эти черты более точно и лаконично выражены в четвертом признаке нации.

Большинство выступавших склонялись к правильному мнению, что особого определения социалистической нации давать не следует. Как указывалось выше, социалистическая нация наследует все признаки, характеризующие буржуазную нацию, но эти признаки подвергаются коренным изменениям и наполняются новым содержанием в соответствии с характером социалистического строя.

В ходе дискуссии было признано необходимым, помимо двух основных типов наций—буржуазных и социалистических,—выделить еще один, новый, тип для обозначения наций, которые возникают в странах, освобождающихся от колониального и национального гнета. Обмен мнениями по этому вопросу показал, что он требует дальнейшего тщательного и глубокого изучения. Бесспорно, что во многих развивающихся странах еще не определился окончательно тип формирующихся наций.

Данная дискуссия была первым опытом широкого обсуждения и обмена мнениями советских ученых по целому ряду очень важных вопросов марксистско-ленинской теории нации, с учетом тех новых проблем, которые выдвинула современность. Она свидетельствует о творческих поисках советских ученых, стремящихся решать с марксистско-ленинских позиций новые проблемы в области национальных отношений.

Дискуссия вновь подтвердила беспочвенность и несостоятельность всякого рода попыток идеологов антикоммунизма выставить в ложном свете марксистско-ленинскую теорию нации и национальных отношений. В итоге дискуссии еще раз была продемонстрирована научная объективность и последовательность этой теории.

Дискуссия выявила настоятельную необходимость дальнейшего глубокого научного исследования целого ряда вопросов теории нации и национальных отношений. Ее участниками был мобилизован и более глубоко осмыслен новый материал по вопросам современной национальной жизни и национальных отношений, было высказано много интересных мыслей. Материалы дискуссии представят большой интерес для тех исследователей, которые продолжают работу над проблемой теории нации и национальных отношений.

Анализ материалов дискуссии свидетельствует также о необходимости более широких, тесных и постоянных связей между историками, философами, этнографами, экономистами, юристами, лингвистами, литературоведами и представителями других отраслей общественной науки, занимающимися исследованием различных проблем национальных отношений. Серьезные научные исследования национальных проблем требуют комплексных работ, коллективных усилий специалистов различного профиля общественных наук. Сама жизнь выдвигает необходимость более организованно координировать научно-исследовательскую работу в этой области.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

«АЗОВСКОЕ СИДЕНИЕ»

Ю. А. Тихонов

В шестнадцати километрах от устья Дона, на левом берегу реки, возвышается поразительной высоты холм. С его вершины открывается живописный вид на безбрежные донские степи. Самой природой тут уготовано место для того, чтобы закрыть выход к Азовскому морю. Так оно и было в прошлом. Еще в VI в. до н. э. греки основали здесь город Танаис, в X—XI вв. этот город входил в состав Тмутараканского княжества Киевской Руси, затем был захвачен половцами, потом стал одним из городов Золотой Орды. В XIII—XV вв. здесь располагалась богатая итальянская колония Тана. А в 1471 г. город захватили турки и превратили его в мощную крепость¹, которая обеспечивала ее хозяевам безопасность побережья Азовского моря и являлась опорным пунктом для установления власти над степными просторами Нижнего Дона и Северного Кавказа. Турецкие султаны не жалели средств для укрепления Азова. Высокая каменная стена с 11 башнями опоясывала холм. Предмestья прикрывались рвами и земляными валами. Крепость защищал четырехтысячный гарнизон пехоты, имевший свыше 200 пушек.

1. Накануне

В 1637 г. дворы монархов в Москве, Варшаве, Стамбуле, Бахчисарае, Исфагани были потрясены известием о взятии казавшейся неприступною Азовской крепости донскими казаками. Штурм Азова спутал карты многих дипломатов и полководцев и внес коррективы в сложившуюся к тому времени систему политических взаимоотношений России, Речи Посполитой, Османской империи и ее вассалов. Почему же, казалось бы, локальный успех Войска Донского вызвал такое волнение правительств, обладавших крупными, хорошо обученными военными силами и большими материальными богатствами? Дело в том, что нападение на Азов было не случайным явлением². Руководители Войска Донского оказались хорошими военными организаторами и военачальниками, точно рассчитавшими выгоды выступления в удачное для казачества время.

Какими же были международные отношения в Восточной Европе и Передней Азии в 30-е годы XVII века? После Смоленской войны 1632—1634 гг. граница между Россией и Речью Посполитой оставалась на расстоянии в 200—250 км от Москвы. Правительство царя Михаила Романова убедилось на горьком опыте, что, прежде чем пытаться отодвинуть рубежи от столицы на запад и вернуть Смоленск, надо укрепить южные города. К этому побуждали недавние события. Так, неожиданный набег крымского хана в 1633 г. на русские земли сыграл важную роль в поражении русской армии под Смоленском, ибо дворяне самочинно уходили с места военных действий в свои подвергнувшиеся этому налету поместья. Постоянные набеги крымских и ногайских феодалов на южнорусские уезды преследовали не только грабительские цели. Крымские ханы, будучи вассалами турецких султанов, считали себя в то же время наследниками Золотой Орды и претендовали на получение постоянной дани у русских. Татарские нашествия обескровливали Русское государство. Только в течение первой половины XVII в.

¹ См. Б. В. Чеботарев, Л. М. Казакова. Азов — город крепкий. «Вопросы истории», 1967, № 8.

² См. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. «Ученые записки» МГУ. Вып. 34. Т. II. 1946, стр. 44.

было захвачено для продажи на невольничьих рынках около 200 тыс. русских людей. Именно Азов являлся основным местом продажи пленников в рабство восточным купцам. За это же время русское правительство, чтобы удержать татар от нападений на Россию, затратило на подарки крымской знати и содержание посольств крымцев до 1 млн. золотых рублей. На эти деньги можно было построить около 200 городов-крепостей³. Мощную Азовскую крепость ханы использовали в своих разбойничьих целях.

Султанский двор очень дорожил Азовом. Далеко выдвинутая на север крепость позволяла держать в узде крымских и ногайских татар и мусульманские народы Северного Кавказа. В намерении турецких султанов осуществить захват земель по Дону, Волге, на Кавказе, восстановить под своей властью Казанское и Астраханское ханства большое место отводилось Азову. Эта крепость позволяла турецким феодалам, не опасаясь действий со стороны России, развертывать экспансию против соседних территорий Европы и Азии. В 30-х годах XVII столетия Русское государство стало воздвигать сплошную цепь городов-крепостей на южной границе, чтобы обезопасить себя от походов крымцев. В интересах независимости страны и ее территориальной целостности необходимо было постепенно заселять и осваивать южные степи, отодвигая границу от Москвы ближе к Черному и Азовскому морям. В столице понимали, что Азовская крепость цементировала военные действия татарских феодалов и без ее сокрушения трудно надеяться на полный успех. Поэтому русское правительство оказывало Войску Донскому как военной силе, непосредственно противостоявшей Азову, посильную материальную помощь. В 1635—1637 гг. было построено восемь новых городов: Тамбов, Ефремов, Козлов, Верхний и Нижний Ломовы, Чернавск, Усерд, Яблонов. Сплошными укреплениями — рвами, засеками, надолбами — эти крепости связывались в единую полосу и закрывали путь татарской коннице.

Донские казаки прекрасно понимали ключевое значение Азова: отсюда исходила постоянная угроза, непосредственно направленная против них. Кроме того, крепость способствовала захватнической политике турецких султанов. Об этом свидетельствует исключительно удачно выбранное Войском Донским время нападения на Азов. Весной 1637 г. султан Мурад IV решил с помощью крымской конницы нанести удар по Ирану, с которым Турция находилась в состоянии войны. Султанский двор рассчитывал, что после заключения в 1634 г. мирного договора с Речью Посполитой с севера турецким владениям ничто не угрожает, а Русское государство, ослабленное Смоленской войной, тоже не предпримет наступательных действий. Казалось бы, настал удобный момент для отражения иранских войск, захвативших Грузию и вторгшихся на территорию Малой Азии. Удачной войной против Ирана султан надеялся потушить народное недовольство в самой Османской империи. Поэтому против шаха была брошена султанская армия и привлечены войска вассалов.

Однако крымский хан Инайет-Гирей, вынужденный считаться с нежеланием своих воинов отправляться в далекий и трудный поход, взбунтовался и даже овладел турецкой крепостью Кафой (Феодосией). Тогда Мурад низложил непокорного вассала и назначил ханом Бахадур-Гирея, но заставить крымских феодалов отправиться воевать с персами ему и на этот раз не удалось. Более того, крымцы принудили ногайских татар выступить с ними в поход на Молдавию. Пока шла эта свара, Азов оставался без помощи от турецких и крымских войск и без прикрытия со стороны Ногайской Орды. Турецкое правительство беспокоилось за судьбу Азова, памятуя о многолетнем противоборстве с донскими казаками. Казаки, ведя постоянную борьбу с захватническими устремлениями турок, часто сами нападали на Азов и его предместья, опустошали их и в случае успеха брали с азовцев дань деньгами, солью, рыболовными снастями. Турецкие отряды из Азова, в свою очередь, разоряли казачьи городки. В 1574 г. казаки захватили предместье Азова, взяв много пленных, в том числе шурина султана. В 1625 г. им удалось ворваться в крепость, из которой они с трудом были вытеснены. Особая башня (каланча) в устье Дона, прикрывавшая пушечным огнем выход в море, была разрушена донцами. В 1634 г. Азовская крепость подверглась совместному нападению донских и запорожских казаков. Казаки приступом взя-

³ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л. 1948, стр. 293, 436, 442.

ли наугольную башню, однако башенные стены обвалились и камни засыпали вход в город⁴.

Теперь, когда турецкая армия сосредоточила все свои силы в Иране, а крымская и ногайская конницы были втянуты в войну с молдавским князем Кантемиром, население Приазовья и Причерноморья до самого Стамбула ожидало повторения молниеносных казачьих набегов. Султанское правительство попыталось отвести эту угрозу дипломатическим путем. Из Азова в Москву через Дон в январе 1637 г. был послан грек Фома Кантакузин. В пятый раз дипломат-шпион отправлялся в Россию. В его задачу входило выяснение обстановки в Войске Донском. По прибытии в Москву он должен был добиться от царского правительства запрещения казакам воевать с азовцами. Посольский приказ, догадываясь о целях этого визита, дал строгий наказ посланному на Дон для встречи турецкого посла дворянину Степану Чирикову не допускать к греку для разговоров ни русских, ни иностранцев. Да и донские атаманы, приняв турецкое посольство в составе 45 человек, непустили его в Москву, сославшись на глубокие снега. Кантакузин оказался в положении пленника.

Правительство царя Михаила, не желая осложнять отношения с Турцией, не давало санкции донским казакам на взятие Азова. Войско Донское рассматривалось им лишь как сила, препятствовавшая татарским набегам на воздвигавшуюся южную линию городов-крепостей. Понимая это, приезжавшие в Москву представители казачьих городков ни словом не обмолвились об истинных планах Войска Донского. Атаман Иван Каторжный получил в столице «царское жалованье», а также 100 пудов пороха и свинца, селитру и серу, что было казакам крайне необходимо.

2. Войско Донское

Леса и степи Подонья стали заселяться выходцами из России с конца XV — начала XVI века. На Дон шли смелые и сильные люди, не боявшиеся опасностей, спасавшиеся здесь от феодального ярма. Да и само название «казак» означало человека, не приписанного к какой-либо общественной группе и не включенного в число тяглых людей. Казачьи городки непрерывно пополнялись беглыми крестьянами и холопами, горожанами и стрельцами. Непрекращавшиеся стычки с кочевниками и турецкими войсками выковывали из донцов искусных наездников, метких стрелков, опытных мореходов. Донские казаки действовали, как правило, малочисленными отрядами, воюя не числом, а умением. В военных походах участвовали не только коренные донцы. Каждую весну на Дон приезжало из Руси много торговых людей с хлебом и ремесленными изделиями. Немало ремесленников (кузнецов, плотников и др.), а также рыбаков и косарей приходило наниматься на работу к зажиточным («домовитым») казакам. Торговцы, гребцы, ремесленники часто вливались в казачьи отряды, уходившие за «зипунами», то есть за военной добычей, к крымским и турецким берегам.

Отношение русского правительства и привилегированных слоев России к донскому казачеству было двойственным. С одной стороны, Дон как отдушина для беглых и очаг социальной опасности очень тревожил их; с другой — не имея достаточных сил для успешного отражения татарских набегов, московские правители уже с середины XVI в. стали привлекать казаков для сторожевой службы и разведки. Крепли казачьи городки, росло и их военное значение. Бурные события начала XVII в. еще больше подняли престиж казаков. Их голос оказал существенное влияние на избрание новым царем Михаила Романова, который, в свою очередь, пожаловал донскому казачеству особые привилегии (устанавливалось ежегодное жалованье деньгами, хлебом, сукном, порохом, свинцом; разрешалась бесполошинная торговля в южных городах; поселившиеся на Дону беглецы признавались вольными людьми; все казачьи дела решал Посольский приказ). Русское правительство вынуждено было мириться с автономией Дона. Не окрепнув достаточно после польско-шведской интервенции, правительство Михаила Романова избегало осложнений с донскими казаками. К концу первой четверти XVII в. складывается своеобразная «республика» — Великое Войско Донское⁵.

Эта «республика» являла собой, особенно на первых порах, прямую противопо-

⁴ М. Я. Попов. Азовское сидение. М. 1961, стр. 44.

⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955, стр. 264—266.

ложность феодально-крепостническим порядкам. Все важнейшие вопросы решал войсковой круг, на котором каждый казак имел право голоса. Исполнителями решений круга были атаманы, есаулы и войсковой дьяк. Все они и командиры были выборными. Жизнь на Дону регулировалась исторически сложившимся «войсковым правом», нормы которого обуславливались военными потребностями. Донцы, писал подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, «судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу»⁶. Казаков отличали железная дисциплина в походе, взаимная выручка и товарищество, презрение к трусам, вора и изменникам. Донцы очень дорожили своей вольностью. На предложение царя приехать в Москву «лучшим людям» для совета казачий круг ответил, что на Дону таковых нет, «все они меж себя равны»⁷. Все казаки формально были равны, но в действительности социальное неравенство существовало. Классовое расслоение среди казачества ко времени похода на Азов уже отчетливо проявлялось. Однако столь резкого размежевания на «домовитых» (зажиточных) и «голутвенных» (неимущих) казаков, какое наблюдалось накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, в рассматриваемое время еще не ощущалось. Русское общество первой половины XVII в. переносило на донских казаков поэтические представления из народных песен, сказок и былин. Донцы отождествлялись с богатырями киевских времен. Казачья храбрость, удал и вольность вызывали восхищение среди крестьян, посадских и приборных людей. Казачье устройство считалось в широких народных массах достойным подражания. Сами же казаки сознавали себя сынами русского народа. Они заботились не только о «чести и славе» Войска Донского, но и о Русской земле в целом.

3. Осада Азова

Решение о походе на Азов было принято войсковым кругом в январе 1637 года. Руководители Войска Донского разослали приказ о сборе казаков. В походе должны были участвовать все жители казачьего края без исключения. Ослушников грозили объявить вне закона. Участники круга отдавали себе отчет в трудностях предстоящей осады Азова и хотели для штурма этой крепости собрать как можно больше воинов. Возможно, было отправлено письмо запорожцам с просьбой о помощи. К весне в низовые донские городки стали собираться воины. Сами донцы составили ядро войска, а основная масса рядовых участников похода формировалась из русских торговых людей и судовых работников. Это были приехавшие на Дон для торговли приборные люди (стрельцы и пушкар южных городов), крестьяне и бобыли. Немалую часть отряда составляли запорожские казаки, либо осевшие на Дону после подавления шляхтой народных восстаний на Украине, либо только что пришедшие с Украины. Всего собралось около 4,5 тыс. человек. В Монастырском городке большой казачий круг определил день выступления и план осады Азова. Походным атаманом круг избрал Михаила Татаринова. Под Азов пробрались охотники-разведчики, взявшие «языков» и выяснившие обстановку в крепости. Казачья армия на судах и конницей по берегу двинулась к Азову. В «Исторической» повести о взятии Азова Татаринову приписываются такие полные гордости слова: «Пойдем мы, атаманы и казаки, под тот град Азов среди дня, а не ночью украдом, своею славою великою, не устыдим лица своего от бесстыдных бусурман»⁸.

Войско было разделено на четыре полка. В каждом полку казаки выбрали полковников и есаулов. Осада крепости началась 21 апреля 1637 года. Предварительно донцы воздвигли вокруг Азова укрепления: вырыли рвы, соорудили почти вплотную к азовским каменным стенам насыпи, так что можно было бросать в осажденных камнями. Потянулись длительные дни осады с перестрелками, попытками донцов разрушить стены пушечным огнем, отражением вылазок осажденных⁹. Прошло более месяца. Находившийся в казачьем плену турецкий посол Кантакузин решил, что насту-

⁶ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1906, стр. 135.

⁷ «Воинские повести Древней Руси». М.-Л. 1949, стр. 172.

⁸ Там же, стр. 51.

⁹ Разбор источников об осаде и взятии Азова казаками и об «азовском сидении» см. Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 44—52, 63—75.

пила пора изменить ход событий. Он разработал план, согласно которому на помощь азовцам должны были прийти турецкие гарнизоны Кафы, Керчи, Темрюка и Тамани, а также крымская конница. Кантакузин составил донесения, в которых сообщал, что численность казачьего войска невелика, и поручил людям своей свиты тайно доставить эти донесения в турецкие крепости, в Бахчисарай и Азов. Турецкое посольство было уверено в успехе своего замысла. Его переводчик неосторожно проговорился, что ныне убитых казаков из-под Азова возят каюками (то есть на небольших судах), а скоро начнут возить бударами (значительно большими судами).

Правда, далеко не всем посланцам Кантакузина удалось достичь цели. Некоторые из них, схваченные казаками, рассказали о действиях Кантакузина. На казачий круг были вызваны для объяснения оставшиеся члены посольства и приговорены к смертной казни. Отдельные же донесения Кантакузина были доставлены по назначению. К Азову пыталось пробиться четырехтысячное войско из Керчи, Тамани и Темрюка. Однако донцы вовремя узнали об этом и поспешили навстречу. На реке Кагальник произошло сражение, закончившееся поражением турецкого отряда. После этой неудачи положение азовского гарнизона резко ухудшилось. И все же осажденные надеялись, что казаки, не имевшие сильной артиллерии, в случае штурма будут отброшены турецкой пехотой.

22 мая из Воронежа с караваном судов из 49 стругов прибыл на Дон царский посланец С. Чириков. Привезенное им «государево жалованье» (порох, по 50 пушечных ядер к 84 пищалам, сукна, 2 тыс. рублей) оказалось как нельзя более кстати. С такими припасами казаки могли продолжать осаду Азова. Огнем из пушек им удалось повредить крепостные сооружения, но все же эти разрушения не были столь велики, чтобы можно было начать штурм. Тогда донцы задумали произвести подкоп.

Подземный ход под Азовскую крепость казаки рыли около месяца. Видимо, турки были уверены в том, что крепость неприступна, а казаки не знают техники подкопов. Но они ошибались. Нашлись сведущие в этом деле специалисты-подрывники среди запорожцев. Рано утром 18 июня мощный взрыв образовал пролом в стене на 10 сажень (более 20 метров)¹⁰. Через этот проход донцы ворвались в крепость. Стремясь отразить приступ казаков, почти все осажденные бросились к пролому, ослабив оборону в других местах. Донцы умело воспользовались этим, забрались по лестницам на стены и ворвались в город со всех сторон. На улицах Азова разгорелась кровопролитная рукопашная схватка, длившаяся три дня. Особенно тяжело было штурмовать четыре башни, где засело по 30—50 человек в каждой. В одной из башен азовцы отбивались две недели. Казаки брали приступом и торговые лавки. Как писали донцы в Москву, при взятии Азова они дали свободу двум тысячам православных. Доставшуюся добычу казаки разделили на всех участников осады и штурма (в том числе и убитых).

4. Азов — казачья столица

27 июня казаки пригласили С. Чирикова осмотреть Азов, задумав сделать его своим главным городом. Пролом в стене, позволивший ворваться в крепость, они быстро заделали. Но для приведения в порядок всей крепости требовались огромные усилия и средства. К своим 94 пушкам казаки прибавили 200 больших, средних и малых пушек, захваченных в Азове. Атаманов тревожило почти полное отсутствие пороха, который был израсходован при штурме. Для охраны Азова со стороны степей была создана конная стража численностью около 400 человек. Эти конники постоянно выезжали в разъезды на 10—20 верст.

Атаманы Войска Донского заявили Чирикову о своей готовности оборонять Азов от турок и просили разрешения на приезд сюда из южных русских городов торговых

¹⁰ «Историческая» повесть о взятии Азова сообщает о двух подкопах. Первый был неудачным. После него азовцы кричали: «Сколько де вам, казакам, под городом Азовом ни стоять, а нашего де вам Азова не взять!.. Сколько де в Азове в стенах камня и столько де наших голов казачьих под ним погибло» («Воинские повести Древней Руси», стр. 54). Можно предположить, что азовские войска были уверены в неприступности крепости. Однако донцы не пали духом, и «казак родом немецкия земли, именем Иван» снова «подкоп повел». По другим данным, подкопом руководил запорожский казак Иван Арадов, выучившийся этому делу в плену.

людей с хлебными и иными запасами. Они сожалели по поводу убийства турецкого посла, но вместе с тем совершенно отчетливо дали понять царскому посланцу, что считают себя хозяевами положения. Чириков был предупрежден о том, что, если будет запрещена торговля и на Дону появятся царские ратники, казаки взорвут Азовскую крепость и уйдут в другие земли. Совершенно очевидно, что казаки рассматривали взятие Азова как свой подвиг и, одержав столь блестящую победу, не хотели поступаться «вольностью». Донцы надеялись на постоянный приток людей из России, и ограниченность людских ресурсов на Дону их не пугала. Но им было ясно, что без снабжения боеприпасами и продовольствием Азов не удержать.

Атаманы не ошиблись в своих расчетах. В Москве прекрасно понимали, что без казаков трудно отбивать нападения татар. Правительство Михаила Федоровича, хотя и было встревожено возможностью конфликта с Турцией, все же разрешило свободную торговлю с Доном. В 1638 г. казаки получили большое количество боеприпасов (по 100 пудов пороху ручного и пушечного, 150 пудов свинца). В знак признания их боевых заслуг в Азов привезли царское знамя, иконы и книги для открывавшихся здесь церквей. Царское правительство придерживалось тактики невмешательства в азовские дела, опасаясь, как бы в ответ на захват казаками Азова султан не приказал хану вторгнуться в пределы России. В грамоте султану Михаил Федорович писал: «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: они это сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим»¹¹. Царское правительство заверяло султана в своей непричастности к казачьему походу. Однако к началу 1638 г., видя изменение в соотношении сил, Михаил Федорович стал требовать от казаков, чтобы они от обороны перешли в наступление на крымские улусы. В то же время правительство не жалело средств для полного восстановления засечной черты протяженностью в 600 верст, закрывавшей татарам путь к Москве¹². Все эти меры были направлены на то, чтобы предотвратить турецко-татарскую экспансию¹³. Ход событий ясно показывал, что при боевом содружестве русского и украинского народов это было возможно.

Султанское правительство после падения Азова оказалось в затруднительном положении. Можно было ожидать нападения казаков на Тамань, Крым, Малую Азию. К тому же турецкие крепости на побережье Черного моря были намного слабее Азовской, да и султанская армия застряла в Иране, а турецкий флот воевал против Венеции. В Стамбуле ходили слухи о 100-тысячной казачьей войске, штурмовавшей Азов (точные сведения о численности казаков многим казались просто неправдоподобными)¹⁴. Оставалась лишь слабая надежда на выступление против казаков крымских татар. Однако на них азовское поражение произвело угнетающее впечатление. Не отваживаясь на поход к Азову, они в сентябре 1637 г. предприняли набег на русские села и деревни, захватив более 2 тыс. пленников. 300 «полоняников» хан отправил султану в подарок. Для устрашения Москвы Мурад IV приказал казнить их.

Султан продолжал настаивать на походе татар к Азову, обещая прислать на помощь флот. 19 апреля 1638 г. к Азову прибыло крымское посольство и потребовало сдать город. Вот как звучал ответ донцов ханским послам: «Не токмо что город дать вашему царю, и мы не дадим с городской стены и одного камня снять вашему царю, нешто будет наши головы так же волятца станут полны рвы около города, как топеря ваши бусурманские головы ныне воляютца, тогда нешто вам город Азов будет»¹⁵. Крымцам пришлось с позором удалиться.

Чтобы подтолкнуть крымских татар к выступлению, в начале лета 1638 г. турецкая эскадра в 40 каторг (гребные суда) вошла в Азовское море. Казаки выставили

¹¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М. 1961, стр. 217.

¹² А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в. М. 1916, стр. 44—65.

¹³ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 262.

¹⁴ «Записки» императорского Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. 1872, стр. 162.

¹⁵ Цит. по: Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 55.

против турецких кораблей 74 морских струта, но прорваться из устья Дона к морю они не смогли. В августе крымский хан Бахадур-Гирей выступил к Азову, но, не видя большого энтузиазма среди своих воинов воевать («...не городемцы мы», — говорили о себе крымцы) и не дойдя до Дона, повернул восвояси. К тому же передовой отряд татар попал в засаду. Тогда раздосадованные татарские мурзы решили выместить злобу на русском посольстве. Прибывшие в январе 1639 г. в Бахчисарай царские посланники Иван Фустов и Иван Ломакин подверглись неслыханным издевательствам: их избивали, морили голодом, держали на морозе двое суток, сажали на раскаленное железо.

Возмущение населения России надругательством над посланниками было так велико, что царь Михаил Федорович в июле 1639 г. созвал Земский собор. На соборе дворяне поклялись в готовности воевать по царскому указу. Торговые люди предлагали прекратить уплату дани хану и снарядить на эти деньги войско. Однако на переговорах с крымским посольством бояре высказали лишь угрозу, что дань будет не присылаться в Крым, а передаваться «на размене», то есть в порубежных местах. И все же, опираясь на азовский успех казачества, московские дипломаты добились от крымского хана отказа посылать послов в Швецию и отвергли домогательства об увеличении дани. Взятие Азова дало возможность продолжать строительство Белгородской черты. Правительство отвергло ультиматум крымского хана в феврале 1638 г. — уничтожить южные крепости¹⁶. В течение 30-х годов XVII в. на юге было построено 10 новых городов и восстановлен Орел.

Думается, что усиление военно-политического значения Войска Донского, сказавшееся во взятии азовской твердыни, оказало известное воздействие и на социальную политику царизма в южнорусских уездах. В 1637 г. правительство запретило боярам и столичным дворянам, а также помещикам и вотчинникам центральных уездов приобретать земли в тех южных районах, где располагались охранявшие рубежи от татар приборные люди. Здесь в ряде мест крупные крепостнические имения были ликвидированы. Этот временный зигзаг в правительственной политике, в целом неуклонно отвечавшей интересам крепостников, продолжался несколько десятилетий. После поражения Крестьянской войны 1670—1671 гг. с ним постепенно покончили¹⁷.

Взятие казаками Азова отразилось и на судьбе ногайских татар. Уведенные крымским ханом, ногаи в 1638—1639 гг. стали возвращаться в донские степи. Казаки помогли переправиться через Дон ногайским мурзам. А они, в свою очередь, вновь признали верховную власть московского царя. Таким образом, татарская конница, подкреплявшаяся ногайскими конниками и тревожившая своими набегами соседние земли, была ослаблена. Иранский шах пытался установить связь с казаками, овладевшими Азовом. Его послы пробрались в Азов, передали деньги и обещали военную помощь, убеждая донцов не покидать крепости¹⁸.

Овладев Азовом и сделав его своим главным городом, казаки заставили считаться с собой. Казачья «республика» достигла своего расцвета. К лету 1638 г. казаки восстановили прежние укрепления. На башнях и стенах расставили пушки. Накопили годовой запас продовольствия. Понесенные казаками потери восполнялись благодаря приходу сюда русских людей, а также запорожских казаков. Азов быстро превратился в крупный торговый город, в который приезжали с товарами русские, турецкие и иранские купцы. Опасаясь маскировавшихся под торговцев лазутчиков, казаки запретили торговлю внутри Азовской крепости.

С 1639 г. над казачьим Азовом стали сгущаться грозные тучи. Султан Мурад IV, собрав стотысячную армию, осадил Багдад и овладел городом. Шах Сефи I уступил султану Месопотамию. Прекратилась и морская война с Венецией. По приказу султана в Кафе, Керчи и Тамани пополнялись запасы продовольствия для турецкой армии, готовившейся к походу на Азов. Узнав о мобилизации турецкого флота, казаки летом 1640 г. подожгли траву и камыши по рекам вокруг Азова. Неожиданная смерть Мурада IV заставила турецкое правительство отложить поход армии и флота под Азов.

¹⁶ В. П. Загоровский. Белгородская черта. Воронеж. 1969, стр. 94, 97, 106.

¹⁷ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки», 1938, № 4, стр. 21—40.

¹⁸ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 262.

В течение 1640 г. Войско Донское предприняло ряд походов с разведывательными целями. В морскую разведку отправилось 37 стругов. Неожиданно они натолкнулись на турецкий флот из 80 больших и 100 малых судов. Неравный бой длился около трех недель. Казаки вывели из строя 5 каторг, но в конце концов турецкая артиллерия потопила все их струги. Казаки сошли на берег и пешком вернулись в Азов. Затем конный отряд казаков в 500 человек двинулся к Крыму. Под Перекопом им удалось уничтожить один из татарских отрядов, пленив двух мурз. Пленные показали, что осуществляется укрепление Перекопа и предполагается совместный турецко-татарский поход на Азов.

В январе 1641 г. под стенами Азова внезапно появилось войско крымского хана. Кровавопролитные бои продолжались пять дней. Не добившись успеха в сражении, хан предложил сдать крепость за большой денежный выкуп. Его предложение было отвергнуто с негодованием. Предвидя дальнейшие столкновения с более многочисленными и хорошо вооруженными турецко-татарскими силами, руководители Войска Донского обратились к царю с просьбой о присылке им ратных людей, мотивируя прошение тем, что казаки не «горододержцы». Благодаря «азовскому сидению» русское правительство сумело дать окранным уездам передышку и закончить строительство ряда городов-крепостей. Однако на активные действия против турок и татар оно не решилось, ограничившись посылкой жалованья. В апреле 1641 г. на Дон отправили 4 тыс. четвертей муки ржаной, 1 тыс. четвертей крупы овсяной, толокна и сухарей, 8 тыс. рублей.

На призыв донских казаков о помощи откликнулись лишь простые русские люди из южных городов и уездов и украинские казаки. Народное мужество и стойкость вновь совершили чудо. Четыре года назад степные наездники, слабо вооруженные и малоопытные в осадном деле, изумили мир, взяв Азов — первоклассную крепость с сильной артиллерией. Теперь патриотизм народа, его способность к самопожертвованию во имя родины должны были противостоять хорошо обученной армии, имевшей опыт осады многих европейских и азиатских крепостей, опиравшейся на многочисленную татарскую конницу и турецкий морской флот.

5. Мужественная оборона

Для осады Азова султан Ибрагим собрал значительные силы. Сосредоточенный в Анапе флот состоял из 100 каторг, 80 больших и 90 малых судов¹⁹. Стенобитных пушек, стрелявших ядрами весом до пуда, насчитывалось около сотни. Численность турецко-татарских сил, прибывших к Азову, достигала 200—250 тысяч. В сухопутную армию входили 40—50 тыс. пеших воинов и 40 тыс. татарских и ногайских конников. Кроме янычар, крепость осаждали солдаты, набранные из арабов, греков, сербов, албанцев, венгров, валахов и других народностей, населявших земли, подвластные Османской империи. В турецкой армии находились также «городоемцы, приступные и подкопные мудрые вымысленники, славные многих государств измышленики» из Испании, Венеции, Франции и Швеции²⁰. То были мастера по разрушению крепостных сооружений. В Азове в начале 1641 г. проживало около тысячи казаков. По приказу войскового круга весной в крепость должны были собраться казаки из всех городков, а непослушных «приговорили грабить и побивать до смерти и в воду метать». В крепость были пригнаны для пропитания 1 200 голов быков, коров и лошадей. Ко дню появления врага в Азове собралось свыше 5 тыс. казаков и 800 женщин. Женщины наравне с мужчинами приняли самое деятельное участие в обороне крепости. Таким образом, численность одной лишь турецкой армии (без крымцев) превышала азовский гарнизон в 6—8 раз. Атаманами казаки избрали Осипа Петрова и Наума Васильева.

7 июня 1641 г. турецко-татарские войска под командованием опытного полководца силистрийского губернатора Гусейн-паши со всех сторон обложили Азов. Большие турецкие корабли остались в море, а малые вошли в Дон и стали напротив Азо-

¹⁹ По другим данным, турецкий флот насчитывал 400 судов, которые обслуживали 40 тыс. человек («Записки» императорского Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. 1872, стр. 162).

²⁰ «Воинские повести Древней Руси», стр. 60.

ва. Вблизи города осаждавшие вырыли траншеи и разместили в них пушки и готовых к атаке своих воинов. Укрытые в траншеях войска были недосыгаемы для казачьей артиллерии. Турецкие командиры расположили против башен осадные пушки, прикрепив их цепями. Эта мера предосторожности была необходима, ибо казаки при вылазках порой увозили пушки с собой. В «Поэтической» повести об азовском осадном сидении, написанной пережившим турецкую осаду казачьим войсковым дьяком Ф. И. Порошиным, сравнивается осада турками Азова с походом греков под стены Трои. Автор повести рассказывает, как перед началом боевых действий турецкие толмачи от имени пашей в оскорбительных выражениях потребовали, не мешкая, в течение ночи очистить Азов. Защитникам крепости гарантировался свободный выезд из ее пределов со всем имуществом. Турецкие парламентарии активно приглашали казаков перейти на службу к султану, соблазняя «неисчетным богатством».

Ответ казаков отметал всякую надежду на сдачу крепости. Донцы заклеили осаждавших их врагов как «лютых варваров». «Знакомы уж вы нам! — говорили они. — Ждали мы вас гостей к себе под Азов город дни многия. Где полно ваш Ибрагим турецкий царь ум свой дел?.. Или у него, царя, не стало за морем злата и серебра, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов... И то вам, туркам, самим давно ведомо, что с нас по сю пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших... Не запустеет Дон головами нашими... А нас, казаков, от веку никто в осаде живых не имывал». Донцы с гордостью припомнили свой недавний подвиг: «А красной хорошей Азов город взяли мы у царя вашего турецкого не разбойничеством и не татиным промыслом, взяли мы Азов город впрямь в день, а не ночью».

Любопытен ответ казаков на слова турок о том, что от московского царя выручки и помощи они не дождутся: «Ведаем, какие мы в Московском государстве на Руси люди дорогие, ни к чему мы там не надобны... А государство Московское многолюдно, велико и пространно... А нас на Руси не почитают и за иса смердящего. Отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольного, от бояр и от дворян государевых... Кому об нас там потужить?.. А се мы взяли Азов город своею волею, а не государским повелением». В ответе этом слышатся и боль за свою родину, опутанную цепями крепостничества, и любовь к ней. «А манить вам нас, — отвечали казаки на предложение перейти на службу к султану, — лишь дни даром терять!»²¹.

К началу осады крепостные сооружения включали в себя три каменных города: крепость Азов и его предместья, «города» Топраков и Ташкалов. Протяженность каменных стен вокруг них составляла около 1100 метров. Ширина стены достигала 6 метров. Стены опоясывал ров, выложенный для прочности камнем, шириною 8 метров и глубиной 4 метра. Из Азовской крепости казаки тайно прорыли ряд подземных проходов, которые позволяли совершать им неожиданные для врага вылазки. Донцы заранее приготовили также подкопы для взрывов и ямы-ловушки.

Турецкие войска повели осаду крепости по всем правилам военного искусства. Огонь из тяжелых пушек нанес ей громадные разрушения. По свидетельству приехавшего в Азов из Москвы в начале 1642 г. дворянина Афанасия Желябужского, стены были разбиты во многих местах до основания. Из 11 башен уцелели только 3, да и те сильно пострадали от обстрела. Спасаясь от пушечных ядер, казаки покинули дома и вырыли для жилья глубокие землянки. После столь сильного артиллерийского обстрела турки предприняли мощную атаку крепости. Удар численно превосходивших войск казакам было трудно отразить, и они оставили Топраков. Донцов спасли заранее вырытые подземные траншеи. Когда турецкие военачальники, сосредоточив основную массу войск в захваченном Топракове, решили штурмовать азовские стены, раздались подземные взрывы. Изготовившиеся для атаки турецкие войска понесли большие потери и в беспорядке отступили. К таким же хитростям казаки прибегали и в последующие дни²².

Первые атаки не принесли турецким войскам желаемого успеха. Тогда турки стали насыпать земляной вал на уровне азовских стен и даже выше них. Рвы засыпали землей и камышом. Постоянные казачьи вылазки мешали им закончить соору-

²¹ Там же, стр. 65—68, 70.

²² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 286—288.

жение вала. Когда же наконец вал был воздвигнут, донцы провели под него подкоп и взорвали. Паши приказали соорудить новый вал, чуть подальше прежнего. С этой насыпи турецкая артиллерия в течение 16 суток днем и ночью вела обстрел городских стен и построек. Одновременно турки повели в сторону крепости около 17 подкопов. Казаки рыли навстречу им свои ходы. Подземная война окончилась поражением турецких войск. Защитники города точно определяли направление коридоров и успевали на их пути заложить пороховые заряды. Подземные взрывы выводили из строя не только турецкие сооружения, но и солдат. К тому же казаки неожиданно появлялись в турецких ходах и в рукопашных схватках разили врагов. «С тех мест, — читаем в «Поэтической» повести, — подкопная их мудрость вся уж миновалась. Постыли уж им те все подкопные промыслы!» Находившийся в турецком войске путешественник Эвлия Челеби назвал казаков «весьма искусными минерами». Потерпев неудачу с подкопами, турецкие паши приказали перейти к обстрелу города «огненными ядрами». В Азове начались пожары. Казаки стойко перенесли и это испытание.

Время шло, а турецкие военачальники не могли похвастаться успехами. Моральный дух осаждавших, несших большие потери, падал. Гусейн-паша предложил Стамбулу отвести армию и возобновить осаду следующей весной. Ответ султана был достаточно красноречивым: «Паша, возьми Азов или отдай свою голову»²³. Турецкие командиры решили прибегнуть к последнему средству. В надежде на численное превосходство своего войска они стали изматывать казаков непрерывными атаками днем и ночью. Пока одни турецкие части штурмовали крепость, другие отдыхали и готовились для последующей атаки. Малочисленный же казачий гарнизон бесменно должен был отражать яростный штурм врага. «Поэтическая» повесть насчитала 24 приступа. И все они были отбиты. Более того, несмотря на крайнюю усталость, казаки совершали неожиданные вылазки. Во время одной из них донцы взяли у турок большое знамя (доставленное впоследствии в Москву). Отражая вражеские атаки, донцы успевали также восстанавливать разрушенные укрепления. Противнику казалось, что пушечные ядра бессильны проложить путь атакующей пехоте.

Несмотря на усиленную ханскую стражу по Дону, в Азов пробирались люди из казачьих городков. Казаки плыли под водой на спине с камышом во рту, держа оружие и одежду в кожаных мешках. Пришлось хану приказать перегородить Дон сплошным частоколом. О моральном облике казачьих и турецких воинов свидетельствуют их военные порядки. Турки за золото и серебро неоднократно предлагали казакам вернуть им трупы султанских военачальников. На это им казаки отвечали: «Не продаем мы мертвого трупу николи. Не дорого нам ваше серебро и золото, дорога нам слава вечная». Между тем, по замечанию Эвлия Челеби, осаждавшие за каждую представленную начальству казачью голову получали от пашей расписку на получение 100 пиастров²⁴. Несмотря на тяжелейшие условия осады, из рядов осажденных никто не перебежал во вражеский стан. Плененные турками в боях, казаки стойко выдерживали ужасные пытки, но не раскрывали врагу сведений о положении в Азове и замыслы своих атаманов.

Подходила к концу осень 1641 года. В турецко-татарском войске усиливался ропот. Эвлия Челеби писал, что донцы довели осаждающих «до крайности». Паши вину за неудачи возлагали на крымского хана, который не хотел бросать своих конников на приступ Азова. Ногайских татар паши заставили спешиться и в пешем строю биться с казаками. Но крымцы упорно не вступали в бой: они не могли забыть гибель ханской гвардии в первые же дни осады. В середине сентября хан решил вернуться в Крым, где, воспользовавшись его отсутствием, польско-литовские войска забрали большой полон. Турецким военачальникам подобная перспектива не улыбалась, но уход хана помог оправдаться перед султаном, почему не удается так долго взять Азов. Султану была послана жалоба, в которой осуждались действия крымского хана. 26 сентября турецкая армия сняла осаду.

За время осады, длившейся свыше трех месяцев, турецко-татарская армия понесла большие потери: турецкие сухопутные войска — около 15 тыс., татарские —

²³ С. Байер. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. СПб. 1782, стр. 93.

²⁴ «Записки» императорского Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. 1872, стр. 164.

7 тыс., флот — 3 тыс. человек. Серьезный урон понесли и казаки: около 3 тыс. были убиты, многие ранены. Поражение турецкой армии и флота произвело удручающее впечатление на население Османской империи. Турецкие государственные деятели недоумевали: «Как отсиделись такие малые люди от множества людей?»²⁵. Но о прекращении попыток вернуть Азов не могло быть и речи. Султанское правительство деятельно стало готовить новое наступление.

б. Конец «сидения»

Несмотря на одержанную победу, Войско Донское перед зимой 1641/42 г. оказалось в тяжелом положении. Людские потери, разрушенные укрепления города, отсутствие продовольственных и иных запасов — все это надо было принять во внимание в случае повторения турецкого похода. Казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым, одним из героев «сидения», прибыв в конце октября 1641 г. в Москву, предложили царю взять Азов «под свою руку» и поставить там гарнизон. Неизбежность нового турецкого нападения на Азовскую крепость не вызывала сомнений. Оказание лишь материальной помощи казакам в создавшихся условиях не спасало положения. Надо было послать в Азов русские войска и восстанавливать крепость, иными словами — начинать войну с Турцией, не ликвидировав угрозы Москве с запада. Кроме того, для правящих кругов Москвы весьма острым был вопрос о взаимоотношениях дворянского войска с Войском Донским. Вряд ли были бы мирными отношения между царским гарнизоном в Азове во главе с дворянами-крепостниками и донскими казаками, бежавшими от крепостной неволи.

Русское правительство всесторонне обсудило вопрос о положении дел в городе с представителями из Азова и передало на дальнейшее рассмотрение Боярской думе. Бояре рассудили, что для успешного отражения натиска турок азовский гарнизон должен насчитывать не менее 10 тыс. человек, а ежегодное жалованье ратникам — составить 100 тыс. руб.; требовалось хлеба на 50 тыс. руб., 20 тыс. пудов пороха стоимостью 50 тыс. руб., 10 тыс. пудов свинца стоимостью 6 тыс. руб., 6 тыс. ружей (самопалов) стоимостью 15 тыс. руб., итого — 221 тыс. рублей. Ввиду таких значительных денежных затрат царь и Боярская дума решили созвать Земский собор²⁶. Земский собор порешил, что о посылке войска в Азов нечего и думать. Представители от дворянства предложили в помощь казакам послать ратников «из охочих людей», ясно выразив нежелание воевать бок о бок со своими вчерашними холопами и крестьянами; в Азове, заявили они, воеводам командовать будет трудно, ибо «казаки люди самовольные»²⁷. В принципе дворяне на Земском соборе высказались за принятие Азова в состав России, но потребовали, чтобы основные тяготы предстоявшей войны с Турцией были переложены на бояр и монастыри, обладавшие «богатством неправедным» (в этих словах содержались и намек на переманивание крестьян от рядовых помещиков на земли богатых землевладельцев и напоминание о необходимости узаконить в стране крепостное право). «А разорены мы пуще турецких и крымских бусурманов московскою волокитою, от неправд и от неправедных судов», — жаловались дворяне южных уездов. Посадские люди, также соглашаясь на принятие Азова, сетовали на свое разорение, воеводское самоуправство и иностранную конкуренцию в торговле.

Заслушав мнения депутатов Земского собора, царское правительство укрепились в своем решении не менять внешнеполитический курс на подготовку войны за Смоленск²⁸. 27 апреля 1642 г. бояре передали казачьим посланцам приказ царя покинуть Азов. 28 мая царская грамота была оглашена на войсковом круге. Казаки взорвали остатки азовских крепостных сооружений и вернулись в свои городки. В устье Дона вошли турецкие корабли. Опасаясь каких-либо действий со стороны донцов, султан-

²⁵ И. В. Галактионов. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина в 1642—1643 гг. «Ученые записки» Саратовского университета. Т. LXVI. 1958, стр. 175.

²⁶ См. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 218—222.

²⁷ С. Рождественский. О Земском соборе 1642 г. «Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому». Ч. I. СПб. 1907, стр. 95—96.

²⁸ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М. 1947, стр. 480—481.

ские военачальники три дня не решались отдать приказ о вступлении войск на территорию Азова. Вновь прибывшая турецкая армия на пустом месте воздвигла в течение семи месяцев еще более мощные укрепления. На отстроенных стенах установили 70 больших орудий, а на краю свежевырытого рва—300 небольших пушек²⁹. Оставление Азова резко ухудшило положение Войска Донского. Турецкие войска попытались даже очистить Дон от казачьих поселений, но этот замысел был сорван стойким сопротивлением казаков. Теперь морские походы для донцов оказались весьма затруднительными. Возросла их зависимость от Русского государства, от присылаемого царского жалованья, ибо успешно сопротивляться турецкой армии и флоту без постоянного материального снабжения и пополнения людьми из Центральной России оказалось невозможным.

Несмотря на кратковременность успеха под Азовом, героические подвиги донских казаков имели немалое историческое значение. Победный штурм Азовской крепости и поражение громадной турецко-татарской армии под стенами казачьей твердыни подорвали веру в могущество Османской империи и Крымского ханства. Народный подвиг во многом способствовал возврату русских людей на юг, в старинные славянские места, к берегам Черного и Азовского морей. В 40-х годах XVII в. на новых южных границах России было построено 18 новых городов и закончено строительство Белгородской черты, закрывшей путь татарской коннице и обеспечившей хозяйственное освоение опустошенных ранее земель. А бездействие крымцев во время «азовского сидения» показало неспособность крымских феодалов к самостоятельному решению серьезных внешнеполитических задач. Славные дела донских казаков предопределили развитие дальнейших событий на юге Восточноевропейской равнины. С другой стороны, азовские события усилили влияние царского правительства на Дону, ускорили классовое расслоение среди казачества. В результате во время крестьянских войн под предводительством С. Т. Разина и К. А. Булавина антифеодальные силы на Дону дали серьезные сражения и царизму и казачьей верхушке.

²⁹ «Записки» императорского Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. 1872, стр. 169.

ПУБЛИКАЦИИ

ДОКУМЕНТЫ РАЙМОНДА РОБИНСА

Среди многочисленных материалов уже известной читателям коллекции документов американского полковника Раймонда Робинса¹, хранящихся в Историческом обществе штата Висконсин (г. Мадисон, США), наше внимание привлекли его записки и дневники (на английском языке), относящиеся к 1917—1918 гг. и содержащие сведения о положении в России накануне социалистической революции и об октябрьских днях в Москве. Р. Робинс (1873—1954) входил в состав американской миссии Красного Креста в России, которая прибыла во Владивосток в начале июля 1917 г. «для оказания помощи больным и раненым из гражданского населения и военного состава». 7 августа миссия после продолжительного пути по железной дороге была встречена в Петрограде представителями Временного правительства и американским послом Франсисом. Приезд членов американского Красного Креста в Россию совпал с периодом временного усиления политической реакции в стране после кровавых июльских событий. Временное правительство, возглавленное Керенским, взяло курс на подавление только что завоеванных народом политических свобод. Реакция готовилась к установлению бонапартистской диктатуры. С этой целью против революции организовывался заговор во главе с генералом Корниловым. В критический момент большевики выступили как руководители народных масс в борьбе с контрреволюцией. Мятеж Корнилова был подавлен, попытка российской буржуазии установить военную диктатуру провалилась. Период после корниловского мятежа характеризовался назреванием в России общенационального кризиса, когда нужда и бедствия трудящихся дошли до крайних пределов и наметилось дальнейшее обострение классовой борьбы.

Временное правительство, проводившее антинародную политику, с каждым днем все больше изолировало себя от масс. Оно делало все возможное, чтобы ослабить революционный подъем в России и удержать власть в своих руках. Активную помощь в подавлении революции ему оказывали представители империалистических стран — Англии, Франции, США и др. В частности, американская миссия Красного Креста открыто вмешивалась во внутренние дела России. Ее деятельность была направлена на подрыв революционного движения, на сохранение и поддержку буржуазного Временного правительства, на оказание помощи контрреволюционным силам. Однако приостановить новый революционный подъем в стране внутренняя контрреволюция даже в союзе с внешней не смогла. На повестке дня стоял вопрос о переходе всей власти к Советам, о взятии власти большевиками, за которыми шли основные массы трудящихся.

За событиями, происходившими в России осенью 1917 г., внимательно следил Р. Робинс, в то время майор, заместитель руководителя американской миссии. Официально ему поручалось «заниматься поставками продовольствия и оказывать всемерную помощь, особенно военным беженцам». Но на деле он выполнял гораздо более широкий круг обязанностей, включая секретные задания посла Франсиса и других американских политических и военных деятелей. Робинс тщательно анализировал происходившие в России события. Свои наблюдения он заносил в дневник, сообщал о них в письмах к жене и друзьям, готовил записки для американских должностных

¹ См. подробнее: И. М. Краснов. Неизвестные ленинские документы о советско-американских отношениях. «Вопросы истории», 1969, № 7, стр. 3—8.

лиц (в посольство США в России, организацию Красного Креста в Вашингтоне, американскую военную миссию и другие учреждения).

Публикуемый ниже документ № 1 является запиской-отчетом Р. Робинса о положении в России, составленным в ноябре 1917 г., по-видимому, для организации Красного Креста и других организаций в Вашингтоне. В нем Робинс пытался определить, кому же фактически принадлежит власть в России. Во время поездки по стране с «полными карманами» рекомендаций, полученных от Временного правительства Керенского, он все более убеждался в том, что эти рекомендации не имели почти никакой силы. «Когда я предъявлял их сельским и губернским официальным лицам, — писал Р. Робинс, — раздавался лишь веселый смех и мне советовали обратиться к председателю местного Совета». Р. Робинс отмечает в своей записке зарождение и утверждение нового, «практически всеобщего революционного органа политической и социальной власти» — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В записке Робинса содержатся также интересные сведения о том, как происходило подавление контрреволюционного корниловского мятежа. Некоторые буржуазные авторы, вопреки исторической правде, до сих пор считают, что организатором подавления мятежа было правительство Керенского. «Ничего не могло быть более наивным и противоречащим реальным фактам, — писал по этому поводу Р. Робинс. — Корнилову нанесла поражение новая власть, которая росла в России, — Советы. В Смольном, штаб-квартире Советов, а не в Зимнем, где располагалось Временное правительство Керенского, был отдан приказ, по которому большевистские моряки были мобилизованы в Кронштадте, прибыли затем в Петроград и расположились лагерем на Марсовом поле». В своей записке Р. Робинс указывает, что все союзные посольства и союзные миссии в России «открыто или тайно поддерживали Корнилова». Это весьма небезынтересное заявление Робинса начисто опровергает утверждения тех буржуазных историков, которые и сегодня все еще твердят о «невмешательстве» союзных стран Запада во внутренние дела России.

Р. Робинс, который умел схватывать и анализировать умонастроения масс, приходил к заключению, что буржуазии с помощью военной диктатуры власть в России не удержать. Из бесед с солдатами, рабочими и крестьянами он узнал об основных требованиях простых людей России — хлеба, земли, мира, власти Советам. Робинс видел, как росло влияние большевиков в Советах и среди трудового народа, как с каждым днем слабела позиция буржуазных правящих кругов во главе с Керенским.

Как помочь буржуазному Временному правительству остаться у власти и удержать Россию в антигерманской коалиции? Как сдерживать социалистическую революцию? Эти вопросы волновали империалистические круги США, Англии, Франции. Их представители в Петрограде и Москве любыми средствами стремились предотвратить надвигающуюся пролетарскую революцию. У полковника У. Томпсона, начальника американской миссии Красного Креста, и его заместителя Р. Робинса созревает план побудить Керенского сначала пойти на уступки Советам и временно отступить, чтобы стабилизировать политическое положение в стране и обеспечить дисциплину в армии, а затем постепенно поставить Советы под свой контроль. Керенский, как замечает Р. Робинс, выразил сомнение в том, можно ли убедить военных и дипломатических представителей союзных стран в Петрограде пойти на подобные уступки Советам. Тогда полковник У. Томпсон созывает совещание глав союзных военных миссий в России. Оно состоялось 21 октября (3 ноября) 1917 г. в кабинете руководителя американской миссии Красного Креста в петроградской гостинице «Европейская». На совещании присутствовали: глава английской военной миссии и военный атташе английского посольства в Петрограде генерал А. Нокс, представитель французского правительства с теми же полномочиями генерал А. Ниссель, глава американской военной миссии генерал У. Джадсон, полковник В. Томпсон и Р. Робинс, а также представители Временного правительства генерал К. Ф. Неслуковский и личный секретарь Керенского Д. Соскис². На совещании генералы Нокс и Ниссель обвиняли Керенского

² См. об этом также: «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов». Официальный отчет «Оверменовской комиссии сената». М.-Л. 1927, стр. 141—143; И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2. М. 1968, стр. 817—818; Р. Ш. Ганелин. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л. 1969, стр. 392—395.

в неспособности обеспечить продолжение военных действий Восточным фронтом и дисциплину в армии, а также в том, что он не использовал своей власти в полной мере, не арестовал В. И. Ленина, не расправился с большевиками в России. Предотвратить социалистическую революцию и удержать Россию в империалистической колеснице, по мнению представителей Англии, Франции и США, можно было с помощью установления в России жесткой казачьей военной диктатуры. Английский генерал Нокс, например, делал ставку на «второго Корнилова» — казачьего генерала Каледина. Однако не прошло и недели после этого совещания, как трудовой народ под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным сверг буржуазное Временное правительство и установил диктатуру пролетариата. Революция стремительно продолжала шириться от Петрограда к Москве и другим важнейшим промышленным центрам.

Вооруженное восстание в Москве, начавшееся 25 октября (7 ноября) 1917 г., застало Р. Робинса в одной из гостиниц близ Кремля (по-видимому, «Национале»). Свои впечатления об этих событиях он записал в дневнике, который почти целиком приведен в данной публикации (док. № 2).

Р. Робинс прошел большой и сложный жизненный путь от золотоискателя на Аляске до владельца крупного поместья во Флориде, бизнесмена, впоследствии довольно видного политического деятеля³. Он не приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, как, скажем, его соотечественники Джон Рид и Альберт Рис Вильямс, которые также находились в то время в России. Тем не менее революция привлекла его к себе своей идеей созидания. Он не смог не увидеть в ней волю народных масс, оценив ее как событие большого исторического значения. Лондонский корреспондент газеты «Daily News» в Петрограде Артур Рэнсом говорил, что его и Р. Робинса, людей, по происхождению и воспитанию стоявших далеко от революционного, социалистического движения даже в их собственных странах, революция в России привлекла потому, что они почувствовали ее созидательное содержание, и это чувство никогда не оставляло их. «Было в ней что-то, — писал он, — что отличает художника-творца от ремесленника, живое, бодрящее выражение чего-то, доселе прятанного в сознании человечества»⁴.

В первые же дни после Октябрьской революции Р. Робинс по своей инициативе подготовил предложения об установлении контактов американской миссии Красного Креста с Советским правительством для продолжения снабжения продовольствием больных и раненых. Эти предложения были представлены им на рассмотрение полковнику Томпсону, который их одобрил. 29 октября (11 ноября) 1917 г. Робинс сообщал своей жене Маргарет в США о повышении его в звании и должности. С этого времени он стал именоваться как «подполковник Раймонд Робинс, командующий американской миссией Красного Креста в России»⁵. В новой должности Р. Робинс проявлял непосредственную инициативу в установлении связи с правительством РСФСР. Он неоднократно встречался с В. И. Лениным для обсуждения вопросов, касавшихся не только деятельности американской миссии Красного Креста в Советской России, но и затрагивавших различные стороны американо-советских отношений, вопросы войны и мира.

В своих донесениях американскому послу Д. Фрэнсису в Петроград, а затем в Вологду, а также и правительству Вудро Вильсона, ждавшему падения Советской власти, Р. Робинс рекомендовал признать правительство Советской России как выражающее волю большинства населения страны. Однако его взгляды шли вразрез с официальным внешнеполитическим курсом Вашингтона. Робинсу было приказано срочно отбыть из Москвы в Америку, а руководство миссией Красного Креста передать майору А. Уордвеллу. Уордвелл был разоблачен затем как соучастник контрреволюционного антисоветского заговора и выслан из РСФСР в 1918 году. Покидая Москву, Р. Робинс увозил с собой предварительный план установления возможных экономических и торговых отношений Советской России и США, выработанный комиссией по

³ См. В. Л. Мальков. Раймонд Робинс открывает новый мир. «Новая и новейшая история», 1970, № 2, стр. 133—148.

⁴ «История СССР», 1967, № 3, стр. 177—178.

⁵ R. Robins to Margaret Robins. The Letter. Petrograd. 11th November 1917. «Raymond Robin's Papers», Aug. 1917 — March 1918. Box № 13. State Historical Society of Wisconsin. Madison. USA.

внешней торговле при Высшем Совете Народного Хозяйства Советской России и одобренный В. И. Лениным⁶. Р. Робинсу была вручена также депеша за подписью В. И. Ленина и наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, адресованная президенту Соединенных Штатов и послу США в России; там содержалось предложение Советского правительства «назначить начальника американской миссии Красного Креста для России подполковника Раймонда Робинса политическим консультантом по экономическим вопросам от Республики Соединенных Штатов при Совете Народных Комиссаров»⁷.

Несколько недель потребовалось Р. Робинсу, чтобы добраться до Вашингтона. В американской столице он был встречен холодно. «Вернувшись в Америку,— писал Робинс,— я изложил все факты так, как я их понимал, нашему правительству. Я надеялся, что правительство не станет ввязываться в интервенцию, так как был убежден, что не только в то время, но и исходя из перспектив, интервенция обречена на неудачу. Я полагал, что только экономическое сотрудничество сохранит для нас и для союзников русский экономический потенциал и русское сырье. Интервенция все же стала свершившимся фактом. Как только это произошло, я немедленно удалился к себе на Юг, чтобы избежать необходимости высказываться по русскому вопросу»⁸.

Сестра жены Р. Робинса Мэри Дрейер писала: «В пюне Раймонд возвратился из России. Он оставался в России руководителем миссии, когда уехали другие, и поддерживал постоянный контакт с Лениным как с главой правительства, через посредство которого он оказывал помощь голодающим. Он все время был в разъезде, но всегда возвращался в Москву. Он полагал, что нашел истину в отношении России, которая для большинства американцев была загадкой. Повсюду писали, что ее руководители были «германскими агентами и шпионами». Он не придерживался столь легко все объясняющей теории; он знал, чего хотят крестьяне, и был свидетелем того, как руководители страны претворяли в жизнь святое дело освобождения масс русского народа. Его убеждения явились результатом опыта, и он думал, что президент будет приветствовать его информацию, собранную в течение многих месяцев постоянного общения и работы в России. Но президент был другого мнения. Он отказался принять Робинса; за последним установили слежку, словно он был преступником, запретили выступать на собраниях. Некоторое время он отказывался от всех приглашений, но позднее он всегда выступая, рассказывая правду со всей ясностью и красноречием, на какие только был способен, и готов был ответить на любой вопрос. Он не верил в коммунистическую доктрину, но твердо верил, что революция освободила от эксплуатации забитых крестьян России и что если Америка немедленно признает Советскую Россию, то обе они «получат большие выгоды и будет обеспечен прочный мир»⁹.

Публичные заявления Р. Робинса в 20-е годы свидетельствуют о том, что он продолжал выступать за нормализацию американо-советских отношений, которая отвечала интересам обеих стран. А весной 1933 г., спустя 15 лет после своего первого визита в Советскую Россию, Р. Робинс посетил нашу страну вторично, уже как частный гражданин. 13 мая 1933 г. он был принят И. В. Сталиным. Его интересовали вопросы сельского хозяйства, народного образования и воспитания молодежи, развитие прогресса. В ходе беседы Робинс заметил: «Я не коммунист и не особенно много понимаю в коммунизме, но я хотел бы, чтобы Америка участвовала, получила возможность приобщиться к тому развитию, которое происходит здесь, в Советской России, чтобы американцы получили эту возможность путем признания, путем предоставления кредитов, путем установления нормальных взаимоотношений между обеими странами, например, на Дальнем Востоке, чтобы обеспечить то великое дерзание, которое происходит у вас, чтобы оно могло прийти к успешному своему завершению»¹⁰.

⁶ «Документы внешней политики СССР». Т. 1. М. 1957, стр. 299—301.

⁷ АВП СССР, ф. 129, оп. 2, л. 1, п. 1, л. 60.

⁸ «Они отстаивали правду о Стране Советов». «Иностранная литература», 1963, № 5, стр. 232; см. также «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов». Официальный отчет «Оверменовской комиссии сената».

⁹ M. E. Dreier. Margaret Dreier Robins. Her Life, Letters, and Work. N. Y., 1950, p. 137.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 270.

16 ноября 1933 г. между США и СССР были установлены дипломатические отношения. В этом имеется, несомненно, определенная заслуга и Р. Робинса, так как он был одним из тех, кто на протяжении всех лет со времени свершения Октябрьской революции последовательно знакомил американскую общественность с правдой о Стране Советов. В дни второй мировой войны Р. Робинс и его жена Маргарет активно выступали против фашизма, требовали открытия второго фронта и оказания реальной помощи героическим советским людям. До конца дней своих Р. Робинс пропагандировал идеи дружбы и взаимопонимания между народами СССР и США.

Впервые публикуемые здесь на русском языке документы из архивных коллекций Р. Робинса, на наш взгляд, представляют интерес для советских историков и широких кругов читателей. В конце публикации содержатся примечания. Перевод с английского осуществлен Н. А. Красновым.

И. М. Краснов

1

ИЗ ЗАПИСОК Р. РОБИНСА О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ

(Июль — ноябрь 1917 г.)¹

«Американская миссия Красного Креста прибыла в Россию в июле 1917 г.² В мою обязанность входило заниматься поставками продовольствия и оказывать всемерную помощь — особенно военным беженцам. Изучение положения с продовольствием началось сразу же по прибытии во Владивосток и продолжалось в течение всей поездки до Петрограда, через Сибирь и Европейскую Россию. Предварительный обзор был подготовлен позже и закончен во время поездки в Южную Россию со штаб-квартирой в Екатеринославе. В отчете, представленном руководящим офицерам миссии, в частности, говорилось, что в России достаточно продовольствия для всех, то есть основных видов продовольствия — хлеба и мяса, а вся проблема заключается в сборе и распределении.

При выполнении этой работы я впервые столкнулся с новой властью... которая растет в революционной России и называется Советами. Мое ознакомление с Советами началось не с теории. Я видел, что, как только я выезжал из Москвы и Петрограда, я выходил из зоны власти и контроля Временного правительства. У меня был полный карман рекомендаций Временного правительства Керенского, но когда я предъявлял их сельским и губернским официальным лицам, раздавался лишь веселый смех и мне советовали обратиться к председателю местного Совета. Практически во всех случаях, когда я заручался помощью этого официального лица, цель немедленно достигалась, касалось ли дело формирования поезда для отправки в определенный день или получения полдюжины телег для перевозки хлеба из какой-нибудь деревни на железнодорожную станцию...

В этот момент моей службы в России я начал задумываться, в чьих руках была власть в русской политической и социальной системе того времени. Видя, что рекомендации Временного правительства не имеют силы, я начал подвергать изучению... политическую власть в нескольких слоях общества. Повсюду я сразу же наткнулся на то, что я могу назвать скелетом, останками когда-то действительной и эффективной власти. Останки системы самодержавия были заметны везде, но жизнь их покинула. Царь был главой церкви, главой государства, главой социальной системы, главой тайной полиции и армии, он обладал мистической религиозной символической властью как «отец русского народа» и очень реальной и ощутимой властью казацкой нагайки и сабли. Приказ царя, скрепленный печатью с изображением двуглавого орла, был действительно связующим элементом русского национального, политического и социального строя и приносил реальную власть в самые отдаленные деревни империи. Но когда деспотическая организация и центральная власть с символикой... рухнула в марте 1917 г. ...вся Россия, так сказать, вырвалась на простор, и разные слои общества начали делать то, что было правильно с их точки зрения... Правительство,

возглавляемое князем Львовым, ... правительство Керенского существовали только на бумаге... и не имели подлинной власти вне Петрограда, Москвы и казарменных городков, которые в тот момент оставались верными правительству.

Но при этом все более становилось очевидным, что в русской национальной жизни растет новая революционная общественно-политическая власть в лице организаций, называемых Советами. Исследование характера этой организации выявило существование двух элементов, отличных друг от друга, которые объединились в Советах. Первым элементом были современные рабочие, солдатские и крестьянские Советы промышленных городов России, организованные впервые в русской истории в 1905 г. в качестве орудия потерпевшей поражение революции того же года... Таков был первый элемент новой, Советской власти в России.

Другой элемент — старый сельский мир, древнейший демократический славянский орган общественной взаимопомощи и общественного контроля в русской национальной жизни... что-то вроде городского собрания в Новой Англии... Политика самодержавия не только ограничивала сельский мир в юрисдикции, но и крепко привязывала к местным единицам, без права посылать депутатов и без права сотрудничать с другими сельскими мирами... Как только бремя, давившее на сельский мир и удерживавшее его в узких местных границах, было сброшено революцией, он перерос сначала в уездный, потом городской, потом губернский, потом всероссийский национальный Совет [затем], объединившись с революционными рабочими и солдатскими Советами, превратил и то и другое в новый, практически всеобщий революционный орган политической и социальной власти.

По возвращении в Петроград в отчете о продовольственной проблеме [мною] было отмечено, что одной из причин провала попыток Временного правительства собрать и распределить продовольствие было стремление Керенского управлять железными дорогами и предприятиями общественного пользования посредством старой бюрократии, все изменения в которой ограничивались устранением с постов нескольких начальников отделов. Эти чиновники, обученные при самодержавии и приученные к чиновничеству и рабологии, характерному для класса лакеев и прислужников, который формируется аристократическими и деспотическими режимами, смотрели с презрением на правительство, не верили в его прочность и везде ожидали возвращения царя, восстановления власти самодержавия. Я предложил в дополнение к гражданским полномочиям (миссии Красного Креста. — *Пер.*) заручиться поддержкой военного министерства Временного правительства. С этой целью было проведено совещание, в котором участвовали премьер-министр Керенский, главнокомандующий русскими армиями генерал Корнилов, военный министр..., министр сельского хозяйства... и некоторые другие министры.

Было решено, что некий банкир, наделенный выдающимися качествами..., по фамилии Батолин³, обладавший незаурядными природными организаторскими способностями в области промышленности и выбившийся из крестьян в multimиллионеры, будет назначен комиссаром по продовольствию при Временном правительстве с практически диктаторскими полномочиями. В его распоряжение будут переданы речной флот на Волге, около восьмисот контор по скупке зерна в сибирских и украинских районах и другие средства для сбора и распределения зерна. Было намечено, что один из членов американской миссии Красного Креста будет его помощником, что мы должны обратиться к Гуверу⁴ с просьбой о выделении кораблей из союзного флота для снабжения населения России молоком и некоторыми другими продуктами и предметами первой необходимости, отсутствующими в России. Мы должны выпустить обращение к русскому народу с призывом проводить экономно и оказывать содействие, обещая при этом помощь за счет ресурсов союзников. В обращении также будет сказано, что для налаживания сотрудничества со свободными народами мира необходимо защитить революционную Россию и, добившись этого единства, свергнуть германскую милитаристскую власть, принеся спасение не только русской революции, но и свободным институтам и свободным народам, которым повсюду в мире угрожает германский милитаризм.

Керенский изо дня в день откладывал назначение Батолина и наконец заявил, что оно может состояться только после конференции⁵, которая была назначена на вторую половину августа, собралась, но была прервана. Он заявил, что конферен-

ция укрепит Временное правительство, что после своего возвращения из Москвы в Петроград он проведет назначение, издаст обращение, и мы приступим к выполнению задачи по организации снабжения продовольствием населения России зимой 1917 года.

Я поехал на конференцию в Москву. Более 1 500 делегатов, собравшихся в Большом театре в Москве, представляли все социальные слои России: баронов, землевладельцев, крупных банкиров, деловых людей, крестьян, солдат, моряков, Временное правительство, практически весь русский народ, за исключением крошечной группы великих князей и царской семьи. И здесь среди разношерстной толпы я отметил одну особенность, которую наблюдал в губерниях, городах и деревнях по всей России. В партере в центре огромного зала сидело около трехсот делегатов, которые выступали согласованно и последовательно, знали, чего хотят и как добиться того, что им нужно. Эту группу составляли делегаты рабочих, солдатских и крестьянских Советов. В последний день работы конференции между Керенским и Корниловым произошел явный разлад. Был момент, когда дело чуть не дошло до потасовки: Керенский прикрикнул на группу офицеров-казаков, те дали отпор, а сторонники офицеров бурно поддерживали их. Некоторые обвиняли Корнилова в том, что он стоит на службе реакции и сознательно стремится к восстановлению самодержавия. Этому я не верю. Я считаю Корнилова..., казацкого генерала, человеком ограниченных способностей, с большим честолюбием, который... питал иллюзорные надежды стать диктатором России... Как только эта идея засела в мозгу русского офицера, он начал считать себя Наполеоном России... верить, что ему было назначено это судьбой... Идею о том, что он самой судьбой избран выполнять эту великую миссию и что у него есть все данные для этого, подхватили реакционные силы России, собравшиеся вокруг Корнилова и использовавшие его в своих целях⁶.

Когда я возвратился с московской конференции в Петроград и обратился к Керенскому с просьбой о немедленном назначении Батолкина, чтобы мы могли приступить к организации распределения продовольствия, он опять со дня на день откладывал назначение до тех пор, пока однажды утром, в первых числах сентября, мы с тревогой не узнали о начале неудачного мятежа Корнилова, или контрреволюционного движения, как его называют в Советской России⁷. Керенского обвиняли в том, что он непосредственно виновен в провале авантюры Корнилова. Ничего не могло быть более наивным и противоречащим реальным фактам. Корнилову нанесла поражение новая власть, которая росла в России, — Советы. В Смольном, штаб-квартире Советов, а не в Зимнем, где располагалось Временное правительство Керенского, был отдан приказ, по которому большевистские моряки были мобилизованы в Кронштадте, прибыли затем в Петроград и расположились лагерем на Марсовом поле... Из Смольного, а не из Зимнего дворца был получен приказ, по которому отряды большевистских моряков окружили и захватили гостиницу «Астория», арестовав сорок два генерала старого режима и ликвидировав этот будто бы штаб контрреволюции. Из Смольного, а не из Зимнего дворца был получен приказ рыть окопы вокруг Петрограда; установить пулеметы, пушки на незащищенных набережных и крышах высоких зданий; организовать Красную гвардию Выборгского района для отпора надвигающимся ордам контрреволюции, как назывался мятеж Корнилова.

Здесь весьма интересно будет рассмотреть один из наиболее ярких фактов, проливающих свет на события в России... Очень часто непонимание, путаница, противоречивые заявления и различные интерпретации... положения в России объясняются, по-моему, расхождением между «комнатным»... салонным, официальным образом мышления военных и дипломатов, которое было присуще семи процентам населения, и чрезвычайно оригинальной «внекомнатной» жизненной обстановкой, возникавшей в результате деятельности девяноста трех процентов населения русского общества. До революции семь процентов населения России обладали богатством, властью, почестями и привилегиями русской империи. Это были бароны, крупные землевладельцы, могущественные промышленники, царский двор... Ниже этого малочисленного класса стояли девяноста три процента населения: восемьдесят четыре процента — крестьяне и девять процентов рабочие-пролетарии, занятые на заводах, фабриках и шахтах России. Снова и снова можно было встретить... представителей союзных стран, которые толковали положение в России так, как будто они имели дело с современной европей-

ской страной. Они постоянно взывали к русским массам, как будто в России был значительный средний класс, прослойка мелких собственников, которая повсюду в западных странах является опорой правопорядка и которую всегда призывают для сохранения существующего строя ввиду их личной заинтересованности. Такого среднего класса в русской жизни не было. У семи процентов было все, у девяноста трех — ничего. Семь процентов были сметены революцией, девяноста три процента взяли верх в России. Они не получали своей доли при старом строе, они хотели получать свою долю при новом... Попытка стабилизировать положение, используя бывшую при царе военную и общественную власть, явилась такой глупостью, какую невозможно выразить словами. Семь процентов выражали твердую надежду, что Корнилов начнет мятеж с двумя миллионами казаков, что его поддержат кавалеры Георгиевского креста, армейский и военно-морской союз, вся буржуазия, что они сметут некомпетентное Временное правительство через несколько дней и восстановят правопорядок и дисциплину в России...

Однако Советы взяли положение в стране под контроль, организовали... оборону Петрограда, призвали солдат не повиноваться приказам контрреволюционеров, главарем которых они считали Корнилова. Этот призыв к революционным солдатам... разлагал армию Корнилова, и она разваливалась с каждым днем у него на глазах, так что по прибытии в Псков у него осталось менее двадцати тысяч человек. Из этих двадцати тысяч десять тысяч отказались на следующий день идти на Петроград. Корнилов был взят в плен. Не раздалось ни единого выстрела, и не было убито ни одного человека... Здесь будет уместно отвлечься на минуту и остановиться на таком интересном факте... Встречая в Сент-Поле специальный поезд, которым члены миссии ехали в Ванкувер, чтобы выехать оттуда морем, полковник Томпсон⁸, встретив впервые многих членов миссии и услышав, что меня зовут майор Робинс, спросил, что это за человек. Ему объяснили, что это Раймонд Робинс, после чего он воскликнул: «Что? Раймонд Робинс, этот моралист, смутьян и рузвельтовский крикун! Что он делает в этой миссии?» В то же время, встретив полковника Томпсона и расспросив о нем, я воскликнул: «Что? Этот представитель медедобывающих компаний на Уолл-стрите, этот сторонник Тафта, Рута и реакционеров, почему он в миссии и едет спасать мир для демократии в революционной России?»

...Является историческим фактом, что все союзные посольства и миссии в России, за исключением американской миссии Красного Креста, открыто или тайно поддерживали Корнилова. Полковник Томпсон отказался поддержать эту злополучную авантюру, поскольку он правильно оценил положение в России. После ликвидации мятежа Корнилова правительство Керенского стало с каждым днем слабеть. «Комнатный» дипломатический и военный образ мышления союзников заставлял Керенского тратить две трети времени на болтовню о западноевропейском либерализме в интересах союзников, а одну треть — на болтовню о русско-славянском социализме, чтобы удержаться у власти еще один день...

Примерно в это время мне было вменено в обязанность выступать перед русскими солдатами в различных частях в Петрограде и в казармах Северного военного района. Это делалось с целью узнать, что в действительности думают рядовые русские рабочие, солдаты и политики, а не судить об их умонастроениях по разговорам в салонах. Я обычно представлялся как представитель американского рабочего движения, — для этого я взял мандат у АФТ⁹, — и говорил в течение получаса об американской политической, муниципальной, государственной и национальной системе, организации наших партий, съездах, выборах и методе политического контроля, системе образования в Америке, причем я начинал с детского сада и кончал университетом штата. У русских американская система образования вызвала наибольший интерес. Я излагал факты о наших демократических институтах, а затем в течение двух часов, а то и более отвечал на вопросы, при этом иногда поднимался невообразимый шум, а чаще выступление оканчивалось некоторым проявлением дружелюбия. Я разговаривал с несколькими тысячами русских солдат и из первых рук узнавал, что они думают и что собираются делать. Было ясно, что армия жаждет хлеба, земли, мира и осуществления лозунга «Вся власть Советам», тем более, что налицо были недовольство основами общества, голод, отсутствие техники, неверие в своих руководителей и паралич экономики России.

Здесь позвольте мне отвлечься и объяснить причины, лежащие в основе паралича экономики и больше всего повинные в разложении армии, распространении революционных взглядов, влиянии большевистских формул и предательстве дела союзников. Когда в 1914 г. была объявлена война, семь процентов, которые господствовали в русской жизни в течение многих поколений, безраздельно контролировали все центры экономической и культурной жизни в России. Менее десяти процентов из этих семи процентов держали в своих руках практически всю экономическую, промышленную и финансовую власть России... Сразу же после объявления войны царь издал приказ о всеобщей мобилизации, и более 15 миллионов человек, практически все трудоспособные мужчины от 18 до 43 лет, покинули место работы и отправились с поля, завода, из цеха, леса, деревни и города в казармы, на фронт, и это в то время, когда оружия во всей России не хватало на вооружение одного миллиона человек. Пагубное влияние этого приказа на нормальную экономическую жизнь в России не нуждается в пояснении... Не нужно забывать, что мартовской революции 1917 г. предшествовали хлебные бунты в Петрограде и Москве, эти верные признаки развала экономики. Когда волна революции прокатилась по России, она смела не только царя и руководителей бюрократии, но и все общественные органы и организации, которых справедливо обвиняли в симпатиях к самодержавию и царистских тенденциях. Их ликвидация удовлетворила революционный пыл, но вместе с тем она усилила паралич экономики. Этот паралич продолжал расти в течение шести месяцев злосчастного режима Временного правительства¹⁰... Полковник Томпсон, получавший сведения со всех мест и от всех классов, видя распространение пораженческих настроений в армии и вообще по всей России, задумал план, как противостоять этому.

Нужно было разбить такие большевистские аргументы: «Товарищи, мы не виним вас за то, что вы пошли сражаться за осуществление империалистических целей самодержавия, когда царь призвал вас в армию для участия в войне. Вы вынуждены были пойти: вас гнала казацкая сабля и пагайка; и вот уже три года вы сидите в окопах, участвуя в кровавой бойне. У вас на глазах четыре миллиона ваших братьев были угнаны в германские лагеря в рабство, погибли от нуля или болезней в затхлых казармах и грязных окопах. Вы не видели родных три года. Вы не знаете, как живет дома ваша семья и друзья. Почему вы продолжаете воевать? Царь призвал вас, чтобы сражаться за империалистические цели самодержавия. Он хотел поставить православный крест на собор святой Софии. Он хотел заполучить Дарданеллы, чтобы усилить свою власть. Какое вам дело до того, будет ли православный крест на соборе святой Софии или нет? На что вам Дарданеллы? Вам нужен участок земли, семья, свобода и мир, чтобы пользоваться всем этим. Почему вы продолжаете воевать? За что вы воюете теперь? Вы свергли царя. Почему вы остаетесь в окопах? Почему вы не идете домой? Ваши немецкие товарищи — такие же рабочие и крестьяне, как и вы. Их заставляет воевать против вас кайзер, как вас заставлял воевать против них царь. Через некоторое время они сбросят своего кайзера и мы вместе будем пожинать плоды свободы. Вы не питаете ненависти к немецкому брату, он не питает ненависти к вам. Почему вы продолжаете воевать? Неужели вы воюете теперь ради империалистических союзников? Неужели вы воюете за то, чтобы Англия заполучила Месопотамию и Палестину, Франция — Марокко и Алжир, а капиталистическая Америка — сибирскую железную дорогу, капиталистическая Япония — Китай и Маньчжурию? Если вы не будете воевать против своего немецкого брата, он не будет воевать против вас. Он думает, что вы хотите отнять у него землю. Вот почему он воюет с вами. Вы идите домой, и он пойдет домой. Кстати, товарищ, слышали ли вы, что в вашей родной деревне раздают землю? Если вы не возвратитесь поскорей, то не получите своей доли». Таковы были настроения, которыми жила русская армия.

Союзная пропаганда того времени приносила больше вреда, чем пользы. Она только и знала, что хвасталась, как чудесна Франция, как могущественна Англия, как непоколебима Америка. Подумать только: Америка через несколько недель на Западном фронте будет иметь двадцать тысяч аэропланов, через несколько месяцев там будет четыре миллиона американских солдат. Они выиграют войну — для них это будет прогулка, а русский мужик, слыша это, говорил: «Что ж, очень хорошо. Они собираются выиграть войну, значит, мы сможем идти домой к родным». И прямым результатом этой пропаганды было разложение русских сил. Полковник Томпсон выдвинул

идею организованной пропаганды, которая не будет ставить перед собой невыполнимой задачи заставить русских революционеров проявлять энтузиазм ради победы союзников¹¹... Нужно доказать русскому крестьянину и рабочему, что поражение германской милитаристской автократии необходимо для спасения русской революции и сохранения свободных институтов русского народа. Нужно было доказать, что за германскими штыками придут бароны, которые заберут землю обратно, возвратятся промышленные магнаты, которые отменят законы о 8-часовом рабочем дне и 15 рублях, принятые после революции, и введут снова 12-часовой рабочий день и будут выплачивать два рубля за работу в полукрепостнических условиях, как это было в дореволюционной русской промышленности; что за германскими винтовками идут великие князья, которые намереваются вернуть на престол царя, уничтожить самоуправляемые Советы, а всеобщее голосование заменить казацкой нагайкой и шашкой. Для организации этой пропаганды полковник Томпсон заручился содействием «бабушки русской революции» г-жи Брешковской¹², руководителя крестьянских кооперативов Николая Чайковского¹³ и одного из самых видных революционных деятелей России, Лазарева¹⁴, Неслуковского и личного секретаря Керенского Давида Соскиса.

Чтобы начать организацию и финансировать это предприятие, полковник Томпсон выделил миллион долларов из своего личного состояния. Были куплены газеты и типографии, подготовлено огромное количество брошюр, где учитывались особенности людей, которых нужно было убедить: брошюры были написаны на жаргоне рабочих и крестьян и в революционном духе...

После того как предварительная организация и начало работы дали ощутимые результаты (о чем, в частности, говорит тот факт, что Демократическое совещание пошло на пользу Временному правительству, хотя оно было создано именно с целью его смещения)¹⁵, полковник Томпсон направил американскому правительству телеграмму с просьбой выделять каждые десять дней один миллион долларов в течение трех месяцев для обеспечения успеха предприятия. Через три недели на эту телеграмму был получен ответ, в котором выражалось сомнение относительно целесообразности предприятия, и сообщалось, что американское правительство послало своего представителя, который ознакомится с этим предприятием и решит, следует ли поддержать его или нет. Полковник Томпсон немедленно приказал отменить, насколько это было возможно, все предполагаемые новые меры...

Когда представитель Комитета общественной информации Эдгар Сиссон, которого послало американское правительство для ознакомления, прибыл в Петроград, Временное правительство было свергнуто и большевики уже более двух недель были полными хозяевами положения в России. Чтобы еще раз проиллюстрировать полнейшую слепоту и расхождение с объективными фактами «комнатного» образа мышления военных и дипломатов союзных держав в России, я расскажу следующий эпизод. В течение некоторого времени было очевидным, что во всей России растет влияние Советов, что Временное правительство с каждым днем слабеет и что, если не будут найдены эффективные меры для укрепления положения Временного правительства и поддержки Керенского, правительство и он сам долго не продержатся. Я в то время имел доверенных агентов, работавших в различных учреждениях и некоторых казармах Петрограда. Один из таких агентов был шофером броневика в крупнейшей бронечастной в Петрограде. Он однажды сообщил мне, что в этой части прошла конференция и что голоса разделились почти поровну между сторонниками большевиков... и сторонниками Временного правительства. «Но часть на сто процентов за Советы и в ней нет человека, который стал бы сражаться против Советов», — сказал мой агент. Это заявление не расходилось с другими сообщениями, которые я получал ежедневно.

Мы тогда считали, что поскольку Советы в России были у власти и что если Керенский признает Советы, то мы могли бы, так сказать, поставить их под контроль Временного правительства, сделав новый шаг в деле стабилизации и установления контроля над положением в России. Во время беседы с Керенским стало ясно, что он понимает обстановку, но сомневается, что можно убедить представителей союзников в Петрограде поддержать его в деле признания Советов, если он приступит к исполнению данного плана. В это время главой Петроградского Совета и председателем Всероссийского Совета был Чхеидзе — горячий сторонник Временного правительства и друг Керенского. План был вполне реален. В поисках методов укрепления Времен-

ного правительства в соответствии с этим планом полковник Томпсон созвал совещание глав военных миссий союзников России. Оно проходило в пятницу *, 3 ноября 1917 г., в гостинице «Европейская». В 2.30 дня в кабинете руководителя американской миссии Красного Креста... встретились глава английской военной миссии и военный атташе английского посольства в Петрограде генерал Нокс, представитель французского правительства с теми же полномочиями генерал Ниссель ** и представитель американского правительства генерал Джадсон, генерал Неслуковский, личный секретарь Керенского Давид Соскис, полковник Томпсон и я. В кратком выступлении полковник Томпсон обрисовал положение и причины совещания. Тут же взял слово генерал Нокс и начал говорить о неудачах Временного правительства, о некомпетентности, глупости и других худших чертах Керенского. Он перечислил все известные неудачи последних шести месяцев, о которых мы хорошо знали и которые по-прежнему следовали одна за другой. Когда он кончил, генерал Ниссель стал в том же духе распространяться о тех же ошибках, неудачах и некомпетентности; при упоминании о тарнопольской катастрофе ¹⁶ он потерял самообладание и наконец, совсем разойдясь, назвал русских солдат трусливыми собаками. Покраснев от унижения, генерал Неслуковский вышел из комнаты, Давид Соскис тоже.

Мы пришли в себя только часа через два, в течение которых Керенского самым нещадным образом критиковали и поносили за то, что он не расстрелял Ленина и всех большевиков в России, а также за то, что он не использовал власть, которой не обладал ни единой секунды во время моего пребывания в России. Перед самым окончанием совещания генерал Нокс повернулся ко мне и сказал: «Вы пускаете деньги полковника Томпсона на ветер». Я ответил, что если это так, то полковник Томпсон об этом знает. Он сказал: «Вам следовало быть с Корниловым». Я ответил, что генерал Нокс был заодно с Корниловым, о чем всем хорошо известно. Он покраснел при этих словах и сказал: «Что ж, может быть, это и верно. Я не заинтересован в укреплении Керенского и Временного правительства. Единственная стоящая вещь в России — это установление... казачьей военной диктатуры». Он сказал: «Этим людям нужна нагайка». На что я возразил, что, если не ошибаюсь, он стоит перед перспективой совсем другого типа диктатуры. Он спросил: «Вы имеете в виду Ленина... и всех этих большевистских болтунов?» Я ответил утвердительно. На что он сказал: «Полковник Робинс, вы не военный человек. Вы ничего не понимаете в военных делах. Мы, военные, знаем, что делать с этой агитацией и агитаторами. Мы расстреливаем их». Я сказал: «Да, если они вам попадаются, вы расстреливаете их, пусть я ничего не понимаю в военных делах, зато кое-что понимаю в людях. Я не ошибусь, если скажу, что вы стоите перед перспективой, когда простой народ скажет свое слово».

Обратите внимание на дату совещания — пятница, 3 ноября. В следующий, именно следующий, понедельник большевики силой оружия взяли Петропавловскую крепость и арсенал в Петрограде. Во вторник они взяли телеграфные и телефонные станции и Николаевский вокзал. В среду ночью они захватили штурмом Зимний дворец, заключив под стражу тех членов Временного правительства, которые не успели бежать. В четверг, в два часа ночи, в Смольном II Всероссийский съезд Советов принял декрет о распределении всей земли среди крестьян, декрет о переходе всей власти к Советам и декрет о мире, по которому всем странам предлагалось заключить всеобщий демократический мир, причем уполномоченными по ведению переговоров о мире были избраны Ленин и его соратники, которые находятся у власти с того момента и по сей день в Европейской части России. Это показывает, сколь далека была официальная точка зрения дипломатов и военных в Петрограде от фактического положения дел в России.

State Historical Society of Wisconsin, Madison (Wisc.), USA.

Manuscript Section, Raymond Robins Papers, 1916, Oktober — 1917, July. Box № 12 (Copy).

* Робинс ошибается: 3.XI.1917 г. было субботой. Здесь и ниже дни недели смещены Робинсом на один день.

** В копии английского текста ошибочно напечатана фамилия Ниссель как «Nivell».

№ 2

НЕДЕЛЯ В МОСКВЕ ВО ВРЕМЯ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА *

Среда, 7 ноября. В газетах никаких вестей из Петрограда. Говорят, что телефон не работает. Газеты уверяют, что Советы приказали гарнизону не исполнять указания кабинета. Ходят слухи, что военный министр Верховский ушел в отставку. Он признанный сторонник продолжения войны в союзе с Антантой. Измена, если это правда!

Четверг, 8 ноября. Сегодня утром вышли только газеты большевиков и анархистов. Говорят, что почта, телеграф, телефон, Зимний дворец и императорский банк — в руках большевиков, парламентские лидеры — в Петропавловской крепости. Никаких известий о местонахождении Керенского, который, по слухам, находится с армией у города, ожидая подхода Каледина. Трудно разобраться в обстановке. Сегодня утром администрация отеля явно была встревожена. Слуг построили в зале, и управляющий дал им указания. На верхней площадке каждой лестницы у входа стоят часовые, которым мы должны показывать пропуск, выданный в отеле. В залах, на дверях и стенах — объявление городской Думы, которая предупреждает об угрозе восстания. Провел утро, бродил по городу, сделал кое-какие покупки. Повсюду царит анархия. Заводы в пригородах захватывают рабочие, и вот теперь восстание большевиков в Петрограде. Улицы полны народа. На стенах — свежие афиши, объявления большевиков, призывающие рабочих и солдат на митинги, на которых офицеров называют врагами солдат; заявления более консервативных групп, с самым серьезным видом протестующих против восстаний накануне выборов в Учредительное собрание; плакаты Думы, призывающие людей к спокойствию. Везде у объявлений собирались оживленные группы людей, они бежали за разносчиками и выхватывали листы у них из рук, выдергивали объявления из пачек у расклейщиков.

На Тверской у памятника Скобелеву¹⁷ собралась большая толпа. Рабочие, моряки, студенты, выстроилась рота солдат в серых смушковых шапках, с примкнутыми штыками. В середине толпы развевался большой красный флаг. Один моряк, стоя на повозке, произносил речь. Воздух был насыщен возбуждением, и к толпе лучше было не приближаться. Когда я смотрел на них с противоположной стороны улицы, мимо проходил Самерс, наш генеральный консул. «Смотрите, — сказал он, — он старается подстрекать людей к мятежам и беспорядкам».

Пятница, 9 ноября. Сырое холодное, серое ноябрьское утро. Газет опять нет, только слухи о том, что происходит в Петрограде. Все утро я бродил по улицам... Вчера вечером наш атташе капитан Иловайский¹⁸ сообщил, что в читальне происходит собрание, где гости обсуждают меры по защите отеля в случае беспорядков. Он посоветовал мне присоединиться к ним и контролировать их действия. За длинным столом сидело человек двадцать. Во главе стола сидел генерал... Генерал велел поставить для меня стул по левую руку. Обсуждался длинный список правил и положений — на русском языке. Он прочитал их для моего ознакомления. В них прежде всего предусматривалось, что гостям необходимо раздать револьверы и выдать пропуска. Ночью гости должны были нести посменное дежурство в коридорах. У входа должен находиться человек с револьвером, а наверху кто-то обязан сидеть у телефона. Как только солдаты войдут в отель, человек у входа должен выстрелить из револьвера «не в солдат», а чтобы предупредить дежурного у телефона, который вызовет помощь. Гостям разрешается принимать посетителей только в гостиной, в противном случае требуется специальное разрешение!

...Сегодня опять провела почти весь день на улице — сыро, холодно, слякоть. На стенах прибавилось объявлений, народу еще больше. Чувствуется настороженность и неопределенность.

...Суббота, 10 ноября. Среди ночи раздались выстрелы, сначала винтовочные и затем треск пулеметов, мне показалось, что рядом с отелем. Как мы узнали позднее, большевики, на сторону которых перешли фактически все солдаты, захватили Кремль, откуда их ранее вытеснили юнкера. Сегодня утром стрельба усилилась, и из окон, вы-

* Речь идет о событиях в Москве в октябре — ноябре 1917 года.

ходящих на маленькую площадь, мы видали лишь пустые улицы. В дверях стояли несколько мужчин и мальчишек, время от времени они отваживались выйти на тротуар, но бросались назад, как только стрельба возобновлялась. Короткие периоды затишья сменялись винтовочными выстрелами и стуком пулеметов. Вверху и внизу по Тверской и перед отелем свистели пули, ударяясь с глухим звуком о мостовую и стены зданий. То и дело проносились автомашины Красного Креста с ранеными или грузовики с лежащими в кузове юнкерами.

Кофе и джем на завтрак, хлеба нет. Рапо утром, совершив вылазку на улицы, Плотен¹⁹ заявил, что на крыше соседнего дома стоит пулемет. В окна отеля влетали пули. В читальне находился молодой офицер с пулевым ранением в бедро; кость и артерии, к счастью, не задело. Вскоре принесли еще одного раненого; это был солдат, очевидно, большевик. В первый раз пошли в ход мои бинты, вата и инструменты. Офицер держался стойко и спокойно; когда перевязывали рану, он закурил. Солдат был флегматичный, бесстрастный, без всякого выражения на лице; он никак не реагировал на окружающее и ни на что не жаловался. Когда мы перевязывали их, раздавался треск пулеметов и винтовок, пули свистели и ударялись о мостовую.

...Что же происходило? Трудно было сказать. Ходили слухи, что большевики занимали Тверской бульвар и некоторые большие недостроенные здания, расположенные ниже, а также «Метрополь», юнкера — Кремль, университет и Большой театр. Вдоль по Тверской и с Театральной площади непрерывно летели пули, то и дело раздавались громкие взрывы снарядов, а один разорвался прямо перед отелем.

...Часов в 10 утра возбужденный шепот, а также оживленное движение в залах возвестили о прибытии солдат, и скоро группа недружелюбно настроенных, грубых людей вошла в коридор. Они искали в отеле оружие, конфисковали все найденные револьверы, пообещав их вскоре вернуть. Нашу комнату... охранял большой печатный плакат с надписью «Американская миссия Красного Креста в России». Успокоенные нашим видом, они миновали нас.

...Вечером стрельба постепенно отдалась от отеля, но у нас не было никакой уверенности, что она снова не возникнет рядом. Только что пришел какой-то возбужденный молодой офицер. Он сказал, что на отель наступали правительственные войска по приказу командующего, который полагал, что мы укрывали пулемет. В ответ было сказано, что это неверно. Везде погашен свет, горит только в окнах, выходящих во двор. Непроглядная тьма в залах, где тихонько с места на место переходят призраки — люди, они собираются группами, переговариваются шепотом и вполголоса. Минуты две назад несколько юнкеров проскользнули в дверь и теперь сидят внизу, о чем-то совещаясь.

...Что происходит? Никто не знает. Должно быть, уже много убитых и раненых, и мне кажется весьма вероятным, что дело на этом не кончится. Нельзя отделаться от мысли, что, если вскоре не подойдут подкрепления, юнкера могут потерпеть поражение уже завтра. Если они потерпят поражение, это, возможно, окажется серьезным делом для города, но кто знает? Сильный грохот, слышавшийся сегодня после полудня, говорит о том, что используются большие орудия.

...Воскресенье, 11 ноября... Первую половину ночи тихо, затем рано утром частая стрельба и звуки разрыва тяжелых снарядов. Говорят, штаб уведомили, что у нас в отеле нет участников боя, и нас, кажется, пока не обстреливали из пушек... По слухам, большевики получают подкрепления. Слышится ожесточенная стрельба в направлении Арбата и Манежа, которые, как говорят, удерживают юнкера. Сегодня утром два англичанина попытались удрать, но их нигде не пропустили... Вокруг отеля сегодня тише. Похоже, что несколько снарядов попало в отель, но пока только в верхнюю часть угла, выходящего на Тверскую. Коридоры еще полны взвинченных, бледных, перепуганных людей... Вот одна огромная, толстая, разукрашенная женщина, вся увешанная бриллиантами; по мере того, как пудра и краска накладываются ею с меньшей тщательностью, лицо ее становится все более осунувшимся. Ей не сидится, она бродит вокруг, обычно останавливаясь наверху лестницы. Франтоватый, лишенный подборodka парень с черной козлиной бородкой, неся небольшую сумку в руке, шагает по коридорам рядом с женой и все время о чем-то оживленно болтает с ней. Он хорошо одет и, очевидно, преуспевает в жизни. Другой, толстенный чело-

вечек со светлыми волосами *en brosse*^{*}, с осунувшимся и встревоженным лицом находится в состоянии жалкого возбуждения. Он то и дело срывается с места и подбегает к каждой группе, занятой разговором, чтобы услышать, о чем говорят.

...Новости? Слухи, что правительственные войска подходят к Петрограду. Полагают, что идут бои. Спокойный день. Зловещая тишина. Как бы вечером не возникли серьезные беспорядки. Когда в коридорах перепуганные толпы, это может плохо кончиться. Приходит П.^{**} и сообщает, что идет совещание о двадцатичетырехчасовом перемирии. Хорошая весть, если это правда. Поговаривают, что Керенский вступил в Петроград с войсками. Слухи о возбужденной толпе, впрочем, напрасные.

Понедельник, 12 ноября. Беспокойная ночь... Вокруг отеля тише, но слышится ожесточенный, непрерывный ружейный и пулеметный огонь, выстрелы крупных орудий, вероятно, в полумиле отсюда, в направлении Арбата и Театральной. Миме²⁰, генеральный консул Италии Майони, Шарпене и я, узнав о возможном перемирии, составили письма к обеим сторонам — советской и Думе, потребовав, чтобы нам предоставили возможность эвакуироваться из отеля или по крайней мере дали заверения, что он будет признан нейтральным пунктом. Мы отдали письмо посыльному, который обещал доставить его советской стороне. Поблизости было так тихо, что кое-кто отважился выйти на улицу. Однако никто не пошел далеко. Коридоры еще забиты перепуганными постояльцами, они стоят кучками, персентываются и переговариваются...

Что происходит? Трудно поверить, что юнкера могут продержаться против массы большевистских солдат и вооруженных рабочих, если не подойдут подкрепления. Нас пока не тревожат, но вооружение кое-кого из постояльцев и поведение некоторых безрассудных офицеров, один из которых бродит в черкеске с огромным кинжалом за поясом, могут привести к беде... Никаких известий извне. Слухи, что Керенский вступил в Петроград с частью армии и заключил сделку с большевиками, часть которых сбегала, что все спокойно, — только слухи. Очень уж утомительно это заточение. Нельзя без риска показаться в окне. Тяжелые портьеры утром осторожно раздвигают, оставляя для защиты кружевные занавески, а ночью все плотно закрывают. Электрический свет не включается, горят только свечи в окнах, выходящих во двор... Иловайского сегодня вызвали к телефону! Его дядя прослышал, что отель разрушили. Люди сидят в битком набитых номерах, без пищи, прислушиваясь к вою снарядов над головой. Иногда до нас доходит какая-нибудь новость, но все попытки связаться с внешним миром напрасны.

...Вторник, 13 ноября... Утро начинается частой перестрелкой и беспрерывным отдаленным гулом тяжелых орудий. Бедняга Морис, обаятельный человек, серьезно болен; у него приступ лихорадки в тяжелой форме. Я убедил его лечь в мою постель и дал ему хинина. Бои в непосредственной близости от отеля стали более ожесточенными... Шарпене и Миме составили превосходный план эвакуации из отеля. Миме настаивает, чтобы французской миссии дали возможность позаботиться о всех иностранцах, которых (она) вывезет на своих грузовиках... Видя, что Миме, Майони и я что-то обсуждаем, некоторые гости начинают тревожиться; жалкие, подозрительные люди с обеспокоенными лицами повсюду следуют за нами, словно воображая, что мы намереваемся бросить их «на произвол судьбы». Тяжелый гул орудий. После обеда снаряды вдруг начали падать вокруг нас один за другим. Один снес угол крыши и повредил часть четвертого этажа. Сначала по неопытности я не понял, что снаряды взрываются в самом отеле, хотя шум и грохот были оглушительные. Но когда до меня дошло, что происходит, я решил написать кое-какие указания о своих делах. Сидя в комнате Б., где у постели бедняги Мориса находились Миме и Шарпене, я писал письмо... Вот некоторые отрывки: «Рядом разорвался большой снаряд. Они начали стрелять по какой-то цели, стоящей еще ближе к нам! Разорвались еще два больших снаряда — громче и ближе всех, хорошенько встряхнувшие нас. Люди толпятся у моей двери. В отель попало три снаряда, очевидно, при стрельбе по Кремлю, который расположен рядом. Они начали бомбардировать нас всерьез. Все спешат вниз...». В этот момент обстрел стал слишком активным, чтобы можно было писать. Снаряды рвались один за другим, повреждены комнаты на 4-м этаже, в коридорах и во дворе

* Подстриженными бобрником (фр.).

** См. прим. 22.

стелется характерный желтый дым... Вездесущий Плотен, который в течение всего этого времени всюду совал свой нос, принес несколько больших осколков, один из них величиной с полснаряда. Миме осмотрел его — он изготовлен его собственной миссией*! Номер Мориса довольно сильно поврежден, все окна выбиты, и я настаиваю, чтобы он оставался в моей постели. После наступления темноты большевики, которые, очевидно, теснят юнкеров, вошли в наш отель. Мы требуем, чтобы командир пришел к нам в номер — что он и делает — невысокий брюнет, ...которого они зовут «доктором». Мы излагаем ему наши требования, подписанные Миме, Майони и мною, для передачи их советской стороне и Думе, и просим его принять меры. С доктором прибыл начальник — прапорщик, который непосредственно командовал солдатами, высокий человек лет 35. Доктор был вежлив и обещал сделать все возможное. Но ответа не было, и через час мы разыскали прапорщика. Он был с солдатами в гостиной на первом этаже. В коридорах было темно, как ночью, а в гостиную, отгороженную от комнаты с фасада, тускло освещенную и занавешенную, битком набились солдаты в форме — здоровые, круглолицые парни, по большей части крестьяне, в серой форме, тяжелых сапогах и больших круглых смушковых шапках, с ружьями различных марок и длинными русскими штыками. Они заполнили все уголки, сидели на чем попало, лежали, свернувшись калачиком в углу на полу; многие заснули в том положении, в каком свалились на пол, — они отдыхали от своих трудов. Они сражались четыре дня. Начальник обещал попытаться получить ответ на наше письмо. Шарпене, Морис и я бродили среди солдат, болтали с ними, осматривали их оружие и амуницию. Под конец Шарпене развел руками и воскликнул: «Чего бы я только не сделал с такими парнями, как эти! Если умеешь хоть немного командовать, с ними добьешься, чего угодно». В переполненную комнату один за другим тихонько пробирались все новые солдаты, глаза на нас с молчаливым любопытством...

...Среда, 14 ноября. Бедного Мориса, который вел себя очень беспокойно, я убедил остаться в моей постели. Среди ночи меня разбудил Майони, принесший обратно письмо к Думе, которое Совет возвратил, не доставив адресату. Командир отказался эвакуировать здание, но обещал держать солдат только на первом этаже и стрелять только в случае нападения. У Майони и у меня на этот счет были сомнения, и, опасаясь, что на следующий день будут бои, мы решили обследовать подвал, в который нам, весьма вероятно, придется удалиться. Мы спустились по черной лестнице и выбрали места в подземных проходах. Как только наступил день, большевики бросились вверх и установили пулеметы на крыше и в комнатах 4-го этажа... К середине дня стрельба стала такой ожесточенной, что мы решили переселить постояльцев в подвал. Их спешно повели вниз по спиральной железной лестнице, такой узкой, что двое не могли идти рядом, мимо окон, выходящих в переулок, перед которыми нам, разумеется, пришлось пригибаться. Подвал был длинный, с низким бетонным потолком. С внешней стороны стены были из бревен, в них несколько тяжелых дверей с висячими замками. Как мы вскоре узнали, эти двери вели к складу керосина! Набившись в этот длинный коридор так плотно, что двое не могли разойтись, мы провели там остаток дня. К счастью, подвал освещался электрической лампочкой...

Странная это была картина: в длинном, узком холодном проходе с тусклым освещением, вдоль стен, в тесноте, на стульях, табуретках и досках сидели люди, обернув ноги пледом или пальто, — как на палубе корабля. Хотя наше подземное убежище было сырым и холодным, в нем было относительно тихо. Мы были избавлены от ружейного и пулеметного грохота и обрели то чувство безопасности, которое приходит в результате общения людей друг с другом. Многие жалкие, взвинченные постояльцы воспрянули духом, и я слышал, как наши экспансивные спутники спокойно разговаривают о деньгах, ценностях и финансах. Но для тех из нас, кто чувствовал на себе ответственность, это все же был беспокойный час... К вечеру стрельба вокруг нас ослабла. Однако в направлении Арбата раздавался ожесточенный, непрерывный треск пулеметов и равномерный гул, по-видимому, тяжелых орудий. Где-то, не очень далеко, периодически рвались тяжелые снаряды. Миме сказал, что это, возможно, бьют пушки правительственных войск, которые спешат к нам на помощь. Когда стемнело,

* Так в английском тексте. По-видимому, автор имел в виду, что снаряд был изготовлен во Франции.

к северо-востоку вспыхнуло пламя большого пожара. Пригибаясь перед каждым окном, мы по спиральной лестнице пробрались наверх, в более или менее безопасный угол, и оттуда стали смотреть на пылающее небо, к которому из-за стен соседних домов вздымались языки пламени. Это было ужасное зрелище. Гул тяжелых орудий, отдаленный ружейный и пулеметный грохот; замерший, погруженный в наступающую темноту отель; мерцающий свет пожара вдали.

Среди ночи нас, по крайней мере меня и Миме, разбудил посыльный: доктор возвратился и желает нас видеть. Когда мы выходили из комнаты, Шарпене продолжал спать сном праведника... Доктор с недовольным выражением сидел в маленькой комнатке... Он сказал, что прибыл для того, чтобы задать несколько вопросов. Правда ли, что французская артиллерийская миссия снабжала снарядами юнкеров и оказывала им помощь?

...Утром в четверг, 15-го, большая часть солдат ушла из отеля, но вокруг еще идет частая стрельба, особенно со стороны черного хода и кладовой, и если нам снова придется спускаться в подвал, то это будет трудно сделать... В направлении Арбата продолжалась частая артиллерийская стрельба, вдалеке равномерно громыхали орудия. Со временем даже далекие орудия стали стрелять реже. Все чувствовали, что дело близится к концу. Было ясно, что юнкеров выбили из зданий вокруг отеля и отогнали к Кремлю и что большая часть их опорных пунктов взята сегодня утром. Ночью стрельба совсем прекратилась.

Пятница, 16 ноября. После крепкого сна нашему взору открылась приятная, хотя и странная картина. Подойдя к окнам, мы увидели, что площадь, которая столько дней была безлюдной, теперь запружена пестрой толпой. Повсюду — солдаты, в одиночку и группами, в серых шинелях и смушковых шапках, рабочие, молодые парни, некоторым из которых было трудно дать более 14 лет, с патронташами через плечо и большими винтовками с примкнутыми штыками... В отель тут же повалили друзья постояльцев, среди них — два молодых щеголеватых английских авиатора, которые хотели добраться до Петрограда в автомобиле... По-прежнему никаких вестей от нашего консульства и из Петрограда. Вскоре Миме, Барр²¹ и я вышли из отеля. Миме — в свою миссию, чтобы организовать эвакуацию иностранцев, которые все должны, по его мнению, переехать в Петровский парк и оставаться там на попечении миссии, пока не минует опасность, а Барр и я — на поиски консула...

Сразу же после полудня из французской миссии прибыли три больших грузовика и два-три автомобиля, и все иностранцы — более 40 человек — переехали в Петровский парк. Миме великодушно настаивал, чтобы [из отеля] взяли все, даже огромный ящик с картинами, принадлежащими полковнику Томпсону, которые он послал в Москву, считая, что здесь они будут в целости и сохранности. Перед заходом солнца последним автомобилем мы отъехали от отеля и помчались по людным улицам. Проехать по Тверскому было невозможно: там были баррикады из булыжника. Когда мы ехали по боковым улицам, солдаты и рабочие смотрели на нас с любопытством, иногда с враждебным, недоверчивым видом...

Тверской бульвар все еще занимали солдаты, и несколько пушек, некоторые из которых, вероятно, повинные в повреждении нашего отеля, были нацелены на Кремль. Проехав от центра города около пяти миль, мы прибыли в Петровский парк... Нас устроили удобно — лучшего нельзя было и желать... Никто пока не знал, что происходит или что могло случиться в следующий момент. После наступления темноты в город вошло несколько батальонов русских солдат. Кто они? Что это значило? Когда снова начнутся бои? Время от времени ночью в коридоре раздавалось хлопанье дверей, напоминавшее отдаленный выстрел из орудия, и тогда кое-кто начинал прислушиваться: не начинаются ли опять бои? Но они и в самом деле прекратились.

Суббота, 17-е. Сегодня из Петрограда с письмом ко мне от полковника Томпсона прибыл нарочный... Это был приказ о возвращении — первая весть за две недели. П. и Б.²² беседовали с консулом Саммерсом, которого расстроил наш предстоящий отъезд. В то утро состоялось собрание американцев, и он их заверил, что Красный Крест останется в Москве в качестве опоры, на которую они могут надеяться. Поэтому против моего желания было решено, что П. и Б. должны задержаться на несколько дней. Как нам со своими вещами добраться до Петрограда? Нужно было получить разрешение новых правителей города — Совета рабочих и солдатских депутатов. Это быстро сде-

ляли П. и Б. В воскресенье днем, к нашему искреннему сожалению, мы покинули французских друзей. Их машины отвезли нас на вокзал...

...Вокзал был переполнен; в залах ожидания, на перроне — везде толпились пассажиры, вооруженные рабочие и солдаты; пыль, дым, шум, грязь, суматоха. Солдаты арестовали двух молодых офицеров. Когда их допрашивали, вокруг образовалась толпа. Одного увели, другого освободили. В то время, когда мы сидели за столом в полутемной от дыма комнате ожидания, мимо прошла с растерянным видом просто одетая женщина, которая вопросительно взглянула и затем тепло поприветствовала меня. Это была мадам А. из Петрограда, которая три месяца назад была такой толстой, увешанной бриллиантами и нелепой. Бедная женщина! Опасаясь беспорядков в Петрограде, она укрылась в деревне. Там имение ее разграбили, везде были хаос и анархия. Она бежала в безопасное, как она думала, место — в Москву, но и та встретила ее революцией и гражданской войной. Проторчав два дня на вокзале, она стала искать возможность возвратиться в Петроград.

Поездка в Петроград прошла спокойно, и на следующий день... я выехал в Харбин.

Raymond Robins. A Week in Moscow during the Revolution of November 1917.— State Historical Society of Wisconsin. Madison (Wisc.), USA. Manuscript Section. Raymond Robins Papers. 1917, August—1918, March 15. Box № 13, pp. 1—29.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заголовок документу дан И. М. Красновым. Перевод обоих текстов осуществлен с машинописных копий, содержащих значительное количество пропусков из-за ветхости оригинала. Документы публикуются с некоторыми сокращениями, все даты приведены по новому стилю.

2. Американскую миссию Красного Креста в России возглавляли: профессор медицины Чикагского университета Фрэнк Биллингс (июль — сентябрь 1917 г.), Уильям Томпсон (сентябрь — ноябрь 1917 г.), Раймонд Робинс (ноябрь 1917 г. — 15 мая 1918 г.), А. Уордвелл (16 мая — октябрь 1918 г.).

3. П. П. Батолин принадлежал к числу российских «молодых магнатов», обогатившихся в период первой мировой войны. Его фирмы наряду с фирмами Путилова и Стахеева составляли ядро хлеботоргового концерна, который имел тесные связи с крупными банками страны и был склонен к сотрудничеству с американскими монополиями, с гуверовской Администрацией продовольственной помощи и американской миссией Красного Креста в России.

4. Герберт Гувер в 1917 г. занимал посты администратора Американской продовольственной помощи и члена военного торгового совета США, в 1921—1922 гг. был министром торговли, а в 1929—1933 годы — президентом США.

5. Речь идет о московском Государственном совещании 12—15 (25—28) августа 1917 г., созванном Временным правительством с целью консолидации контрреволюционных сил для борьбы с нараставшим революционным движением. Империалисты союзных стран через своих представителей в России финансировали и направляли это совещание. Р. Робинс допускает грубую ошибку, заявляя, что оно представляло все «социальные слои» и «практически весь русский народ». Делегация от Советов и их Центрального Исполнительного Комитета была представлена лишь меньшевиками и эсерами. Московские рабочие под руководством большевиков в знак протеста ответили на это совещание мощной забастовкой, в которой приняло участие свыше 400 тыс. человек.

6. Московское Государственное Совещание не оправдало надежд контрреволюции. Тогда силы реакции во главе с Корниловым решили прибегнуть к военному заговору, чтобы «уничтожить большевизм».

7. Контрреволюционное выступление во главе с генералом Л. Г. Корниловым началось 25 августа (7 сент.) 1917 года. В течение нескольких дней этот мятеж был подавлен. В ноябре 1917 г. Корнилов бежал на Дон, где возглавил «доброволь-

ческую» белогвардейскую армию, в марте 1918 г. был убит в боях под Екатеринодаром (ныне Краснодар).

8. В. Б. Томпсон — миллионер, крупный акционер ряда фирм, один из директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка и страховой компании «Метрополитэн Лайф Иншуренс Ко».

9. АФТ — Американская федерация труда, крупнейшая в США профсоюзная организация, которую возглавлял тогда Семюэль Гомперс. Руководство АФТ по отношению к Советской стране занимало резко враждебную позицию.

10. Р. Робинс умалчивает о том, что российская крупная буржуазия сознательно обостряла экономические трудности в стране, стараясь голодом удушить пролетариат, поднимавшийся на борьбу за свое освобождение; что в углублении экономического паралича принимала участие англо-франко-американская буржуазия.

11. Здесь под «русскими революционерами» Р. Робинс подразумевает все силы, выступавшие против царизма.

12. Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934), прозванная эсерами «бабушкой русской революции», свою революционную деятельность начала в 1873 г. хождением в народ. После Февральской революции примкнула к правому крылу партии «Воля народа». Рьяно выступала против Великой Октябрьской социалистической революции и большевистской партии. Эмигрировала в США, где призывала американское правительство к вооруженной интервенции против Советской власти.

13. Н. В. Чайковский — один из лидеров правых эсеров, принимал активное участие в борьбе с социалистической революцией. В 1918—1919 гг. возглавлял марionеточное контрреволюционное «архангельское правительство», опиравшееся на поддержку англо-американских интервентов.

14. Е. Е. Лазарев участвовал в революционном движении с 70-х годов XIX в.; один из создателей эсеровской партии. В период первой мировой войны примыкал к оборонцам, сотрудничал в эсеровских органах «За рубежом», «Новости». После Февральской революции выступал как видный член фракции правых эсеров.

15. Утверждение Р. Робинса о том, что Всероссийское демократическое совещание в Петрограде 14—22 сентября (27.IX—5.X.1917) преследовало цель смещения Временного правительства, не соответствует действительности. Совещание было созвано эсерами и меньшевиками, чтобы преградить путь социалистической революции, подменить им предстоявший Всероссийский съезд Советов и поддержать Временное правительство. Большевики приняли участие в этом совещании, чтобы разоблачить меньшевистско-эсеровских соглашателей.

16. Имеется в виду крайне неудачная наступательная операция русских войск на Юго-Западном фронте, начатая в июне 1917 года. За десять дней русская армия потеряла до 60 тыс. солдат и офицеров и вынуждена была отступить.

17. Ныне улица Горького. На месте памятника Скобелеву сейчас стоит памятник Юрию Долгорукому.

18. Иловайский — казачий офицер, переводчик американской миссии Красного Креста.

19. Плотен — член американской миссии Красного Креста.

20. Миме, Шарпене, Морис — члены французской артиллерийской миссии.

21. Барр — капитан, член американской миссии Красного Креста.

22. П., Б., по-видимому — члены американской миссии Красного Креста.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

МАРК КРАСС И ДРУГИЕ

В. А. Лесков

Когда слушатели стали рукоплескать искусной декламации Ясона из города Тралл, в зал вошел полководец Силлак. Сопровождаемый победителями-соратниками, он приблизился к царю Ороду и сказал: «О царь царей! Я принес тебе голову и руку злодея Красса. Он, присланный вероломными римлянами, дерзко посягнул на твои владения и за это заплатил жизнью. Прими, владыка, милостиво ратную добычу от верных воинов!» И Силлак подал царю правую руку Красса, ту руку, которой Красс писал оскорбительные письма, а голову его под радостные крики парфян, пировавших с армянами в их столице г. Артаксате по случаю заключения мира и согласия на брак сына царя Орода Парфянского и сестры царя Артабаза Армянского, швырнул на середину залы. И радостно кричали и рукоплескали гости. И царь, взяв руку Красса и передав ее по кругу гостям, сказал: «Я доволен, мой Силлак!»¹.

В то же время в парфянском городе Селевкии имя Красса, римского триумвира и полководца, замышлявшего покорить Парфию и проникнуть за Индийский океан, подвергалось новому унижению. В честь победы над римлянами через весь город двигалось триумфальное шествие. Впереди, на верблюдах, покачивались трубачи и ликторы. На их секиры были насажены отрубленные головы римлян, а к розгам привязаны кошельки, которые те собирались наполнить парфянским золотом. Позади шли актрисы-гетеры, распевавшие песенки о малодушии Красса и его воинской бездарности. За ними верхом на лошади, одетый в женское платье, тряся похожий на Красса пленный римский солдат. Парфянские воины били его плетью, он морщился от боли и на их вопросы: «Где ты, Красс? Где император?» — выкрикивал, как ему было приказано: «Здесь я! Я — Красс! Я — император!»².

Это событие произошло в 53 г. до н. э. Римская армия была наголову разбита парфянами, а ее предводитель Марк Лициний Красс бесславно погиб. Имя этого человека, нажившего огромные богатства на грабежах и конфискациях, неразборчивого в средствах, беспрдельно честолюбивого и жестокого, стало нарицательным. Оно покрыто в веках несмываемым позором: это он расправился с величайшим в древности восстанием рабов под руководством Спартака; это он неудержимо рвался к власти и усердно служил интересам рабовладельцев Италии. Познакомимся ближе с перипетиями его жизни.

1. Город на семи холмах

Город на семи холмах (так называли Рим его жители) в результате войн объединил вокруг себя всю Италию, а затем (III—II вв. до н. э.) с помощью оружия и дипломатии подчинил обширные территории, на которых расположены современная Греция, Югославия, часть Турции, часть Северной Африки, Испания, южное побережье Франции и острова Сицилия, Сардиния и Корсика.

Римская республика была рабовладельческим государством. Римские рабовладельцы жили за счет эксплуатации завоеванных земель, собственных граждан и особенно рабов — людей, лишенных свободы, имущества, семьи, вообще каких-либо прав. Жизнь рабов — постоянная работа под бдительным надзором надсмотрщиков, по своему про-

¹ Плутарх. Красс. XXXIII.

² Там же. XXXII.

изволу или по приказу хозяев подвергавших их наказаниям, пыткам и даже казни. Рабы трудились в рудниках, мастерских, на полях, на строительстве дворцов, в домах богачей.

Богачи (рабовладельческая аристократия, владевшая обширными землями и значительным числом рабов) составляли в Риме высшее сословие — нобилитет. Из поколения в поколение нобили занимали самые ответственные должности в государстве. В сословие всадников входили богатые, но незнатные люди (с состоянием в 400 тыс. сестерциев). Они занимались торговлей и ростовщичеством, объединялись в товарищества, и в завоеванных землях им, как правило, удавалось брать на откуп налоги³. Уплатив государственной казне установленную сумму платежей, откупные компании взымали с населения покоренных областей немалый процент в свою пользу.

С конца II в. до н. э. всадников, разбогатевших на эксплуатации рудников, добыче угля, смолы, дегтя, соли и на армейских поставках, перестало устраивать их общественное положение; они начали претендовать на политическую власть, являвшуюся ранее привилегией нобилитета. Нобили всячески сопротивлялись этому, заявляя, что «там, где являются откупщики, либо общественное право становится пустым звуком, либо совсем уничтожается свобода союзников»⁴.

Третье, низшее сословие было неоднородно. В него входили крестьяне, владельцы мелких и средних земельных участков, сельские батраки, работавшие за оплату натурой, городское простонародье — плебеи, добывавшие себе пропитание мелочной торговлей, ремеслом, поденной работой в харчевнях, на строительстве, в качестве нищих, воров, прихлебателей богатых людей и др. К этому сословию принадлежали и бывшие рабы, отпущенные на свободу за деньги или за оказанные господам услуги. Являясь лично свободными, вольноотпущенники тем не менее были еще связаны с бывшими хозяевами рядом обязательств экономического и политического характера (определенными денежными платежами, необходимостью подавать за своего патрона голос на выборах, являться к нему утром и вечером с приветствиями, сопровождать его на форум в составе свиты). Большинство вольноотпущенников перебивалось тяжелым трудом. Но были среди них и такие лица, как управители, врачи, музыканты, риторы, актеры, которым удавалось стать даже богатыми людьми.

Жители завоеванных римлянами территорий, так называемых провинций, формально являлись свободными людьми, обязанными платить римскому государству прямые налоги (десятина с урожая, с доходов от ремесел и торговли) и отбывать ряд государственных повинностей (продавать Риму хлеб, снабжать продовольствием и всем необходимым наместников и их войска). Тем не менее с ведома римской администрации провинциалов основательно грабили и порой обращали в рабство.

В первой половине I в. до н. э. Рим — это аристократическая республика, управляемая сенатом, диктующим законы, и консулами — ежегодно сменяемыми чиновниками, облеченными высшей военной и гражданской властью. Ступенью ниже стояли преторы, осуществлявшие по преимуществу судебную власть. Еще ниже находились эдилы, заботившиеся о благоустройстве города, его снабжении, и квесторы, управлявшие римскими, италийскими и провинциальными финансами. Особо важное место в ряду римских администраторов занимали: диктатор (не ограниченный никакими законами правитель государства, назначавшийся сенатом на полгода при тяжелых поражениях на войне или внутренних мятежах, угрожавших гибелью государству), два цензора (они выбирались из бывших консулов и следили за нравами граждан, ведали сдачей откупов и производством общественных работ) и десять народных трибунов (на них возлагалась обязанность охранять права граждан и приостанавливать распоряжения должностных лиц, за исключением цензоров и диктаторов, если таковые шли вразрез с волей народа, высказывавшейся по обычаю в народном собрании).

К I в. до н. э. в Римской республике резко обостряются социальные противоречия: разворачивается ожесточенная борьба вокруг аграрного вопроса, вопроса об уравнении

³ Желая получить как можно больше средств, всадники выпускали специальные паевые облигации (partes) откупных товариществ. Эти облигации пользовались большой популярностью. Масса людей различного общественного положения толпилась на форуме в дни их продажи и внимательно следила за повышением или понижением цен на них.

⁴ Т. Ливий. Римская история. XLV, 18, 3.

в правах нобилитета и всадничества, населения Рима и Италии (так называемый союзнический вопрос) и вопроса о расширении социальной базы рабовладельческой диктатуры для подавления попыток рабов путем восстания свергнуть существующий строй.

Что же представляла собой к началу I в. до н. э. экономика Римской республики? Восточная ее часть, состоявшая из перешедших под власть Рима территорий древних цивилизаций, была наиболее богатой и развитой в хозяйственном отношении; западная же, в первую очередь сама Италия, являлась, как правило, областью потребляющей. Сицилия поставляла Риму хлеб, Греция — статуи, ткани, художественную посуду, Африка — хлеб, драгоценные камни, благовония, слоновую кость, редких животных, Малая Азия — металлические изделия, шерсть, керамику, опытных ремесленников.

В это время приобретает широчайшие масштабы торговля рабами. Их скупают у римских воинов и полководцев, выменивают в зависимых от Рима царствах у царей и местных вождей, покупают у морских разбойников-пиратов. Свою добычу работорговцы с выгодой сбывают в различных местах Средиземноморья. На крупнейшем рынке «живого товара» — о. Делос в Эгейском море — в день продавали по 5—10 тыс. человек. Неквалифицированный раб ценился дешевле вола; рабы-специалисты (управители, архитекторы, ремесленники, животноводы, виноградари и др.) стоили дороже. Основными покупателями рабов в Италии были нобили, отправлявшие их в свои многочисленные имения.

Завоевание провинций, упрочение торговых связей, массовый ввоз рабов и вытеснение их трудом труда свободных привели к новому расслоению населения Италии. Выгоды от торговли и ограбления провинций получали крупные землевладельцы и всадники. Напротив, средние и мелкие землевладельцы, будучи не в состоянии выдерживать конкуренцию с поместьями, основанными на массовом применении даровой рабской силы, разорялись. Древние авторы писали об этом: «Богатые люди, заняв большую часть этой неподделанной земли (так называемого общественного поля. — В. Л.) и вследствие давности захвата, надеясь, что ее у них не отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались целые равнины, латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов, потому что свободных работников отвлекала от работы в латифундии военная служба. Кроме того, и само рабовладение приносило немалый доход, ибо невольники, свободные от воинской повинности, сильно плодились. Таким образом, могущественные люди чрезвычайно богатели, а страна наполнялась рабами. Напротив, число италиков уменьшалось, так как их изнуряли бедность, налоги и военные походы, но и тогда, когда эти тяготы становились несколько легче, италики все же оставались без работы, так как земля принадлежала богачам, которые возделывали ее не с помощью свободных, а руками рабов»⁵. В результате такой деятельности нобилитета росло число недовольных, простой народ совместно с беглыми рабами создавал вооруженные отряды, нападавшие на богатые имения или грабившие на дорогах.

Стихийное объединение рабов и свободных для борьбы с римским рабовладельческим государством наблюдается в Италии со II в. до н. э. Наиболее определенные формы это объединение, послужившее как бы репетицией к грандиозному восстанию рабов под предводительством Спартака (74—71 гг. до н. э.), приняло в Сицилии. Сицилийские восстания рабов возвестили о резком обострении противоречий в Римской республике, которые спустя несколько десятилетий привели к жестоким и кровопролитным войнам, охватившим все государство и потрясшим его до основания. Тогда-то и развернулась деятельность Марка Лициния Красса.

2. Типичный рабовладелец

Родился он в знатной семье в 115 г. до н. э. Отец его был видным политическим деятелем, последовательно прошедшим в Риме все ступени государственных должностей от консула до наместника в Испании и затем цензора. Учился Марк Красс в римской школе, где царила суровая дисциплина. Военную службу он проходил в Испании (там как раз в то время находился его отец). Возвратившись в Рим, молодой Красс

⁵ А п п и а н. Гражданские войны. I, 7.

мечтал сделать блестящую политическую карьеру. Чтобы добиться осуществления своих честолюбивых замыслов, он стал изучать историю и философию. С особым усердием Красс упражнялся в ораторском искусстве, которое пролагало в Риме дорогу к богатству, славе и высшим государственным должностям. Мечтал увидеть сына знаменитым политиком, удачливым полководцем и блестящим триумфатором и Красс-старший. В поисках популярности Марк Красс все более настойчиво включался в жизнь форума. Довольно успешно он проводил свои первые судебные дела, стараясь обратить на себя всеобщее внимание...

А в доме отца он встречался со многими высокопоставленными политическими деятелями. С юных лет он присутствовал при обсуждении злободневных политических вопросов, и уже тогда у него появляется интерес к политике. С особым вниманием Красс-младший слушал Ливия Друза, который, чтобы прекратить острую борьбу между сословиями, в 91 г. предложил перестроить всю государственную систему: в сенат ввести 300 всадников; суд снова сделать сенатским, уравнив таким образом права сенаторов и всадников; предоставить права гражданства римским союзникам. Сенат не поддержал этого законопроекта. Тогда Друз в качестве народного трибуна обратился за помощью к народному собранию и после бурных дебатов почти по всем вопросам одержал победу. В ответ противники Друза устранили его с дороги с помощью убийцы.

Гибель Друза глубоко потрясла Красса. Но еще большую озабоченность вызвала у него начавшаяся кровопролитная союзническая война. Потерпев крах в своих надеждах, союзники (неримские граждане, служившие в легионах) решили добиваться гражданских прав с помощью оружия. Они подняли восстание, объявили о создании нового государства в Италии и обратились за помощью к понтийскому царю Митридату.

Почти два года (90—88 гг.) длилась эта война. В критический момент республику спасла неудачная высадка понтийской армии в Италии. В конце концов борьба привела к тому, что всему свободному населению Италии были предоставлены права римского гражданства. Во время войны, в которой молодой Красс принял участие, погибло много людей, до войны часто бывавших в доме Крассов и на поддержку которых при соискании государственных должностей он рассчитывал. После окончания союзнической войны римляне решили расправиться с Митридатом. Командование в войне с ним желали получить два соперничавших полководца: представитель всадничества Гай Марий и представитель консервативного крыла сената Люций Корнелий Сулла. Марий, опираясь на поддержку армии и популяров — партии городского и сельского римского плебса, провел ряд законов, невыгодных сенату, а за эту услугу народное собрание предоставило ему должность командующего. Но Сулла и его армия не пожелали подчиниться решению народного собрания, пошли на Рим и захватили его. Сулла отменил только что принятые законы, провел другие — в пользу сената, организовал консульские выборы и затем направился с армией на восток.

В его отсутствие марианцы во главе с консулом Цинной пытались отменить вновь установленные порядки, однако были побеждены сторонниками Суллы. Некоторое время спустя бежавшему из Рима Цинне удалось привлечь на свою сторону армию, находившуюся у г. Нолы. Вместе с Марием Цинна взял Рим и устроил резню приверженцев сулланской партии.

Семейство Красса разделило участь многих поверженных сулланцев. Сначала погиб один из братьев Красса, а позже — другой брат и отец. Крассу-младшему, находившемуся в те дни вне Рима, удалось избежать такой участи. Он покидает Италию и в сопровождении трех товарищей и десяти слуг бежит в Испанию. С величайшим трудом пробрался туда 30-летний Красс. Один из знакомых отца, несмотря на опасность, в течение восьми месяцев снабжал Красса и его товарищей, укрывавшихся в приморской пещере, едой и постоянно сообщал им политические новости.

В 84 г. Цинна, готовивший против Суллы экспедицию в Грецию, был убит (Марий умер еще раньше). Это известие сулланская партия встретила ликованием. Тотчас во многих местах ее сторонники начали готовиться к выступлениям против марианцев. Когда Красс узнал, что в Африке видный сторонник Суллы Пий Метелл предпринял активные действия против марианцев, он перебрался к нему, а затем вместе с созданным им отрядом проследовал к Сулле в Грецию. Последний воспользовался подкреплением весьма охотно. В качестве офицера Красс многократно выполнял различные

поручения полководца. В 83 г. вместе с Суллой он вернулся в Италию и принял участие в войне с марианцами. По поручению Суллы он собирал войска и командовал вверенными ему частями. Его ценили, но больших почестей он не добился. Снедаемый завистью, 32-летний Красс всеми силами старался сравняться в славе с 23-летним Гнеем Помпеем, чрезвычайно удачливым полководцем, которому за блестящие победы Сулла присвоил почетное воинское звание «император» (повелитель). Безгранично честолюбивый Красс был уязвлен. Он жаждал власти и влияния. И, когда ему не удалось добиться этого на военном поприще, он сосредоточил свои усилия на другом.

Красс надеялся не только вернуть состояние, конфискованное у его отца марианцами, но и сколотить собственное. Он был крайне неразборчив в средствах. Еще во время боевых действий против марианцев он начал вести деловые операции, накладывая произвольные штрафы, производя разорительные для граждан конфискации и присваивая при удобном случае часть добычи. Особенно развернулся Красс, когда Сулла вступил в Рим и стал беспощадно расправляться с сенаторами-соглашателями (90 человек) и с всадниками (2 600 человек), имущество которых было пущено на продажу с аукциона. Красс принимал активное участие в аукционных торгах. Ему было возвращено родовое имущество на огромную сумму — в 300 талантов (римский талант равнялся 6 тыс. денариев). Чтобы ничего не упустить из семейного добра, он женился на Тертулле, жене одного из его убитых братьев.

Тем временем волна репрессий из Рима распространилась на всю Италию. Разъездные суды, сопровождаемые военными отрядами, всюду выискивали сторонников побежденной партии и беспощадно истребляли их. «Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за просто оказанную услугу или за компанию во время путешествия»⁶. В такой мрачной обстановке худшие черты характера Красса расцветали пышным цветом. Он заставлял включать себя в число первоочередных наследников, запугивал людей и вымогал себе «подарки». Более того, Красс внес в проскрипционные списки тех, кого считал своими личными врагами, несмотря на то, что эти люди были сторонниками Суллы. Подобные действия вынудили Суллу отстранить Красса от ведения общественных дел.

Красс был обижен и считал себя невинно пострадавшим. Он целиком погрузился в коммерческие дела: покупал в Риме доходные дома и, перестроив их, сдавал внаем; в Италии на приобретенных богатых землях устраивал имения и фермы; заводил большие стада скота; скупал молодых рабов, обучал их наиболее выгодным профессиям и также отдавал внаем. С особым размахом Красс действовал в провинциях. Здесь он выгодно эксплуатировал серебряные рудники. Через подставных лиц не брезгал заниматься сомнительными спекуляциями и ростовщичеством. К сорока годам Красс становится самым богатым человеком в Риме. Одной цели он достиг. Но этого ему казалось мало. Честолюбие и властолюбие не дают Крассу покоя. В мечтах он все чаще обращается к политической деятельности. Красс не оставлял и занятий философией, особенно почитал Аристотеля, но утверждал, что ему нравится также и учение стоиков. На вопрос Цицерона: «Почему?» — он отвечал: «За утверждение, что богат, кто добродетелен». «А не за то ли, — смеясь, спросил Цицерон, — что богат тот, кто добродетелен?»⁷. С еще большим рвением Красс занимался совершенствованием в ораторском искусстве. Он часто вел судебные дела. И не было такого дела, которое его смущало бы. В одном из писем Цицерон образно описал, какими средствами сумел Красс оправдать некое лицо, привлеченное к суду. «В течение двух дней при помощи одного раба и... человека из школы гладиаторов он устроил все дело: позвал, посулил, похлопотал, дал. Более того ..., даже ночи определенных женщин и доступ к знатым юношам были в полной мере к услугам некоторых судей в виде прибавки к оплате»⁸. Красс старательно добивался расположения сограждан приветливостью и доступностью, умением узнавать в лицо всякого римского гражданина, называя его непременно по имени. Он охотно давал обеды и в поисках популярности приглашал на них влиятельных людей из рядов плебса. Нарочитой простотой, радушием, обходительностью этот ловкий

⁶ Там же. I, 95.

⁷ Плутарх. Цицерон, 25.

⁸ Цицерон. Письмо к Аттику. I, 16, 5.

политик пытался склонить в Риме на свою сторону нужных ему людей. Особенно широко открывал он двери своего дома для знатной молодежи. Не отказывал этот богатейший человек никому и в денежных ссудах (разумеется, не без процентов).

В 74 г. в Италии началось грандиозное восстание рабов, получившее у современников название «войны Спартака». Спартак, фракийский офицер римских вспомогательных войск, покинувший их ряды и партизанивший в горах Фракии, а затем ставший политическим эмигрантом, сумел подняться до положения выдающегося полководца у понтийского царя Митридата⁹. Участник первой митридатовой войны, он попал к римлянам в плен и был продан в рабство. Получив от своего хозяина свободу, воевал в составе марианских войск против Суллы. Когда последний взял верх над марианцами, Спартак вновь был продан в рабство, бежал, партизанил в пределах Италии, вновь был пойман и, обвиненный сулланским судом в дезертирстве, продан в гладиаторы. Человек неукротимый и гордый, Спартак не примирился со своей судьбой. С товарищами по гладиаторской школе в Капуе он составил заговор, намереваясь силой добиться освобождения и возобновить против Рима вооруженную борьбу.

В результате доноса заговор был раскрыт, Спартак и его товарищи с боем вырвались из школы и бежали на Везувий. В короткий срок Спартак создал исключительно сильную и дисциплинированную армию, нанес поражения большому числу римских военачальников, прошел всю Италию до р. По, а потом повернул на Рим.

Восстание рабов под руководством Спартака привело в движение все слои населения. Особенно волновались за судьбу своих имений нобили. Четыре партии в сенате — консервативная (бывшие сулланцы), Помпея, Красса и Цетег, бывшего марианца, прощенного Суллой, претора 74 г., — боролись между собой за консульские должности, за пост главнокомандующего в войне со Спартаком. Консервативные элементы старались удержать власть в своих руках. Помпеянцы настаивали на вызове Помпея из Испании, где он безуспешно боролся с Серторием, последним оплотом марианской партии. Красс, раздраженный большими финансовыми потерями (их принесли успешные действия спартаковских войск), боясь дальнейшего усиления Гнея Помпея и еще больше опасаясь успеха восставших рабов, пытался провести среднее решение: склонить большинство сената к амнистии Сертория и к передаче ему командования в войне со Спартаком¹⁰.

Однако убийство Сертория разрушило планы Красса и развязало руки Г. Помпею. Оставив в Испании Пия Метелла с войском, он со своей армией поспешил в Италию. Такой оборот событий ни в коей мере не устраивал Красса. Его неутоленное честолюбие, боязнь понести еще больший материальный ущерб от восстания рабов побудили Красса, который был в то время претором, взять ведение войны с восставшими рабами на себя. Не без значительного ущерба для армии, уже неоднократно битой, Крассу удалось предотвратить поход восставших на Рим. Правда, задержать их он не смог. Спартак вновь ушел на юг, пытаясь наладить связь с рабами Сицилии и поднять на острове повстанческую войну. Красс тоже переправил туда несколько легионов.

Между армиями Спартака и Красса произошло два жестоких сражения. В одном было уничтожено 12,5 тыс. повстанцев, в другом победил Спартак. Он обратил в бегство отряды претора Аррия и квестора Скрофы, которые понесли огромные потери. Чаша весов колебалась, и Красс не мог пока заявить, что он берет верх. Поэтому было решено отправить к нему на помощь двух полководцев — Помпея, а также Марка Лукулла из Фракии.

Несмотря на попеременно одержанные победы, каждая из сторон считала общее положение для себя невыгодным. Красс хотел расправиться со Спартаком еще до прихода Помпея, приобретшего в Риме диктатуру и спешившего на юг Италии, чтобы отнять у Красса командование. Но Помпей находился на расстоянии всего 30 км и тоже торопился снискать возможные лавры. Он принял участие в преследовании отступавших с поля боя частей Каста и Ганника, двух видных командиров Спартака (оба по-

⁹ Это в целом совпадает с мнением А. В. Мишулина: «Спартак во главе фракийских племен был на стороне Митридата»; «Спартак был наемником в его (Митридата) войсках и воевал против Рима» (ВДИ, 1937, № 1, стр. 187). Сходное мнение высказывает В. Н. Дьяков («История древнего мира». Учебник для педагогических институтов. Под редакцией В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. М. 1956, стр. 560).

¹⁰ Плутарх. Серторий, XXVII.

гибли в бою), и уничтожил отряд одного из них. Кроме того, неподалеку, в Брундизии, находился уже и Лукулл. Заняв порт, он не давал Спартаку возможности прорваться со всей армией в Сицилию. Хотя положение Спартака было трудным, он и не думал о сдаче. Искусно сбив Помпея со следа и направив его в сторону Рима, славный борец за свободу занял выгодную позицию и вызвал Красса на последнюю битву. Красс вынужден был вступить в бой с ходу, не имея лагеря, и проиграл бы сражение, если бы не подошедшая вовремя конница Помпея¹¹. Это обстоятельство дало возможность Плутарху сказать: «Я не хвалю Красса, который во время Спартаковской войны торопился дать решительное сражение, забывая об осторожности. Однако его толкало на это честолюбивое опасение, как бы не подоспел Помпей и не лишил его славы»¹². Исход конного боя с помпейцами (сам Спартак в нем погиб) решил судьбу сражения. Повстанцы отступили с поля битвы.

После ряда дополнительных экспедиций против уцелевшей части повстанческой армии война с восставшими рабами летом 71 г. закончилась. Вдоль дороги между Римом и Капуей было распято на крестах до 6 тыс. человек. Помпей и Красс, полные взаимной ненависти, расположились с войсками у стен Рима. В награду за подавление восстания рабов они требовали себе, а не покорно просили, как следовало, консульства и триумфа. Сенат вынужден был согласиться. В декабре 71 г. полководцы отпраздновали триумф. Помпей вместе с Пием Метеллом, сопровождаемые войском, въехали в Рим на почетных колесницах и принесли на Капитолии благодарственные жертвы Юпитеру. Так Помпей и Метелл справили «большой» конный триумф. Крассу же, как ни страдало его самолюбие, пришлось довольствоваться «малым», пешим триумфом. Восстание Спартака так напугало господствующие классы, что нобили и всадники в какой-то мере консолидировались, а Помпей и Красс на 70-й год оба были выбраны консулами. Они вынуждены были пойти навстречу желанию населения Италии, в первую очередь большинства господствующего класса, для которого стала ясна неэффективность сулланского режима, опиравшегося на силу одного нобилитета. Полководцы-триумфаторы отменили введенную Суллой в 82 г. конституцию, обеспечивавшую безраздельное господство нобилитета; реформировали суд, восстановив в полном объеме власть народных трибунов и цензоров. После окончания срока консульства соперники не захотели ехать наместниками в провинции. Помпей объявил о своем уходе в частную жизнь. Красс же вновь вернулся к ведению коммерческих дел и внимательно наблюдал за своим соперником.

В 67 г. стране угрожал голод. Помпей добился чрезвычайных полномочий для борьбы с морскими разбойниками-пиратами, грабившими суда с хлебными грузами, облагавшими контрибуциями острова и города, похищавшими с южноиталийских курортов римскую знать. С помощью оружия и дипломатии он быстро очистил от пиратов Средиземноморье, разрушив и захватив порты и города, служившие для последних опорными базами. Цены на хлеб сразу упали. В результате этой победы Помпею были вручены чрезвычайные полномочия для войны с Митридатом и его союзником армянским царем Тиграном. Помпей нанес поражение Митридату, заставил сдаться Тиграна, принудил племена Закавказья признать зависимость от Рима, уничтожил независимость Иудеи. В 62 г., устроив дела в новых провинциях, Помпей с войском отправился в Италию.

Опасаясь возвышения Помпея, его противники, в первую очередь Красс, не стеснялись в средствах. Пользуясь ослаблением связей Помпея с римскими гражданами, боявшимися увидеть в его лице нового диктатора, Красс стал усиленно ухаживать за римским народом. Из всех сил он старался добыть себе чрезвычайное назначение и войско. Перед взором самого богатого в Риме человека все время стояла заветная цель: власть, не делимая ни с кем, власть, равная монархической¹³.

Но все проекты Красса (о предоставлении римского гражданства населению Трансальпийской Галлии, о завоевании Египта) лопались как мыльные пузыри. Тогда

¹¹ Есть также основания считать, что Красса, близкого к проигрышу сражения, поддержала сначала конница Лукулла, а уж затем Помпея.

¹² Плутарх. Красс. Сопоставление. XXXVI (III).

¹³ На этот счет у современников не было заблуждений. М. Катон говорил, что Помпею и Крассу «нужна не консульская власть, а тирания» (Плутарх. Красс. XV). Такого же мнения придерживался и Цицерон.

он решил свергнуть власть помпеянцев с помощью разраставшегося движения римских граждан. Красс отнюдь не радел за народ. Для него борьба за благо народа была лишь удобной ширмой, под прикрытием которой он стремился осуществить свои планы и удовлетворить собственное честолюбие и жажду власти.

3. В борьбе за личную власть

Большинство населения Италии требовало кассации долгов; чистки сената от помпеянцев; перераспределения государственных должностей, имущества и земель; наделения земель обезземеленного крестьянства; уничтожения ростовщичества; восстановления бесплатной раздачи хлеба; ликвидации ограничений в правах вольноотпущенников и др. Руководство этим движением попытался взять в свои руки Люций Сергий Катилина, талантливый офицер, приверженец Суллы, безуспешно добивавшийся консульства. Ему Красс оказывал негласную поддержку. Приведенные выше требования были предъявлены Помпею. В ответ в Рим полетело письмо с указанием Цицерону, исполнявшему обязанности консула, любой ценой провалить Катилину на консульских выборах¹⁴.

Великий оратор путем шлионажа, ложных обвинений и провокаций сумел взять верх над Катилиной и сенатским декретом изгнать его из города. Катилина отправился в Этрурию, где находился центр упомянутого движения и собирались силы для вооруженной борьбы. В ответ Цицерон объявил отечество в опасности и направил войска против Катилины. Тем временем соратники Катилины лихорадочно готовили в Риме переворот. Цицерону удалось арестовать руководителей заговора¹⁵ и казнить их. В ожесточенной битве в 62 г. армия Катилины потерпела поражение. Сам Катилина с большинством своих товарищей погиб.

Неудачный исход задуманного предприятия, обнародование сведений о связях Красса с Катилиной скомпрометировали первого. Красса обвиняли (и не без основания) в том, что он брал взятки за свои выступления в сенате, укрывал от наказания преступников, оскорблял друзей и легко бросал их в трудную минуту, заискивал перед богатыми женщинами в расчете на наследство. Красс, разумеется, отрицал выдвинутые против него обвинения. Считая дело проигранным, он решил временно отойти от политики.

Во второй половине 62 г. с востока вернулся Помпей. Вопреки опасениям своих врагов, по прибытии в Брундизий он распустил войско. В сентябре 61 г. за свои блестящие восточные победы он отпраздновал третий триумф. Однако, опасаясь его диктаторских поползновений, сенат не разрешил ему искать консульства, не утвердил все его распоряжения на востоке, не дал земли его ветеранам.

Раздраженный этим, Помпей стал подумывать о новом соглашении с Крассом. На роль посредника Помпей наметил Цезаря, находившегося в Испании после претуры. Чтобы подготовить последнего, Помпей обратился за помощью к Цицерону, который стал усиленно штурмовать Цезаря письмами. Через некоторое время великий оратор писал: «Цезарь намерен во всем следовать советам моим и Помпея и приложить старания к тому, чтобы Красс сблизился с Помпеем»¹⁶.

Цезарь выполнил обещание и помирил Красса с Помпеем. Бывшие противники поклялись друг другу в вечной дружбе¹⁷ и составили тайный план захвата власти в республике. Оппозиционные силы в сенате встретили властолюбивые притязания новых сотоварищей с нескрываемой враждебностью. Но реальных возможностей воспрепятствовать возникновению этого союза у них не было, и им пришлось ограничиться ядовитыми памфлетами.

¹⁴ Цицерон долгое время был помпеянцем и в период консульства выполнял директивы Помпея. Вместе с тем Цицерон во время консульства стал стремиться к политической самостоятельности и в силу этого наносил ущерб политическим интересам Помпея.

¹⁵ Цицерон не тронул Красса, а также Цезаря, служившего ему для сношений с другими руководителями заговора.

¹⁶ Цицерон. Письмо к Аттику. II, 3, 3.

¹⁷ Дион Кассий. Римская история. XXXVII, 57.

Совместными усилиями Помпея и Красса Цезарь стал консулом на 59 год. Вступив в должность, Цезарь с помощью солдат Помпея провел через народное собрание ряд законов, выгодных триумвирату, добился утверждения «восточных распоряжений» Помпея и снижения сумм откупных платежей в Азии (желание Красса). За эти услуги коллеги по триумвирату устроили Цезарю выгодное пятилетнее наместничество в Цизальпинской Галлии и Иллирии с широкими полномочиями. Позже к этим провинциям была добавлена Трансальпинская Галлия. Красс рассчитывал с помощью Цезаря, своего давнего агента, образовать в Галлии сильную армию, чтобы иметь противовес в случае возможных притязаний Помпея на чрезмерное сосредоточение власти в его руках. Ему удалось убедить Помпея и Цезаря, что необходимо убрать с политической арены Цицерона, о позиции которого во время заговора Катилины Красс не мог забыть.

После этого Цезарь отбыл в Галлию, в течение двух лет покорил эту страну и получил богатейшую добычу. Тем временем два его союзника непрерывно ссорились между собой. Помпей с подозрением смотрел на усиление влияния своего соперника, на его переписку с Цезарем. Не доверяя своему союзнику, Помпей попытался возобновить отношения с консервативными партиями сената (группы Катулла и Катона). С этой целью он помог возвращению Цицерона из изгнания. Но последнему не удалась роль примирителя. Консервативные элементы не были склонны так легко идти на примирение.

С тревогой следил Цезарь за римскими делами. Разлад в триумвирате внушал глубокие опасения. Усиленно ходатайствуя перед обеими сторонами за новый союз, он сумел убедить их устроить общее свидание. В апреле 56 г. в Лукке было заключено новое соглашение, по которому полномочия Цезаря в Галлии предполагалось продлить на пять лет, Помпея и Красса провести в консулы (на 55 г.), а затем устроить обоим на пять лет выгодные правления в провинциях: Помпею — в Испании, Крассу — в Сирии. При этом имелось в виду, что по прибытии в Сирию Красс без всякой санкции сената или народного собрания, исключительно на свой страх и риск, начнет войну с парфянами.

Новое соглашение триумвиры стали энергично претворять в жизнь. С помощью подкупов и используя солдат Цезаря, устроивших в народном собрании резню, Красс и Помпей провели самих себя в консулы. Особенно отличился при этом Красс. Он бесцеремонно убирал со своего пути соперников. Более того, в споре с одним из противников, Л. Аннием, полез в драку (в 59 лет!), ударом кулака разбил ему в кровь лицо и выгнал из народного собрания, провозжая отборной бранью¹⁸. И вот власть Цезаря в Галлии была продлена на пять лет, Помпей получил в свое распоряжение Испанию, Красс — Сирию.

Как свидетельствует Плутарх, Красс «не мог скрыть своей радости, считая, что более блестящей удачи, чем на этот раз, у него еще не было. Перед народом и посторонними он еще как-то себя сдерживал, но среди близких ему людей говорил много пустого и ребяческого, не соответствующего ни его возрасту, ни характеру, ибо вообще-то он вовсе не был хвастуном и гордецом. Но тогда, возгордясь безмерно и утратив рассудок, уже не Сирией и не парфянами ограничивал он поле своих успехов, называл детскими забавами походы Лукулла против Тиграна и Помпея против Митридата, и мечты его простирались до бактрийцев, индийцев и до моря, за ними лежащего».¹⁹ Крассу казалось, что он, как никогда, близок к своей цели. Он мечтал стяжать себе славу и на военном поприще.

¹⁸ Красс не отрицал, что «пришел к консульству путем насилия, наняв людей, которые покушались на Катона и Домиция» (Домиций Агенобарб, член партии Катона, тоже претендовал на консульство). Плутарх. Красс. Сопоставление. XXXV (II).

¹⁹ Плутарх. Красс. XVI. Истории Парфии посвящено ныне немало интересных страниц в трудах зарубежных и советских историков: J. Sykes. History of Persia. Vol. I. L. 1921; A. V. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen. 1888; Н. В. Пигулевская. История Ирана с древнейших времен. М. 1958; М. А. Массон. Очерки истории Парфии. «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции». Т. 5. Ашхабад. 1956; М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М. 1952; М. М. Дьяконов. Очерки по истории древнего Ирана. М. 1961; А. Г. Бокшанин. Парфия и Рим. Чч. 1—2. М. 1960—1966; Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М. 1966.

В свое последнее консульство Красс сравнительно мало занимался делами, не связанными с Восточным походом. Он свертывал свои коммерческие операции. Когда Красс произвел оценку собственного состояния, выяснилось, что за 27 лет он увеличил его с 300 почти до 8 000 талантов. Несмотря на алчность и крайнюю расчетливость, Красс в надежде укрепить свои позиции в народе и снискать популярность пошел на пожертвование римским гражданам $\frac{1}{10}$ части своего состояния. Игра стоила свеч. Речь шла о единоличной власти! Красс энергично готовился к Восточному походу: вербовал офицеров и солдат, готовил корабли, продовольствие, оружие и амуницию. В его армии насчитывалось 48 тыс. легионеров и 2 400 кавалеристов. Кроме того, союзники обязались поставить 7 200 кавалеристов и 48 тыс. пехотинцев²⁰. После долгих обсуждений Красс подобрал командиров и военных трибунов для армии.

Накануне похода он решил помириться с бывшими врагами. Не без труда ему удалось склонить к тому Цицерона. Цицерон рассказывал, что во время обеда, устроенного по этому поводу, вспоминали прошлое, винились взаимно в ошибках. Цицерон интересовался предстоящим походом и недоумевал, как сможет Красс содержать такое огромное войско, не получая содержания от сената. Соперник Помпея, улыбаясь, отвечал, что нельзя признавать за первое лицо в государстве того, кто не может содержать целое войско на собственные средства²¹. Расставались внешне умиротворенными.

В середине ноября 55 г. Красс отправился в поход на Парфию. С трудом ему удалось переправиться через море. Попав в бурю, он потерял много кораблей и людей. Столь неудачное начало похода не обескуражило его. Он благополучно прошел далее через Эпир, Македонию, Фракию и Малую Азию, а весной 54 г. прибыл в Сирию²². Там принял дела у наместника, уезжавшего в Рим, и приступил со своими соратниками к обсуждению возможных вариантов кампании. Предстояло разрешить три главных вопроса: нужно ли немедленно собрать вспомогательные войска и конницу и обучить их; как осуществить дипломатическую подготовку похода; какое время выбрать для похода и какой наметить маршрут.

По всем вопросам обнаружились серьезные разногласия. Квестор Кассий (от Катона он получил директиву отнять у Красса войско) требовал немедленно начать сбор вспомогательных войск и провести их тщательное обучение. Это требование нарушало планы Красса. Замышляя поход без санкций народного собрания и сената, он не получил от них денег и содержал армию на собственные средства. Поэтому ему было вовсе не безразлично, платить жалованье до начала похода 46-тысячному (42 тыс. пехоты и 4 тыс. италийской конницы) или 100-тысячному войску (46 тыс. войска из Италии, 42 тыс. союзной пехоты и 12 тыс. союзной конницы, которой по обычаю полагалось быть в три раза больше римской). Желая сэкономить, Красс вместо 42 тыс. человек союзной пехоты набрал только 4 тыс., а 12 тыс. кавалеристов из числа союзников решил заменить 1 тыс. сирийской конницы, приданной двум сирийским легионам, находившимся в местных гарнизонах.

Резкие расхождения обнаружились и в вопросе дипломатической подготовки предстоявшей войны. Красс считал необходимым игнорировать парфян и не находил нужным искать предлога для объявления войны. Он полагал, что следует взять пример с действий Цезаря в Галлии и не заботиться о формальностях, так как «победителей не судят». Разошлись мнения и по третьему вопросу. Кассий высказывался за начало войны не в июне—августе, а в декабре, когда спадет жара, и предлагал держать путь через гористую Армению: там можно соединиться с армянской конницей, а попытки парфянской кавалерии напасть на них среди теснин будут крайне затруднены. И по третьему вопросу Красс не поддержал точку зрения квестора, потому что каждый лишний день, проведенный в лагере, стоил Крассу огромных денег. Многие офицеры присоединились, впрочем, к мнению квестора. Тогда было принято компромиссное решение: отложить поход до октября; вопрос о маршруте подлежал дальнейшему обсуждению. Из Рима в лагерь Красса поступали тревожные вести о том, что его действиями многие недовольны. Обстановка требовала решительных акций. К тому же сторонники Помпея

²⁰ Полибий. Всеобщая история. VI, 20, 9; 26, 7.

²¹ Цицерон. Об обязанностях. I, 25.

²² О политической обстановке в Парфии см.: А. Г. Бокщанин. Указ. соч. Ч. 2, стр. 42—44.

в связи с поражением части войск Цезаря в Галлии и угрожавшим там всеобщим галльским восстанием стали говорить о необходимости диктатуры для Помпея, который один может спасти государство в критических обстоятельствах. В октябре 54 г. Красс созвал совещание, после которого ему пришлось отложить начало кампании до конца года.

За семь дней до начала Нового года армия Красса двинулась на восток. Вечером 31 декабря римляне навели через Евфрат мост и без объявления войны начали переправу на парфянскую территорию. Парфянские дозоры и гарнизоны были захвачены врасплох. Почти без сопротивления римляне занимали расположенные по Евфрату города. Войска Красса двигались на юг, в сторону Селевкии. Все, казалось бы, шло хорошо. Красс уже мысленно подсчитывал предполагаемые барыши. Однако жители г. Зенодотии, раздраженные грабежами римлян, внезапно перебили римский отряд. Получив о том известие, Красс немедленно обрушился на город всей армией, взял его приступом, разграбил, а жителей продал в рабство. За одержанную «победу» полководец благосклонно позволил солдатам провозгласить себя императором.

Весть о присвоении Крассу почетного титула насмешила его противников. Повсюду говорили, что, удовлетворившись столь малой победой, он показал, что у него нет надежды совершить что-либо большее. Дальнейшее продвижение армии по Евфрату на юг из-за недостаточной организованности войск было приостановлено, а затем последовало ее возвращение в Сирию, в лагерь под Антиохией. Так закончился первый поход Красса за Евфрат. В течение месяца армия проделала туда и обратно путь более чем в 700 километров. В важнейших парфянских городах (Карры, Ихны, Никефорий и др.) Красс оставил гарнизоны общей численностью в 7 тыс. человек пехоты и 1 тыс. конницы.

4. Римская коса и парфянский камень

Теперь Красс был озабочен тем, что затянувшийся поход причинит ему значительный материальный ущерб. Он лихорадочно искал выход и нашел способ возместить убытки. Красс предписывал городам и правителям производить набор воинов в его армию и в то же время через своих агентов советовал откупаться от воинской повинности. Сразу же со всех сторон в его казну потекли деньги. Кроме того, он установил в свою пользу особые пошлины с городских доходов и наложил руку на сокровища богини Деркеты в г. Гиерополе и богатства Иерусалимского храма. При этом Красс, боясь обмана, лично взвешивал поступающие сокровища, забыв о своих функциях военачальника.

Пока Красс набивал карманы, парфяне перешли в наступление. Парфянскому царю Ороду хотелось поладить с римлянами миром, но его 29-летний визирь Сурена был другого мнения и сумел убедить повелителя страны поступить иначе. Сурена благодаря шпионам знал обстановку в Риме, в Галлии и Сирии и предлагал напасть на римлян в самые жаркие месяцы. Он считал, что римляне не смогут как следует изготавиться к войне и для них будут тяжелы непривычные климатические условия. Цезарь, занятый восстанием в Галлии, весьма вероятно, не захочет помочь Крассу. Царь согласился и взял на себя войну с армянским царем Артабазом, союзником римлян, а Сурена в мае 53 г. двинулся к Евфрату, в сторону римской границы.

Вскоре от парфян к Крассу прибыли послы, которые заявили: «Если войско послано римским народом, то война будет жестокой и непримиримой, если же, как слышно, Красс поднял на парфян оружие и захватил их земли не по воле отечества, а ради собственной выгоды, то Арсак (имеется в виду парфянская династия Аршакидов. — В. Л.) воздерживается от войны и, снисходя к годам Красса, отпускает римлянам их солдат, которые находятся скорее под стражей, чем на сторожевой службе». Когда же Красс стал хвастаться, что даст ответ в Селевкии, старший из послов, Вагиз, засмеялся и, показав ему на обращенную вверх ладонь, ответил: «Скорее тут вырастут волосы, Красс, чем ты увидишь Селевкию»²³. Послы отбыли, а Красс стал спешно готовиться к походу. Он не знал о действиях Сурены. Поэтому для него было неожиданностью появление римских солдат, бежавших из гарнизонов. Они при-

²³ Плутарх. Красс. XVIII.

несли весть, что несметные полчища парфян отбили уже некоторые города и никому не дают пощады.

На совете военачальников было решено вновь идти в Месопотамию, на выручку римским гарнизонам. Во второй раз войска Красса перешли Евфрат у г. Зевгмы. В Сирии он оставил 3 тыс. человек пехоты, в поход же направились 7 легионов (42 тыс. человек), 4 тыс. человек вспомогательной пехоты и кавалерия. После переправы через Евфрат Кассий предлагал идти вдоль реки на север, увлекая врага за собой в сторону Армении. При таком маршруте, утверждал он, солдаты не столь сильно страдали бы от жары и жажды, облегчалось бы снабжение, снижалась возможность обхода со стороны парфян. Сын Красса Публий, которого поддерживали другие командиры конницы, соратники по галльским походам, предлагал преследовать врага без усталости, никуда не уклоняясь в сторону. Публия поддержал и арабский владетель Озроены (область в Северо-Западной Месопотамии) Абгар. Некогда он служил у Помпея и считался союзником римлян. Красс, думавший сначала наступать на Селевкию, под влиянием уговоров сына, его друзей и Абгара отказался от этого плана²⁴.

И вот войско Красса двинулось по следам уходивших парфян. «Воины, — свидетельствовал Плутарх, — не только изнемогали от жары и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни ручья, ни куста, ни горного склона, ни зеленеющих трав — их взорам представлялись морю подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон»²⁵. К тому же от армянского царя Артабазы пришло известие, что он, теснимый войсками Орода, не может выслать Крассу обещанной конницы. Дальнейшее развитие событий обнаружило измену Абгара. Войску Красса надо было поскорее выбраться из ловушки, и оно начало отступать назад к Евфрату. Крайняя поспешность, тяготы пути, плохая организация марша (тут-то и обнаружилось отсутствие боевого опыта у большинства офицеров) привели к разрыву колонны на несколько частей²⁶. Впереди во главе с Крассом (с ним находились его сын и Кассий) оказалось 28 800 человек тяжелой пехоты, часть войск союзников и около 3 тыс. конницы. Другая, меньшая часть армии (17 200 человек тяжелой пехоты, часть союзнической армии и около тысячи конницы) под командой легатов осталась далеко позади.

Сурена, поручив Силлаку уничтожить отставшую часть римского войска, ждал, когда Красс со своими частями выйдет на равнину. Выбрав удачный момент, многочисленная парфянская кавалерия устремилась на врага. Конные разведчики Красса, шедшие впереди колонны, были перебиты. Спасшиеся принесли известие о приближении парфян.

Красс был убежден, что неприятель находится позади. Среди общего замешательства он начал строить войска в боевой порядок, намереваясь растянуть легионы в одну боевую линию с возможно большим протяжением по равнине, чтобы предупредить обход своего войска парфянами. В это время обнаружилось, что почти половина римского войска отстала в пути. Пришлось строить оставшихся людей в каре по 12 когорт (то есть по 7 200 человек) на каждой стороне, протяженность которой равнялась 3,6 километра. Красс, придав каждой из сторон по отряду конницы и легкой пехоты, стал в центре войска; командование одним флангом вверил сыну, другим — Кассию.

В таком порядке войско достигло небольшой речки Балисс. Кассий настаивал на длительном привале, обстоятельной рекогносцировке и возобновлении марша утром следующего дня. Красс, получив жестокий урок, колебался. Но Публий советовал отцу дать бой немедленно. Его поддержали офицеры галльской конницы. Красс

²⁴ Дион Кассий. Римская история. XL, 22.

²⁵ Плутарх. Красс. XXII.

²⁶ Об этой опасности говорилось во всех древних учебниках военного дела. Так, Вегетий в «Кратком изложении военного дела» (III, 6) писал: «Особенно следует избегать, как бы по небрежности, когда одни торопятся идти вперед, а другие движутся медленнее, чтобы не произошел разрыв строя или по меньшей мере его утоньшение: ведь враги не замедлят ворваться в эти промежутки. Поэтому должны быть назначены очень опытные экзерцирмейстеры, заместители или сами трибуны, которые задерживали бы более скорых и побуждали двигаться скорее тех, кто идет чересчур лениво. Ведь те, которые далеко ушли вперед, в случае нападения предпочитают бежать, а не возвращаться назад. Те же, которые оказались далеко позади, покинутые своими, побеждаются и силою врагов и своим отчаянием».

согласился с их доводами и, не дав людям как следует утолить голод и жажду, вновь повел войска на врага.

Первая, лобовая атака тяжелой конницы парфян, вооруженной копьями, была отбита. Ответную атаку римлян парфяне встретили тучей стрел и заставили их отойти. Убедившись, что с налета врагов не взять, Сурена выдвинул вперед лучников и приказал им обойти римские войска с флангов, не прекращая интенсивного обстрела. Главный удар при этом он обратил на юного Н. Красса. Очень скоро положение римлян стало бедственным: «Оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнивать условия боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы»²⁷. Красс приказал Публию сделать новую вылазку, пока парфяне не обошли его войска. Публий поспешил выполнить приказ. Парфяне, однако, боя не приняли и начали отступать. Считая, что они в панике бегут, молодой Красс во главе отряда из 1 300 всадников, 500 лучников и 4 800 легионеров устремился за ними в погоню. На это Сурена и рассчитывал. Отряд Публия был завлечен в засаду и уничтожен. Насадив на копья головы побежденных, парфяне с 500 пленными, ликуя, поспешили назад.

А Красс, не ведая о случившемся, отвел оставшееся войско на ближайшую возвышенность. Вскоре, вслед за вестью о гибели сына и его отряда, пришло известие о том, что парфяне подступили к месту стоянки войск Красса — в 30 км от г. Карры²⁸. До темноты они обстреливали римские ряды и пытались опрокинуть их с помощью тяжелой конницы. Не выдержав испытаний, Красс впал в состояние прострации и объявил о сложении с себя командования, которое передавалось лицу, старшему за ним по званию, — Октавию. Участники созванного тотчас военного совета решили немедленно возвратиться в Карры, а оттуда, приведя в порядок потрепанные части, — в Сирию. Из-за ночной темноты парфяне не преследовали римлян. Но на рассвете они завладели местом стоянки, перебили около 4 тыс. оставленных там раненых и, поделив добычу, устремились за убегающим противником. Римляне отходили в беспорядке. Четыре когорты (2 400 человек) сбились с дороги и были уничтожены парфянами. С большим трудом римская армия добралась до Карр, где Красс заявил, что он возвращается к исполнению своих обязанностей и с войсками идет в Армению.

Тем временем Сурена предлагал мир. В качестве гарантии соблюдения его он требовал выдачи Красса и Кассия в оковах. На такое требование Красс считал возможным дать только один ответ: скорей в Армению! Хотя часть приближенных Красса (Октавий и Кассий с единомышленниками) считала необходимым отступление в Сирию, он продолжал упрямо настаивать на своем. В ночь на 12 июня 53 г. римская армия покинула Карры и двинулась в дорогу, себе на погибель. Из-за предательства проводника Красс был заведен в болотистую местность, а его отряды порознь перебиты парфянами. Потери Красса составляли около 16 тыс. человек. С небольшим отрядом (2 400 человек, около 30 всадников и 5 ликторов) сам Красс был атакован врагом. Октавий со своими людьми устремился к нему на выручку²⁹.

Совместными усилиями оба отряда отбросили парфян. Тогда Сурена пошел на хитрость. Он предложил мирные переговоры, обещая римлянам взамен свободное отступление. Красс согласился на это предложение и, сопровождаемый легатом Октавием, несколькими военными трибунами и всадниками, вышел навстречу парфянским военачальникам. По знаку Сурены ему в качестве подарка подвели коня: на нем должен был ехать римский полководец для подписания мирного договора. Конюхи подхватили Красса под руки и, усадив, стали подгонять лошадь, явно намереваясь взять полководца в плен. Соратники Красса, выхватив спрятанное под одеждой

²⁷ Плутарх. Красс. XXIV.

²⁸ Сражение при Каррах нашло отражение в значительном количестве трудов историков. См. например, Н. С. Голицын. Всеобщая военная история древних времен. Ч. 3. СПб. 1874; Е. А. Разин. История военного искусства. Т. 1. М. 1955; P. Smith. Die Schlacht bei Carrhae. «Historische Zeitschrift», Bd. CXV, 1916; Pr. Lammert. Die römische Taktik zu Beginn der Kaiserzeit und die Geschichtsschreibung. «Philologus». Supplementum. Bd. XXIII, Teil 2. Leipzig. 1933.

²⁹ Плутарх. Красс. XXIX.

оружие, бросились спасать его. В последовавшей вслед за тем схватке большинство римлян погибло ³⁰.

Все было кончено. На предложение Сурены сдаться часть римлян тут же сложила оружие. Другая же, в основном из отряда Октавия, решила еще раз испытать судьбу. Дождавшись ночи, смельчаки разбились на небольшие отряды и горными тропинками без проводников сделали попытку пробиться в Армению. Но почти все они были перехвачены парфянами и перебиты. Таким образом, из войска Красса 20 тыс. человек погибли, а 10 тыс. попали в плен. Вот конец бесславного похода Красса, которого К. Маркс недаром называл «заурядным полководцем» ³¹. Голова незадачливого военачальника была доставлена парфянскому царю Ороду. Он долго смотрел на нее, потом сказал: «Всю жизнь Красс гонялся за золотом... Какая ненасытность!.. Доставьте же ему, мои рабы, последнее удовольствие: влейте Крассу расплавленного золота в рот... Пусть насытится им напоследок!» ³².

Так завершились карьера и честолюбивые планы Марка Красса. Он был одним из широко известных деятелей Древнего мира, верным защитником интересов класса рабовладельцев. Всю свою жизнь он провел в погоне за сокровищами, единоличной властью и воинской славой. Первое ему удалось осуществить, но другие его желания оказались несбыточными. Военные планы Красса намного превышали его способности, а для безраздельной власти одного лица в Риме тогда еще не пришел срок: республика временно уцелела, империя же возникла лишь четверть века спустя.

³⁰ Полиэн Македонский. Стратегемы. 7. 41.

³¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 122.

³² И. Флавий. Иудейская война. I, 8, 8.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

ИСТОРИЮ ПИШУТ САМИ ТРУДЯЩИЕСЯ

(ОБ ОДНОМ ЦЕННОМ НАЧИНАНИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ)

Историческая наука в нашей стране является мощным идейным оружием в борьбе за коммунизм. История воплощает в себе коллективный опыт народа, накопленный им в процессе упорного труда и героической борьбы за свободу и справедливое устройство общественной жизни. Говорят, что история — душа народа. Действительно, как в памяти каждого человека хранится все наиболее существенное, что он сделал, во что вложил свои силы, свои знания, так и в жизни целых народов становится дорогим и близким вся история их борьбы и труда. Особенно возрос интерес к истории в наши дни, когда трудящиеся Советской страны с небывалым вдохновением претворяют в жизнь величественные планы коммунистического строительства. В нашей стране вырос большой отряд историков-профессионалов: научных работников исследовательских институтов, преподавателей вузов и школ. Создано много научных трудов, в том числе обобщающих, по истории союзных и автономных республик, многотомный труд по истории Сибири, завершается работа по созданию двенадцатитомной истории СССР с древнейших времен до наших дней, выходят в свет тома Исторической советской энциклопедии.

За последние годы все нагляднее становится важная и примечательная особенность разработки отечественной истории, заключающаяся в том, что в написании истории все более важную роль играют широкие массы трудящихся — участники Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войн, активные строители коммунизма. Еще в первые годы Советской власти рабочие выдвинули идею написания истории фабрик и заводов. Эта идея, как отмечал А. М. Горький, «сначала возникла в массе фабрично-заводских рабочих и уже затем оформлена утверждением редколлегии, опубликованием «Инструкции»»¹. А. М. Горький говорил: «Рабочие создали завод, они же и должны написать историю его создания — историю своей работы»². Об этом писала и Н. К. Крупская в предисловии к книге рабочего Н. П. Паялина о Невском машиностроительном заводе имени Ленина: «Мне кажется, что историю завода могут писать лишь рабочие завода — остальные должны лишь всячески помогать им»³.

Зародившееся еще в конце 20-х — начале 30-х годов движение по написанию истории фабрик и заводов приобрело сейчас широкий размах. Силами трудящихся пишется также история совхозов и колхозов. В этих своеобразных произведениях дается историко-экономическая характеристика села, рассказывается о лучших производителях. О некоторых колхозах написаны монографические труды. В различных районах страны работают тысячи краеведов-общественников, ведущих большую полезную работу по изучению и популяризации важнейших исторических событий из жизни родного края.

Ценное начинание возникло среди широких слоев общественности Украины — рабочих, колхозников, интеллигенции, решивших написать историю городов и сел республики. ЦК КП Украины поддержал эту инициативу и принял постановление об

¹ «А. М. Горький и создание фабрик и заводов». Сборник документов и материалов. М. 1959, стр. 47.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 105.

издании коллективного труда «История городов и сел Украинской ССР». Для руководства этой работой в республике образована Главная редколлегия (главный редактор П. Т. Тронько), в областях — редколлегии отдельных томов, в городах и районах — городские и районные комиссии; подобраны авторские коллективы. «История городов и сел Украинской ССР» создается на общественных началах и является научно-популярным изданием. Оно состоит из 26 томов. Каждый том посвящен одной из областей республики, а отдельный том — столице Украинской ССР, городу-герою Киеву. Авторские коллективы, городские и районные комиссии и редакционные коллегии при активном участии всей общественности провели уже значительную работу. Вышло в свет девять томов, посвященных истории Киева, городов и сел Харьковской, Полтавской, Львовской, Ворошиловградской, Одесской, Закарпатской, Черновицкой, Днепропетровской областей. Их несомненным достоинством является большая документальная база: в томах серии собраны тысячи первоисточников, которые прежде не публиковались или были известны лишь небольшому числу историков-краеведов.

«История городов и сел Украинской ССР» — издание уникальное. В вышедших в свет томах на основе марксистско-ленинской методологии исторического исследования обстоятельно изложена история многих городов и сел республики с древнейших времен до наших дней: отражены важнейшие события, связанные с их возникновением, показана антифеодальная и национально-освободительная борьба крестьянских масс и городских низов в период феодально-крепостного строя, борьба народных масс за воссоединение Украины с Россией, социально-экономическое и политическое положение трудящихся, деятельность первых большевистских организаций в городах и селах Украины, революционное движение народных масс до 1917 года. На большом историческом материале раскрывается борьба трудящихся Украины за свержение царизма, победу Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в городах и селах Украины.

Основное внимание уделяется истории городов и сел в послеоктябрьский период. В изданных книгах нашли отражение коренные социальные преобразования, которые произошли на Украине за годы Советской власти, исторические достижения трудящихся городов и сел в области государственного, экономического, национального и культурного строительства. В книгах рассказывается о роли трудящихся Украины в индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, об их героической борьбе против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, о мирном творческом труде жителей городов и сел по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства, всенародной борьбе за осуществление планов коммунистического строительства.

В очерках убедительно показана решающая роль народных масс в историческом процессе. Обстоятельно рассказывается о лучших представителях украинского народа — Героях Советского Союза, Героях Социалистического Труда, новаторах социалистического производства, о членах бригад и ударниках коммунистического труда, деятелях науки и культуры, видных партийных и общественно-политических деятелях. Красной нитью проходит через все повествование идея руководящей и направляющей роли Коммунистической партии на всех этапах революционной борьбы и коммунистического строительства.

Структура издания дает читателю возможность получить четкое представление об историко-экономическом развитии областей, областных центров республиканского, областного и районного подчинения, районных центров, не являющихся городами. В каждом томе имеется краткая характеристика районов, очерки о наиболее крупных поселках городского типа, рабочих поселках и селах, имеющих яркую историю и выдающиеся достижения в хозяйственном и культурном строительстве. В книгах даны также исторические справки об остальных населенных пунктах — центрах сельских и поселковых Советов, с указанием основных сведений о всех населенных пунктах, объединяемых данным местным Советом.

Очерк как основной жанр исторического повествования позволяет наиболее полно и в то же время просто и доступно рассказать о типичных фактах и событиях, имевших место в многовековой истории населенных пунктов, о деятельности конкретных людей.

Несмотря на ограниченный объем очерков, в них с достаточной ясностью раскрывается история населенных пунктов, вводится в научный оборот много новой научной

информации, конкретных исторических фактов и документов. Значительную историко-познавательную ценность представляют фотодокументы, большинство из которых публикуется впервые.

В качестве примера остановимся несколько подробнее на содержании вышедшего в свет в 1969 г. тома, посвященного истории городов и сел Днепропетровской области, края руды и металла⁴. Несмотря на разнородность состава двухтысячного авторского коллектива, большое количество очерков, книга представляет цельное произведение с единой структурой, объединенной определенным сюжетным планом. Широкий и разнообразный круг исторических источников, использованных авторами. Среди них труды основоположников марксизма-ленинизма, решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС и ЦК КП Украины, постановления и распоряжения советских органов, специальная экономическая, историческая и этнографическая литература, печать, воспоминания и мемуары, статистические сборники. Много документов извлечено из центральных и местных партийных и государственных архивов. В книге показано, что Днепропетровщина — исконно славянская земля, здесь уже в эпоху черняховской культуры обнаружены славянские поселения. Авторы обстоятельно рассказывают о возрождении края после изгнания монголо-татарских захватчиков. В очерках значительное внимание уделено освещению истории казачества, Запорожской Сечи, ее роли в освободительной борьбе украинского народа против иноземных поработителей, за воссоединение с братским русским народом. На ярких фактах в книге убедительно показано историческое значение воссоединения Украины с Россией, происшедшего в 1654 году.

После воссоединения Украины с Россией началось заметное развитие производительных сил, рост городов, фабрик и заводов на Екатеринославщине. Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. постепенно формировался капиталистический уклад хозяйства. Усиление классовой борьбы привело к падению крепостного права. Изменение социально-экономических отношений в жизни края, как отмечается в книге, оказало значительное влияние на развитие культуры и общественно-политической мысли.

В книге ярко освещается борьба рабочего класса против капитализма в конце XIX — начале XX в. на промышленных предприятиях Екатеринославской губернии, где к началу XX в. работало уже более 100 тыс. человек. Не меньшее количество рабочих было занято в кустарных и ремесленных предприятиях. Положение рабочих было чрезвычайно тяжелым: рабочий день продолжался 14—16 часов в сутки, заработная плата была очень низкой, рабочие были лишены политических прав, подвергались постоянным издевательствам со стороны хозяев и фабрично-заводской администрации.

На большом фактическом материале в книге убедительно показывается развитие социал-демократического движения в крае, деятельность екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного в 1897 г. И. В. Бабушкиным, И. Х. Лалаянцем и другими. Авторы хорошо показали борьбу ленинцев за создание партии нового типа — партии большевиков, организацию социал-демократических комитетов в крае, возглавивших революционное движение народных масс в 1905—1907 годах. Героическая борьба рабочих, направляемых большевиками, способствовала складыванию и укреплению союза рабочего класса с крестьянством — той общественной силы, которая обеспечила победу над царизмом в феврале 1917 г. и осуществление Великой Октябрьской социалистической революции.

Несомненным достоинством книги является яркий показ деятельности активных участников революционной борьбы на Днепропетровщине — В. А. Шелгунова, Г. И. Петровского, С. Н. Власенко, В. К. Аверина, Э. И. Квиринга, С. И. Гопнер и других лучших сынов и дочерей рабочих и крестьян. С привлечением ярких фактов в книге раскрывается борьба за победу пролетарской революции, установление и укрепле-

⁴ «Історія міст і сіл Української РСР». Дніпропетровська область. Редакційна колегія тома: Пашенко А. Я. (голова редколегії), Варгатюк П. А., Васильєв І. В., Ватченко Г. Ф., Воробйов В. Я., Гаєвська Н. Я., Кардашов Г. А., Ковальов М. І., Козуліна К. О., Мороз І. А., Олексієнко Г. Г., Олійник Л. В., Орлик П. Э., Павлов Ф. С., Подворчанський В. С., Позняков К. І., Пойда Д. П., Поставной В. Г., Рашев П. М., Ушаткін Л. П. (відповідальний секретар редколегії), Хвостенко С. П., Яременко О. Г. Київ. 1969. 958 стор.

ние Советской власти на Днепропетровщине в 1917—1920 гг., за восстановление экономики края, за выполнение первых пятилеток, осуществление индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. В книге освещается героическая борьба трудящихся области под руководством партийной организации в годы Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков на фронте и в тылу врага, рассказывается о подвигах многих героев — днепропетровцев и жителей области.

Большую часть книги авторы вполне справедливо отводят послевоенному периоду в истории развития края. Из материалов очерков о городах, районах и селах ярко видны величайшие изменения, происшедшие в экономике, быте населения, во внешнем облике населенных пунктов. В книге приводятся сотни имен талантливых организаторов и активных участников промышленного и колхозного производства. Значительное место отведено освещению общественно-политической жизни области.

Конечно, не все очерки в книге написаны одинаково интересно. Встречаются повторения, неточные формулировки, нарушения хронологической последовательности. Очерки о крупных селах и особенно справки о центрах сельских Советов перегружены цифрами, часто приведенными без соответствующих комментариев. В ряде очерков не приводятся даты образования того или иного населенного пункта.

Говоря о вышедших томах в целом, следует отметить, что они вооружают партийных и советских работников, ученых, учителей и пропагандистов ценным историческим материалом, воспитывают молодежь на лучших революционных, боевых и трудовых традициях. В этом их большая ценность.

Работа над «Историей городов и сел Украинской ССР» во многом активизирует историков-краеведов республики, развивает интерес трудящихся к изучению истории родного края. Возникли новые народные музеи, комнаты и уголки истории городов, сел, колхозов, предприятий, учебных заведений, кружков краеведения, участники которых принимают непосредственное участие в подготовке материалов для томов. В эту работу включились десятки тысяч людей — от ветеранов революционного движения и созидательного строительства до учащихся, пионеров. Собрано большое количество документов, рассказывающих о событиях прошлого, в частности о периодах революции, гражданской войны, первых лет социалистического строительства и Великой Отечественной войны. В селах одной только Полтавской области работает свыше 300 самостоятельных сельских музеев. Всего же на Украине сейчас имеется свыше 40 тыс. народных музеев.

Большая творческая активность и настойчивость, проявляемые общественностью в работе над «Историей городов и сел Украинской ССР», свидетельствуют об огромном подъеме культурного уровня советских людей, их высокой сознательности, стремлении к научному творчеству.

Л. С. Гапоненко, Н. Н. Лещенко

Рецензии

«Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1955 гг.)». М. Изд-во «Мысль». 1968. 432 стр. Тираж 9 500. Цена 1 руб. 65 коп.

История становления и развития интеллигенции — яркая страница в жизни Советской страны. Понятен поэтому огромный интерес, который побуждает исследователей, особенно в последние годы, все чаще

обращаться к изучению этой многогранной и важной темы. По отдельным вопросам формирования советской интеллигенции опубликовано много различного рода монографий, статей, написано немало диссертаций.

ций. Однако до сих пор не было работы, освещающей весь полувековой путь формирования и развития советской интеллигенции. Рецензируемая книга является первым крупным исследованием такого рода. Монография — итог многолетнего труда коллектива авторов¹. Хотя книга и основывается частично на материалах ранее опубликованных ими работ², она отнюдь не является их повторением, так как авторы, расширив рамки исследования, ввели в научный оборот свежие материалы, проанализировали ряд новых проблем. В книге исследуется процесс формирования советской интеллигенции, ее структурный состав на различных этапах, многообразная по формам и методам деятельность Советского государства и Коммунистической партии по подготовке высококвалифицированных кадров специалистов. В монографии показано, что создание советской интеллигенции шло, во-первых, путем использования старых кадров, перевоспитания их в ходе социалистического строительства и, во-вторых, путем формирования новой интеллигенции — из рабочих и крестьян.

Авторы довольно полно, с точки зрения насыщенности фактическим материалом и значимости сделанных обобщений, прослеживают выдающуюся деятельность Коммунистической партии и В. И. Ленина по привлечению старых специалистов на сторону Советской власти, использованию их опыта и знаний. Они справедливо указывают, что Коммунистическая партия исходила из ленинского принципа: старую интеллигенцию нельзя изгнать и уничтожить, ее «надо победить, переделать, переварить, перевоспитать»³, невозможно начать строительство

социализма, не привлекая на свою сторону массу интеллигенции, в руках которой находились знания и опыт. Это особенно важно подчеркнуть, так как против ленинской линии выступали руководители «Пролеткульта», «левые коммунисты», «децисты», «рабочая оппозиция», «военная оппозиция». К сожалению, авторы не выявили корней этого явления. Последние, видимо, следует искать в сложившемся в рамках эксплуататорского общества разделении труда, когда умственным трудом, как правило, занимались господствующие классы, а физическим — угнетенные, во враждебном отношении масс ко всему буржуазному, в том числе и к буржуазным специалистам, в непонимании марксистско-ленинского положения о критическом использовании культуры прошлого и ее специалистов, в руках которых находились все знания и опыт, накопленные человечеством.

Старая интеллигенция встретила Октябрьскую революцию по-разному. Часть встала на путь непримиримой борьбы против Советской власти, большинство же старых интеллигентов, не понимая истинного смысла свершившегося, отнеслось к революции скептически. Но такие лучшие представители ее, как К. А. Тимирязев, А. А. Блок, В. В. Маяковский, А. Н. Бах и многие другие, сразу перешли на сторону Советской власти. Примечательно, что большинство из них, как замечают авторы, еще до революции стояло на пути эволюции своих общественно-политических взглядов от демократических к социалистическим, и Великий Октябрь только ускорил этот процесс. Солидаризируясь здесь с авторами, добавим, что вряд ли, однако, будет правильным при определении отношения интеллигенции к Советской власти переносить центр внимания на дифференциацию внутри групп, ибо речь может идти в первую очередь о классовой оценке различных слоев интеллигенции⁴.

Правильная политика Коммунистической партии и Советского правительства во главе с В. И. Лениным, прочность Советской власти, крах германского империализма и ликвидация Брестского договора, сотрудничество контрреволюции с англо-американским империализмом, патриотизм части старой интеллигенции — вот те причины, которые, как это обстоятельно показано в исследовании, способствовали ликвидации сабо-

¹ Книга написана авторским коллективом кафедры истории советского общества АОН при ЦК КПСС (С. А. Федюкин, Н. М. Катунцева, Г. П. Андреюк, Г. П. Веселов, В. Е. Носов, В. Т. Петров. Редколлегия — И. Е. Ворожейкин, М. П. Ким (главный редактор), В. П. Наумов).

² С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М. 1965; Н. М. Катунцева. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции. М. 1966; Г. П. Андреюк. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции (1921—1932 гг.). Из истории советской интеллигенции. Сборник статей. М. 1966; Г. П. Веселов. Подготовка кадров интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Там же; В. Е. Носов. Некоторые вопросы формирования интеллигенции (1945—1958). Там же; В. Т. Петров. Сельская интеллигенция в годы семилетки. Там же.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 101.

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 302—303.

тажа, неустойчивости буржуазной интеллигенции и повороту ее к сотрудничеству с Советским государством. Намного слабее освещен в книге процесс перевоспитания старой интеллигенции. Авторы говорят главным образом о мероприятиях Советского государства по улучшению быта ученых, их материального положения, да и то применительно лишь к первым годам Советской власти. Разумеется, эти вопросы оставались весьма актуальными и далее, но к ним не сводились задачи перевоспитания старой интеллигенции, особенно если учесть, что в вузах и научных учреждениях на 1 октября 1929 г. кадры, сформировавшиеся до революции, составляли около 60% (стр. 127).

Наряду с привлечением старых специалистов Советское государство с первых же дней начало подготовку командиров народного хозяйства и деятелей культуры из рабочих и крестьян. С укреплением пролетарского государства главным источником пополнения кадров интеллигенции становилось формирование ее из рабочих и крестьян. Нелегко был этот путь. В исследовании показано, что решение этой проблемы шло двумя путями. Основной — через систему высших и средних учебных заведений, что требовало значительного времени и средств. Вместе с тем Советское государство вынуждено было прибегнуть к особому, не виданному еще в истории способу пополнения рядов интеллигенции — выдвиженчеству. Массовое выдвиженчество стало тем революционным методом формирования новой интеллигенции из рабочих и крестьян, который сыграл важнейшую роль в период, когда молодое Советское государство испытывало острую нужду в кадрах. Но естественно, что этот метод не мог стать главным источником комплектования новой интеллигенции. Социалистические преобразования и технический прогресс в стране все настоятельнее требовали высококвалифицированных руководителей народным хозяйством, а выдвиженцы не всегда были достаточно грамотными, не говоря уже о том, что они не имели специального образования. Чтобы создать кадры новой интеллигенции, в том числе с помощью выдвиженчества, надо было резко поднять уровень народного образования. Авторы на богатом фактическом материале прослеживают весь путь формирования новой интеллигенции — от таких чрезвычайных мер, как различного рода курсы, рабфаки, коммунистические

университеты и другие формы, позволявшие вести ускоренную подготовку кадров, до становления и совершенствования системы среднего и высшего образования — того главного канала, по которому идет формирование кадров советской интеллигенции и поныне. Проблема была решена благодаря титанической работе Коммунистической партии, Советского правительства, усилиям всего советского народа. Если в народном хозяйстве страны в 1913 г. было занято всего 190 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, то в 1966 г. число их достигло 13 млн. (стр. 12). Уже в 1936 г. Советский Союз по количеству инженеров обогнал США: в 1940 г. в СССР имелось 290 тыс. дипломированных инженеров, тогда как в США — 156 тыс. (стр. 217).

Масштабы поотраслевой подготовки кадров определялись потребностью страны. Ликвидация неграмотности и создание собственных инженерно-технических кадров, подготовка работников просвещения и руководителей народного хозяйства составляли одну из главных задач Советского государства в течение двух первых десятилетий. С изменением потребностей народного хозяйства изменялось и поотраслевое соотношение кадров и вся структура советской интеллигенции. На современном этапе наука становится непосредственной производительной силой. Поэтому все большее значение приобретает количественный и качественный рост научной и научно-технической интеллигенции. Ныне в СССР сосредоточена одна четвертая часть научных работников мира (стр. 429).

Авторы смогли осветить не только процесс формирования и развития советской интеллигенции в целом, но и отдельных ее отраслевых отрядов. Не останавливаясь на этом вопросе специально, отметим только, что в работе, представляющей собой первую попытку осветить многогранный процесс формирования советской интеллигенции, авторы, естественно, не могли одинаково обстоятельно раскрыть все его аспекты. Так, слабо и не во всех главах освещено создание художественной интеллигенции.

Социализм принес женщинам подлинное освобождение. Они получили широкий простор для творческой деятельности, активного участия в управлении государством. Только в Верховном Совете СССР прошлого созыва было 425 женщин, а это значительно больше, чем в парламен-

тах всего капиталистического Запада⁵. Показывая эмансипацию женщин в нашей стране, авторы дают объективно-исторический анализ влияния этого процесса на формирование и развитие советской интеллигенции. Однако заметим, что не по всем периодам этот вопрос получил должное освещение. Наиболее полно и ярко он показан применительно к периоду Великой Отечественной войны, когда на долю женщин выпали неслыханные трудности, которые они с честью преодолели. Весной 1943 г. в армии и флоте насчитывалось более 80 тыс. офицеров-женщин, а среди военных медработников женщины составляли 46% (стр. 245). В тылу женщинам пришлось во многих отраслях заменить ушедших на фронт мужчин. Однако не только во время войны, но и в мирное время женщины занимали и занимают (и это отмечено в книге) почетное место в рядах советской интеллигенции. Достаточно сказать, что сейчас процент женщин среди работников умственного труда соответствует их удельному весу в составе населения страны (стр. 13).

Из самой природы социалистического государства вытекает особая забота о создании национальных кадров у ранее угнетенных и отстававших в своем развитии народов. Благодаря этому во всех национальных республиках СССР за короткий исторический срок были созданы собственные кадры интеллигенции. При этом рост их значительно обгонял рост интеллигенции в целом по стране. В монографии сделана попытка, правда, в основном на цифровых примерах, показать этот процесс. Понятно, что одного такого материала оказалось недостаточно для освещения истории формирования интеллигенции в национальных республиках. Авторы можно упрекнуть в том, что они слабо использовали многочисленную литературу по этой теме⁶.

Немного о периодизации. Периодизация, принятая авторами, несколько отличается от предложенной М. П. Кимом и признанной большей частью историков периодизации общего процесса культурной револю-

ции в СССР⁷. Авторы стоят ближе к социально-экономической периодизации, нежели к периодизации культурной революции, что вызывает возражения. Нельзя, например, согласиться с утверждением, что к концу первой пятилетки все основные задачи создания кадров советской интеллигенции были успешно решены, что старая интеллигенция полностью перешла на позиции Советской власти и органически слилась с новой интеллигенцией (стр. 180). Во-первых, к этому времени шел в основном количественный рост интеллигенции «при недостаточном внимании,— как указывалось в постановлении ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г.,— к вопросам качества учебной подготовки»⁸. Второй пятилетний план⁹ предусматривал создание новых широких кадров интеллигенции, но наряду с этим в нем указывалось на острую нехватку кадров в некоторых отрядах интеллигенции. Во-вторых, нельзя считать, что процесс перевоспитания старой интеллигенции завершился к 1932 году. Видимо, правильнее относить его окончание ко второй половине 30-х годов, когда были полностью уничтожены остатки капитализма в стране и когда старые специалисты собственным участием в строительстве доказали верность идеям социализма.

Книга раскрывает роль Коммунистической партии и Советского государства в процессе формирования и развития советской интеллигенции, аргументированно разоблачает фальсификации буржуазных идеологов, пытающихся в искаженном свете представить политику нашей партии и государства в этом процессе. Положительно и то, что в монографии наряду с особенностями количественного роста интеллигенции освещены те качественные сдвиги, которые произошли в ее социальном, возрастном и половом составе, образовательном уровне, стаже работы, материальном положении и моральном облике. Достаточно сказать, что за 50 лет Советской власти численность интеллигенции возросла примерно в 25 раз (стр. 9), а по своему социальному происхождению и природе, по идейно-политическим убеждениям и обще-

⁵ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 23.

⁶ А. К. Григорьянц. Формирование и развитие технической интеллигенции Армении. Ереван. 1966; М. Гулямов а. Из истории формирования узбекской советской интеллигенции. Ташкент. 1962; И. А. Соктоев. Формирование социалистической интеллигенции Бурятии. Улан-Удэ. 1961, и др.

⁷ См. «Культурная революция в СССР 1917—1965 гг.». М. 1967, стр. 38.

⁸ «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании». Сборник документов за 1917—1947 гг. М.-Л. 1947, вып. 2, стр. 78.

⁹ См. «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)». Т. I. М. 1934, стр. 401.

ственной роли советская интеллигенция в корне отличается от буржуазной. К сожалению, о стирании граней между умственным и физическим трудом и влиянии этого процесса на развитие интеллигенции в книге говорится недостаточно.

В книге имеются и другие пробелы. Работа написана в основном по материалам РСФСР, без должного освещения материалов других союзных, а также автономных республик. Не исследованы такие важные проблемы формирования и роста интеллигенции, как ее многонациональный состав, разнообразные формы и виды взаимной помощи советских народов в процессе формирования интеллигенции, закономерности и особенности складывания ее национальных отрядов. Схематично показана роль практики социалистического строительства в становлении и развитии советской интеллигенции. Главы монографии написаны неровно. Первая глава глубже других, в которых подчас при большой насыщенности фактическим материалом нет должного анализа и необходимых обобщений (стр. 121—132; 168—169; 183—190; 307—336). Авторам не удалось избежать отдельных повторений и противоречий (стр. 52—53; 95 и 170—171; 80—84 и 132—133). В третьей главе, например, внимание концентрируется только на достижениях накануне Великой Отечественной войны (стр. 214—225), а из содержания четвертой главы выясняется (стр. 268—271), что в подготовке кадров того же периода имелось немало серьезных упущений. Нельзя согласиться с терминами «творческая» и «непрофессиональная» интеллигенция. Под первой авторы подразумевают художественную интеллигенцию

(стр. 283, 429), под второй — работников пультов управления, рабочих-изобретателей и др. (стр. 418). Не останавливаясь на спорности этих утверждений¹⁰, отметим лишь, что их можно выдвинуть только в дискуссионном порядке. Не всегда в книге есть ссылки на источники (стр. 183, 184, 214, 244). Работа выиграла бы, если бы в ней содержался историографический и источниковедческий обзор по теме.

Первая попытка создать сводный труд по истории формирования советской интеллигенции дает возможность яснее увидеть направления дальнейшего исследования этой проблемы. Если говорить о наиболее общих из них, то прежде всего надо указать на разработку истории отдельных национальных отрядов советской интеллигенции, а также на изучение истории интеллигенции в поотраслевом разрезе. Нужны вместе с тем книги, посвященные отдельным этапам формирования советской интеллигенции с обстоятельным анализом особенностей каждого из них. Еще не решена и задача всестороннего обобщения опыта творческой деятельности советской интеллигенции, ее самоотверженного участия в социалистическом строительстве. Литература, пока все еще довольно отрывочно освещающая жизнедеятельность представителей советской интеллигенции, борьбу и труд ее отдельных отрядов, не может удовлетворить читателей.

В целом же монография — крупное, серьезное исследование, обогащающее советскую историческую науку.

В. Н. Шейко

¹⁰ См. дискуссию по этому вопросу: «Научные доклады в высшей школе». Философские науки. 1966, № 4, стр. 20—28.

Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». М. Изд-во «Наука». 1969. 368 стр. Тираж 2 300. Цена 1 руб. 65 коп.

Седьмой сборник «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР»¹ отличается от предыдущих прежде всего своей целенаправленностью. Он посвящен проблеме сельскохозяйственного

опыта, использования его в интересах развития современного сельскохозяйственного производства. Вопрос этот не нов. На необходимость изучения многовекового опыта земледельца, его научного осмысления и практического использования обращали внимание А. Н. Энгельгардт, В. В. Докучаев, Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников, В. И. Вернадский и другие видные ученые.

¹ Редколлегия: [В. И. Шунков] (ответственный редактор), В. Е. Писарев, А. М. Анфимов, Е. И. Индова, [В. К. Яценский], С. М. Троицкий.

Современное сельское хозяйство ведется в совершенно иных, чем в прошлом, социально-экономических условиях, на основе новейшей сельскохозяйственной техники и научных данных. Было бы, однако, серьезной ошибкой думать, что народная мудрость «устарела», что не надо к ней прислушиваться сегодняшнему сельскому труженику. Составители сборника придерживаются на этот счет совершенно определенного мнения: «Выводы, полученные в результате многолетнего труда и кропотливых наблюдений, в условиях конкретных районов могут послужить земледельцу и теперь». Они считают, что ученые «должны представить труженикам села календари сельскохозяйственных работ, почвенные карты и кадастровые книги; инструкции по ведению различных отраслей хозяйства: земледелия, скотоводства, садоводства и огородничества, а также правила по уходу за лесами и водами; записи о чередовании полей; материалы о зональных границах культур, о способах обработки почв и видах сельскохозяйственных орудий и целый ряд других сведений, проливающих свет на историю порайонной специфики хозяйствования, на взаимоотношение науки и народного опыта» (стр. 5).

Естественно, что реализовать столь обширную программу изучения соприкосновения сельскохозяйственного опыта прошлого и современности в одном сборнике невозможно. Поэтому был избран другой путь: авторы статей, объединенных общей целью изучения сельскохозяйственного опыта, подходят к нему с разных сторон. Такое решение для первой специальной работы, по нашему мнению, правильно. Содержащийся в сборнике новый обширный документальный материал, его глубокий научный анализ показывают, что земледельческое производство России XVII—XIX вв. стояло на достаточно высоком уровне, имело свой самобытный характер, занимало достойное место в мировом сельском хозяйстве и обогащало его своими достижениями.

Говоря о конкретных вопросах, поставленных в статьях сборника, необходимо прежде всего отметить наблюдения, полученные авторами в результате изучения структуры посевных площадей и их изменения на территории нашей страны в разных почвенно-климатических и социально-экономических условиях с конца XVI до начала XX столетия. Н. А. Горская установила обоснованную народным опытом закономерность территориального распределения

целого ряда зерновых культур в центре страны, устойчивое процентное соотношение их посевных площадей, которое в условиях того времени нельзя не считать рациональным. Преобладание на севере озимой ржи и овса как культур наиболее урожайных, увеличение удельного веса посевов ячменя, пшеницы, гороха, гречихи по мере продвижения на юг вполне сочетаются с особенностями этих культур и местными условиями. Известный интерес могут представить, очевидно, наблюдения авторов ряда статей о том, что в структуре посевов XVIII в. крупяные культуры и особенно гречиха и просо занимали большое место.

Обращает на себя внимание гибкость народной агротехники прошлого в подходе к определению норм высева сельскохозяйственных культур. Е. И. Индова и Л. В. Милов отмечают тенденцию к снижению норм высева по мере продвижения с севера на юг. Исследования П. Г. Козловского (на материалах Белоруссии), Л. В. Милова (на материалах Курской губернии), П. А. Колесникова (на материалах Вологодской губернии) позволяют сказать, что различие в нормах высева, имевшее место в XVIII—XIX вв. на указанных территориях, объясняется не столько местными традициями, сколько особенностями условий тех или иных микрорайонов (особенности рельефа, механический состав и плодородие почв, климатические условия), сроками и качеством обработки почвы, способами посева, хозяйственным назначением посевов, качеством семян. Подход земледельца прошлого к определению сроков выполнения сельскохозяйственных работ исследуется А. А. Преображенским и И. В. Ледовской.

История земельного кадастра в России освещена в статье С. С. Соболева. Автор пришел к выводу, что писцовые книги XV—XVI вв. отличаются высокой точностью; эта оценка важного источника по истории России периода образования централизованного государства имеет принципиальное значение для историков-специалистов. Рассматривая различные методы оценки земель, применявшиеся во второй половине XIX в., С. С. Соболев справедливо отдает предпочтение «естественноисторическому (русскому) методу бонитировки почв», разработанному основателем научного почвоведения В. В. Докучаевым и развитому Н. М. Сибирцевым (стр. 184 и 186). Г. В. Добровольский приводит сведения о разработке почвенных карт в 1851 г. под

руководством акад. К. С. Веселовского, в 1879 г.—под руководством В. И. Чаславского, в 1900 г.—под руководством В. В. Докучаева (первая научно обоснованная почвенная карта Европейской России), о научных работах в области почвенного районирования, проводимых в СССР в довоенные годы и в настоящее время. Значение этой работы состоит прежде всего в том, что она помогает организации сельскохозяйственного производства в строгом соответствии с природными условиями того или иного района. Материалы, содержащиеся в статьях Е. И. Индовой, Д. И. Будаева, П. Г. Козловского, И. Ф. Копылова, П. А. Колесникова, свидетельствуют о достаточно высокой стадии земледельческой культуры в России XVIII—конца XIX в. и показывают ошибочность мнения о повсеместном господстве трехполья или копировании (в помещичьих хозяйствах) западных плодосмен, в частности «норфолькского севооборота».

Г. П. Строд обстоятельно рассказал, как в условиях повышения спроса на сельскохозяйственные продукты помещики, а затем и крестьяне Латвии стали вносить в почву различные заменители навоза — органические (морской навоз, ил, торф, болотную землю, компосты, костяную муку, зеленые удобрения, гуано) и неорганические (глину, мергель, гипс, известь). Статья А. Е. Пашковской содержит большой фактический материал об опытах по обогащению почвы путем заделки зеленых растений или их пожнивных остатков (горький люпин, белый донник и др.).

Только после победы Великой Октябрьской революции многовековой народный опыт и достижения сельскохозяйственной науки были поставлены на службу широких слоев трудового крестьянства. Статья А. И. Ревенковой посвящена заботе Советского правительства и лично В. И. Ленина о приобщении широких слоев крестьянства к научно-опытному ведению сельского хозяйства. Автор показывает, что уже в первые годы Советской власти в программах исследований научных учреждений обращалось внимание на особенности естественно-исторических условий различных районов страны и учитывались все отрасли сельскохозяйственного производства, возможные и рентабельные в данной сельскохозяйственной области. Порайонное развитие сельскохозяйственного опытного дела и науки спо-

собствовало появлению специальных работ, связанных со специфическими требованиями тех или иных районов: например, изучение фосфоритов на Шатиловской опытной станции, селекции пшеницы и подсолнечника на Саратовской областной опытной станции и т. д. Деятельность видного ученого-агрохимика, физиолога и растениевода акад. Д. Н. Прянишникова раскрыта в статье В. М. Суринова. Интересные материалы приводит автор и о деятельности Н. Л. Скалозубова, одного из организаторов селекционного дела в Западной Сибири. Созданная в Курганском уезде, на базе Петровского имения купца Смолина опытная селекционная станция добилась заметных успехов, особенно в испытании различных сортов пшеницы, отличающихся высокой засухоустойчивостью. Деятельность Петровской селекционной станции, воплотившей многолетний опыт зауральских крестьян, боровшихся на практике за повышение урожайности, плодородия почвы и создание засухоустойчивых сортов яровых культур, к сожалению, еще недостаточно изучена. Эти народные традиции с большим успехом развивает в наше время колхозный ученый, директор Шадринской опытной станции Т. С. Мальцев.

Рецензируемый сборник не лишен и недостатков. Ценность некоторых имеющихся в нем сведений из исторического опыта полеводства снижается тем, что ни по одной из культур, за исключением проса (статья В. Н. Лысова), нельзя проследить агротехнику в целом. Большинство авторов рассматривают только отдельные элементы земледельческого производства (сроки работ, нормы высева, обработка почвы и т. п.) вне связи с другими приемами, поэтому современному работнику сельского хозяйства трудно судить об их целесообразности и возможности применения в современной практике. Мы пока больше знаем о том, как крестьян угнетали, как крестьяне боролись, но все еще мало знаем о том, как крестьянин пахал и хозяйничал.

Начатая работа по изучению наследия практиков сельского хозяйства и ученых прошлого и современности заслуживает внимания и поддержки. Исследование народного сельскохозяйственного опыта всех периодов потребует расширения источниковедческой основы и, видимо, новых сборников, аналогичных рецензируемому.

А. А. Кондрашенков, Г. Т. Рябков

Н. Д. СМЕРНОВА. *Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941)*. М. Изд-во «Наука». 1969. 281 стр. Тираж 2 200. Цена 1 руб. 08 коп.

Четверть века минуло со дня окончания второй мировой войны. Однако интерес к событиям как этой войны, так и ее кануна не только не ослабевает, но растет из года в год. Поэтому появление новой работы, содействующей правдивому освещению внешней политики и дипломатии одного из европейских агрессоров — фашистской Италии, несомненно, привлечет внимание читателей. В книге кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР Н. Д. Смирновой исследуется политика фашистской Италии на Балканах с 1936 г. и до того времени, как началась Великая Отечественная война Советского Союза. Но практически автор выходит за указанные в заголовке хронологические рамки, включив в свою работу рассказ о некоторых событиях конца 1941 — начала 1942-го, а местами и 1943 годов. Н. Д. Смирнова не случайно избрала для исследования 1936—1941 годы. Это тот период в истории внешней политики фашистской страны, когда итальянский империализм пытался осуществить программу широкого наступления на страны Юго-Восточной Европы, а его германский союзник развернул еще более широкие агрессивные действия; период, когда вопрос о второй мировой войне вплотную стал на повестке дня, а затем началась и самая война.

Накануне войны вопрос о том, кто будет «хозяином» на Балканах, приобрел особую остроту. Борьба шла как между двумя соперничавшими империалистическими группировками (странами «оси» и западными державами), так и внутри них. «Клубок империалистических противоречий, — подчеркивает автор, — существовал на Балканах столько лет, сколько насчитывает сама история империализма» (стр. 5). Готовясь к войне за передел мира, фашистские агрессоры старались подчинить страны Балканского полуострова своему влиянию, создать в непосредственной близости от границ СССР блок враждебных ему государств. Кроме того, они преследовали цель ослабить в этом районе позиции капиталистических держав-соперниц, особенно Англии. (Кстати, английская политика на Балканах в конце 1940 — начале 1941 г. как противовес политике стран «оси» освещена в книге, на наш взгляд, недостаточно

полно.) Для Италии, пишет Н. Д. Смирнова, установление контроля над Балканами имело первостепенное значение еще и потому, что Италия «в этом случае получала реальные шансы на успех в своей борьбе за вытеснение Великобритании из бассейна Средиземного моря» (стр. 5—6). Не последнюю роль в агрессивных планах итальянских империалистов играло и стремление овладеть природными богатствами Балкан. Уделив в связи с этим основное внимание агрессии фашистской Италии против Албании, Греции и Югославии, автор параллельно освещает внешнюю политику этих стран, германо-итальянские противоречия на Балканах и отдельные аспекты общеевропейской политики. По проблемам взаимоотношений Германии и Италии в исследуемый период уже имеется большая литература за рубежом и в СССР. Тем не менее Н. Д. Смирнова дополняет любопытными деталями наши представления о дипломатии и внешней политике этих государств по данному сюжету, в частности относительно разграничения сфер «интересов» и внутренней грызни держав «оси».

Книга написана на основе изучения документов ряда архивов: Военно-исторического института (Белград), Госархива СФРЮ (фонды М. Стоядиновича и Пресс-бюро), Тиранского (фонды министерств иностранных и внутренних дел), а также обширных опубликованных документов и материалов, прессы и специальной литературы. В советской историографии рецензируемая работа является первой монографией по данному сюжету. Содержит она четыре главы, в которых последовательно рассматриваются: исходные позиции Италии на Балканах во второй половине 30-х годов, захват Албании в 1939 г., подготовка Италии к новым агрессивным актам, итало-греческая война 1940—1941 годов.

Сначала автор освещает эфиопскую авантюру итальянского фашизма, характеризует существовавшие в то время в Центральной и Юго-Восточной Европе группировки государств (с одной стороны, союзных с Францией, объединенных в Малую и Балканскую Антанты; с другой — стран, составлявших «римский треугольник», в котором главенствующую роль играла Италия). Ослабление Малой и Балканской Антанты, удар по позициям Франции на Балка-

нах — таковы первоочередные намерения фашистских лидеров Италии в то время. Направляя свои экспансионистские устремления в сторону Балканского полуострова, они преследовали также далеко идущие цели создания плацдарма для борьбы против Советского Союза. Последовательный курс Советского правительства на создание эффективной системы коллективной безопасности вызывал беспокойство в стане агрессоров. Рост симпатий к СССР среди балканских народов, несмотря на откровенно антисоветский официальный курс их правительств, внушал опасения фашистам. Они добивались отстранения Советского Союза от всякого участия в разрешении международных вопросов, в частности вопросов, касающихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Определенное внимание уделила Н. Д. Смирнова итало-английским и итало-югославским отношениям, истории заключения итало-югославского договора от 25 марта 1937 года. Подробно характеризуются последствия присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту, резко антисоветский характер этой акции.

Описанию захвата Албании предпослан фактический материал об экономическом проникновении Италии в Албанию, которая постепенно превратилась в полуколонию итальянского империализма. Вызывает возражение переоценка автором роли Чиано. Как пишет Н. Д. Смирнова (стр. 67—70), захват Албании диктовался стремлением Чиано нажить политический авторитет, а также тем, что семейству Чиано принадлежали относительно крупные вложения в албанской нефтяной промышленности. Не отрицая «заинтересованности» этой семьи (точнее будет сказать, семьи Муссолини — Чиано) в албанской нефти, едва ли можно сбрасывать со счетов политические интересы фашистской Италии в захвате этой страны. Не кажется нам также убедительной оценка позиции Муссолини в период подготовки агрессии против Албании: ему уделена здесь лишь пассивная роль лица, которое одобряет планы Чиано (стр. 68—69, 92—93). Что касается освещения итало-югославских отношений, то они очерчены в книге наиболее полно. Это, по-видимому, объясняется тем, что автор получил возможность широко использовать югославские архивные документы.

Говоря о внешней политике Италии накануне второй мировой войны и после ее начала (вплоть до перемирия с Францией),

Н. Д. Смирнова особо останавливается на причинах обострения германо-итальянских отношений после 1 сентября 1939 г. вследствие итальянской позиции «неучастия в войне», соперничества союзников по «оси» на Балканах и провала итальянского плана создания балканского блока нейтралов. Верно объясняя отказ Италии вступить в войну на стороне Германии 1 сентября неподготовленностью к войне, автор, к сожалению, приводит мало фактов в подтверждение этого вывода.

Ход итало-греческой войны описан поэтапно: итальянская подготовка к нападению на Грецию, вторжение и поражение армии агрессора в начале кампании, вмешательство Германии и захват немецкими войсками как Греции, так и Югославии. Подытоживая анализ итальянской оккупационной политики на Балканах вплоть до лета 1943 г., Н. Д. Смирнова приходит к выводу, что крах этой политики был обусловлен разворачиванием национально-освободительного движения в результате героической борьбы и великих побед Красной Армии в ходе решающих сражений на советско-германском фронте; что гибель агрессивного и алчного фашистского режима была закономерным историческим явлением (стр. 259—266).

Коснемся некоторых мест исследования, нуждающихся в дополнительных замечаниях. Характеризуя итало-германские противоречия на Балканах накануне второй мировой войны, автор пишет, что «идеологическая общность, заинтересованность во взаимной поддержке в борьбе за перекраивание карты Европы не могли ликвидировать унаследованный от дофашистских правительств Италии и Германии империалистический спор из-за Балкан» (стр. 6). Читатель может прийти к выводу, что итальянский (как и германский) фашизм следовал на Балканах только традиционной политике правительств дофашистского периода; что фашизму не были свойственны особые агрессивность и авантюризм. Другие страницы книги лишь подтверждают, что эта точка зрения высказана Н. Д. Смирновой не случайно: «Итальянский фашизм в первые годы после прихода к власти не выдвинул каких-либо новых задач в области внешней политики» (стр. 8); лишь «к весне 1938 г. экспансионистскую программу итальянского фашизма на Балканах, как составную часть средиземноморской программы, можно было считать оформившейся» (стр. 58), и т. п. Между

тем фашистская Италия гораздо раньше выдвинула особо агрессивную внешнеполитическую программу, нашедшую свое выражение, в частности, в лозунге создания «великой Римской империи» (план установления господства на Средиземном море и в Юго-Восточной Европе, создания обширной колониальной империи в Африке).

Справедливо подчеркивая, что середина 30-х годов явилась переломным моментом во внешней политике итальянского фашизма («с этого времени наметился резкий поворот к военным авантюрам...», стр. 10), автор подтверждает вывод ссылкой на кампанию в Эфиопии. Однако в книге оценка этой агрессивной акции противоречива. Эфиопская кампания, пишет автор, «была чуть ли не единственным успешным военным мероприятием фашистского правительства» и вместе с тем «положила начало процессу падения престижа фашизма внутри страны» (стр. 13—14). Эта точка зрения в значительной мере опровергается самой Н. Д. Смирновой, когда она пишет, что завоевание Эфиопии итальянская фашистская пропаганда преподносила в качестве несомненного военного и политического успеха и что этот тезис пользовался популярностью (стр. 13). Недостаточно глубоко, по нашему мнению, показано значение итало-эфиопской войны для формирования германо-итальянской «оси». Известно, что поддержка Италии со стороны Германии во время эфиопской авантюры и международной изоляции первой носила совершенно определенный характер и была связана с далеко шедшими агрессивными планами германского империализма. Гит-

лер рассчитывал, что в «благодарность» за поддержку Муссолини предоставит ему «свободу рук» в отношении Австрии и Чехословакии. Вопрос о позиции Италии в период аншлюса Австрии (стр. 58—60) изложен чрезвычайно лаконично: характеризуя эту позицию, Н. Д. Смирнова ограничивается фразой о том, что «правлящие круги Италии, считая аншлюс неизбежным, одновременно пытались извлечь кое-какие выгоды из этой в конечном счете чрезвычайно неблагоприятной для их собственных захватнических планов акции» (стр. 58).

Рассматривая итало-югославские отношения в 30-е годы, автор пишет, что до 1936 г. Италия занимала в югославском экспорте первое место. И тут же следует не раскрытый в книге тезис о том, что «на протяжении всего периода со времени создания югославского государства и до середины 30-х годов Югославия была для Италии врагом № 1 на Балканах» (стр. 25). Читатель может лишь догадываться о факторах, определявших не очень понятную в таком случае позицию югославских лидеров. Приходится сожалеть об отсутствии в книге историографического введения. Встречаются в ней опечатки и неудачные формулировки (стр. 6, 181, сноска 32 и пр.). Однако в целом это исследование должно быть оценено положительно. Детальное освещение затронутых проблем, солидная документальная база — вот качества, которые отличают первую в советской специальной литературе монографию о балканской политике фашистской Италии в 1936—1941 годах.

А. С. Гроссман

А. В. БУРДУКОВ. *В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма.* М. Изд-во «Наука». 1969. 418 стр. Тираж 4500. Цена 1 руб. 50 коп.

Интерес к Монголии, ее прошлому и настоящему неуклонно растет. Приближается 50-летие революции 1921 г. — поворотного пункта в истории Монголии. Естественно, что появление новых источников по истории этой страны не может не привлечь внимания исследователей. К такого рода источникам и принадлежит рецензируемая книга.

Весьма своеобразна биография ее автора

А. В. Бурдукова (1883—1943 гг.)¹. Рано начав трудовую жизнь мальчиком на побегушках у ирбитского купца, он вскоре оказался на принадлежавшей последнему фактории в Монголии, проработал в ней 19 лет,

¹ В книге помещена краткая биография А. В. Бурдукова, написанная его дочерью Т. А. Бурдуковой. Подлинник мемуаров находится в личном архиве А. В. Бурдукова, хранимом его семьей в Ленинграде.

дослужившись до поста «доверенного фирмы». У А. В. Бурдукова, замечает в статье, написанной специально для рецензируемой книги, лично знакомый с автором академик И. М. Майский², была вполне реальная возможность стать первогильдейским купцом, наживающимся на грабеже монгольских аратов. Однако подобная перспектива отнюдь не привлекала А. В. Бурдукова, одного из тех русских людей, которые, говоря словами И. М. Майского, были заняты поисками «правды жизни» (стр. 23). Управляя купеческой факторией, А. В. Бурдуков был справедлив и бескорыстен в отношениях с аратами. Более того, еще в 1914 г. по инициативе и под руководством А. В. Бурдукова группа русских приказчиков объединилась в кооперативное торговое товарищество, в котором на равных правах участвовали и монголы. А. В. Бурдукову казалось, что этим он помогает становлению экономической базы независимой Монголии (стр. 136). Однако реальные шаги в этом направлении он смог предпринять лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и последовавшей за ней монгольской народной революции 1921 г., представляя в 1921 — 1926 гг. советские кооперативные организации на западе Монголии.

Горячо симпатизируя Монголии и ее народу, А. В. Бурдуков был тесно связан с самыми различными слоями населения. Высокими душевными качествами, деятельным сочувствием к эксплуатируемым массам, участием в распространении просвещения он заслужил уважение монголов. Имя А. В. Бурдукова до сих пор популярно в Монголии³. Он принадлежал к числу тех русских людей, общение с которыми, отмечают авторы совместного труда советских и монгольских ученых по истории Монголии, имело положительное влияние на монгольский народ⁴.

Деятельность А. В. Бурдукова приходилась на то время, когда политика россий-

ского царизма в отношении Монголии отличалась известным «либерализмом», связанным, с одной стороны, с резким ослаблением позиций России на Дальнем Востоке после поражения в русско-японской войне, а с другой — с усилением империалистической экспансии соперников России в районах Маньчжурской империи, включая и Монголию⁵. Особое значение в этом плане имела также грабительская политика маньчжуро-китайских купцов и чиновников. Все эти обстоятельства и накладывали печать некоторого «либерализма» на всю систему отношений России с Монголией и монголами, что и объективно и в глазах монголов представляло собой резкий контраст с сохранявшимися в стране маньчжуро-китайскими порядками. В комментариях, сопровождающих воспоминания А. В. Бурдукова, приводятся факты, свидетельствующие о том, что этот «либерализм» был характерен и для деятельности некоторых дипломатических агентов России в Монголии. Методы ограбления монгольских аратов китайским торгово-ростовщическим капиталом, сложившиеся еще в XVIII в.⁶, в конце XIX — начале XX в. стали еще более хищническими. Китайские торговцы и ростовщики выступали теперь в значительной мере как компрადоры японского, американского, а также западноевропейского капитала. Маньчжурское правительство энергично поощряло китайскую колонизацию монгольских земель, особенно в районах, граничащих с Россией. Ответом на маньчжуро-китайский гнет была растущая тяга монгольского народа к сближению с Россией, из которой к тому же проникали прогрессивные идеи освободительной борьбы. Все это, вместе взятое, способствовало сближению монголов с теми русскими людьми, которые, оказавшись волею судеб в Монголии, выражали сочувствие судьбе ее народа, способствовали его просвещению. А. В. Бурдуков был выдающейся личностью, выросшей именно на этой почве.

Прожив в Монголии почти 30 лет, А. В. Бурдуков основательно изучил жизнь и быт монголов, свободно говорил на монгольском языке. Еще в молодости он уста-

² И. М. Майский познакомился с А. В. Бурдуковым в 1919 г. в Монголии, несколько месяцев жил в его доме, пользовался его советами в работе над книгой «Современная Монголия». По свидетельству Т. А. Бурдуковой, общение с И. М. Майским помогло А. В. Бурдукову преодолеть идеалистические представления о путях развития Монголии.

³ А. В. Бурдуков — действующее лицо нескольких исторических романов современных монгольских писателей.

⁴ «История Монгольской Народной Республики». М. 1967, стр. 220.

⁵ См. И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957; «История Монгольской Народной Республики». М. 1967.

⁶ См. М. Санждорж. Халхад хятадын монго хуулэгч худалдаа нэвтэрч холжсон нь (XVIII зуун). (Проникновение китайского торгово-ростовщического капитала в Халху). Улаанбаатар. 1963.

новил связи с известными учеными-монголоведами В. Л. Котвичем, Г. Н. Потаниным, Б. Я. Владимирцовым, прибегал к их советам и, в свою очередь, сам оказывал им содействие в изучении Монголии. А. В. Бурдуков многое сделал для собирания старинных рукописей и других памятников монгольской культуры и, будучи большим знатоком ее, с конца 20-х годов вел плодотворную педагогическую и научную деятельность в области монголоведения. Переписка с названными выше учеными составляет существенную часть рецензируемой книги и представляет значительный интерес как содержащимися в ней разнообразными сведениями о Монголии, так и материалами по монголоведению.

Главная ценность книги — мемуары А. В. Бурдукова (стр. 26 — 218). Они состоят из двух частей: «Монголия в 1911 — 1914 гг.», «Монголия в 1914 — 1921 гг.». Основной стержень воспоминаний — рассказ о важнейших событиях этого десятилетия: образование в 1911 г. феодально-теократического монгольского государства и победа народной революции 1921 года. Мемуарист выступает в рецензируемой книге прежде всего как очевидец событий. А. В. Бурдуков жил в западной части Монголии и описывает главным образом события, происходившие именно там. В этом, как справедливо говорится в предисловии И. Я. Златкина, одновременно и достоинство мемуаров и их известная ограниченность. В своих воспоминаниях А. В. Бурдуков почти не касается событий, развернувшихся в столице Монголии. Но зато мемуарист обогащает наши представления о том, что происходило на периферии, а это как раз наименее изученные страницы истории Монголии того десятилетия, когда исторические судьбы монгольского народа изменились коренным образом.

В мемуарах А. В. Бурдукова нетрудно обнаружить известный субъективизм их автора, а также отдельные неточности и ошибки в оценке некоторых явлений. Редакторы издания, готовя рукопись к печати, проделали значительную работу, снабдив книгу обширными научными комментариями и примечаниями, которые вносят в текст необходимые уточнения и исправления. Следует отметить, что некоторые из комментариев потребовали специальных научных изысканий, в том числе и на архивном материале. Все это делает рецензируемую публикацию весьма надежным источником.

Воспоминания А. В. Бурдукова во многом способствуют уяснению специфики нарастания революционной ситуации в западных районах Монголии. Из свидетельств мемуариста видно, что рост национального самосознания происходил здесь весьма медленно. Этому препятствовали не только раздробленность аратства, его темнота и забитость, но и своекорыстие монгольских феодалов, распри и раздоры между ними, упоминания о которых неоднократно встречаются в воспоминаниях. А. В. Бурдуков справедливо усматривал в них фактор, отрицательно влиявший на борьбу монгольского народа за независимость. Мемуары Бурдукова свидетельствуют о том, что на всем протяжении освещаемого периода обстановка в Монголии осложнялась противоречиями между халхаской и ойратской знатью, а также произволом некоторых халхаских деятелей в отношении ойратов.

А. В. Бурдуков подробно описывает перипетии «кобдоской эпопеи», борьбы за устранение маньчжуро-китайской власти в районе Кобдо, в отличие от Урги значительно затянувшейся. Личное и довольно близкое знакомство с ее активными участниками Дамби-Джамцаном и Хатан-Батором Максаржавом позволило А. В. Бурдукову нарисовать колоритные портреты этих людей. Наблюдения мемуариста помогают понять, почему первый из них в конце концов потерпел политическое крушение, а Максаржав не только сыграл важную роль в борьбе против маньчжурского господства, но позднее активно участвовал в революции 1921 г. и стал народным героем Монголии.

Мемуары А. В. Бурдукова содержат много данных, позволяющих полнее представить положение, сложившееся в Монголии после подписания в мае 1915 г. в Кяхте тройственного русско-монголо-китайского соглашения. Последнее, как известно, зафиксировало превращение возникшего в 1911 г. феодально-теократического государства в автономную Внешнюю Монголию. А. В. Бурдуков приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что после подписания этого соглашения позиции Китая в Монголии, пошатнувшиеся после событий 1911 г., стали быстро восстанавливаться. Вновь возросло не только влияние китайского торгово-растовщического капитала, потеснившего более слабые русские фирмы, но и политическое влияние Китая в некоторых кругах монгольских феодалов.

Позиции китайских милитаристов и ростовщиков значительно укрепились, когда монгольское правительство в страхе перед освободительными идеями Октября согласилось на ввод китайских войск, а затем пошло и на упразднение автономии. 1919 год, констатирует А. В. Бурдуков, проходил под знаком дальнейшего восстановления как экономического, так и политического влияния Китая (стр. 159). В то же время под воздействием революции в России интенсивнее разворачивался и процесс национально-освободительного движения. А. В. Бурдуков показывает, что передовые люди Монголии уже в то время стали осознавать необходимость союза с Советской Россией.

Любопытен в этом смысле эпизод, к которому оказался причастен и сам А. В. Бурдуков, безоговорочно, кстати сказать, принявший Октябрьскую революцию. В 1919 г. правительство Монголии под влиянием китайских милитаристских кругов направило военный отряд в Урянхайский край, где пытались утвердиться китайские милитаристы. А. В. Бурдуков, пользуясь давними связями с командиром этого отряда Максаржавом, убедил последнего не вступать в борьбу с красными партизанами, контролировавшими центр Урянхайского края. Позднее Максаржав сам вспоминал, что это был очень важный для него шаг на пути к актив-

ному участию в борьбе «вместе с красными за возрождение своей родины» (стр. 161).

А. В. Бурдуков подробно рассказывает о бесчинствах унгерновцев на западе Монголии. Семья Бурдуковых едва не стала жертвой этих бесчинств, но была спасена Максаржавом. А. В. Бурдуков оказался единственным русским — очевидцем известного Улясутайского восстания, осуществленного под руководством Максаржава. Восстание это было одним из важных событий революции 1921 года. А. В. Бурдуков остался в войсках Максаржава в качестве переводчика, содействовал установлению связей с Иркутском, откуда вскоре было получено оружие⁷. С помощью подоспевших затем частей Красной Армии белогвардейские банды в Западной Монголии были разгромлены. Описание всех этих событий, занимающее заключительные страницы мемуаров, представляет большой интерес.

К предстоящему полувековому юбилею революции 1921 г. советская литература о Монголии обогатилась еще одной содержательной и полезной книгой, которую с интересом прочтут и советские и монгольские читатели.

Л. А. Березный

⁷ О пребывании А. В. Бурдукова в отряде Максаржава до сих пор помнят некоторые его бойцы. См. «Монгол ардын журант цэргийн дурдатгалууд» («Воспоминания монгольских партизан»). Улаанбаатар. 1961.

А. В. ЕФИМОВ. *США. Пути развития капитализма (Доимпериалистическая эпоха)*. М. Изд-во «Наука». 1969. 695 стр. Тираж 2 700. Цена 2 руб. 84 коп.

Имя члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова — крупного ученого, историка, этнографа и педагога — хорошо известно в советской исторической науке и за рубежом. На его трудах воспитывалось целое поколение советских историков — специалистов по США. Поэтому выход в свет его основных работ по истории США вызывает глубокое удовлетворение.

Правильно оценить значение исследований А. В. Ефимова можно, лишь бросив взгляд на истоки советской американистики. К началу 30-х годов изучение истории США, не имевшее глубоких традиций в до-революционной русской историографии, делало свои первые шаги. Не изучены были архивные материалы, не доставало источ-

ников, не было исследований по истории США. Как вспоминает сам автор, когда он писал свою первую работу, некому было даже послать ее на отзыв (стр. 670). Действительно, из советских исследований, созданных к тому времени, можно было назвать только популярные «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII — XIX вв.», опубликованные в 1931 г. талантливым публицистом Д. О. Заславским. Для создания научного, марксистского курса по истории США необходимо было в первую очередь, опираясь на методологию и посвященные Америке труды классиков марксизма-ленинизма, изучить кардинальные проблемы развития американского капитализма. Решению этой задачи был по-

священ первый исследовательский труд А. В. Ефимова — «К истории капитализма в США», вышедший в 1934 году. Спустя 20 лет А. В. Ефимов выступил с хронологически изложенным курсом истории США — «Очерки истории США», выдержавшим за короткое время два издания: в 1955 и 1958 годах. За время, прошедшее между выходом в свет первой монографии и указанного курса, советские историки продвинулись далеко вперед в разработке отдельных проблем истории США XIX века. В США сложилась марксистская школа в исторической науке, появились ценные труды У. Фостера, Г. Аптекера, Дж. Аллена, Ф. Фонера и др., которые осветили важные вопросы истории США, выявили много новых фактов, в особенности по истории рабочего движения и негритянского народа. Появилось немало серьезных исследований, созданных буржуазными историками. «Очерки истории США» были первой в советской исторической литературе попыткой обобщить накопленный к тому времени материал по истории США XVII—XIX веков. Естественно, что А. В. Ефимов опирался также на результаты собственных исследований.

Рецензируемое издание состоит из двух разделов. В первый включена отчасти переработанная монография «К истории капитализма в США». В основу второго раздела — «Поступь истории США в доимпериалистическую эпоху» — легли обновленные «Очерки истории США». В этот раздел также вошли речь А. В. Ефимова о Вениамине Франклине, произнесенная в 1956 г. на торжественном собрании Академии наук СССР и Московского университета, посвященном 250-летию со дня рождения выдающегося американского ученого и общественного деятеля, исследование о подъеме народных движений в критический период гражданской войны в США, историографический очерк о «теории границ» американского историка конца XIX в. Ф. Д. Тернера и ряд других работ.

В первой части книги в центре внимания автора находится вопрос об общих закономерностях и особенностях развития американского капитализма. Важной его исторической особенностью А. В. Ефимов считает наличие «свободных» земель и их колонизацию: «Если сущность экономического развития США определяется развитием капитализма в этой стране, то изучение влияния «свободных» земель, «границ» американского общества помогает разобраться в некоторых особенностях этого развития»

(стр. 290). Абсолютизация этого влияния, рассмотрение его вне общего социально-экономического и политического контекста американской истории привели отдельных буржуазных историков к выводу об «исключительности» американского капитализма. В наиболее рельефном виде данная тенденция нашла отражение в исторической концепции Ф. Д. Тернера. А. В. Ефимов убедительно опровергает этот тезис, раскрывая на американском материале ленинское положение о диалектическом единстве развития капитализма «вглубь» и «вширь». А. В. Ефимов рассматривает борьбу фермеров и рабочих за «свободные» земли как объективно способствовавшую торжеству того пути развития капитализма в сельском хозяйстве, который В. И. Ленин назвал «американским». На большом числе источников, используя многочисленные американские работы, автор последовательно прослеживает основные этапы борьбы за уничтожение монополии на землю. Борьба за гомстед началась еще в колониальный период, она нашла выражение в попытках углубления революции 1776—1783 гг., а в первой половине XIX в. — в массовом скваттерстве. Вопрос об окончательной победе «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве был решен лишь после разгрома рабовладения в ходе гражданской войны 1861—1865 гг. и принятия акта о гомстеде. В то же время А. В. Ефимов подчеркивает, что насильственный метод заселения Северной Америки сопровождался экспроприацией земли у индейцев и бесчеловечным их истреблением. Первым в советской научной литературе он осветил вопрос о судьбах индейских племен в Северной Америке после вторжения колонизаторов.

Рассматривая основные черты общественного развития английских колоний в Северной Америке в XVII—XVIII вв., А. В. Ефимов приходит к выводу, что главной причиной, помешавшей установлению феодального строя в Америке, было обилие незаселенных земель. Все попытки монополизировать право собственности на землю в этих условиях были обречены на провал. В Америке имелись лишь элементы феодализма. «Характерное для феодального строя противоречие между владельцами крупной земельной собственностью и крестьянством в США при обилии там доступных для заселения земель разрешалось путем скваттерства на землях индейцев или собственников, а в некоторых колониях еще в XVII в. револю-

ционным путем, путем борьбы против собственников» (стр. 43).

В то время, когда А. В. Ефимов приступал к изучению американского капитализма, в советской историографии не было ни одного специального исследования об американском рабстве. В работах Ефимова большое место уделено анализу этого сложного социального института. Отправляясь от оценок К. Маркса, автор показывает, что введение в начале XVII в. рабства в Америке являлось одним из моментов «идиллических процессов первоначального накопления». На новом этапе, в новых исторических условиях, под влиянием развития машинной капиталистической промышленности окончательно отмирают натуральные тенденции в рабовладельческом хозяйстве и оно становится полностью товарным производством. Всесторонний анализ характера американского плантационного рабства, его отличий от античного рабства, его связей с наличием «свободных» земель, влияния на развитие американского капитализма создал прочную научную базу для изучения классовой борьбы в первой половине XIX в., завершившейся войной против рабства. В последующих работах советских историков были широко использованы выводы А. В. Ефимова.

В 30-х годах советские историки обсуждали проблемы промышленного переворота во Франции, Англии, Германии, но не имелось ни одной работы о промышленном перевороте в США. А. В. Ефимов поставил узловые вопросы этой темы. Рассматривая предпосылки промышленного переворота, автор отмечает, что для первоначального накопления в Америке характерна экспроприация земли индейцев, но в отличие от английских крестьян индейцы не были превращены в рабочую силу. Большое значение для формирования класса наемных рабочих до середины XIX в. имела европейская иммиграция (стр. 264 — 267). Автор отмечает, что особенностью промышленного переворота в США был его крайне неравномерный характер. В первой половине XIX в. он локализовался главным образом в старых, северо-восточных штатах. На Юге же тогда существовало рабство, а на Западе в ходе колонизации временно возрождалось мелкое производство. Промышленный переворот интенсивно развивался в 20 — 40-х годах XIX в., но лишь в последнее десятилетие перед гражданской войной началось производство машин с помощью машин. Разработка проблем промышленно-

го переворота в США подводила к более глубокому объяснению динамики борьбы двух социальных систем — рабства и капитализма, а также к уяснению условий формирования американского пролетариата и характера рабочего движения в первой половине XIX века. До тех пор, пока не иссяк запас «свободных» земель, пока было возможно распространение капитализма «вширь», острые конфликты, возникавшие между капиталом и трудом, не выливались в стойкие, законченные формы. Это сказывалось и на идеологии и на организации американского рабочего класса.

Главные выводы А. В. Ефимова по проблемам генезиса капитализма в США, содержащиеся в его ранних работах, сохраняют и сегодня свое научное значение, помогая разоблачению различных современных модификаций теории «исключительности» американского капитализма. Продолжая развенчание этой теории, и в частности концепций, идеализирующих колониальный период в истории США, А. В. Ефимов уделяет особое внимание критике концепции «одноклассового общества», якобы существовавшего в Северной Америке в XVII — XVIII веках. Во второй части книги автор приводит убедительные факты, показывающие, что уже на ранних этапах колонизации страны товарно-денежные отношения проникали в самые глухие уголки западных районов. Это способствовало росту товарности мелкого фермерского хозяйства и быстрой имущественной дифференциации в среде патриархального фермерства. Эта тема затем получила дальнейшее развитие в глубоком и изящном эссе «Свободные» земли Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера» (стр. 638 — 646).

Во второй части книги автор рассматривает не столько экономические проблемы, которым он уделял основное внимание в ранних работах, сколько проблемы гражданской истории США. Особенности развития американского капитализма раскрываются в тесной связи с проблемой буржуазной революции. «Американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве А. В. Ефимов рассматривает как определенный тип не только экономического, но и политического развития, связанный с победой буржуазно-демократической революции. Естественно, что основное место в изложении отводится войне за независимость 1776 — 1783 гг. и гражданской войне 1861 — 1865 годов.

А. В. Ефимов рассматривает войну за не-

зависимость как своеобразную буржуазную революцию, которая была одновременно национально-освободительным, национально-объединительным и антифеодальным движением. Справедливо отмечая, что американская революция была менее радикальной, чем Великая французская революция XVIII в. и даже английская буржуазная революция XVII в., автор стремится проследить борьбу между консервативным и радикальным крылом освободительного движения в Америке на всех его этапах. Особое внимание обращается на выяснение того, как у народных масс зрели и спорадически пробивались наружу требования уравнительного характера, где и как проявлялась тенденция превращения буржуазной революции в буржуазно-демократическую. В этой связи автор сообщает много интересных подробностей о восстании под руководством Д. Шейса. Это восстание, как и некоторые другие волнения фермерской бедноты, характеризуется им как локальная, не развернувшаяся в национальном масштабе попытка углубить буржуазную революцию плебейскими методами. В плане борьбы за «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве эти выступления представляли тенденцию революционного уничтожения монополии на землю. Богатая идеями постановка основных вопросов войны за независимость намечает плодотворные пути для дальнейшего исследования.

Большой вклад внес А. В. Ефимов в разработку истории гражданской войны в США 1861 — 1865 годов. Анализ сущности американского плантационного рабства, борьбы народных масс за гомстед в первой половине XIX в., выяснение хода промышленного переворота на Севере страны — все это способствовало уяснению экономических и политических предпосылок гражданской войны. Еще в монографии, изданной в 1934 г., А. В. Ефимов, развивая известную ленинскую оценку периода 1861 — 1865 гг., высказал мысль о гражданской войне как буржуазно-демократической революции (стр. 164). Эта постановка вопроса была новой для марксистской исторической литературы и в последующие годы получила широкое признание. Своим путем к этому выводу пришли также американские прогрессивные историки Дж. Аллен, Ф. Фонер и др. В «Очерках истории США» А. В. Ефимов, последовательно обосновывая этот тезис, проследил общий ход и этапы второй американской революции. В статье «Народный

подъем и общественное мнение в критический период гражданской войны», впервые опубликованной в сборнике «К столетию гражданской войны в США» (М. 1961), А. В. Ефимов показал, какой отпечаток наложили народные массы на ход событий, какова была их роль в переходе правительства Линкольна к «войне по-революционному». А. В. Ефимов дал также анализ классового состава радикальных республиканцев как представителей прогрессивных кругов промышленной буржуазии Северных штатов. Период реконструкции 1865—1876 гг. он вслед за американским историком-марксистом Дж. Алленом рассматривает как нисходящий этап буржуазно-демократической революции, когда она локализуется главным образом на Юге, а бывшие негры-рабы, боровшиеся за свое социальное и политическое освобождение, становятся наиболее революционными из всех социальных слоев¹.

Из других крупных проблем, поднимаемых в книге, следует отметить некоторые вопросы внешней политики. А. В. Ефимов показывает, что стремление буржуазии и рабовладельцев к экспансии возникло одновременно с появлением американского буржуазного государства. Им прослеживается развитие экспансионистских устремлений господствующих классов Америки, усиление их в 40—50-е годы XIX в., когда происходила война США с Мексикой и началось проникновение США в страны Дальнего Востока. А. В. Ефимов рассматривает сложный вопрос о том, что «на ход истории данной страны оказывают влияние не только народные движения в ней самой, но в известной мере и мощные народные движения в других странах, которые вызывают изменения не только внутри этих стран, но и в системе государств» (стр. 507).

В 30-е годы А. В. Ефимов был в числе первых исследователей истории США, введших в научный оборот материалы русской печати и архивов, без чего было невозможно изучение русско-американских отношений. В дальнейшем А. В. Ефимов значительно расширил эту тему, показав объективно благоприятную для США позицию России в переломные периоды истории США — во время войны за независимость и гражданской войны.

¹ О значении работ А. В. Ефимова в изучении второй американской революции см.: Р. Ф. Иванов. Проблемы истории гражданской войны 1861—1865 гг. в трудах советских историков. «От Аляски до Огненной земли». Сборник статей. М. 1967.

Мы остановились лишь на главных проблемах, разрабатываемых А. В. Ефимовым. Труды А. В. Ефимова — пример успешного применения марксистско-ленинской методологии к исследованию истории США. Они сыграли важную роль в развитии советской американистики, стимулировали научные поиски в различных областях истории

США². Их высокий научный уровень обеспечивает им дальнейшую плодотворную жизнь.

² См. Н. Н. Болховитинов. Некоторые итоги и задачи изучения новой истории США в Советском Союзе. «Новая и новейшая история», 1969, № 2.

И. П. Дементьев

НОВЫЕ КНИГИ

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Сборник документов и материалов. М. Политиздат. 1970. 168 стр. 200 000 экз. 20 коп.

Ленин и Бряница. Сборник документов и материалов. Сост. Л. В. Налетова и др. Науч. ред. И. И. Фишман. Тула. Приок. кн. изд. 1970. 208 стр. с илл. 3 000 экз. 95 коп.

Ленин и возрождение Бурятии. (Сборник документов). Сост. К. К. Балдаев и Г. Б. Цыденов. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд. 1970. 206 стр. 2 000 экз. 32 коп.

Самарцы — Ильичу. Письма, документы, материалы. Сост. З. А. Никишина и др. Куйбышев. Кн. изд. 1970. 239 стр. с илл. 6 000 экз. 72 коп.

С Лениным вместе. Воспоминания. Документы. Изд. 2-е, испр. и доп. Петрозаводск. «Карелия». 1970. 431 стр.; 4 л. илл. 5 000 экз. 1 руб. 14 коп.

Человеку, другу, вождю. Саратовцы В. И. Ленину и о В. И. Ленине. Сборник документов 1917—1924 гг. Изд. 2-е, доп. Саратов. Приволж. кн. изд. 1970. 118 стр. 12 000 экз. 11 коп.

Брежнев Л. И. *Дело Ленина живет и побеждает.* Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 апреля 1970 г., посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. М. Политиздат. 1970. 126 стр. 100 000 экз. 51 коп.

История СССР

Бабалашвили И. П. *Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны.* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1969. 254 стр.; 8 л. илл. 5 000 экз. 1 руб. 31 коп.

Бадер О. Н. *Бассейн Оки в эпоху бронзы.* М. «Наука». 1970. 176 стр. с илл. 1 400 экз. 1 руб. 34 коп.

Байбуртян В. А. *Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке.* Роль Новой Джульфы в ирано-европ. полит. и эконом. связях. Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1969. 167 стр. 1 000 экз. 56 коп.

Бакман Я. *По городу XXV веков. Самарканд.* (Исторический очерк). Вступит. статья и ред. Ю. Н. Алескерова. Ташкент. «Узбекистан». 1969. 95 стр.; 8 л. илл. 20 000 экз. 22 коп.

Берикетов Х. Г. *Ленин и Кавказ.* Нальчик. «Эльбрус». 1970. 254 стр. 1 000 экз. 65 коп.

Битва за Сталинград. Сост. А. М. Бородин и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград. Нижне-Волж. кн. изд. 1970. 592 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 37 коп.—Сборник воспоминаний участников великой битвы у Волги.

Бродский Е. А. *Во имя победы над фашизмом.* Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941—1945 гг.). Отв. ред. В. Д. Ежов. М. «Наука». 1970. 587 стр. с илл. 20 000 экз. 2 руб. 43 коп.

Буденный С. М. *Встречи с Ильичем.* М. Изд-во ДОСААФ. 1970. 175 стр. с илл. 200 000 экз. 30 коп.

Владимиров Б. *Сорок первый километр.* М. «Моск. рабочий». 1970. 232 стр. 15 000 экз. 35 коп.—Автор воскрешает картины героической обороны Москвы осенью и зимой 1941 года.

Всегда с нами. Владимирцы, ивановцы, костромичи, ярославцы о Ленине. 50 рассказов, очерков, воспоминаний, интервью. Сост. Н. Грибков. Ярославль. Верх.-Волж. кн. изд. 1970. 398 стр.; 7 л. илл. 5 000 экз. 93 коп.

Голубцов В. С. *Мемуары как источник по истории советского общества.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1970. 114 стр. 2 000 экз. 47 коп.

Дзидзария Г. А. *Декабристы в Абхазии.* Сухуми. «Алашара». 1970. 117 стр. с илл. 2 500 экз. 46 коп.

Егуннов Н. П. *Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии.* Улан-Удэ. Бурят. кн. изд. 1970. 199 стр. 1 000 экз. 74 коп.

Заводчиков П. и Самойлов Ф. *Девичья команда.* Л. Лениздат. 1970. 288 стр. с илл. 100 000 экз. 33 коп. Документальные рассказы о девушках-минерах, прошедших большой путь войны.

Зерницкий М. С. *Великий мастер публицистики.* Из опыта исследования выступлений В. И. Ленина в печати в 1918—1920 гг. Минск. Изд-во Белорус. ун-та. 1970. 251 стр. 1 500 экз. 1 руб.

Идеи Ленина живут и побеждают. Сборник статей. Сост. и отв. ред. Я. М. Дахия. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1970. 271 стр. 5 280 экз. 1 руб. 40 коп.

История индустриализации Северного

района. Архангельская, Вологодская области и Коми АССР. 1926—1941 гг. Сост. В. С. Агуреев и др. Под ред. Н. П. Кудрявцева и др. Архангельск. Сев.-Зап. кн. изд. 1970. 670 стр. с илл. 5 000 экз. 1 руб. 73 коп.

Кирюхина Е. *Ленин и Вятский край*. Киров. Волго-Вят. кн. изд., Киров. отд-ние. 1970. 179 стр. 10 000 экз. 85 коп.

Ковальский П. *В Брестских лесах*. Записки партизана. Минск. «Беларусь». 1970. 158 стр. с илл. 50 000 экз. 47 коп.

Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Июнь 1941—1945 гг. Документы и материалы. Сост. В. Б. Калинин, В. И. Нечипуренко и В. М. Савельев. М. Политиздат. 1970. 494 стр. 50 000 экз. 94 коп.

Котлер Ю. Л. *Хроника революции* (1917, апрель—октябрь). От Апрельских тезисов к победоносному Октябрю. Ленин — вождь. Месяцы, дни, часы революции. Воспоминания современников. М. «Сов. Россия». 1970. 149 стр. 31 150 экз. 26 коп.

Кузнецова Н. А. и Кулагина Л. М. *Из истории советского востоковедения*. 1917—1967. М. «Наука». 1970. 2200 экз. 92 коп.

Кунецкая Л., Маштакова К. и Субботина З. *Кабинет и квартира Владимира Ильича Ленина в Кремле*. М. «Моск. рабочий». 1970. 198 стр. с илл. 3 000 экз. 3 руб.

Кэбин И. *Эстония — прошлое, настоящее*. Таллин. «Ээсти раамат». 1970. 184 стр.; 16 л. илл. 4 000 экз. 58 коп.

Ленин в Москве и Подмосковье. Места пребывания, даты и события. Авт. коллектив. М. «Моск. рабочий». 1970. 467 стр. с илл. 30 000 экз. 2 руб.

Ленин и исторические судьбы болгарского народа. Авт. П. Аврамов и др. Под ред. Г. Голикова и др. София. Изд-во Болгар. коммунист. партии — Москва. Политиздат. 1970. 248 стр. 8 500 экз. 1 руб. 7 коп.

Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. Коллектив авт. Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров и др. М. «Наука». 1970. 503 стр. 6 700 экз. 2 руб. 19 коп.

Ленин. Ленину. О Ленине. Страницы ярославской Ленинианы. Сост. Н. С. Алексеева и др. Глав. ред. Н. И. Мяскин. Ярославль. Верх.-Волж. кн. изд. 1970. 334 стр. с илл. 5 000 экз. 79 коп.

Ленин с нами. Сост. Ю. В. Ильницкий. Ужгород. «Карпаты». 1970. 144 стр.; 9 л. илл. 11 000 экз. 70 коп. (На укр. яз.).

Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. Глав. ред. М. Б. Митин. М. «Наука». 1970. 303 стр. 8 000 экз. 1 руб. 36 коп. — Сборник основных докладов, сделанных на научной сессии в Ленинграде (январь, 1969 г.).

Макаренко Я. *С Россией в сердце*. В. И. Ленин в Польше в 1912—1914 годах. Изд. 2-е, доп. и переработ. М. Политиздат. 1970. 254 стр.; 8 л. илл. 140 000 экз. 67 коп.

Малахова И. *Духовные христиане*. М. Политиздат. 1970. 128 стр. (Соврем. религии). 60 000 экз. 18 коп.

Муштуков В. и Никитин П. *Здесь жил и работал Ленин*. По памятным ленинским местам Ленинграда и окрестностей. 5-е изд., испр. и доп. Л. Лениздат. 1970. 374 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Авт. А. Р. Дзенискевич и др. Л. «Наука». Ленингр. отд-ние. 1970. 414 стр. с илл. 43 000 экз. 1 руб. 73 коп.

Осетия на ленинском пути. Сборник статей. Орджоникидзе. «Ир». 1970. 179 стр. 1 500 экз. 19 коп.

Пирумова Н. *Бакунин*. М. «Мол. гвардия». 1970. 400 стр. с илл. 65 000 экз. 98 коп.

Подвиг земли богатырской. Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Авт. М. Р. Акулов и др. М. «Мысль». 1970. 364 стр. 12 500 экз. 1 руб. 81 коп.

По ленинскому пути. Отв. ред. П. Р. Шервердалкин. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1970. 132 стр. 5 260 экз. 84 коп. (Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. 10).

По ленинскому пути. Сборник статей. Отв. ред. Г. А. Дзидзария. Сухуми. «Алашара». 1970. 183 стр. 1 000 экз. 1 руб. 5 коп. (Абхаз. ин-т языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР).

Руднев Д. *Ленин и Эстония*. Таллин. «Ээсти раамат». 1970. 209 стр. с илл. 3 000 экз. 98 коп. На эст. яз.

Седов В. В. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. М. «Наука». 1970. 200 стр. с илл. 1 400 экз. 1 руб. 45 коп.

Семиряга М. И. *Советские люди в европейском Сопротивлении*. М. «Наука». 1970. 351 стр. с илл. 11 500 экз. 1 руб. 59 коп.

Сибирь и ее соседи в древности. Сборник статей. Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск. «Наука». Сиб. отд-ние. 1970. 320 стр. с илл. 1 900 экз. 1 руб. 46 коп.

С мандатом Ленина. Сост. П. Н. Евтеев и Тер-Нерсесьянц. Донецк. «Донбасс». 1970. 287 стр.; 17 л. илл. 20 000 экз. 1 руб. 60 коп. В очерках, статьях и воспоминаниях, помещенных в сборнике, рассказывается о выдающихся деятелях Коммунистической партии и Советского государства, учениках и соратниках Ленина, о творческих свершениях коммунистов и беспартийных тружеников Донбасса.

Сонкин М. *Ключи от бронированных комнат*. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1970. 384 стр. 100 000 экз. 87 коп. — В документальных очерках оживают многие события 1917—1923 гг., когда советская дипломатия развернула поход против политической и экономической блокады молодой Республики Советов.

Спасский И. Г. *Русская монетная система*. Историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е, доп. Л. «Аврора». 1970. 256 стр. с илл. 30 000 экз. 2 руб.

СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткая хроника. Авт. И. Г. Виктор и др. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Воениздат. 1970. 856 стр. 35 000 экз. 2 руб. 26 коп.

Стеклов А. П. *Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914—1917 гг.* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1969. 291 стр. 2 000 экз. 1 руб. 36 коп.

Сто двадцать четыре дня в Смольном. Коллективная хроникально-документальная повесть. Сост. В. А. Фельд. Вступит. статья и общ. ред. М. Куртынина. Л. Лениздат. 1970. 382 стр. с илл. 6 000 экз. 1 руб. 43 коп.

Страницы истории Марийского края. Сборник статей. Отв. ред. Г. Н. Айплатов. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1970. 128 стр. с илл. 1 000 экз. 22 коп.

Таллин в огне. Сборник воспоминаний участников обороны Таллина и Моонзундского архипелага 7 июля — 2 декабря 1941 г. Таллин. «Ээсти раамат». 1970. 311 стр. с илл. 2 000 экз. 1 руб. 9 коп.

Тепляшина Е. И. *В. И. Ленин — вождь Октябрьского вооруженного восстания.* Историко-геогр. обзор. Науч. ред. И. Ф. Петров. М. «Мысль». 1970. 59 стр. 19 000 экз. 19 коп.

Ткешелашвили Н. М. *Очерки развития промышленности Советской Грузии (1921—1940).* Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1970. 447 стр. 1 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Фазин З. *Товарищ Серго.* Очерк. М. Политиздат. 1970. 127 стр.; 2 л. илл. (Герон Советской Родины). 100 000 экз. 19 коп.

Черменский Е. Д. *Буржуазия и царизм в первой русской революции.* Изд. 2-е, переработ. и доп. М. «Мысль». 1970. 448 стр. с илл. 5 000 экз. 1 руб. 63 коп.

Всеобщая история

Акмикина Н. А. *Компартия Великобритании в борьбе за массы.* Ростов н/Дону. Изд-во Рост. ун-та. 1970. 203 стр. 1 000 экз. 76 коп.

Аршаруни Н. А. *Иностранный капитал в Ливии (1911—1967 гг.).* М. «Наука». 1970. 131 стр. 1 700 экз. 44 коп.

Борьба классов и современный мир. Актуальные проблемы рабочего движения стран развитого капитализма. Сборник статей. Отв. ред. А. А. Искендеров. М. «Наука». 1970. 252 стр. 7 700 экз. 1 руб. 2 коп.

Васильев А. *Ракеты над цветком лотоса.* Вьетнам в дни войны. М. Политиздат. 1970. 200 стр.; 16 л. илл. 50 000 экз. 46 коп.

Виноградов К. Б. *Дэвид Ллойд Джордж.* М. «Мысль». 1970. 412 стр. 30 000 экз. 1 руб. 47 коп. — Очерк о жизни и деятельности политического деятеля Англии первой четверти XX века.

Генри Э. *Заметки по истории современности.* М. «Наука». 1970. 430 стр. 24 500 экз. 1 руб. 81 коп.

Иванова Е. В. *Тайские народы Таиланда.* М. «Наука». 1970. 200 стр. 1 200 экз. 71 коп.

Из истории Коминтерна. Сборник статей. Под ред. Б. М. Лейбзона и К. К. Шириня. М. «Мысль». 1970. 292 стр. 10 000 экз. 1 руб. 24 коп.

Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Сборник статей. Л. «Наука». Ленингр. отд-ние. 1970. 403 стр. с илл. 1 350 экз. 1 руб. 97 коп.

Костин П. В. *ФБР — портрет во весь рост.* М. «Мысль». 232 стр. 21 500 экз. 71 коп.

Кузнец Ю. Л. *От Пёрл-Харбора до Потсдама.* Очерк внешней политики США. М. «Международ. отношения». 1970. 351 стр. 17 000 экз. 1 руб. 28 коп.

Москаленко В. Н. *Проблемы современного Пакистана.* М. «Наука». 1970. 283 стр. 1 800 экз. 1 руб. 2 коп.

Нам С. Г. *Формирование народной интеллигенции в КНДР (1945—1962 гг.).* М. «Наука». 1970. 111 стр. 1 400 экз. 38 коп.

Притыцкая Т. И. К. *Маркс и Ф. Энгельс о всемирно-исторической роли пролетариата и его партии.* Минск. Изд-во Белорус. ун-та. 1970. 131 стр. 1 855 экз. 46 коп.

Розен В. *Преступления без наказания.* Правда о положении нацистских преступников в ФРГ. М. «Международ. отношения». 1970. 152 стр. с илл. 40 000 экз. 27 коп.

Сапожников Б. Г. *Японско-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941).* М. «Наука». 1970. 226 стр.; 3 л. карт. 1 700 экз. 1 руб.

Книги, переведенные с иностранных языков

Абайя Э. *Нерассказанная история Филиппин.* Пер. с англ. Ред. и вступит. статья Г. И. Левинсона. М. «Прогресс». 1970. 380 стр. 94 коп.

Багдаш Х. *Избранные статьи.* Пер. с араб. М. «Наука». 1970. 123 стр. 4 200 экз. 45 коп. — Сборник статей генерального секретаря ЦК Сирийской коммунистической партии.

Гарашин Р. *Красные гусары.* Авториз. пер. с венг. М. Воениздат. 1970. 239 стр. с илл. 65 000 экз. 88 коп. — Мемуары начальника штаба, а затем командира интернационального кавалерийского полка в годы гражданской войны в нашей стране.

Шабо Ж. *Франция.* Развитие экономико-географических районов. Сокр. пер. с франц. Вступит. статья и ред. А. Г. Артемьевой. М. «Прогресс». 1970. 472 стр.; 2 л. карт. 3 руб. 69 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 5, 1970. М. В. Захаров. Историческая победа советского народа и его Вооруженных Сил; Ю. П. Петров. Программа развертывания партизанского движения в годы Великой Отечественной войны; Н. И. Макаров. Организационно-партийная работа в партизанских формированиях; Н. И. Кондакова. Некоторые вопросы идейно-политической работы партии в освобожденных районах (1941—1945 гг.); А. Ф. Васильев. Коммунисты Урала в борьбе за повышение эффективности промышленного производства в годы Великой Отечественной войны; Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин. В. И. Ленин о ликвидации эксплуататорских классов в СССР; Леонте Рэуту. Ленинизм и опыт строительства социализма в Румынии; А. Ю. Другов. К 50-й годовщине Компартии Индонезии; Ю. Н. Панков. Морис Торез (К 70-летию со дня рождения); Е. П. Глазунов. Хо Ши Мин (К 80-летию со дня рождения); М. Т. Мещеряков. Хосе Диас (К 75-летию со дня рождения); Л. А. Левин. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о его жизни и деятельности в европейских социалистических странах; И. И. Гвоздев. В авангарде борющегося народа (Обзор литературы о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945).

«Вопросы истории КПСС» № 6, 1970. А. В. Бачурин. Осуществление ленинских идей о социалистическом планировании; Эрих Глюкауф. Учение Ленина — надежный компас; М. Ф. Валеев. В братской семье народов (К 50-летию образования Татарской АССР); Б. М. Лейбзон. Коммунистические партии капиталистических стран о борьбе на два фронта; Г. Н. Шашиев. Международное значение ленинских организационных принципов; В. М. Селунская. В. И. Ленин о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму; Ш. И. Чивадзе. Изучение истории местных партийных организаций — важная задача науки; А. Г. Титов. Разгром антипартийной группы «демократического централизма»; Б. В. Щетинин. Создание и деятельность органов Советской власти в тылу немецко-фашистских войск; Б. И. Шевченко. С точки зрения практики; Р. А. Ошуркова. Терминологии нужна научная точность; А. А. Агапова. Проблема партийного контроля за хозяйственной деятельностью в курсе «Партийное строительство».

«История СССР» № 3, 1970. А. М. Васильевский. Освобождение Донбасса и Левобережной Украины. Борьба за Днепр; В. П. Морозов. О периодизации и некоторых проблемах научной разработки истории Великой Отечественной войны; К. Н. Тарновский. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве); Э. Гудавичюс, С. Лазутка. Процесс закрепощения крестьян-

ства Литвы и его отражение в I Литовском статуте 1529 г.; В. Н. Донченко. Демобилизация Советской Армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы; Ю. М. Критский. В. И. Семевский и цензура; А. Поппэ. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в.; Я. Н. Шапов. Древнерусские княжеские уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X—XIV вв.; С. Нарметов. Гражданская война в Хорезме; С. В. Воронкова. Обзор материалов Особого совещания по обороне государства; К. П. Маслов. В. И. Ленин и советская историческая наука; З. К. Звездин. Ленинские принципы размещения производительных сил; В. Б. Никитина, Ю. А. Якимович. Военные мемориалы в Белоруссии; А. В. Ополонников. На краю света; Е. В. Михайловский. Историко-архитектурное наследие в структуре современного города; О. А. Ржешевский. Историки против истории (Новая буржуазная литература о Великой Отечественной войне, изданная в США); В. С. Шумихин. Советская авиация во второй мировой войне: мифы и действительность; В. С. Рыкалов. Победа Советского Союза во второй мировой войне в оценке французских буржуазных историков; О. В. Серова. СССР и Италия во второй мировой войне. Новые книги итальянских авторов; В. Д. Вознесенский. Советский Союз и Болгария в 1944—1948 гг. (Новая публикация документов).

«Новая и новейшая история» № 3, 1970. А. А. Губер. Проблемы новой и новейшей истории в программе XIII Международного конгресса исторических наук; П. Н. Поспелов. В. И. Ленин о гегемонии пролетариата и о партии нового типа; Л. М. Леонидов. Политический кризис 1961 года в Бразилии; Н. И. Казаков. Наполеон глазами его русских современников; А. И. Пушкаш. Возникновение и крах фашизма в Венгрии; Ю. М. Каграманов. Хроника «Коза nostra»; С. М. Аскольдова. С. Гомперс и американский тред-юнионизм; Автобиографии «чикагских мучеников»; К. Е. Калманович. Эскулап из Галле (Струэнзе и его реформы); Л. А. Зак. Ленинская концепция английского империализма и ее современные «критики»; А. Я. Манусевич. О Варшавском восстании 1944 года.

«Народы Азии и Африки» № 2, 1970. По пути, указанному Лениным (Из выступлений на Международном симпозиуме в Алма-Ате, октябрь 1969 г.). Лутфи ал-Холи. Ленинизм и коренные проблемы национально-освободительного движения; Данг Куанг Минь. Победоносное шествие ленинских идей; Амилькара Кабрал. Чему мы учимся у Ленина; А. Н. Хейфец. Ленинская внешняя политика и национально-освободительное движение; М. А. Персид. В. И. Ленин о левосектантских ошибках первых коммунистов Востока (1918 — июль 1920 г.); Г. Г. Бауман.

Полемика В. И. Ленина с левыми нидерландскими социал-демократами по национально-колониальному вопросу.

«Советская археология» № 2, 1970. К столетию со дня рождения В. И. Ленина; Ю. Н. Захарук. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки; И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация; Л. С. Клейн. Проблема определения археологической культуры; А. М. Хазанов. Характерные черты сарматского военного искусства; Л. А. Ельницкий. Скифские легенды как культурно-исторический материал; Н. И. Соколовский. Виноделие в азиатской части Боспора; И. К. Лабутина. Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова; И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике; А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина. Литейные формы из Лявлякана; В. И. Мамонтов. Материалы Пятиморской стоянки; А. Л. Нечитайло. Курганы эпохи бронзы близ станции Суворовской; С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян. Находки новых бронзовых статуэток в Армении; А. П. Уманский. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье; Э. А. Рикман. Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии; А. П. Рунин. Катакомбы Рим-горы; М. Н. Петров. Стоянки развитого неолита в северном Приильменье; Н. А. Черныш. Тотемный знак на гальке; Б. А. Шрамко. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии; А. В. Бодянский. Находка раннескифских вещей в Днепровском Надпорожье; С. А. Булатович. Клад кизикинов из Ольвии; В. Е. Максименко. Сарматские погребения в дельте Дона; Г. К. Шамба. Погребение II в. н. э. из Мацесты; И. С. Винокур. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э.; В. Б. Виноградов. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне; Ю. П. Слегалевский. Церковь Василия на Горке в Пскове; Х. П. Абдуллаев. О Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря.

«Советская этнография» № 2, 1970. С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов. Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии; Ю. Н. Сидорова. Образ В. И. Ленина в устном поэтическом творчестве народов СССР; Э. Л. Нитобург. Ленин о негритянском вопросе в США; Л. Е. Куббель. Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христюкова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования); Ч. М. Таксами. Изменение социального состава малых народов Дальнего Востока (К постановке вопроса); М. С. Великанова. Населе-

ние Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным; Мак Дыонг. Основные этапы развития этнографических знаний во Вьетнаме; Д. Т. Тодоров. Некоторые аспекты этнографических исследований современного быта и культуры в Болгарии; А. И. Першиц. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности; С. Е. Яхонтов. Древнейшие упоминания названия «киргиз»; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. К вопросу классификации городского населения при этнографическом изучении города; В. С. Кондратьев. Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании; И. Хидоятов. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время; А. М. Кайгородов. Русские в Трехречье (По личным воспоминаниям).

«Мировая экономика и международные отношения» № 6, 1970. И. Иванова. Антикоммунизм и концепция «Атлантического сообщества»; М. Монин. Великая Отечественная война и освободительная борьба в Европе; И. Ершов. Боливия: смена правительства или смена политики? С. Рутлова. Демократическое студенческое движение в ФРГ и в Западном Берлине.

«Военно-исторический журнал» № 6, 1970. А. Громаков. Политика Коммунистической партии в области военного строительства (1920—1923 гг.); И. Пересыпкин. Некоторые вопросы развития связи; М. Чередниченко. Об особенностях развития военного искусства в послевоенный период; В. Мацуленко. Война в Корее; С. Захаров. О подготовке кадров политработников флота в годы войны; Ф. Бокков. Пятая ударная армия в боях за Берлин; В. Ашкерев. В боевом залоге под Берлином; Д. Лелюшенко. Перед нами Берлин! П. Кабанов. Войны — железнодорожники Воронежского фронта в 1943 году; Я. Зимин. Документы Главного командования Красной Армии; А. Щелоков, Н. Комаров. Оборона Ленинграда в ложном свете мистера Солсбери.

«Советские архивы» № 2, 1970. П. Н. Поспелов. Торжество ленинских идей; А. А. Соловьев. Документальное наследие В. И. Ленина; Фотолениниана. Из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС; Н. Р. Проккопенко. Документы ЦГАОР СССР о жизни и деятельности В. И. Ленина; А. Г. Федоров. Ленинские автографы, выявленные в фондах ЦГАНХ СССР; В. Н. Сверкалов. Ульяновск — родина В. И. Ленина; В. Р. Герасимюк. В. И. Ленин и рабочая большевистская печать; Л. И. Арапова. В. И. Ленин о публикации документов; Г. И. Рыбенков. Архивы Советских Вооруженных Сил.

«Украинский исторический журнал» № 5, 1970. Г. И. Салманов. Великому подвигу — четверть столетия; О. В. Моисеев. Триумф могущества Советского социалистического государства; П. И. Денисенко. Вклад украинского народа в победу над фашистской Германией; В. С. Коваль.

Вопрос о западной границе Украины на конференциях глав правительств СССР, США и Англии в годы Великой Отечественной войны; Г. Фогль. Творческое применение марксизма-ленинизма — основа успехов ГДР; П. С. Гончарук. Вопросы истории в программных документах Кирилло-Мефодиевского товарищества; И. И. Локтионов. Военные моряки днепровцы и дунайцы в боях за Украину в 1941 году.

«Вестник» Московского университета № 3, 1970. Серия IX. История. С. Ф. Найда. Двадцать пять лет со времени победы СССР в Великой Отечественной войне; А.-М. Б. Бабаев. О внутрипартийной работе Дагестанской организации КПСС в годы Великой Отечественной войны; В. П. Смирнов. Начало Великой Отечественной войны и французское движение Сопротивления; З. П. Игумнова. Из истории создания рабфака им. М. Н. Покровского; В. В. Согрин. Формирование антимонополистической идеологии в США в конце XIX в.; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. К вопросу о южной границе Хазарии.

«Вестник» общественных наук АН Армянской ССР №№ 1, 2, 3, 1970. Э. А. Костандян. Г. Сrvандзтянц и национально-освободительное движение западных армян; Ц. П. Агаян. Из истории национально-освободительной борьбы армянского народа; Г. А. Тирацян. Древнеармянская расписная керамика; Г. Х. Дарбинян. В. И. Ленин — организатор циммервальдского движения; Э. Г. Багдасарян. Армянское княжество Ерзнка в XIII—XV вв.; Э. И. Ружикский. Неопубликованные документы XIV века по истории армянской колонии во Львове; Г. А. Исаакян. Рождение газет «Вперед» и «Пролетарий» и их проникновение в Закавказье; Х. О. Бадалян. Второй конгресс Коминтерна и борьба В. И. Ленина против оппортунистических партий; Г. В. Мкртчян. В. И. Ленин в библиотеке Британского музея; Г. А. Аветисян. Коммунистический Интернационал Молодежи и Закавказье.

«Вестник» АН Груз. ССР. Орган Отделения общественных наук №№ 1, 2, 1970. М. Ахобадзе. Усиление революционной агитации в селах Грузии 60—70-х гг. XIX в.; П. Георгадзе. Проведение крестьянской реформы и ее результат в Ахалцхском уезде; Н. Стурua. В. И. Ленин о дружбе народов; Ю. Качарава. У истоков ленинского этапа грузинской историографии; И. Бабалашвили. В. И. Ленин и строительство грузинской Красной Армии; Г. Чипашвили, З. Шарашенидзе. В. И. Ленин о национально-освободительном движении в странах Востока; Э. Хоштариа. В. И. Ленин об особенностях развития капитализма в России; Г. Пурцеладзе. Крестьянство Грузии во второй половине 70-х годов XIX века; А. Лежава. Распространение марксистских идей и создание социал-демократических кружков на Северном Кавказе; Н. Бурдзенидзе. Участие женщин в работе Советов Грузии; В. Джанджга-

ва. Борьба крестьян за Советскую власть в Грузии 1919—1921 годов; Т. И. Лысенко. Материалы по изучению древних рукописей, хранящихся в фонде академика Н. Я. Марра; В. М. Потин, Р. В. Кебуладзе. Монеты Давида Куропалата в кладах западноевропейских денариев.

«Вестник» АН Казахской ССР. № 1—3, 1970. М. Сужиков. В. И. Ленин — выдающийся теоретик по национальному вопросу; А. Е. Еренов, С. Б. Байсалов. Третий Всесоюзный съезд колхозников — важное событие в жизни народа; С. Зиманов. Советский Восток в центре внимания и забот В. И. Ленина.

«Известия» АН БССР. Серия общественных наук. № 1, 1970. К. П. Буслов. О ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве и подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»; Ф. С. Мартинкевич. Осуществление ленинского кооперативного плана в Белоруссии; И. М. Игнатенко. Национальный вопрос в учении В. И. Ленина.

«Известия» АН Казахской ССР. Серия общественная. № 1, 1970. З. А. Алдамжаров. Из историографии Великого Октября в Казахстане (по материалам казахстанской периодической печати 20—30-х годов); И. Л. Портной. Деятельность фабзавкомов Спасского завода и Караганды по укреплению союза рабочего класса и крестьянства (1919—1922 гг.); Н. Я. Климович. Деятельность рабочей группы на I съезде народных университетов.

«Известия» АН Казахской ССР. Серия общественная. № 2, 1970. А. Еренев, В. А. Ким. В. И. Ленин и решение национального вопроса (на примере Казахстана); Т. Жангельдин. Влияние ленинских идей на формирование общественно-философской мысли в Казахстане; С. Зиманов. В. И. Ленин и Каревком; Д. Кшибеков, В. Р. Розенберг. Ленинские идеи о некапиталистическом пути развития отсталых стран к социализму и формирование казахской технической интеллигенции; Г. П. Кармышев, М. В. Самборский. В. И. Ленин о ближайших и коренных интересах пролетариата в буржуазной революции; Т. Агдарбеков. В. И. Ленин и создание специальных государственных органов, занимающихся национальным вопросом; А. Нурканов. В. И. Ленин о диалектике расцвета и сближения культур социалистических наций.

«Известия» АН Туркменской ССР. Серия общественных наук № 2, 1970. Плоды ленинской национальной политики в Туркменистане; Б. М. Мередов. Осуществление ленинских идей социалистической индустриализации в Советском Туркменистане; М. Мошев, С. Какабаев. Осуществление ленинского кооперативного плана в Советском Туркменистане; Р. Каррыева, П. Ф. Повелицына. В. И. Ленин и женщины Советского Востока.

«Общественные науки» в Узбекистане № 1, 1970. И. М. Муминов. О ходе подготовки к ленинскому юбилею, итогах и задачах работы Отделений общественных наук АН УзССР; М. А. Ишанова. II съезд Советов УзССР и его историческое значение; Г. Ю. Астанова. Документ по истории крестьянского землевладения в Бухарском эмирате.

«Общественные науки» в Узбекистане № 2, 1970. И. М. Муминов. Ленин и наука; А. С. Садыхов. Исторические предпосылки Хорезмской народной революции; Я. М. Досумов. Великий Октябрь и

революционизирование народов Хивинского ханства; М. А. Абдуллаев. Победа народной советской революции в Хорезме; Х. Ш. Иноятв. Революционно-демократические и социальные преобразования в ХНСР; Х. Саматова. Создание ХНСР — воплощение ленинских идей о крестьянских Советах; Р. А. Нуруллин. О помощи ТАССР народам Хорезма; Н. Юлдашев. Начало строительства советской культуры в ХНСР; Т. А. Джалилов. Из истории создания и деятельности органов милиции ХНСР; Ю. Садыхов. К истории организации Совнаркома УзССР.

VIII ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

В декабре 1965 г. в Тбилиси состоялась VII Всесоюзная сессия византинистов. VIII Всесоюзная сессия византинистов проходила в октябре 1969 г. в Свердловске. Она собралась во время подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, и это способствовало дальнейшей углубленной разработке марксистско-ленинской методологии в трудах византинистов. За эти годы в советском византиноведении произошло крупное событие — вышел в свет коллективный труд «История Византии» в трех томах¹. Сессия 1965 г. работала в условиях подготовки к выпуску этого издания. На сессии 1969 г. были поставлены новые проблемы, недостаток в разработке которых остро ощущался при написании трехтомного коллективного труда.

Неожиданным явился созыв сессии в Свердловске — казалось бы, что общего между «гипербореями» (уральцами), до которых никогда не доходило греческое влияние, и Византией. Однако историческая роль Византии в процессе развития цивилизации была столь значительна, что историей Византии в настоящее время занимаются ученые таких стран, существование которых даже не могло быть известно византийцам, — Америки и Японии. Неудивительно, что и на Урале, в Свердловске, в силу некоторых обстоятельств (эвакуация Херсонесского музея во время войны в Свердловск) образовалась небольшая группа византинистов.

Сессия проходила 21—23 октября в здании Уральского университета. На ней присутствовали византинисты Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Алматы, Саратова, Волгограда, Севастополя, Симферополя, Перми, Тюмени, Уфы, Ивано-Франковска. Сессию открыла З. В. Удальцова, которая отметила, что советское византиноведение в отличие от до-революционного и зарубежного базируется на марксистско-ленинской методологии и что это обстоятельство определяет ведущую роль советского византиноведения. С докладом «Проблема развития и последующей отсталости Византии в свете учения В. И. Ленина о характере преемственности в истории» выступил М. Я. Сюзюмов.

Он говорил о необходимости в борьбе за новое отказаться от пережитков старого и использовать и развивать достижения прошлого. Докладчик поставил вопрос о развитии новых отношений в Византии и преемственности элементов античности. Прямой, стихийный протест против рабовладельческого строя в целом, какой проявился в первоначальных христианских общинах, воодушевляемых идеалами, несоместимыми с реальностью, претерпел трансформацию в условиях конкретной действительности классового общества. Это общество по необходимости было вынуждено пользоваться некоторыми достижениями изжившего себя общественного строя, его наукой, философией. Становясь господствующей организацией, христианская церковь, отступив от идеалов раннего христианства, постепенно признала римское право и восточно-римскую автократию. Слившись

¹ См. А. Р. Корсунский, М. А. Заборов. История Византии в марксистском освещении. «Вопросы истории», 1969, № 8.

с классовым государством и овладев сознанием широких масс, христианство стало материальной силой, влиявшей на все стороны жизни и выходящей в своей деятельности далеко за пределы религиозного вероучения.

Догматы вероучения, культ, правовые, политические, философские, этические положения, заимствованные в идеологическом арсенале античности, соединились таким тесным образом, что представляли собой единую государственно-религиозную, пригодную для феодального общества доктрину, не терпящую никаких изменений. Такой универсальной доктрины не знал Запад. Использование элементов античной науки и философии не прекращалось в Византии, цивилизация которой в течение восьми столетий, бесспорно, была более высокой, чем в окружающем ее мире. Но, скованное непоколебимыми догматами, византийское общественное сознание, не развивая достижений античности, стало отставать в своем развитии и постепенно сдавать свои позиции Западу. В ходе дальнейшей истории Византии, в условиях перманентной военной экономики, этот фактор сыграл свою роль в гибели империи.

С обобщающим докладом на тему «К вопросу о типологии генезиса феодализма» выступила З. В. Удальцова. Проблема генезиса феодализма рассматривалась в докладе З. В. Удальцовой сравнительно с данными разных стран Западной и Восточной Европы. В зависимости от особых условий этих стран, в первую очередь от степени воздействия античного мира на формирование феодальных отношений, по-разному проявлялись и закономерности перехода к феодализму в конкретной действительности. Изучение особых форм этого перехода позволяет построить общую типологию генезиса феодализма в Европе.

Е. Ч. Скржинская (Ленинград) рассмотрела византийские источники, позволяющие обрисовать характер русско-византийских дипломатических связей в XIV—XV веках.

Ряд выступлений был посвящен связям Византии с Кавказом. Член-корр. Груз. АН С. Г. Каухчишвили показал роль грузинского монастыря, основанного Пакурнини, в развитии монастырского землевладения в Византии; А. Гусейнов (Баку) говорил о значении сирийских источников по истории Византии XI—XIII вв.; Р. М. Бартиян (Ереван) выступил с анализом византийской политики в отношении Арме-

нии и завоевания ее византийцами в XI в., а затем турками-сельджуками.

После пленарного заседания работало одновременно четыре секции — источниковедческая (председатели А. П. Каждан и В. Т. Сиротенко), историческая (Г. Г. Литаврин и В. В. Кучма), археологическая (А. Л. Якобсон и Е. В. Веймарн) и искусствоведческая (А. В. Банк).

На источниковедческой секции выступавшие обратили внимание на малоизученные или почти не вовлеченные в научный оборот источники, в частности на «Трактат анонимного автора» (IV в.), предлагавшего различные реформы для Римской империи. В. Т. Сиротенко (Пермь) показал, насколько отвечали требованиям действительности предлагаемые автором трактата для Византии IV в. реформы. Как отмечалось в прениях, следовало бы прежде всего произвести детальный анализ в целях установления подлинности этого источника. З. С. Самодурова (Москва) анализировала как источник «Греческую хронику VI в.» и ее версии. О малоизученных письмах философа Пселла говорил Я. И. Любарский (Ленинград), показавший отношение Пселла к временщику Параспондилу. В этих письмах Пселл как политический деятель и человек предстает в гораздо более положительном свете, чем обычно принято о нем думать. В. А. Арутюнова (Ереван) выступила с новым толкованием источника о возникновении Петриционского монастыря, причем доклад вызвал споры о национальности основателя монастыря.

А. П. Каждан поставил вопрос об особенностях характера личности историка XII в. Никиты Хониата, отразившихся на его творчестве. Докладчик показал отношение Никиты к императорской власти. Высмеивая нелепый этикет, он тем самым выражал свое отношение к нестабильности общественного устройства империи, а в то же время в вопросах этики высоко ценил человеческое достоинство, не разделяя людей, как это было обычно в литературе того времени, на добрых и злых, но стремясь видеть и в отрицательных персонажах положительные черты.

М. А. Поляковская (Свердловск) выступила с малоизученным толкованием Алексеем Макремволитом повести «Лукий или осел», отметив при этом, что в отличие от Запада в Византии никогда не забывали сочинений Лукиана. Макремволит, по мнению докладчицы, продолжал давно воз-

никшую в византийской литературе тенденцию к переосмысливанию в христианском духе античных сюжетов, даже таких атеистических, как повесть Лукиана. Р. Г. Пихоя (Свердловск) в докладе «Византийская версия происхождения Закона Судного Людем» коснулся дискуссии о характере этого источника и его происхождении, отметив церковно-византийскую основу этого закона и отвергнув версию об административно-государственном его происхождении.

В. С. Шандровская (Ленинград) рассказала о моливдовулах в Эрмитажном собрании и их значении для истории Византии. Вопросам языкознания был посвящен обобщающий доклад М. М. Копыленко (Алма-Ата) о влиянии византийского языка на русский язык.

В секции исторической (в порядке хронологическом) особого внимания заслуживает доклад И. Ф. Фихмана (Ленинград) о населении африканского города Оксиринха по данным папирусов византийского времени. Докладчик обрисовал организационный строй оксиринхского городского ремесла. В городе существовало всесторонне развитое ремесло, объединенное в корпорации. Объективно материал доклада служит подтверждением тезиса о том, что с точки зрения производственной организации византийский Оксиринх (в противовес римскому) отличался такими особенностями своей структуры, которые позволяют говорить о нем как о городе, который перешел в средневековье «в готовом» виде (Ф. Энгельс). Наличие таких городов в раннее средневековье на территориях, захваченных арабами, не может не учитываться при объяснении факта быстрого развития высокой феодальной культуры в арабском мире.

В аспекте генезиса феодализма представила доклад Т. М. Баженова (Свердловск) «О законодательстве Константина Великого» («Реакционное и прогрессивное в законодательстве Константина»). По мнению докладчицы, Константин в условиях нерентабельности рабского труда в целях укрепления существующего строя стал юридически оформлять некоторые стихийно сложившиеся элементы новых производственных отношений, не подрывая основ рабовладельческого общества. Его законодательство не могло привести к феодализму, но в дальнейшем введенные им юридические нормы содействовали оформлению институтов феодального общества.

Пересмотрен был вопрос о времени принятия христианства в Лазике. Ю. Ю. Ломоури показал, что сведение Феофана о позднем принятии христианства до сих пор ошибочно трактуется в историографии.

Касаясь периода IX—XI вв., докладчики останавливались на процессах феодализации. В. В. Кучма (Волгоград) в докладе «Командный состав и рядовые в фемном войске в Византии в конце IX—X вв.» показал, что процесс феодализации в Византии нашел отражение и в судьбах фемного войска, выделявшаяся из которого командная верхушка превращалась в феодалов-землевладельцев. Различие между «архонтами» и «стратиотами» все более приобретало классовый оттенок; правительственные мероприятия не смогли приостановить процесс разорения рядовых стратиотов и превращения архонтов в феодалов — крупных землевладельцев.

Некоторые стороны процесса вызревания внутри общины и выделения крупного феодального землевладения были показаны в докладе К. А. Осиповой (Москва). Она показала губительность для общины системы класм, которая резко обостряла социальное расслоение в византийской деревне и усиливала борьбу за землю. В докладе Р. А. Наследовой (Москва) рассмотрена социально-политическая борьба живших в окрестностях Фессалоники славян в IX—первой половине X века. Докладчица пришла к выводу, что в войнах того времени между Византией и Болгарией живущие близ Фессалоники славяне, издавна тесно связанные с ней экономическими отношениями, отнюдь не всегда, как это принято считать в историографии, тяготели к переходу в состав Болгарского царства. Н. А. Бортник (Свердловск) провел аналогию между византийскими корпорациями «Книги Епарха» и цехами средневекового Рима XIII—XIV вв. и пришел к выводу, что как средневековые римские, так и византийские объединения выходили из позднеримских, но средневековые римские цехи, по мнению докладчика, не испытали никакого влияния византийской структуры ремесла и торговли, которая сложилась в Константинополе к X веку.

Г. Г. Литаврин в своем выступлении рассказал о кризисе бюрократической организации византийской государственности в середине XI в., вылившемся в народное восстание в апреле 1042 г. в Константинополе. Достигнутые в ходе восстания частичные уступки были скоро сведены на

нет, столичная чиновная знать сумела временно упорядочить свое положение, подавив оппозицию торгово-ремесленных кругов и сохранив систему государственного контроля, препятствовавшего развитию производства.

Наибольшее количество выступлений касалось проблем последнего периода Византии — конца XII—XV веков. П. П. Медведев (Ленинград) рассмотрел вопрос о так называемых представительных ассамблеях в Византии начиная с 1197 года. Он пришел к выводу, что вряд ли можно видеть в этих ассамблеях, как это делают некоторые западные историки, подобие французских генеральных штатов, но что, видимо, идея представительства не была чужда поздней Византии. В. А. Сметанин (Свердловск) на основании данных эпистолографии представил доклад о социальных отношениях в Константинополе конца XIV века. Письма рисуют отчаянное положение населения как города, так и провинции в результате турецкого нашествия и внутренних смут. М. М. Шитиков (Свердловск), изучая расчетную книгу константинопольского венецианца Бадозра, выступил с положением о том, что в начале XV в. в Константинополе уже проводилось в морской торговле коммерческое страхование, в котором участвовали как венецианские, так и византийские купцы и ростовщики. Это новый факт, свидетельствующий о том, что еще в середине XV в. Константинополь сохранял серьезное значение в средиземноморской торговле.

Э. И. Чудиновских (Ивано-Франковск), изучая нотариальные акты XIV в. далматинских городов, отметила, что, несмотря на сходство их формы с итальянскими актами, далматинский нотариат ведет начало от византийского нотариата, оформленного при Льве VI (IX—X вв.).

На археологической секции ряд докладов, представленных Уральским университетом, обобщал результаты раскопок, проводимых студентами университета в продолжение 12 лет. Первой выступила Н. И. Бармина (Свердловск) — «О стратиграфии базилики из Мангупа». Дискуссия разгорелась по вопросу о датировке базилики, о том, можно ли относить ее к V в., как настаивал в прениях А. Л. Якобсон, или же, как поддержал докладчицу Е. В. Веймарн, к значительно более позднему времени. Секция вынесла решение о необходимости продолжать археологические исследования в Мангупе. Выступление А. И.

Романчук (Свердловск) «Херсон и его округа V—IX вв.» касалось изучения периферии Херсонеса (в византийское время Херсон) в средние века. Если округа Херсонеса в античное время уже исследована недавно умершим С. Ф. Стржелецким, то по состоянию округа в раннее средневековье еще нет исследований, тем более о связях города и окружавшей его территории. Дискуссия разгорелась о том, можно ли в период VIII—IX вв. Херсонес считать с экономической точки зрения городом, как это доказывала докладчица. Е. Г. Суров (Свердловск) сделал доклад на тему «О преемственности античности на северо-западном участке Херсонеса по данным раскопок 1958—1963 гг.». Истории Херсонеса IX—XI вв. посвятила свое выступление и И. В. Соколова (Ленинград), представившая новые ценные нумизматические материалы. Доклад А. Л. Якобсона «Некоторые закономерности развития зодчества Балкан, Закавказья и Древней Руси в XII—XIV вв.» имел целью на основании специфики развития зодчества в разных странах поставить проблему закономерности сходства и различий в архитектуре разных стран и народов. Выступавшие в прениях подняли вопрос о том, можно ли на основании специфики, отбрасывая общность, делать вывод о каких-либо закономерностях. В докладе не были рассмотрены вопросы, важные для понимания характера разбираемых стилей, то есть проблема эволюции архитектурного стиля в зависимости от разных общественных условий и проблема преемственности средневековой архитектуры с зодчеством поздней античности. Л. Л. Талис (Москва) сообщил о недавних раскопках Сюрени, византийской крепости в Крыму, точная датировка возникновения которой остается затруднительной. Р. А. Стругалина (Саратов) в докладе «Позднеантичные и средневековые слои Патрея по материалам раскопок 1968—1969 гг.» осветила результаты новых археологических исследований в Патрее, который, как полагает докладчица, был разрушен гуннами в V в. и продолжал впоследствии существовать лишь как неукрепленное поселение.

В докладе «Пещерные города Крыма в свете вопроса о возникновении феодальных отношений» Е. В. Веймарн (Симферополь) на основании материалов многолетних археологических исследований по данной проблеме рассмотрел пещерные города как разнотипные поселения, восходящие к

разному времени. Докладчик отметил, что окончательно победа христианства в центре Крыма может быть отнесена только к середине IX в., когда исчезают захоронения языческого типа.

На секции искусствоведения А. В. Банк (Ленинград) в докладе «Константинопольские оригиналы и местные копии (по материалам прикладного искусства X—XII вв.)» показала значение константинопольской школы, дававшей образцы для развития местного прикладного искусства в различных странах, имевших связи с Византией. В качестве примера приводились две иконы типа Олдитрии в Грузии и другие предметы из Херсонеса, Новогрудка и Волковыска. Т. А. Измайлова (Ленинград) сделала доклад «Периодизация миниатюрной живописи Центральной Армении IX—XIII вв. и проблемы армянского «ренессанса», в котором выступила с критикой термина «армянский ренессанс», считая, что ни один из памятников армянского искусства не может найти аналогию в произведениях итальянского Ренессанса, но вполне может быть уподоблен памятникам каролингского и византийского искусства. Доклад В. Д. Лихачевой (Ленинград) «Резные изображения собраний Эрмитажа» посвящен спорному и интересному памятнику, в котором изображено взятие Константинополя крестоносцами. В докладе «О применении новых методов в атрибуции искусства» И. П. Мокрецова (Москва) установила наличие двух слоев в реставрируемой рукописи № 101 в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В докладе О. А. Белобровой (Ленинград) «К иконографии Максима Грека» говорилось об особенностях представленных копий икон. Представитель Уфимского музея имени А. В. Нестерова А. А. Алабужев представил образцы икон XIV—XV вв., хранящиеся в Уфе, которые еще недостаточно изучены.

О памятнике византийского периода, найденном на территории Свердловской области, рассказал М. Г. Краматорский (Свердловск).

Подводя итоги сессии, З. В. Удальцова остановилась на задачах дальнейшего развития византиноведения. В числе прочих проблем, необходимых для изучения, З. В. Удальцова отметила в первую очередь типологическое исследование византийского феодализма в сравнении с Западом и Востоком: комплексное изучение социально-экономических отношений города и деревни, поскольку до настоящего времени они в литературе представлены отдельно; развитие локальных исследований по областям, особенно тем, которые подвергались нападениям славян и арабов в раннее средневековье; восполнение пробелов в византиноведении, особенно в истории Трапезунда, Латинской империи, латинской Византии. В числе важнейших задач З. В. Удальцова отметила также изучение поздней Византии, особенно XIV в., тем более, что на византиноведческом конгрессе в 1971 г. в Будапеште «XIV век» явится центральной проблемой. Недостаточно изучена проблема зарождения элементов капиталистического строя на территории поздней Византии. В нашем современном византиноведении, подчеркнула З. В. Удальцова, ощущается недостаток работ социологического плана по проблемам классовой борьбы, народных движений в сравнении с движениями на Западе и Востоке, нет обстоятельных работ по изучению освободительных движений в период латинских и турецких завоеваний. Не завершен спор о характере византийского абсолютизма и о правомерности применения этого термина в отношении к византийской автократии. Изучение римско-византийского права и роль его для определения специфики византийского феодализма, а также влияния на другие народы тоже необходимо включить в программу будущих исследований советских византинистов. Все эти темы находятся в кругу методологических проблем, разрешения которых требует ленинское положение историзма. Следующая встреча византинистов нашей страны намечена на 1971 год.

М. Я. Сюзюмов

Хроникальные заметки

◆ 27 мая 1920 г. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин и Председатель ВЦИК М. И. Калинин подписали Декрет об образовании в составе Российской Федерации Татарской республики. Спустя ровно полвека, 27 мая 1970 г., в Казани открылась научная конференция, посвященная этой юбилейной дате. В докладах рассказывалось о тех огромных экономических, социальных и культурных преобразованиях, которые произошли в республике за 50 лет Советской власти.

◆ 23—25 июня 1970 г. в Каунасе была проведена научная конференция на тему «Вопросы теории пролетарского интернационализма в документах и материалах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г.», посвященная годовщине Совещания. Организаторами конференции были Институт философии АН СССР (сектор философских проблем пролетарского интернационализма и национальных отношений) и общество «Знание» Литовской ССР. В ее работе приняли участие ученые — представители Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Казахстана, Киргизии, Татарской, Кабардино-Балкарской, Чувашской АССР, таких городов Российской Федерации, как Москва, Ленинград, Волгоград, Саратов, Орел, Тула, Пятигорск. В числе участников конференции была большая группа преподавателей общественных наук, работников партийных и советских учреждений, лекторов, работников печати, радио и общества «Знание» Литовской ССР. К открытию конференции были опубликованы два сборника материалов под общим названием «Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе». Конференцию открыл академик-секретарь Отделения общественных наук АН Литовской ССР акад. В. Ю. Нюнка. Со вступительной речью «Пролетарский интернационализм — великая сила современности» на конференции выступил первый секретарь ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкус (полный текст доклада опубликован в газете «Советская Литва» 25 июня 1970 г.). На пленарном заседании были заслушаны доклады М. С. Джунусова (Москва) «Диалектика интернационального и национального в мировом коммунистическом движении» (доклад издан отдельной брошюрой) и Г. О. Зиманаса (Вильнюс) «Пролетарский интернационализм и мировой революционный процесс». По проблемам, поставленным в основных докладах, развернулась широкая дискуссия в секциях: «Пролетарский интернационализм и практика современного общественного развития» (председатель Я. Ш. Шарапов — Казань), «Критика идеологии антикоммунизма в национальном вопросе» (председатель И. А. Мацявичус — Вильнюс), «Вопросы теории интернационального воспитания» (председатель В. Е. Маланчук — Киев). Отмечая огромное значение международного Совещания коммунистических и рабочих партий для разработки актуальных вопросов теории пролетарского

интернационализма, участники конференции рассмотрели широкий круг проблем, относящихся как к современному мировому революционному процессу, так и к внутренней политической, научной, идейной жизни нашей страны. Особый интерес участников конференции вызвали проблемы определения основных понятий пролетарского интернационализма — «национальное» и «интернациональное», «национальный долг» и «интернациональный долг», понятия социалистической интеграции, ее форм и методов, сочетание пролетарского интернационализма и патриотизма, пролетарского интернационализма и национального суверенитета. Всестороннее освещение на конференции получили вопросы дальнейшего развития дружбы народов, расцвета и сближения наций и национальных культур, развития интернационалистических традиций, интернационального воспитания трудящихся на современном этапе коммунистического строительства. В ряде выступлений была дана аргументированная критика антикоммунистических измышлений в области национальных отношений, вскрыты теоретические и классовые основы буржуазного национализма, разоблачены приемы и формы его деятельности. Всего на конференции было заслушано 38 докладов и сообщений. С докладами на секциях выступили: И. П. Цамерян, Т. С. Матвеева, Р. А. Саликов, М. М. Скибицкий, Е. П. Сундуков, В. П. Сергеев, Н. З. Ярошук, Ян Хин-шун (Москва), М. Н. Росенко (Ленинград), Л. Ф. Лаврова, Ю. И. Римаренко, В. Е. Маланчук (Киев), С. Адамвичюте (Вильнюс), И. И. Серова (Гомель), С. Э. Крапивенский (Волгоград), В. С. Лопаткина (Саратов), А. А. Барсуков (Нальчик), Ф. С. Бабейко (Тирасполь), И. М. Козачук (Львов), И. Я. Копылов (Орел), Н. П. Борзых, А. Т. Табалдиев (Фрунзе). На заключительном пленарном заседании было отмечено, что конференция в Каунасе будет способствовать дальнейшей активизации исследований теоретических проблем пролетарского интернационализма, а также практической работы по интернациональному воспитанию трудящихся.

◆ В Минске 6 февраля состоялось заседание Белорусского республиканского совета по координации научной разработки истории КПСС и КПБ. Обсуждался вопрос о состоянии и задачах по дальнейшему улучшению научной разработки истории Компартии Белоруссии. С докладом выступил председатель Совета, директор Института истории партии при ЦК КПБ Н. Ф. Капич. В прениях по докладу приняли участие представители высших учебных заведений и прессы Белоруссии.

◆ 1—2 июля в Москве состоялись «Тихомировские чтения 1970 года». Научная конференция была организована Археографической комиссией при Отделении истории АН СССР и посвящалась опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. Пленарное заседание открыл председатель Археографической комиссии С. О.

Шмидт. С докладами выступили: И. А. Андронников «О современных коммуникациях археографических поисков», Н. Н. Покровский «Методика комплексных археографических экспедиций (Опыт экспедиции Сибирского отделения АН СССР)», В. Б. Павлов-Сильванский «М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций». Опытом своей работы поделились представители различных научных учреждений и высших учебных заведений: М. В. Кукушкина (Библиотека АН СССР), А. Х. Горфункель (Научная библиотека имени А. М. Горького при ЛГУ), И. В. Поздеева (Научная библиотека имени А. М. Горького при МГУ), В. В. Лукьянов (г. Ярославль), Н. С. Диброва (Ленинградский университет), О. А. Белоброва (Институт русской литературы (Пушкинский дом)), Н. Н. Розов (Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), Т. В. Николаева (Институт археологии АН СССР), Н. Б. Тихомиров (Отдел рукописей. Библиотека имени В. И. Ленина), М. А. Усманов (Казанский университет), В. А. Кондратьев (Московский историко-архивный институт), П. А. Колесников (Северное отделение Археографической комиссии), И. А. Кочетов (Музей древнерусского искусства имени А. Рублева), Н. В. Поньрко (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР), В. Д. Дмитриев (Научно-исследовательский институт литературы и истории Чувашской АССР), Е. Н. Лукьянова (Пермский университет), Ю. О. Бем (Археографическая комиссия), А. И. Рогов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Л. И. Арапова (Музей Революции), Г. Т. Хорошилов (Институт военной истории), А. Л. Никитин (Союз советских писателей), А. И. Копанев (ЛО Института истории СССР АН СССР), Е. И. Скоп-Дергачева (Новосибирский университет).

◆ В 1939 г. по решению Центрального Комитета партии в Костине (ныне Калининграде) был создан мемориальный музей В. И. Ленина. Здесь, в Подмосковье, Владимир Ильич жил зимой 1921/22 года. Недавно завершены работы по реставрации этой мемориальной квартиры. Полностью воспроизведена обстановка того времени. В комнатах дома, где зимой 1922 г. были служебные помещения, теперь открыта документально-иллюстративная экспозиция. Оборудованы три экспозиционных зала. В первом находятся материалы, рассказывающие об исторической обстановке в нашей стране в начале 20-х годов, о приезде В. И. Ленина в Костино, фотокопии документов, показывающих огромную его деятельность зимой 1922 г. по организации борьбы с голодом и хозяйственной разрухой в стране. Экспозиция второго зала — «Один рабочий день В. И. Ленина в Костине» — рассказывает о 26 января 1922 г., обычном рабочем дне вождя. Здесь собраны материалы, показывающие деятельность В. И. Ленина по подготовке советской делегации на Генуэзскую конфе-

ренцию. Документальную экспозицию завершает третий зал. На стендах и витринах — материалы, показывающие, как руководил В. И. Ленин работой исполкома Коминтерна.

◆ В мае научный кружок источниковедения истории СССР Московского государственного историко-архивного института отметил 20-летие своей деятельности. Заседание, посвященное этой юбилейной дате, открыл вступительным словом его научный руководитель С. О. Шмидт. Затем с докладами выступили А. А. Амосов, С. В. Чирков «Деятельность кружка источниковедения истории СССР» и С. М. Каштанов «20 лет спустя». К юбилею подготовлен специальный сборник (в двух выпусках), содержащий источниковедческие статьи начинающих исследователей по различной тематике. За 20 лет состоялось более 250 заседаний, на которых выступали с докладами студенты, аспиранты, а также видные ученые и деятели культуры. Из кружка вышло немало исследователей, в том числе 16 докторов и кандидатов наук. Работы членов кружка публиковались в «Трудах» Московского историко-архивного института, в изданиях АН СССР, ГАУ при СМ СССР и других.

◆ При кафедре новогрузинского языка Тбилисского университета открылась лаборатория топонимики. По существу, это топонимический центр республики. Лаборатория ставит перед собой задачи: сбор, описание и систематизация топонимических материалов по всей территории Грузии (а позднее и на смежных территориях); издание топонимических словарей разных типов (по принципу этнически-диалектного и административно-территориального деления); научное исследование.

◆ В издательстве «Мысль» вышла монография «Ленин и международное рабочее движение». Это первый обобщающий труд советских историков, которые рассматривают проблему на протяжении насыщенного крупными событиями большого отрезка времени — от создания Российской социал-демократической рабочей партии до последних лет жизни В. И. Ленина. В книге рассказывается, как по инициативе и под руководством В. И. Ленина создавался третий Коммунистический Интернационал. Авторский коллектив, возглавляемый Л. А. Слеповым, использовал для написания монографии архивные и документальные материалы, большая часть которых публикуется впервые.

◆ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича книгу-альбом в двух томах: «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров». Это самый полный из всех вышедших до сих пор альбомов ленинских кинофото документов. Здесь фотографии В. И. Ленина, сделанные в течение 49 лет (с 1874 г. по 1923 г.) и хранящиеся в настоящее время в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма. Фото документы дополняются 876 метрами пленки киносъемок, относящихся к периоду 1918—1922 годов. Вместе они со-

ставляют уникальную фотокиноленту жизни и деятельности вождя. В первом томе — 343 фотоснимка. Некоторые из этих документов публикуются впервые.

◆ «По указанию Ильича» — так назван сборник воспоминаний, выпущенный в свет Военным издательством Министерства обороны СССР. В сборник вошли воспоминания видных военных деятелей и рядовых красноармейцев, встречавшихся с В. И. Лениным. Среди авторов — В. А. Антонов-Овсеев, М. Д. Бонч-Бруевич, К. Х. Данишевский, С. С. Каменев, Н. И. Подвойский, С. К. Тимошенко и другие, принимавшие активное участие в строительстве новой армии и Военно-Морского Флота.

◆ В Минске работники библиотеки имени А. М. Горького обнаружили в фонде дореволюционных изданий сборник писем Карла Маркса к Л. Кугельману, выпущенный в России в 1907 г. под редакцией и с предисловием В. И. Ленина. Вторая находка — один из номеров «Сборника социал-демократа», который основал В. И. Ленин в 1916 году. Выявлен также журнал «Научное обозрение» за 1899 г. с ленинской статьей «Заметка к вопросу о теории рынков».

◆ Старый коммунист, волжанин Д. И. Савинов передал партийному архиву Астраханского обкома КПСС около тысячи карточек с именами участников революционного движения в Астраханской губернии (1900—1920 гг.). Более 25 лет Д. И. Савинов ведет поиск материалов о революционерах. Сотрудники областного партийного архива готовят издание специального сборника, в который войдет и картотека, собранная Д. И. Савиновым.

◆ Группа ученых АН ЛатвССР подготовила к печати коллективный труд «История Академии наук Латвийской ССР». В нем содержатся подробные сведения о становлении и развитии науки в Латвии, о достижениях институтов АН ЛатвССР с 1946 по 1970 год. В книге помещены также биографии академиков и членов-корреспондентов, описание их важнейших научных трудов и открытий. Книга иллюстрирована, в ней много редких архивных материалов.

◆ Книга профессора А. И. Новгородова «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии», изданная недавно Сибирским отделением издательства «Наука», является первым монографическим исследованием по этой проблеме. В книге освещена роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в революции на земле якутской, описана революционная деятельность многих большевиков и беспартийных товарищей — якутов и русских, чьи имена до этого не были широко известны.

◆ В издании Министерства народного образования ТаджССР вышел сборник «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана» (часть II) под редакцией действительного члена Академии педагогических наук СССР М. И. Иркаева. Авторы его — ученые кафедры истории КПСС Таджикского госуниверситета имени В. И. Ленина — осветили историю создания партийной организации Таджикистана и ее руководящую роль в борьбе за упрочение

Советской власти, за социалистическое преобразование народного хозяйства и развитие культуры. На основе большого фактического материала показывается роль партийных и общественных организаций в повышении политической и трудовой активности тружеников города и села, в создании материально-технической базы социализма и коммунизма.

◆ Обнаружены новые документы о жизни и деятельности полярного морехода А. С. Кучина, единственного русского участника экспедиции Р. Амундсена к Южному полюсу. Среди них — письма А. С. Кучина, контракт, заключенный им с Амундсеном 14 марта 1910 г. в Осло. Интересен дневник, который вел русский моряк во время плавания на «Фраме» в августе — декабре 1910 года. До сих пор о А. С. Кучине, потомственном поморе, уроженце Онеги, было известно немного: он уехал в Норвегию, окончив Архангельское мореходное училище; в Бергене продолжал учебу на океанографических курсах под руководством известного ученого Х. Хансена. Теперь установлено, что именно по рекомендации главы курсов Р. Амундсен включил русского моряка в состав норвежской экспедиции, которая на судне «Фрам» отправилась в Антарктиду. В далеком плавании А. С. Кучин одновременно выполнял обязанности штурмана и океанографа. При высадке экспедиции он участвовал в создании зимовки на побережье Антарктиды, а затем с борта «Фрама» провел исследование в южной части Атлантики. Жизнь замечательного моряка трагически оборвалась в Арктике. А. С. Кучин погиб вместе с участниками экспедиции В. А. Русанова (1912 г.) на судне «Геркулес», капитаном которого был.

◆ В мае в Ростовской области, на Караул-горе, у города Белая Калитва, установлен мемориал, напоминающий о героизме предков русского народа — дружинников Игоревой рати. Здесь, по предположению ученых, состоялась знаменитая битва князя Игоря со степными кочевниками-половцами, воспетая в известном литературном памятнике древней Руси «Слово о полку Игореве». Инициатива в создании памятника храбрым русичам принадлежит учащимся шолоховской средней школы № 2, которые под руководством преподавателя истории — краеведа П. И. Ковешникова основали у себя кружок, выросший впоследствии в историко-литературное научно-исследовательское общество «Боян». Бояновцами был собран ценный исторический материал, представленный теперь в школьном краеведческом музее. Здесь немало интересных и даже уникальных экспонатов. Право открывать монумент было предоставлено краеведам-бояновцам. На каменной плите золотом написаны слова: «Воинам Игоревой рати — храбрым русичам 1185 г.». В фундамент монумента вложены металлические диск с запаянным в нем текстом «Слова о полку Игореве» и металлические капсулы с землей, взятой в русских городах — Киеве, Чернигове, Новгород-Северском, Трубчевске, Курске, Рыльске, Путивле,

Изюме, а также с берегов Дона, Северского Донца, Оскола и других рек. Эта земля была привезена бояновцами из похода по маршруту движения войска Игорева.

◆ Богатейший фонд восточных рукописей Института востоковедения Академии наук УзССР получил ценное пополнение. Из г. Маргелана доставлена коллекция документов и произведений, относящихся к прошлым векам и принадлежащих перу различных авторов. В ее числе — 27 рукописей, написанных на арабском, персидском и узбекском языках. Три из них уникальные, не обнаруженные ни в каких каталогах. Это произведения на духовные и исторические темы неизвестных авторов. В коллекции представлено также более 100 литографий, имеющих научное и познавательное значение. Большой интерес представляют баязы — сборники стихов Джами, Хафиза-Шерази, Навои, Деклави, а также ряд неизвестных ранее произведений узбекских поэтов-демократов Фурката, Мукими, Завки. Эти редкие рукописи и литографии долгие годы собирал житель Маргелана Ахмеджан Мирбабаев, переплетчик по профессии. Теперь эта ценная коллекция передана Институту востоковедения.

◆ Интересное открытие сделано в библиотеке Чарторийских в Кракове. При инвентаризации рукописного фонда Бронислава Залеского обнаружены 14 писем Тараса Шевченко Брониславу Залескому, отправленных в 1853—1857 годах. В то время Залеский и Шевченко находились в ссылке. Они познакомились и подружились в Оренбурге. После того как Шевченко был переведен в Орскую, а затем в Новопетровскую крепость, они переписывались друг с другом. В этих посланиях нашло отражение увлечение обоих друзей живописью. В фондах Ягеллонской библиотеки хранятся два письма Тараса Шевченко Брониславу Залескому. Вместе с недавно найденными письмами они, по всей вероятности, составят комплект оригиналов писем Шевченко Залескому.

◆ В 1806 г. проживавшая в Веймаре семья Трейтер переселилась в Россию. Трейтеры приходились родственниками знаменитому естествоиспытателю и поэту Гете. Контакты между обоими семействами,

постепенно расширявшиеся и втянувшие в свой круг ряд представителей тогдашней российской и немецкой общественности, стали частью русско-немецких культурных связей первой трети XIX в., особенно усилившихся после освободительного похода русской армии за границу в 1813 году. Эти связи давно изучаются сотрудниками Пушкинского дома АН СССР. Общее руководство данной работой осуществляет акад. М. П. Алексеев. Одну из новых тем — публикацию документов о культурных контактах России и немецких государств той поры — готовит к печати Е. А. Трейтер (Пермь). Любопытным материальным памятником того времени, затрагиваемым в публикации, является портрет Гете, выполненный неизвестным немецким художником еще при жизни поэта и хранящийся в семейном архиве Е. А. Трейтер.

◆ Остатки средневекового поселения исследованы в долине реки Или, неподалеку от Алма-Аты. Археологи АН КазССР установили, что расцвет поселения относится к X—XIII векам. Как показали исследования, поселение было окружено крепостным валом, в нем располагались дома, состоявшие из двух — шести комнат, кухни с печью и очагом. Археологи нашли здесь железные гвозди и скобы, каменные ручные жернова, обломки глиняных котлов, чаш, кувшинов. Установлено, что жители поселка были искусными мастерами по обработке кости. Внимание ученых привлек фрагмент кувшина в виде головы мифического зверя с бровями-змеями. Изображение змеи имеется также и на подбородке. По предположениям, это указывает на существование культа змей у жителей древнего поселения.

◆ Археологи установили, что на месте, где ныне стоит Клайпеда, существовало поселение литовских рыбаков, типичное для литовских городищ того времени. К такому выводу пришли ученые после раскопок, проведенных в разных местах порта. Эти выводы опровергают бытовавшее ранее мнение о том, что Клайпеду основал в XIII в. захвативший Литовское взморье Ливонский орден. Результаты раскопок доказывают, что город здесь существовал задолго до нашествия поработителей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

УЧЕНЫЕ ГДР К XIII МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ИСТОРИКОВ

В связи с предстоящим XIII Международным конгрессом исторических наук ученые Германской Демократической Республики провели большую и плодотворную работу, подводя итоги десятилетнего развития исторической науки в стране. Результатом их деятельности явился специальный том журнала «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» — «Исторические исследования в ГДР. 1960—1970», посвященный конгрессу и являющийся продолжением специального сборника отчетов историков, который был выпущен в 1960 г. к XI Международному конгрессу историков в Стокгольме. В настоящий том вошли следующие работы: Хорст Бартель, Эрнст Диль, Эрнст Энгельберг «Историческая наука ГДР 1960—1970»; Гюнтер Катш, Альфред Лёсдау, Ханс Шлайер «Исследования по истории историографии, теории и методологии истории»; Рольф Длубек, Инге Тауберт «Итоги исследований о Марксе и Энгельсе и издание их трудов»; Карин Леманн, Хайнцпетер Тюмmlер «Исследования по экономической истории»; Герхард Хайтц, Ханна Хаак, Зигрид Диллвиг, Мартин Польцин, Ханс Георг Вильгельм «Исследования по аграрной истории»; Хайнц Хельмерт, Вернер Кноль, Хельмут Шниттер «Исследования по военной истории»; Карл-Хайнц Янке, Вальтер Парсон, Хорст Питчманн «Исследования по истории молодежного движения»; Манфред Штраубе, Вернер Флашендреггер «Исследования по истории университетов, высших школ и академий ГДР»; Герда Мундорф «Исследования по истории школы и воспитания»; Карл Цчок «Исследования региональной истории»; Ханс Радандт «Исследования по истории заводов»; Дитер Фрикке «Исследования по истории буржуазных партий»; Ян Шольта «Исследования по истории»; Ригоберт Гюнтер «Исследования по истории древнего мира»; Иоахим Хер-

манн «Исследования по истории первобытного общества»; Адольф Лаубе, Эккард Мюллер-Мертенс, Бернхард Тёпфер «Исследования по истории средних веков»; Макс Штайнметц «Исследования по истории Реформации и Крестьянской войны в Германии»; Херберт Лангер, Ханнелоре Леманн, Ингрид Миттенцвай «Исследования по немецкой истории с середины XVI века до 1789 г.»; Хайнрих Шеель, Хорст Адабек, Ренате Меркель, Петер Шуппан «Исследования по немецкой истории 1789—1848 гг.»; Хельмут Блайбер, Вальтер Шмидт «Исследования по революции 1848/49 гг.»; Рольф Длубек, Рольф Вебер «Исследования по немецкой истории 1849—1871 гг.»; Густав Зеебер «Исследования по немецкой истории с 1871 г. до конца века»; Виллибальд Гутше, Аннелиз Лашитца «Исследования по немецкой истории с конца XIX в. до 1917 г.»; Ханс-Иоахим Фибер, Хайнц Вольгемут «Исследования по Ноябрьской революции и образованию КППГ»; Хайнц Карл, Вольфганг Руге «Исследования по истории Веймарской республики»; Герхард Фёрстер, Бруно Лёвель, Вольфганг Шуманн «Исследования по немецкой истории 1933—1945 гг.»; Гюнтер Бензер «Исследования по немецкой истории 1945—1949 гг.»; Хайнц Хайтцер «Исследования по истории ГДР»; Хельмут Кольбе, Вернер Пафф «Исследования по истории Западной Германии»; Герхард Кайдерлинг «Исследования по истории Западного Берлина»; Вильгельм Цайль «Исследования по истории народов СССР и немецко-русских отношений до 1917 г.»; Альфред Андерле, Ильзе Хеллер, Детлеф Иена «Исследования по истории СССР и германо-советских отношений 1917—1945 гг.»; Хайде Панкау, Петер Панкау, Петер Пауль, Хорст Шютцлер «Исследования по истории СССР и об отношениях

СССР с ГДР и с Западной Германией»; Ева Зеебер, Эрнстгерт Кальбе, Сибилла Ласковски «Исследования по истории социалистического лагеря и европейских стран народной демократии»; Герхард Шильферт, Марион Эйнхорн, Мириам Кёллинг, Карл-Хайнц Шедлих «Исследования по истории капиталистических стран Европы и США»; Вальтер Марков, Хельмут Нимшовский, Хельмут Штёккер «Исследования по истории Африки»; Фридрих Катц, Манфред Коссок, Юрген Кюблер «Исследования по истории Латинской Америки»; Зигфрид Берзинг, Роланд Фельбер «Исследования по истории Азии»; Петер Вик «Справочники и средст-

ва информации по истории»; Ильзе Хёхель, Лутц Ноак «Библиотеки и историческая наука»; Хельмут Лётцке «Архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины». Перечень тем, вошедших в данный том, говорит о широком диапазоне исторических исследований, проводящихся в ГДР, и о том большом вкладе, который внесли ученые этой страны в историческую науку. Перечисленные работы являются не только итоговыми и ретроспективными, но вскрывают также и пробелы, имеющиеся на сегодняшний день в области истории, давая тем самым стимул для дальнейшей углубленной исследовательской работы.

Рецензии

R. M. HATTON. *Charles XII of Sweden*. London. Weidenfeld and Nicolson. 1968, VIII, 656 p.

Р. М. ХЕТТОН. Карл XII — король Швеции.

Деятельность и личность Карла XII (1682—1718 гг.), его недолгая жизнь и загадочная смерть издавна привлекали внимание историков и публицистов, философов и романистов. Больше всего для изучения биографии Карла XII сделали, естественно, его соотечественники. Деятельность Карла XII вызывала и вызывает жаркие споры многих поколений шведских ученых, которые еще на рубеже XIX—XX вв. разделились в оценке личности Карла: обособились критическая «старая школа» и апологетическая «новая»¹. Вот уже на протяжении 60 лет выходит шведский «Ежегодник Каролинского союза» («Karolinska förbundets årsbok»), добрая половина которого посвящается Северной войне. Политика Карла XII прочно вошла и в круг интересов русской, а затем и советской исторической науки, изучающей героическую и исключительно важную по своим последствиям для нашей Родины петровскую эпоху.

Английские скандинависты наряду с по-

ходами викингов издавна особо интересовались ранним новым временем — шведским великодержавием, причем в плане международных отношений. Оба наиболее крупных современных британских специалиста по истории Швеции — автор рецензируемой книги и проф. М. Робертс² — знатоки в первую очередь международных отношений XVII—XVIII вв., причем второму из них принадлежит фундаментальная двухтомная биография шведского короля и полководца Густава II Адольфа. В Англии, кстати, издается и международный журнал по скандинавистике «Scandinavica», в котором в качестве членов редакционного совета и авторов принимают участие и советские специалисты.

Автор рецензируемой книги — Рагнихильд Мария Хеттон — специалист по истории международных отношений «века Людовика XIV». Она преподает всеобщую историю в Лондонском университете, является членом британского Королевского исторического общества и членом-корреспондентом

¹ См. о них наш обзор «Шведские истории о Полтавской битве». «История СССР», 1959, № 4.

² См. его рецензию на данную книгу в «English Historical Review», vol. LXXXIV, № 333, 1968, October.

шведской Академии гуманитарных наук. Подробнейшая биография короля дана в ее книге на широком международном и внутреннем шведском фоне. Используются фонды государственных архивов Стокгольма, Лондона, Парижа и Гааги, а также Хантингтонской библиотеки в США (донесения британского агента из Гааги). Проработан обширный печатный материал — известные документальные серии, изданные в Швеции (письма Карла XII, его переписка с Государственным советом Швеции в бытность за границей, то есть в течение большей части царствования), разнообразные сборники правительственных, военных и внутривойсковых документов, переписка отдельных государственных деятелей (преимущественно английских), дневники, воспоминания и пр. — словом, практически все западноевропейские публикации по избранной теме. Русские, прибалтийские и польские печатные источники использованы, напротив, мало, да и то из вторых рук.

Важное место в изложении занимает критическая оценка используемых источников и полемика с другими авторами, преимущественно со шведскими. Хеттон прекрасно владеет западноевропейской историографией Северной войны и удовлетворительно — восточноевропейской. Из ведущих советских специалистов от нее «ускользнула», пожалуй, лишь докторская диссертация Т. К. Крыловой «Внешняя политика России в первую половину Северной войны» (1949 г.), опубликованная в виде статей, а также работы эстонских историков, за исключением Х. Пийримяэ. Можно определенно утверждать, что перед нами один из первых западноевропейских трудов по истории Северной войны, написанный с учетом советской историографии³.

Несмотря на большой объем и научный аппарат, книга легко читается — автор считывал отнюдь не на одних специалистах. Личность и даже внешность Карла даны в развитии, не забыты яркие подробности, отражены быт и нравы эпохи. Композиционно книга строится по этапам жизни и деятельности ее героя и состоит из семи частей с обобщающим эпилогом.

В своей оценке Карла XII как государственного деятеля, военачальника, человека Хеттон преодолевает (хотя, как мы увидим, не до конца) односторонность обеих шведских научных школ — и критической и апо-

логетической. В центре ее внимания находится дипломатия Карла, что объясняется и приматом внешней политики в его деятельности и научными интересами самого автора. Она подчеркивает, во-первых, постепенность формирования самостоятельной дипломатической линии короля. О полной его зрелости как политика может идти речь лишь после полтавского урока (стр. 206, 209). Во-вторых, исходя из расстановки сил в начале Северной войны и личных качеств самого короля, автор считает, что его военно-политические планы были продиктованы сложившейся обстановкой — зависимостью Швеции от «морских держав» (Англии и Нидерландов) и наличием враждующих политических группировок в Речи Посполитой, финансовой необходимостью пустить уже набранное войско в ход и психологической невозможностью для Карла добровольно уступить завоеванные в XVII в. земли. Печать такой предопределенности лежала, по мнению автора, и на «роковом» русском походе Карла. В-третьих, Хеттон высоко оценивает внешнеполитические планы и действия Карла на протяжении 1710-х годов (стр. 372, 375), в особенности его дипломатическое «наступление» 1716—1718 годов. В центре внешнеполитической программы Карла в эти годы стояла идея «эквивалента», то есть получения военной помощи от одного из бывших противников против другого в обмен на шведские территориальные уступки (стр. 425 и др.). Вершиной дипломатических успехов Карла XII Хеттон считает мирные переговоры 1718 г., ведшиеся им попеременно с Петром I на Аландах и с Георгом I в Лунде (стр. 455). В канун своей гибели Карл XII имел лучшие шансы на продолжение войны и на приемлемые условия мира, чем его преемники (стр. 513).

Таким образом, вся тяжесть внешнеполитических просчетов Карла справедливо переносится автором на ранний — польский период Северной войны и на время русского похода. Сказанное в известной мере относится и к оценке короля как полководца. Хеттон оспаривает версию о Карле как изначально устремленном к войне монархе. Военно-организационная и полководческая деятельность короля рассматривается ею лишь как одно из направлений его деятельности в ряду других. Этим книга выгодно отличается от другой известной биографии Карла — О. Хайнца⁴. Хеттон далее показы-

³ См. также R. Wittram. Peter I Czar und Kaiser. Bd. I—II. Göttingen. 1964.

⁴ O. Haintz. König Karl XII von Schweden. Bd. I—III. (West) B. 1958.

вает, как постепенно возрастала роль короля в военных действиях, как накапливался его военный опыт. Самостоятельное командование одним отрядом было впервые поручено ему под Нарвой — битва была выиграна шведским главнокомандующим Реншильдом (стр. 151—153). Первый самостоятельно разработанный королем план операции — план вторжения в Саксонию (август 1706 г.) (стр. 206).

Вступая в противоречие с рядом шведских и советских историков, Хеттон высоко оценивает военную подготовку шведов к их решающему предпринятию — русскому походу (стр. 232). Король якобы понимал, что предстоит тяжелая борьба (стр. 236). Хотя представления некоторых авторов, например, Е. В. Тарле, о полной уверенности Карла в легкой победе над Петром I нуждаются в коррективках⁵, все же в походе Карла на Москву неоспорим элемент авантюры, и Хеттон бессильна его опровергнуть. Не потому ли она пользуется иррациональными формулировками вроде таких, как «судьба» и «фортуна», и ссылается все на ту же «российскую погоду»? (стр. 270, 280).

Русский поход описан реалистично, с привлечением советской исторической литературы. Отвергая апологетическую концепцию «новой школы» о полководческом гении Карла (той же концепции придерживается и Хайнц), Хеттон видит вклад короля и шведов в военное дело той эпохи в ином — новом порядке комплектования и снабжения армии, в достижении большей подвижности артиллерии, в разнообразных тактических приемах, маневрах кавалерии и пехоты, в высокой отработке атаки холодным оружием (стр. 524—526). Вершиной военно-организаторской деятельности короля Хеттон считает последнюю, осеннюю норвежскую кампанию 1718 г. и подготовку к ней. Поставленных им целей Карл XII к осени этого года в основном достиг. Реорганизованные армия и флот Швеции представляли собой серьезную силу. Кампания развивалась успешно, в том числе и осада пограничной крепости Фредрикстен, у стен которой пал король (стр. 462, 479, 489). Автор решительно опровергает версию о его убийстве заговорщиками.

Серьезное внимание Хеттон уделяет внутренней политике Карла XII, его реформам. Приводимые ею факты подрывают весьма

распространенное в исторической литературе представление с Карле как об ограниченном и малокультурном короле-воине. В юности он получил хорошее образование, любил математику, архитектуру и живопись, в конце жизни даже писал философские сочинения (стр. 47—51, 433—436). Первые годы правления Карла XII — мирные годы — полны внутривосточных начинаний. Он продолжал прогрессивную политику Карла XI, направленную на ограничение дворянских привилегий. Внутренние гражданские дела занимали его тогда больше, чем внешнеполитические (стр. 83, 119). Абсолютный монарх эпохи раннего Просвещения, поборник веротерпимости и враг суеверий — таким предстает Карл на пороге Северной войны (стр. 121—122, 431—434). «Турецкое сидение», особенно после провала планов разгрома Петра на Пруте, было заполнено обсуждением государственных реформ — административных, финансовых, экономических (стр. 337, 340 и сл.). В 1713 г. его план реформы центрального управления — реформы абсолютистского характера — был готов и после возвращения на родину осуществлен в 1715 г. (стр. 343). На Балканах Карл начал и разработку налоговой реформы (с целью большего обложения имущих слоев) и «на расстоянии» добился ее временного осуществления в 1713 году. Карл готовил изменение и упрощение раскладки поземельных налогов с крестьян. В духе последовательного меркантилизма им проектировались меры поощрения промышленности и торговли. Одним из ближайших корреспондентов и советников короля был знаменитый изобретатель Кр. Польхем (стр. 347—348). Период реформ 1715—1718 гг. был, таким образом, подготовлен еще в Бендерах, а не был плодом позднейшей инициативы голштинца Гёрца, как часто принято думать (стр. 348—349). Напряженная административная работа была затем возобновлена в Лунде между двумя норвежскими кампаниями (стр. 428 и сл.). На уровне достижений буржуазной финансовой мысли начала XVIII в. стояла и денежная реформа Карла — Гёрца 1715 г. и последующих лет. Карл настойчиво переводил государственное хозяйство Швеции с натуральных на денежные рельсы и пошел на невиданный в то время контроль за внешней торговлей и расходованием валюты, предвосхищая мероприятия далекого будущего. По мнению Хеттон, его усилия подняли военно-экономический потенциал страны и позволили ей продолжать войну

⁵ См. Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958, стр. 144, 145, 166, 258.

в течение еще двух с лишним лет после смерти короля (стр. 511). Таким образом, побежденный Петром I противник был весьма далек от вольтеровско-пушкинского Карла. Величие петровской победы становится от этого еще ощутимее. В соответствии с новейшими шведскими исследованиями автор определяет людские потери Швеции на фронтах Северной войны лишь в 30 тыс. солдат и офицеров, то есть значительно ниже, чем считалось ранее (стр. 516—518).

Концепция Хеттон не лишена апологетической тенденции. Просчетам и злодеяниям Карла XII (жестокость в отношении гражданского населения Речи Посполитой и России, расправы с пленными) она обычно находит оправдание (например, стр. 251). Автор явно увлеклась своим героем. Встре-

чаются в книге мелкие фактические ошибки из области русской и шведской истории. В целом, однако, перед нами фундаментальное исследование, хотя и ограниченное буржуазно-консервативным мировоззрением автора. Книга удачно суммирует и обобщает выводы десятков новейших исследований по самым разным вопросам истории Швеции и Северной войны в целом. Она свободна от обычной в биографиях Карла XII русофобской тенденции, и автор, напротив, подчеркивает уважение Карла XII к Петру I как к самому честному из своих противников. Обильный и свежий фактический материал, собранный Хеттон или впервые введенный ею в широкий научный оборот, делает ее книгу интересной и для советских историков Северной войны.

А. С. Кан

Джеймс КОННОЛИ. *Рабочий класс в истории Ирландии. Отвоевание Ирландии*. Перевод с английского. М. Изд-во «Прогресс». 1969. 304 стр. Цена 1 руб. 08 коп.

Летом 1968 г. советская общественность широко отметила 100-летие со дня рождения выдающегося пролетарского революционера и борца за независимость Ирландии Джеймса Конноли. Через год на русском языке впервые появились два его основных произведения — «Рабочий класс в истории Ирландии» и «Отвоевание Ирландии». Это, кстати сказать, вообще первые переводы его работ на иностранный язык. В специальном обращении «К советскому читателю», открывающем эту публикацию, Генеральный секретарь Ирландской рабочей партии Майкл О'Риордан, с благодарностью отмечая инициативу советского издательства, пишет: «Издание в Советском Союзе книги одного из наиболее прославленных сынов Ирландии, ее выдающегося марксиста, — это не только проявление обычного для советских людей чувства интернациональной солидарности, но и большая честь для ирландского народа. Оно, несомненно, еще больше укрепит узы дружбы и братства между ирландским народом и великим советским народом, который является главной опорой в борьбе против той империалистической системы, против которой боролся и Джеймс Конноли» (стр. 8).

Конноли прожил недолгую, но прекрасную, полную борьбы и труда жизнь профессионального революционера. Ему не было и 48 лет, когда он пал под пулями английских палачей, каздивших его вместе с другими руководителями ирландского восстания 1916 г., которое, несмотря на его поражение, В. И. Ленин высоко оценил и защитил от обвинений в «путчизме». «Несчастье ирландцев в том, — писал В. И. Ленин в 1916 г., — что они восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело». Отмечая прямую связь восстания с многовековым ирландским национальным движением и участие в уличных битвах в Дублине части городской мелкой буржуазии и части рабочих, Ленин гневно писал в адрес хулителей ирландских повстанцев: «Кто называет такое восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление»¹. М. О'Риордан пишет, что благодаря заступничеству В. И. Ленина его имя навсегда связано с этой славной страницей в истории ирландского народа (стр. 4).

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 53, 54, 56.

В момент своей героической гибели Конноли был главнокомандующим вооруженными силами восстания и вице-президентом только что провозглашенной Ирландской Республики, просуществовавшей всего одну неделю, но серьезно поколебавшей господство Англии над ее первой колонией.

Конноли активно участвовал в социалистическом движении сначала в Шотландии (он родился в Эдинбурге), затем в Ирландии и Соединенных Штатах и, наконец, снова в Ирландии, где он вместе с Джеймсом Ларкином, другим замечательным деятелем ирландского рабочего движения, руководил крупнейшими классовыми схватками. Сын простого рабочего, он сам был рабочим в течение многих лет. Это был разносторонне одаренный человек: превосходный оратор и пропагандист, талантливый публицист и ученый-исследователь. Отчаянно нуждаясь, он всю жизнь учился, много работал, но ни на день не прекращал своей революционной деятельности, выступал на рабочих собраниях и митингах, организовывал рабочих в профсоюзы, проводил забастовки, писал статьи и брошюры, издавал рабочие газеты.

Талантливый самоучка, Конноли, ознакомившись с трудами К. Маркса, стал его убежденным последователем, неутомимым пропагандистом марксизма в ирландском рабочем движении. В своем главном произведении «Рабочий класс в истории Ирландии» (1910 г.) он пишет, что пользовался методом, сформулированным Марксом, — «величайшим из современных мыслителей и первым представителем научного социализма» (стр. 50). Живописуя положение ирландской бедноты и условия, приведшие к возникновению фенианского движения в Ирландии, Конноли широко использует данные, приводимые в «Капитале» К. Маркса (стр. 198—200). Марксистским подходом отмечена и другая крупная работа Конноли — «Отвоевание Ирландии» (1915 г.).

Литературное наследство Конноли, поразительно обширное, если учесть тяжелые условия, в которых он жил и работал, до сих пор полностью не опубликовано. Существующие публикации, в том числе четырехтомник, изданный в Дублине в конце 40-х — начале 50-х годов, отнюдь не полны и не снабжены необходимым научным и справочным аппаратом. Многие объясняются тем, что основная масса рукописного и печатного наследства Конноли оказалась в руках людей, чьи пути давно и далеко разошлись с революцией и социализмом. Из-

вестно, в частности, что обладателем крупнейшего собрания книг, брошюр, статей, рукописей и других бумаг казненного революционера в течение более полувека был недавно скончавшийся Уильям О'Брайен. Некогда сподвижник Конноли, он в последующие годы оказался на крайне правом крыле рабочего движения. Кроме того, начавшаяся еще у могилы Конноли борьба вокруг его имени и его идейного наследства продолжается до наших дней.

Конноли был убежденным марксистом. Это всегда подчеркивал его первый биограф, видный ирландский историк Дэсмонд Райан. Знамя марксизма, выпавшее из рук убитого Конноли, позднее подхватили ирландские коммунисты. В программе Ирландской рабочей партии, принятой в 1962 г., в частности, говорится, что она является «единственной партией, которая полностью придерживается марксистских политических воззрений Джеймса Конноли», и что «политическая философия Конноли, основанная на научных принципах марксистского социализма, доказала свою правильность как философия партии рабочего класса»². Но на духовное родство с Джеймсом Конноли претендует и лейбористская партия Ирландии, хотя в 1932 г. под давлением клерикальной реакции ее лидеры трусливо вычеркнули из своей программы выдвинутый Конноли лозунг «рабочей республики».

Популярность Конноли в ирландских трудящихся массах так велика, что объявить его своим союзником и единомышленником по сей день тшятся и буржуазные националисты, и заурядные либералы, и даже клерикальные круги, бешено травившие его при жизни, а теперь пытающиеся создать легенду, будто в конце жизни он раскаялся в своих социалистических убеждениях и смиренно пришел в лоно национализма и католицизма. Новые попытки фальсифицировать взгляды этого пролетарского революционера были предприняты в Ирландии в связи с празднованием 50-летия Дублинского восстания и 100-летия со дня рождения Конноли. Опять были выдвинуты утверждения, будто его участие в восстании 1916 г. означало чуть ли не разрыв с революционным марксизмом и переход на националистические позиции. Между тем всякий национализм, в том числе его сентиментальная ирландская разновид-

² «Ireland Her Own. The Programme of the Irish Worker's Party adopted at the Fourth National Conference held in Dublin in March 1962», Dublin. 1963.

7 ib

ность, был отвратителен Конноли, интернационалисту до мозга костей. В его сочинениях можно найти множество убийственно саркастических замечаний, направленных против национализма. Он не устал разъяснять, что под зеленым ирландским флагом буржуазия способна творить по отношению к рабочему классу такие же гнусности, как и под британским «юнион-джеком». «Для меня,— писал он в разгар первой мировой войны,— социалист любой страны — товарищ и друг, тогда как капиталист моей собственной страны — естественный враг»³.

Столь же беспочвенны утверждения о «примирении» Конноли с церковью и его «отказе» от своих марксистских «заблуждений». Отношение Конноли к религии и церкви, несомненно, не было таким простым и прямолинейным, как у некоторых радикалов-атеистов из буржуазии. Этот «бедный, родившийся в трущобах политик», как он сам себя называл, ясно видел, что в католической Ирландии, где в течение веков религия служила чуть ли не единственным прибежищем для масс, находившихся под двойным гнетом «своих» и английских эксплуататоров, нельзя ничего добиться, не привлекая на сторону социализма людей верующих. Он отдавал себе отчет, что только практика классово-революционной борьбы в состоянии освободить массы от угнетающего влияния религии. Поэтому, давая отпор клерикалам, которые заявляли, что социализм «неугоден богу», Конноли, напротив, подчеркивал, что социалистический идеал вполне совместим с христианской моралью. Но то, что социалист и марксист Конноли не объявлял войны религии, как это делали анархисты, и даже искал точек соприкосновения с широкими массами рабочих-католиков, никак не свидетельствует о его «примирении» с религией.

Не менее энергично реакционные круги пытаются принизить значение трудов Конноли, его вклад в идейно-политическую жизнь ирландского народа. Особенным атакам подвергается его труд «Рабочий класс в истории Ирландии». Сегодня, спустя 60 лет после первой его публикации, очевидно, что созданная Конноли марксистская концепция ирландской истории выдержала испытание временем. Более того, отдельные его положения, вначале встреченные с недоверием и критикой, получили за-

тем подтверждение в новых исторических исследованиях.

Написать эту книгу Конноли, не имевшему специального образования и располагавшему лишь жалким досугом, который оставляла ему революционная борьба, было нелегко. Взяться за это дело его побудило стремление вооружить рабочий класс Ирландии в предвидении надвигавшихся революционных бурь ясным пониманием своей решающей роли в национальной жизни.

Будучи непоколебимо убежден, что «один лишь ирландский рабочий класс является неподкупным продолжателем борьбы за свободу Ирландии» (стр. 38), Конноли поставил перед собой цель устранить несправедливость, причиненную буржуазной исторической наукой людям труда. Он иронически пишет, что буржуазная историческая наука «обычно относится к рабочему классу так же, как политики относятся к отдельному рабочему: презрительно, когда он пребывает в пассивности, с насмешкой, ненавистью и клеветой на него, когда он осмеливается проявить желание сбросить иго политического и социального рабства. Ирландия не составляет исключения из правила. Ирландская история писалась представителями господствующего класса и в интересах господствующего класса» (стр. 39).

Конноли взял на себя смелость переписать историю Ирландии с точки зрения трудящихся масс и блестяще справился с этой задачей. Под его пером на передний план вышли не короли и аристократы, не буржуа и их «герои»-одиночки, а народные массы с их страданиями и борьбой. Он рисует ирландскую историю как арену столкновения интересов трудящихся масс с интересами эксплуататорских классов — отечественных и чужеземных. Мораль этой истории Конноли передает горьким возгласом одного из казненных участников восстания 1798 г.: «Богатый всегда предаёт бедного».

Безбоязненно разрушает Конноли множество мифов, созданных буржуазной историографией, развенчивает не одного канонизированного ею героя. При этом Конноли думает не только о прошлом, но и об уроках на будущее. Разоблачая, например, миф о «граттановском парламенте» как о «золотом веке» в истории Ирландии, он наносит сильные удары по современной ему ирландской разновидности того, что В. И. Ленин бичевал как «парламентский кретинизм». Конноли не щадит буржуазных лидеров прошлого, показывает их оторванность от

³ «A Continental Revolution». «Labour and Farmer Week. 1916». Dublin, p. 41.

народных масс и готовность предать их интересы. В облике Даниэля О'Коннела, которому буржуазия дала титул «освободителя», Конноли раскрывает такую его малоизвестную и малопривлекательную черту, как неистребимая ненависть к рабочему движению и тред-юнионам. В главе о первом ирландском социалисте У. Томпсоне он дает убедительный отпор буржуазным версиям о том, что социалистические идеи якобы занесены в Ирландию извне и чужды ей. Конноли вскрывает глубинный социальный смысл всей внутренней борьбы в Ирландии, показывая, что ее ни в коем случае нельзя рассматривать как столкновение между «католиками» и «протестантами» и что под религиозной оболочкой неизменно скрывается социальный, классовый конфликт между угнетенными и угнетателями.

Так развивается и наполняется конкретным содержанием идея Конноли о том, что в эпоху империализма «ирландский вопрос» приобрел двойной характер и два революционных течения в стране — социалистическое и национальное — не являются антагонистическими, а, наоборот, дополняют друг друга.

Эти же мысли составляют стержень другой, более поздней работы Конноли «Отвоевание Ирландии». Замысел автора раскрывается уже в предпосланном ей эпиграфе: «Завоевание Ирландии означало для ирландских масс социальное и политическое рабство, и, следовательно, отвоевание Ирландии должно означать для каждого ирландского мужчины, женщины и ребенка как социальное, так и политическое освобождение» (стр. 209). Привлекая большой фактический материал, Конноли показывает здесь, к какой деградации привело страну многовековое хозяйничанье английских колонизаторов, как пагубно оно сказалось на положении трудящихся масс. Приводя многочисленные статистические выкладки, ссылаясь на данные печати и высказывания английских чиновников, Конноли рисует мрачные картины трущоб Дублина и Белфаста, ужасы нищеты, безработицы, скверной постановки здравоохранения и просвещения. Одновременно он неустанно подчеркивает, что рабочим Ирландии не на кого надеяться, кроме как на себя, ибо «лишь рабочее движение стремится решительно ликвидировать все социальные и политические последствия завоевания...» (стр. 217).

Пафос этой работы Конноли — в призыве к единству между всеми трудящимися

Ирландии, между католиками и протестантами, на подстрекательстве которых друг против друга всегда паразитировали враги Ирландии. Он убедительно показывает, что жертвами бессовестной эксплуатации являются как те, так и другие и что, «несмотря на различное происхождение, историческое развитие Ирландии привело к одинаковому социальному рабству всех рабочих, безотносительно к их религии» (стр. 223). Особенно интересна в этом отношении и, добавим, весьма актуальна, учитывая нынешнюю обстановку в Северной Ирландии, глава «Белфаст и его проблемы». Словно сказанные вчера, воспринимаются слова Конноли о том, что «Белфаст отличают искусное использование господствующим классом религиозных призывов, не эффективных в любом другом месте, но здесь еще способных ослабить рабочий класс и ограничить его действия, и фарисейский дух самодовольства, позволяющий беспринципным эксплуататорам бедняков, запустив одну руку в карман своих рабочих, другую воздевать к небу и благодарить бога за то, что они не такие люди, как все прочие» (стр. 256).

На этой работе как бы лежит отблеск «рабочей войны» 1913 г., как называли необычайную по силе и продолжительности всеобщую забастовку в Дублине. В работе «Отвоевание Ирландии» сливаются воедино боевой опыт забастовочной борьбы и предчувствие надвигающегося восстания. Но в ней сказываются и слабости мировоззрения Конноли, в частности некоторая расплывчатость его представлений о социалистическом будущем Ирландии, которую он называет в этой работе «кооперативной республикой». Сказались и отголоски его синдикалистских взглядов, впрочем, естественных для человека, стоявшего у колыбели знаменитого рабочего ордена «Индустриальные рабочие мира», тесно связанного с так называемым «новым тред-юнизмом».

Подобного рода ошибки можно обнаружить и в некоторых других работах Джеймса Конноли. Однако в трудах Конноли прослеживается, как он последовательно освобождался от неправильных взглядов. Касаясь этого вопроса, автор вступительной статьи к рецензируемой книге А. Д. Колпаков справедливо отмечает, что «отдельные ошибки не могут помешать нам правильно оценить огромное значение трудов этого выдающегося пролетарского мыслителя» (стр. 22—23).

Отрадно отметить, что интерес к Джейм-

су Конноли возрождается в СССР в последние годы. В 60-е годы появляется ряд популярных брошюр, где деятельности Конноли отводится видное место⁴. В связи со 100-летием со дня его рождения публикуется ряд посвященных ему статей в газетах и научных изданиях. Исследователи творчества Конноли не могут не отметить большую свежесть и, если можно так выразиться, современность его мысли, близость Конноли к нашему времени, к нынешним проблемам и заботам.

Ирландский революционер проявлял большой интерес к событиям в России. Заметим, в частности, что серия статей, посвященных проблемам вооруженной борьбы, которую Конноли напечатал в 1915 г., накануне Дублинского восстания, в газете «Worker's Republic», открывается статьей об опыте Московского восстания 1905 г.⁵ (написанной, правда, по английским источникам). С другой стороны, в литературе часто фигурирует свидетельство ирландской профсоюзной делегации, посетившей Москву в 1920 г., о том, что «Ленин тепло отзывался о книге «Рабочий класс в истории Ирландии», характеризуя Конноли как выдающегося человека»⁶.

По отношению к империалистической войне 1914—1918 гг. Конноли, как указывает М. О'Риордан в своем обращении «К советскому читателю» (см. стр. 3), занял позицию, аналогичную ленинской. В книге «Жизнь и время Джеймса Конноли», которая считается теперь классической научной биографией ирландского рабочего вождя, Дэсмонд Гривс подробно прослеживает, как Конноли пришел к мысли о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую и к тому, что в условиях, созданных войной, борьба угнетенных масс за национальную независимость должна слиться с пролетарской борьбой за социальное освобождение⁷.

В этой связи представляет интерес свидетельство уже упоминавшегося ирландского историка Д. Райана, который, размышляя о судьбе Джеймса Конноли и

причинах его популярности, писал в 1963 г., что Конноли принадлежит к тем лидерам восстания 1916 г., «которых можно легко полюбить или, напротив, возненавидеть. А причина та, что он был самым бескомпромиссным революционным социалистом-марксистом своего времени, представителем того крайнего крыла, которое стало коммунистическим всего через год после смерти самого Конноли (то есть с момента Великой Октябрьской социалистической революции.— Л. Ш.)»⁸.

Эти слова буржуазного ученого, много лет посвятившего изучению взглядов и деятельности Конноли, говорят сами за себя. Любопытно, что точно такую же мысль еще раньше высказал английский историк-марксист Т. А. Джексон, автор большого труда по истории освободительной борьбы в Ирландии. По его свидетельству, именно бывшие ученики и соратники Конноли в Великобритании составили со временем ядро коммунистической партии. В своих воспоминаниях Джексон писал, что, присутствуя на одном из первых заседаний ЦК Компартии Великобритании, он увидел вокруг себя учеников и единомышленников Конноли⁹.

Вот, пожалуй, объяснение того, почему читатель, воспитанный на идеях марксизма-ленинизма, так легко входит в идейный мир сочинений Конноли, почему воспринимает его как своего единомышленника и современника, хотя сердце ирландского революционера перестало биться более полувека назад. И вот почему целиком разделяешь сожаление, выраженное М. О'Риорданом по поводу того, что Конноли «не дожил до того времени, когда бы он мог стать свидетелем величайшего восстания рабочего класса в октябре 1917 г., руководимого В. И. Лениным и партией большевиков» (стр. 8). Без сомнения, Конноли был бы всем сердцем с Великим Октябрем!

В марте 1970 г. в жизни рабочего класса Ирландии произошло, как известно, большое событие: Ирландская рабочая партия и Коммунистическая партия Северной Ирландии слились в единую общеирландскую Коммунистическую партию. В Манифесте, принятом на объединительном съезде в Белфасте, говорится: «Наш остров представляет собой одно целое, наш народ — один и тот же народ. Мы, ирландские коммунисты, призываем к единству страны не

⁴ См., например, В. Матвеев, Л. Седин. Зеленый разный оттенок. Ирландия сегодня. М. 1963; А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный. М. 1965.

⁵ J. Connolly. Revolutionary Warfare. Dublin and Belfast. 1968, p. 2.

⁶ См. П. Керженцев. Ирландия в борьбе за независимость. М. 1936, стр. 160.

⁷ S. Desmond Greaves. The Life and Time of James Connolly. L. 1961, pp. 283—287.

⁸ «The Sunday Press», Dublin, May 12, 1963, p. 22.

⁹ См. «Comment». A Communist Weekly Review. Vol. 6, № 21. L. 25 May, 1968, p. 332.

абстрактно, а на основе общей борьбы трудящихся Севера и Юга, которая приведет к установлению социализма... Общим гармоничным и братским трудом нашего народа, оранжевых и зеленых, католиков и протестантов, будет построено новое общество. Наша цель — новая Ирландия, свободная объединенная страна». Можно сказать, что, приняв такое решение, ирландские коммунисты с новой энергией выступили в тот великий поход за «отвоевание Ирландии», за ее социальное и политическое раскрепощение, к которому столь страстно призывал Джеймс Конноли. А он верил, что общие страдания рабочих, католиков и протестантов как на юге, так и на севере страны «создают общую основу действий, чтобы сплавить нас всех воедино, и поскольку мы вместе страдаем, будем вместе сражаться за то, чтобы всем вместе стать свободными» (стр. 267).

Издание работ выдающегося ирландского марксиста, надо думать, оживит интерес к его личности и к его сочинениям во всем международном рабочем движении. Исторические условия сложились так, что в конце XIX и начале XX в. Ирландия зани-

мала большое место в мировом освободительном движении. По поводу Дублинского восстания В. И. Ленин писал, подчеркивая особое для своего времени значение этого очага антиимпериалистической борьбы в Европе, что «удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке»¹⁰. Историческая необходимость побуждала Конноли разрабатывать теоретически и практически именно те проблемы сочетания задач национального и социального освобождения, которые приобрели такое большое значение в нашу эпоху крушения колониальных империй. И хотя не все найденные им ответы на эти вопросы были безукоризненными, знакомство с идейным наследием Конноли может принести безусловную пользу нынешнему поколению борцов против империализма, за национальное и социальное раскрепощение своих стран.

Л. М. Шейдин

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 55.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Ново време». София. 1970, № 5.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.—Т. Живков. В. И. Ленин и союз рабочего класса и крестьян в борьбе за социализм; Н. Ирибаджак. В. И. Ленин и проблема борьбы против современной буржуазной идеологии; Д. Филипов. В. И. Ленин и национально-освободительное движение; К 25-й годовщине победы над фашистской Германией.—Б. Чолпанов. Советский Союз — решающая сила разгрома фашистской Германии; Ст. Рачев. Борьба балканских народов против фашизма накануне второй мировой войны; И. Димитров. История второй мировой войны в кривом зеркале фальсификаторов; П. Костов. 70-летие Болгарского земледельческого народного союза; Д. Даскалов. Борьба марксизма-ленинизма против идеологии анархизма.

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1970, № 1.

К 25-й годовщине освобождения нашей Родины; Т. И. Беренд, Д. Ранки. Экономический рост и структурные изменения в социалистических странах Восточной Европы после второй мировой войны; И. Пинтер. Освобождение Венгрии и создание условий для общественных преобразований; Ш. Ракоши. Некоторые вопросы партийного руководства государством после освобождения; И. Тот. О характере и роли центров коалиционных партий в нашей народно-демократической революции; Ш. Орбан. Два начала — проблемы двух результатов движения сельскохозяйственных кооперативов в Венгрии.

«Századok». Budapest. 1970, № 1.

Ф. Пелешкеи. Политика Иштвана Тиссы в национальном вопросе накануне

первой мировой войны; И. Пинтер. Венгерское Сопротивление и 15 октября 1944 года; Сообщения.—Ш. Вадас. Французский план венгерско-польского восстания 1796 года; Э. Фювеш. Общество дружбы имени Ригаса и пештские греки; Й. Йоханчик. «Умственная оборона страны» газеты «Magyar Nemzet» и антифашистское движение за независимость; А. Лебл. Настоящий Васа Стаич; Р. Мандру. Высшая культура и народная культура во Франции XVII—XVIII веков (лубочная литература); Дискуссия о вопросах истории культуры.—Л. Элекеш, Г. Секей, И. Шинкович, Ш. Балог. Место и функция истории культуры в историческом синтезе; А. Р. Варконьи. Культурно-исторические стремления в европейской и отечественной буржуазной исторической науке; Э. Памленьи. О понятии и тематике истории культуры; Г. Лабуда. Базар в хронике Анонимуса Галлуса.

«Társadalmi szemle». Budapest. 1970, № 4.

З. Комочин. 25-я годовщина освобождения Венгрии в год ленинского юбилея; А. Денеш. 25 лет венгерско-советской дружбы; Д. Лукач. Реальная политика революции (отрывок из статьи о Ленине, написанной в 1924 г.); И. Сигети. Ленин и Маркс; Д. Йеней. Ленинское понимание борьбы на два фронта; А. Береи. Главные факторы двадцатипятилетнего роста нашего народного хозяйства; И. Т. Беренд. Изменения в жизненных условиях, происшедшие со времени освобождения.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1970, № 3.

Г. Майзель. Созданная Советским Союзом основная модель социализма и развитие представлений о социализме в КППГ; Л. Рети. Ленин и Венгерская Советская республика; В. Имиг, Б. Бухгольц, Г. Янитц. О помощи В. И. Ленина в образовании КППГ; Документы и материалы.—Документы о братской поддержке КППГ Коммунистическим Интернационалом (Г. Карл); Воспоминания о Ленине С. Багоцкого, Фрица Платтена, Якова Ганецкого; Научные сообщения.—К. Маммах. О помощи, оказанной КППГ Коммунистическим Интернационалом в развитии ее стратегии и тактики и о роли КППГ в подготовке VII конгресса Коминтерна; В. Врублевска. Библиотека Института истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии; К.-Х. Янке. Исследования об антифашистском движении Сопротивления в Мекленбурге в 1933—1945 гг.

«Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1970, № 3.

Г. Хомман. 25-летие 8 мая 1945 года; Г. А. Деборин. Наиболее продолжительный мирный период XX столетия; О. Винцер. Ленинская политика мирного сосуществования и внешняя политика ГДР; А. Степанов. В. И. Ленин и Германия;

Г. Повик, И. Цельт. Интернационалистическая политика Социалистической единой партии Германии; З. Томас. Руководство СДПГ и империалистическая внешняя политика; А. Бениш. Политико-идеологические аспекты позднекапиталистической футурологии.

«Deutsche Aussenpolitik». 1970. Sonderheft.

К. Хагер. Ленинизм — марксизм нашей эпохи; Р. Арльт. Актуальность ленинского учения о диктатуре пролетариата; Г. Ханн. Марксизм-ленинизм и научное прогнозирование общественного развития человечества; К. Боллингер. Ленин — создатель теории современного империализма; Г. А. Деборин. Пролетарский интернационализм — важнейший принцип международного коммунистического движения; В. П. Нихамин. Ленинские принципы отношений между социалистическими и развивающимися странами.

«Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin. 1970, № 4.

Б. Биттигхер, С. Грундманн. О критике буржуазных исследований будущего; А. Менерт. О законе роста потребностей и о противоречивом проведении в жизнь закона развития потребностей в государственно-монополистической Западной Германии; Д. Бунде. Замечания к определению прогноза и соотношению прогноза и гипотезы.

«Deutsche Zeitschrift für Philosophie». 1970, № 5.

В. И. Ленин и марксистско-ленинская философия в ГДР (тезисы); И. Т. Фролов. Философия ленинизма, диалектика и современное естествознание; Г. Готтшлинг. Мировоззренческие основы и исторический характер марксистского понятия атеизма.

«Einheit». Berlin. 1970, № 4.

В. Ульбрихт. Ленин и стратегия и тактика коммунистических и рабочих партий; Э. Хопекер. СЕПГ — победоносно борющаяся ленинская партия; К. Хагер. Ленинизм и развивающаяся общественная система социализма в ГДР; Г. Миттаг. Хозяйствовать в ленинском стиле! О. Рейнгольд. Проблема переходного периода от капитализма к социализму в ГДР; Г. Зедеер. Человек в экономической системе социализма; О. Т. Богомолов. Актуальные проблемы развития социалистической мировой системы в свете ленинских идей; Б. М. Кедров. Ленин о соотношении науки и техники; Б. Малов. Ленин о связи национального и интернационального в политике коммунистических партий; Г. Хессельбарт. Ленин и борьба за демократию и социализм сегодня.

«Staat und Recht». Berlin, 1970, № 3.

Х. Граф, Г. Зейлер. В. И. Ленин о функции выборов и избирательного права в

классовой борьбе пролетариата и в строительстве социалистического общественного строя; Х. Крeгeр. О ленинских принципах и нормах международных отношений нового типа в содружестве социалистических государств.

«*Staat und Recht*». 1970, № 4.

Ленинизм — марксизм нашей эпохи; В. Гросманн, Г. Шульце. Ленинский принцип демократического централизма и научное государственное руководство в ГДР; В. М. Шапко. Единоначалие и коллективность в государственном управлении; Ленин и революционный декрет (из воспоминаний П. И. Стучки); Г. Блей. В. И. Ленин о творческой роли социалистического права; Г. Штиллер. Актуальные выводы из ленинского учения для социалистической теории права; Ленинский кооперативный план и социалистическое аграрное право в ГДР; В. Хениш, Г. Хан. Ленинские основы социалистической внешней политики; Е. Т. Усенко. Ленинские принципы интернационализма в Уставе Совета Экономической Взаимопомощи; И. Хенкер, А. Винклер. Значение ленинского учения о сущности империалистического государства в борьбе с западногерманским империализмом; Г. Ханей. Уроки ленинской критики ревизионизма в вопросе о государстве; В. М. Курицын. Борьба В. И. Ленина против оппортунизма. (Проблемы социалистической демократии и законности); Ленин и демократия (специальная библиография).

«*Wirtschaftswissenschaft*». Berlin. 1970, № 3.

К. Грошофф. Основные вопросы социалистической собственности на средства производства и ее развитие в ГДР; Х. Майснер. К критике буржуазных концепций собственности; А. И. Ноткин. Прогнозирование экономического роста при социализме; Э. Рехтциглер. Западногерманское сельское хозяйство под властью государства и монополий (тезисы); Обзор.—В. Шмидт. Вывоз квалифицированной рабочей силы из развивающихся стран; Милитаризация экономики и гонка вооружений в империалистических государствах; И. Делатаграмакас. Изменения и тенденции в платежном балансе Греции.

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Berlin. 1970, № 4.

К 25-й годовщине освобождения Германии от фашизма.—В. Ульбрихт. Ленинизм и политика союза Социалистической единой партии Германии; М. Герлах. Решение ЛДПГ о союзе с рабочим классом и его партией; С. Эйхофер. 8 мая 1945 года и духовное преодоление империалистического прошлого; Р. Бадштюбнер. Изображение истории Германии 1945—1949 гг. в западногерманской империалистической историографии; Сообщения.—Х. Веенер. Поддержка немецких антифашистов советскими во-

енными органами в мае 1945 г. в Саксонии; Исследования по истории фабрики пленок Вольфен (В. Лампрехт, Ф. Петрик).

«*Zeitschrift für Militärgeschichte*». Berlin. 1970, № 3.

Г. Мюллер. 15 лет Варшавского Договора — 15 лет надежной защиты социализма и мира; Г. Глазер. О единоначалии в историческом развитии капиталистических и социалистических вооруженных сил; Г. Ферстер. Антикоммунистическая основа в концепциях западногерманского империализма и милитаризма и развитие империалистической послевоенной Германии; Н. Шеховцев. Характерные черты освободительного похода Советской Армии в 1945 году в Европе; Б. В. Панов. Об окружении и уничтожении крупных группировок фашистского вермахта Красной Армией в ходе Белорусской операции (часть 2-я); В. Рошлау. Развитие и функции западногерманской войсковой авиации (с 1963 г. до настоящего времени); Воспоминания.—Г. Фристер. Бой под Цикра. Воспоминания о разгроме Капповского путча в Восточной Тюрингии; Научная информация.—В. Саламон. Источники в немецком военном архиве о ходе и разгроме путча Каппа — Лютвица в Саксонии.

«*Ekonomista*». Warszawa. 1970, № 1.

С. Дульский, А. К. Козьминский. Марксова картина коммунистического хозяйства и политэкономия социализма; Я. Дзевульский. О действительном содержании и научном достоинстве теории Розы Люксембург о накоплении капитала; З. Добрская. Трудности процесса индустриализации в африканских странах; Ю. Новицкий. Теория международного обмена в трактовке шведской школы; Е. Клеер. Система связей в мировом хозяйстве и экономический рост капиталистических стран.

«*Anale de istorie*». București. 1970, № 2.

100 лет со дня рождения В. И. Ленина. И. Попеску-Пуцурь. Победа социализма в Румынии — подтверждение жизнеспособности ленинизма, его творческого духа; Т. Джорджеску. Концепция В. И. Ленина о партии нового типа. Создание Румынской коммунистической партии — воплощение ленинизма; Н. Гольдбергер, Г. Сурпат. В. И. Ленин о руководящей роли рабочего класса в революции и социалистическом строительстве; В. Смырчя. Великая победа над гитлеровской Германией; Д. Хурезяну. Размышления К. Доброджану-Геря в «Неокрепости»; Н. З. Мунтяну. Про К. Доброджану-Геря. Письма; А. Маму (МНР). Научная деятельность Института истории партии при ЦК Монгольской народно-революционной партии; Г. Матей. Данные о вкладе румынских социалистов в сохранение и развитие связей международной солидарности рабочего класса в 1914—1916 гг.; Воспоминания.—Б. Брейнер, В. Тудосе, Л. Филипеску.

«Historie a vojenství».
Praha. 1970, № 2.

А. А. Гречко. Советские Вооруженные Силы в прошлом и в настоящее время; Б. Тваружек. 1-й Чехословацкий Армейский корпус в СССР и освобождение

Чехословакии; Е. Бантеа, К. Николаэ. Участие Румынской Армии в освобождении Чехословакии; Ш. Муч. Участие венгерских технических отрядов в борьбе против немецкого фашизма на территории Чехословакии; С. Замечник. Чешское майское восстание.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Авдусия Д. А. Археология СССР. (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов). М. 1967. 291 стр. Рец.: Vepelová Leontijevová N.— «Archeol. rozhledy». Praha. 1970, № 2, s. 215—216.

Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII века. Л. 1968. 156 стр. Рец.: E. H.-G.— «Hansische Geschichtsblätter». Köln—Wien. 1969. Jg. 87, S. 136.

«Атеизм и религия». (Некоторые проблемы атеистического воспитания в Латв. ССР). Рига. 1969. 208 стр. Рец.: E. S. M.— «Euhemer». Warszawa. 1970, № 1, s. 126—128.

Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М. 1969. 128 стр. Рец.: Goehrke C.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 599.

Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904). Львов. 1964. 323 стр. Рец.: Elsner H.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 610—611.

Волков Г. Н. Социология науки. Социол. очерки науч.-техн. деятельности. М. 1968. 328 стр. Рец.: Стоянов З.— «Социол. проблеми». София. 1969, бр. 6, с. 73—76.

«Вопросы научного атеизма». М. 1968, вып. 5. Рец.: Nowaczuk M., Szmyd J. i Judentko K.— «Euhemer». Warszawa. 1970, № 1, s. 113—124.

«Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова». М. 1968. 231 стр. Рец.: N. A.— «Hansische Geschichtsblätter». Köln—Wien. 1969, Jg. 87, S. 133.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. Пер. на нем. яз.: Stuttgart. 1969. Рец.: I. Raven W. v.— «Polit. Meinung». Bonn. 1970, H. 1, S. 117. 2.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 652.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. Пер. на сербскохорв. яз.: Београд. 1969. Рец.: Рашовић Д.— «Ист. записи». Титоград. 1969, № 1, с. 156—158.

Игнатенко Г. В. От колониального режима к национальной государственности. М. 1966. 158 стр. Рец.: Srpiská M.— «Čas. pro mezinár. právo». Praha. 1970, № 1, s. 60—62.

Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928—1932 гг. М. 1968. 487 стр. Рец.: Rieber A. J.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 618.

«Історіографічні дослідження в Українській РСР». Київ. 1968, вип. 1. Рец.: Grab ski A. F.— «Kwart. hist.». Warszawa. 1970, № 1, s. 236—237.

«История Коммунистической партии Советского Союза». В 6 т. Т. 2, 3. М. 1966—1967. Пер. на болг. яз. София. (1968)—1969. Рец.: Наумов Г. и Кьосев Х. В пламъците на три революции. «Ново време». София. 1970, кн. 2, с. 122—127.

«История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967 гг.». В 3 т. Т. 2—3. М. 1967. 2 т. Рец.: Adams A. E.— «Amer. Hist. Rev.». Richmond. 1969, № 2, p. 550—551.

«История Монгольской Народной Республики». Изд. 2-е, переработ. и доп. М. 1967. 537 стр. Рец.: Гольман М.— «БНМАУ шинжлэх ухааны академийн мэдээ». Улаанбаатар. 1969, № 3, с. 106—111. На монг. яз.

«История отечественной математики». В 4-х т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. Т. 2. 1801—1917. Киев. 1967. Рец.: Dobrzyski S.— «Kwart. historii nauki i techniki». Warszawa. 1970, № 1, s. 154—156.

Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). М. 1968. 235 стр. Рец.: Н. М.— «Rev. des études sud-est europ.». Bucarest. 1969, № 4, p. 739—740.

Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К. Мерсына. Новое нижнепалеолитическое месторождение в Молдавии. Кишинев. 1967. 38 стр. Рец.: K. V.— «Archeol. rozhledy». Praha. 1970, № 2, s. 223.

Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.). М. 1968. 453 стр. Рец.: Schalhorn B.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 605—606.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. М.-Л. 1966. 179 стр. Рец.: Košnar L.— «Archeol. rozhledy». Praha. 1970, № 2, s. 223—224.

* Перечень составлен сотрудниками группы «Советика» Отдела науки Института научной информации и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР по журналам, поступившим в библиотеку в течение апреля 1970 года.

Клевченя А. С. Стефан Руднянский (Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше). Минск. 1968. 254 стр. Рец.: Swienko H.—«*Studia filoz.*». Warszawa. 1970, № 1, s. 200—201.

Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство (VI—XV вв.). М. 1967. 271 стр. Рец.: S. R.—«*Czas. prawno-hist.*». Poznań. 1969, № 2, s. 286.

Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966. Пер. на франц. яз. Р. 1968. Рец.: Constantini—«*Rev. hist. de l'armée*». Р. 1969, № 4, p. 165—166.

Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск. 1968. 168 стр. Рец.: Robel G.—«*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 599—600.

Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л. 1968. 183 стр. Рец.: Havel J.—«*Archeol. rozhledy*». Praha. 1970, № 2, s. 224.

Кучеренко Г. С. Судьба «Завешания» Жана Мелье в XVIII веке. М. 1968. 210 стр. Рец.: Skrzypek M.—«*Euhemer*». Warszawa. 1970, № 1, s. 137—140.

Ливанцев К. Е. Сословно-представительная монархия в Польше, ее сущность и особенности (2-я половина XIV—конец XVI в.). Л. 1968. 79 стр. Рец.: S. R.—«*Czas. prawno-hist.*». Poznań. 1969, № 2, s. 289.

Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения. М. 1965. 443 стр. Рец.: G. F.—«*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 629.

Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л. 1965. Пер. на англ. яз.: Cambridge. 1968. Рец.: Cameron R.—«*Journal of Econ. Lit.*». Pittsburgh. 1969, № 4, p. 1167.

«Народы Европейской части СССР». В 2 т. Т. 2. М. 1964. 918 стр. Рец.: Karger A.—«*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*». Wiesbaden. 1969, H. 4, S. 596—597.

«О Ленине» (Сборник). М. 1967. 478 стр. Рец.: Florczyk M.—«*Przegląd humanistyczny*». Warszawa. 1970, № 2, s. 180—185.

Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев. 1969. 163 стр. Рец.: K V—«*Archeol. rozhledy*». Praha. 1970, № 2, s. 227—228.

Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М. 1968. 375 стр.

Рец.: Ракочевич Н.—«Ист. записи». Титоград. 1969, № 1, с. 153—156.

Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск. 1968. 202 стр. Рец.: K V—«*Archeol. rozhledy*». Praha. 1970, № 2, s. 229.

Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л. 1968. 156 стр. Рец.: K V—«*Archeol. rozhledy*». Praha. 1970, № 2, s. 229.

Привалов В. В. Образование Коммунистического Интернационала молодежи. Л. 1968. 216 стр. Рец.: Kaweska K.—«*Pokolenia*». Warszawa. 1969, № 4, s. 153—157.

Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян в XV—XVII вв. М. 1968. 323 стр. Рец.: Kielbicko A.—«*Kwart. hist.*». Warszawa. 1970, № 1, s. 190—193.

Раков В. А. Археологи на «Крыше мира». Душанбе. 1967. 151 стр. Рец.: K V—«*Archeol. rozhledy*». Praha. 1970, № 2, s. 229—230.

«Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск. 1967. 266 стр. Рец.: N. A.—«*Hansische Geschichtsblätter*». Köln—Wien. 1969, Jg. 87, S. 144—145.

«Советско-венгерские отношения 1945—1948». М. 1969. 356 стр. Рец.: «*Sprawy międzynarodynar.*». Warszawa. 1970, № 3, s. 144—145.

Стрельников В. С. и Черепанов Н. М. Война без риска: действия англо-американских войск в Италии в 1943—1945 гг. М. 1965. 279 стр. Рец.: Stone I.—«*Amer. Hist. Rev.*». Richmond. 1969, № 2, p. 459—460.

Федоров Д. Я. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Определитель монет. Таллин. 1966. 422 стр. Рец.: Męclewska M.—«*Wiadomości numizmatyczne*». Warszawa. 1969, № 2, s. 126—127.

«Четверть века Народной Болгарии». М. 1969. 216 стр. Рец.: — «*Sprawy międzynarodynar.*». Warszawa. 1970, № 3, s. 140—141.

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. «Байкал». Улан-Удэ. 1963, № 5—6; 1964, № 1—3. Пер. на итал. яз. Milano. 1969. Рец.: — «*Rassegna sovietica*». Roma. 1969, № 3, p. 198—199.

«Экономические связи Прибалтики с Россией». Сб. статей. Рига. 1968. 285 стр. Рец.: N. A.—«*Hansische Geschichtsblätter*». Köln—Wien. 1969, Jg. 87, S. 204—206.

Хроникальные заметки

◆ По инициативе Института русской филологии при университете имени А. Мицкевича в Познани состоялась научная сессия «Ленин об истории и Ленин в литературе». В ней приняли участие гости из Харьковского университета и университета в Галле (ГДР). С докладами выступили Г. Ловмянский («Ленин — о понятии «феодализм»»), Е. Топольский («Исторический метод Ленина»), Е. Охманский («Ленин, Россия и независимость Польши»), А. Перевозов (Харьков) («Ленин об общих закономерностях и национальной специфике социалистической революции»).

◆ Научная сессия Центральной партийной школы, Института истории партии при ЦК ПОРП, Польской АН и Варшавского университета состоялась в апреле 1970 г. в Варшаве в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина. Она была посвящена вкладу великого вождя в развитие марксистской теории и общественных наук в целом. Вступительное слово произнес президент ПАН Я. Гроховский. Затем были обсуждены доклады Г. Яблоньского «Ленин и Польша», Н. Коломейчика «Идеи ленинизма и социалистическое строительство в Польше», Я. Щепанского «Наука и политика в ранних работах Ленина», Е. Топольского «Влияние ленинской мысли на историографию», В. Новацкого «Место науки в будущем обществе», В. Заставного «Ленинские принципы организации социалистического хозяйства», Т. Ярошевского «Ленинизм и проблемы современной философии», Е. Коссака «Ленин и социалистическая политика в области культуры».

◆ Под редакцией Дэниеля Мэйсона и Джессики Смит, соредакцией Дэвида Лэйбмана и под общим руководством Хьюго Геллера в США издан сборник «Ленинское влияние на Соединенные Штаты» («Lenin's Impact on the United States», N. Y. 1970. 224 p.), в который вошло содержание специального ленинского номера прогрессивного журнала «Новое всемирное обозрение» («New World Review», Winter 1970), известного своими публикациями по вопросам внутренней жизни в странах социализма, а также международных, в особенности советско-американских отношений, проблемам национально-освободительного движения и борьбы за мир. Сборник открывается предисловием «Он изменил мир!» Д. Мэйсона. В разделе «Советско-американские отношения» публикуются: статья советского историка И. М. Краснова «Ленин, США и мирное сосуществование» и ответ В. И. Ленина на вопросы американского корреспондента Карла фон Виганда, впервые напечатанный в «New York Journal» 21 февраля 1920 г. (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 145—147). Большое место в сборнике занимает раздел «Американцы встречаются с В. И. Лениным», куда вошли воспоминания, свидетельства и высказывания журналистов, общественных и научных деятелей США

разных направлений: Альберта Риса Вильямса, Джона Рида, Уильяма Фостера, Юджина Дебса, Эллы Рив Блур, Луизы Брайант, Роберта Майнора, Джерома Дэвиса, Джессики Смит, Альберта Эйнштейна, Раймонда Робинса, Айзека Макбрайда, Элен Келлер, Джорджа Клемперера, Линкольна Стеффенса, Уильяма Буллита, Арманда Хэммера, Уолтера Дюранти, Гарри Уорда, Рокуэлла Кента. Особое место в сборнике отведено «Письму к американским рабочим» (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48—64) и истории его доставки в США. Сюда же примыкают резолюция массового митинга в Сиэтле и «Письмо американских рабочих Советскому правительству», ответом на которое явилось указанное письмо В. И. Ленина, а также воспоминания лица, доставившего эти документы на пароходе «Шилка» в Советскую Россию. В разделе «Ленин и американский рабочий класс» помещены письмо В. И. Ленина секретарю «Лиги социалистической пропаганды» (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 71—75), листовка этой «Лиги», резолюция, принятая организацией профсоюза механиков в Сиэтле по поводу смерти В. И. Ленина, статья Роберта Данна «Рабочие помогают российской реконструкции». Специальный раздел «Ленин и американские негры» включает в себя статью Герберта Аптекера «Ленин, национальное освобождение и США» и высказывания деятелей негритянского освободительного движения о роли В. И. Ленина в борьбе за освобождение угнетенных народов. Под рубрикой «Точка зрения Коммунистической партии США» публикуется статья Генерального секретаря КП США Гэса Холла «Марксизм-ленинизм — путеводная звезда революционного преобразования мира». Уделено также немалое внимание влиянию ленинских идей на культурную жизнь США.

◆ На пленарном заседании Комитета исторических наук Польской АН в апреле 1970 г. с докладом «Методология истории в произведениях Ленина» выступил Е. Топольский. Комитет как учреждение, координирующее исторические исследования в стране, оценил также достижения и состояние исторической науки Польши в 1945—1969 годах.

◆ Главная комиссия по изучению гитлеровских преступлений (ПНР) организовала в апреле с. г. конференцию, касавшуюся состояния работ по проблемам фашистской оккупации Польши. После речи, произнесенной министром юстиции С. Вальчаком, с докладами выступили Ч. Пилиховский — об очередных задачах изучения оккупационного периода, Ч. Мадайчик — об исследовании оккупационного режима, Т. Цесляк — об общих планах ПАН по данной теме, Ф. Рышка — о некоторых итогах изучения истории фашизма, А. Кляфковский — о путях сбора данных о военных преступниках, С. Шмитцек — о фальсификации истории гитлеровской политики реакционной западнгер-

манской историографией. Всего было заслушано свыше 100 докладов и сообщений.

◆ 16 июня в Берлине состоялась международная научная конференция на тему «Возрастающая роль коммунистических партий в революционном процессе строительства социализма и коммунизма». С основными докладами выступили: член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер («Осуществление СЕПГ ленинского учения о руководящей роли партии»), член ЦК КПСС, директор ИМЛ при ЦК КПСС акад. П. Н. Федосеев («Руководящая роль КПСС в строительстве коммунизма»), член Политбюро, секретарь Национального комитета КП США Дж. Джексон («Значение руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в социалистических странах для борьбы трудящихся в развитых капиталистических странах»). Дальнейшая работа проходила в трех секциях. В секции «Руководящая роль партии в государстве, социалистической демократии и классовых союзах» (председательствовал Доминик Урбани, председатель Коммунистической партии Люксембурга) выступили представители ВСРП, СЕПГ, РКП, Коммунистических партий Бельгии, Финляндии, Южной Африки и Японии. 2-я секция (председательствовал член ЦК БКП С. Далбоков) обсуждала вопрос о руководящей роли партии в области экономики. В дискуссии приняли участие представители братских партий Болгарии, Чехословакии и др. В центре внимания третьей секции (председательствовал член Секретариата КПЧ М. Мок) стояли вопросы руководящей роли партии в области идеологии и культуры. Всего в работе секции, помимо указанных лиц, участвовало 32 представителя компартий, в том числе из следующих стран — Австрии, Аргентины, Венесуэлы, ДРВ, Греции, Дании, Западного Берлина, Индии, Ирака, Ирландии, Испании, Италии, Кипра, Колумбии, Кубы, Монтголии, Польши, Уругвая, ФРГ, Франции и Цейлона.

◆ В июне 1970 г. в конференц-зале дворца Цецилиенхоф, где 25 лет назад было подписано Потсдамское соглашение, по инициативе Германской Академии государства и права имени В. Ульбрихта состоялась международный научный colloquium, посвященный 25-й годовщине освобождения Германии от фашизма. В его работе участвовали представители Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, США, Финляндии, Франции, ЧССР, Швейцарии и Японии. Открывая заседание, П. Флорин (МИД ГДР) подчеркнул актуальность соглашения вплоть до настоящего времени и его возможную роль для конференции по вопросам европейской безопасности. В ходе дискуссии выступили ученые СССР, Польши, ЧССР, Венгрии, ГДР, Франции, Финляндии, Норвегии, Японии и США. Заключительное слово произнес проф. Г. Крёгер (Институт международных отношений, ГДР).

◆ На научной сессии, посвященной 25-летию освобождения Венгрии от фашистского ига, в ходе пленарных заседаний и

работы двух секций выступали общественные деятели и ученые из Высшей партийной школы при ЦК ВСРП, Института истории партии при ЦК ВСРП, Института истории ВАН, Венгерского исторического общества, а также многочисленные гости. Вступительную речь произнес член Политбюро ВСРП, акад. Д. Немеш. Доклад на тему «Основные черты 25-летнего развития венгерского общества (1945—1970)» сделал заместитель директора Института истории партии при ЦК ВСРП А. Вилэг. Первая секция (под руководством П. Сабо) обсуждала политические вопросы 25-летней истории освобожденной Венгрии, а вторая (под руководством Д. Ранки) посвятила свою работу основным социально-экономическим вопросам.

◆ В городе Згожеlec (ПНР), где 20 лет назад был подписан исторический договор о польско-германской границе по Одеру — Нейссе, состоялась двухдневная конференция «Исторической комиссии Польша — ГДР». С докладами выступили и. о. директора Польского института международных отношений Р. Фрелек и председатель немецкой секции комиссии проф. Г. Шее. Первый затронул германскую проблему после второй мировой войны, второй — аспекты братского сотрудничества Польши и ГДР. Затем состоялась оживленная дискуссия.

◆ Сборник воспоминаний 75 поляков о В. И. Ленине издан Институтом истории партии при ЦК ПОРП («Polacy o Leninie». Wspomnienia. Warszawa. «Książka i wiedza». 1970. 531 str.). Это — первое польское издание подобного типа. Сборник иллюстрирован фотографиями, фотокопиями документов и снабжен комментариями.

◆ В США переиздается серия старых книг об иммигрантах. Одна из них принадлежит перу помощника профессора Миннесотского университета Теодора Блэджена и касается переселенцев из Норвегии (Th. C. Blegen. Norwegian Migration to America 1825—1860. New York. «Arno Press». 1969. 413 p.). Впервые увидевшая свет в 1931 г., она выпущена теперь заново. Гораздо более ранней является небольшая работа Семюэля Бази, впервые изданная еще в 1856 году (S. S. Busey. Immigration: Its Evils and Consequences. New York. «Arno Press». 1969. 162 p.). Поскольку значительная часть оригиналов стала ныне библиографической редкостью, эти издания бесполезны для специалистов.

◆ Партия в Боливии и их политике за 70 с лишним лет посвящено исследование, осуществленное помощником профессора Чикагского университета Гербертом Клейном (H. S. Klein. Parties and Political Change in Bolivia 1880—1952. Cambridge. CUP. 1969. 451 p.). Это пятый том Кембриджской серии латиноамериканских исследований. Первые четыре составили работы Симона Колье о Чили в 1808—1833 гг., М. П. Костелло о мексиканской церкви в 1800—1856 гг., Питера Калверта о Мексиканской революции 1900—1914 гг. и Ричарда Грэхема об англо-бразильских отношениях в 1850—1914 годах.

◆ Деятельность императора Фридриха I Барбароссы стала темой работы профессора Викторианского Веллингтонского университета Питера Мюнца (P. Munz. *Frederick Barbarossa*. London. «Eyre». 1969. 422 p.). Используя много специальных изданий и попытавшись обобщить их, Мюнц не сумел создать своей целостной точки зрения и пошел на поводу у предшественников. В результате многие положения в его книге противоречат друг другу.

◆ «Негры в древности» — так называется книга преподавателя Гарвардского университета Фрэнка Сноудена (F. M. Snowden. *Blacks in Antiquity*. Cambridge (Mass.). «The Belknap Press». 1970. 364 p.). Основное ее содержание — о том, как древние греки и римляне соприкасались в своей истории с эфиопами. Автор анализирует эфиопские имена в античной лексике, археологические данные, прямые контакты средиземноморского мира с восточноафриканским, место эфиопов в классической мифологии и театре, наконец, отношение греков, римлян и ранних христиан к эфиопам.

◆ Помощник профессора по истории дипломатии в университете штата Джорджия (США) Уоррен Кимбал в работе «Самый бескорыстный акт» (W. F. Kimball. *The Most Unsordid Act*. Baltimore. «The Johns Hopkins Press». 1969. 281 p.) рассматривает ленд-лиз в 1939—1941 гг., от начала второй мировой войны до итало-немецкой агрессии в Греции и Югославии. Автор использовал разнообразные ведомственные рукописные материалы и специальные издания. В целом описание им тогдашней линии американского правительства на предоставление материальных ресурсов займы или в аренду носит апологетический характер.

◆ Директор Центра африканских исследований в Кембридже Джек Гуди посвятил свою книгу «Сравнительное исследование систем родства» (J. Goody. *Comparative Studies in Kinship*. London. «Routledge». 1969. 261 p.) преимущественно народностям Ганы. Проблема рассматривается им в таких аспектах: нарушение брака, кровосмешение, взаимоотношения дядей и племянников с точки зрения матриархальных пережитков, место сравнительной социологии в антропологии, классификация родственных систем, наследственность, социальный выбор, родовые границы, брак и приобщение чужих к семье, циркуляция женщин и детей, браки между двоюродными братьями и сестрами, роль бабушек. Отдельная глава трактует об индоевропейских системах родства. Часть книги написана И. Н. Гуди.

◆ Профессор Райсовского университета (США) Джон Рат, основатель и издатель

ежегодника по истории Австрии («*Austrian History Yearbook*»), написал книгу «Временное австрийское правление в провинции Ломбардия — Венеция, 1814—1815 гг.» (R. J. Rath. *The Provisional Austrian Regime in Lombard-Venetia 1814—1815*. Austin. UTP. 1969. 412 p.). Работа состоит из следующих глав: Временное правительство в Венеции; Временное правительство в Ломбардии; Австрийская экономическая политика и повседневная практика в Ломбардии и Венеции 1814—1815 гг.; Общественное мнение и козни либералов в 1814 г.; Тайный мир; Заговор в Брешиа и Милане; Процесс в Мантуе; Так называемая «война за итальянскую независимость» Иохима Мюрата. Исследование основано на материалах архивов Вены, Милана и Венеции, периодических изданиях тех лет и обширной специальной литературе.

◆ На протяжении ряда лет польские и болгарские археологи ведут совместные раскопки в районе гор. Русе (Северная Болгария). Экспедиция Варшавского университета под руководством проф. К. Маевского открыла развалины древнеримского города (ныне Нове-на-Дунае), основанного в I веке н. э. Он являлся военным поселением возле переправ через Дунай, охранявшим торговые пути, ведущие на Север. Обнаружены остатки крепостных стен и ворот со сторожевыми вышками. В западной части города выявлен комплекс строений, остатки водопровода и отопительных устройств, плиты с надписями и цоколь памятника, много западных римских и византийских монет. Одна из надписей свидетельствует, что город был резиденцией I-го италийского легиона.

◆ В ходе археологических раскопок в Ниани (на гвинейско-малийской границе) обнаружены остатки средневековой мечети и городских укреплений, керамические и железные изделия. Результаты раскопок подтвердили предположение, что на этом месте находилась ранее древняя столица царства Мали.

◆ Раскопки 1969 г. в Кзар-Акиле, вблизи Бейрута (Ливан), дали богатые материалы. Выявлены археологические горизонты от эпохи верхнего палеолита, а также мезолита, свидетельствующие о том, что эта территория была обитаема не менее чем 40 тыс. лет. На верхнепалеолитической стоянке найдены обожженные камни, кремневые орудия, морские раковины с отверстиями, следы кухонных отходов возле очага и у стен. Археологическая экспедиция была организована Генеральной дирекцией древностей Ливана и Национальным музеем естествознания (Париж).

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ОКИНАВА: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА АМЕРИКАНСКОГО «ПРИСУТСТВИЯ»

«Нерушимая дружба», связавшая после второй мировой войны, по утверждениям Вашингтона, Соединенные Штаты Америки и Японию, в последнее время заметно тускнеет. Американо-японские отношения ныне не находятся на перепутье. Основными факторами, вызывающими постоянную напряженность между этими двумя странами, являются рост требований японцев о сокращении числа американских военных баз в Японии или даже их полной ликвидации, о возвращении Окинавы, а также усиление дискуссий вокруг вопроса об американо-японском «договоре безопасности». Японский народ решительно выступает против милитаризации страны, продолжения оккупации Окинавы и военного союза с США как противоречащего национальным интересам Японии. Вопрос о судьбе Окинавы занимает особое место в отношениях между Вашингтоном и Токио.

Что же представляют собой эти далекие острова Тихого океана, название которых почти не сходит со страниц послевоенной мировой печати? До второй мировой войны Японии принадлежали в этом районе, в рамках современного архипелага Рюкю, три группы островов: Сакисима (в свою очередь, состоят из групп Яэяма и Мияко), Окинава и Амами. Яэяма, Мияко и Окинава составляют в совокупности префектуру Окинава. Самая значительная из них по площади — Окинава, а внутри нее наибольший — остров того же названия, поэтому все эти острова в совокупности обычно упоминают под его именем. Острова префектуры Окинава чрезвычайно разбросаны, а их берега сильно изрезаны, благодаря чему имеется много заливов и бухт, удобных для стоянки судов. Там много действующих вулканов, но островную поверхность в основном занимают холмистые низменности. Полезных ископаемых практически почти нет. Климат субтропический, местами тропический; температура никогда не падает ниже $+6^{\circ}$. Подлинным бичом для жителей Окинавы являются тайфуны. Ежегодный ущерб от них в среднем оценивается в

15 млн. долларов. Население возделывает сахарный тростник, рис, цитрусовые и бататы, занимается шелководством. Кое-где имеются кокосовые пальмы. Из отраслей промышленности развита пищевая, а также ремесленное производство. Острая проблема, особенно в период засухи, — обеспечение населения водой. Моря, омывающие эти острова, чрезвычайно богаты рыбой.

Префектура эта густо населена. На 1968 г. на Окинаве жило 960 тыс. человек. Административный центр — город Наха, в котором проживает более четверти всего населения. Еще в XIV в. Наха был известен как порт, через который проходили торговые пути из Японии в Китай, Корею и Юго-Восточную Азию. В 1945 г. Наха почти полностью был разрушен американской авиацией, причем погибло 8 тыс. человек. Сейчас это — единственный современный город на Окинаве. Более 25% его территории занято американскими базами. Казалось бы, ничего особенно примечательного не кроется за Окинавой, если бы не то обстоятельство, что Окинава занимает важное стратегическое положение на Дальнем Востоке. Находясь на перекрестке важных морских путей, эти далекие острова издавна приковывали к себе внимание ряда государств.

Острова Рюкю давно объединились в рамках самостоятельного королевства. Китайские императоры первыми из иноземцев попытались захватить их, чтобы затем проникнуть в Японию. Острова Рюкю стали называть «черным ходом» Японии. В 608 г. туда была послана китайская экспедиция, а монгольский хан Хубилай, ставший императором Китая, безуспешно пытался в 1274 и 1281 гг. через Кюсю и Рюкю обратиться в Японию. В XIV в. китайское нашествие возобновилось. Однако победителями из этой борьбы вышли японцы, а в 1609 г. Япония официально стала сюзереном Рюкю. Через этот «черный ход» пытались проникнуть в Японию и американцы. К середине XIX столетия США, соперничая с тогдашней «владычицей морей» — Анг-

лией, начали активную экспансию на Тихом океане.

Коммодор М. К. Перри, силой распахнувший в 1853 г. двери в Японию для торговли, уже тогда предлагал захватить Рюкю. На Окинаве Перри договаривался с местным правителем об использовании гавани Наха в качестве базы для его эскадры. В порту Ллойд (Огасавардзима), на о-ве Пил в группе Бонинских островов, он поднял американский флаг. Перри просил Вашингтон дать ему приказ захватить Бонин для создания там постоянных баз, которые открыли бы возможность контролировать торговлю с Японией. Но в Вашингтоне спасовали перед обширными планами Перри и, взвесив наличные возможности, не поддержали его проекта. На обратном пути из Эдо (Токио) эскадра Перри снова бросила якорь в бухте Наха, и 11 июля 1854 г. он заключил сепаратный «Договор между США и королевством Рюкю». Чтобы навсегда покончить с претензиями на Рюкю, японское правительство 14 ноября 1872 г. уведомило, что Рюкю являются неотъемлемой частью Японии. Король Рюкю был свергнут и вместе со свитой переехал жить в Токио, получив в порядке компенсации пенсию. В 1879 г. Рюкю составили одну из префектур Японии. В целом ее называли «Окинава». Суверенитет Японии над Окинавой считался с тех пор общепризнанным.

При определении плана действий американских вооруженных сил на заключительном этапе второй мировой войны на Тихом океане в конце концов победили взгляды, соответствовавшие военно-стратегической концепции генерала Д. Макартура: захват филиппинского острова Лусон, отказ от захвата Тайваня и портов на побережье Южного Китая, высадка на Окинаве¹. В Вашингтоне рассматривали захват Окинавы в качестве необходимого условия для подготовки последующего вторжения на Японские острова. Однако американские планы в отношении Окинавы этим не ограничивались. Обширная программа обеспечения США базами, порожденная стремлением к гегемонии на Тихом океане, четко определялась еще в годы войны. Окинаве в этой программе отводилось первостепенное место.

Сражение за Окинаву длилось с 1 апреля по 22 июня 1945 года. Это была едва ли не крупнейшая операция войск США за все

время войны на Тихом океане². В ходе нее американские вооруженные силы перебили множество мирных жителей. Советский адмирал флота И. С. Исаков, анализируя официальное американское издание «Кампании войны на Тихом океане», заметил: по данным разведки США, до вторжения гарнизон Окинавы насчитывал 80 тыс. человек; по овладении островом выяснилось, что японские потери убитыми составили 131 тыс. человек и 7,4 тыс. пленными. «Представляется сомнительным, что на четвертом году войны (когда развертывание японских сил по различным районам театра было известно, а о. Окинава несчетное число раз изучался аэрофоторазведкой) могла быть допущена ошибка, в результате которой численность гарнизона определялась почти в два раза меньшей. Это тем более подозрительно, что во всех других случаях американская разведка преувеличивала силы противника. Секрет раскрывается, если заглянуть в соответствующее место доклада адмирала Кинга. «Остров обороняло примерно 120 000 человек, включая туземное население о. Окинавы... Местные рыбаки и крестьяне, включая стариков, женщин, а также жители, привлекавшиеся к фортификационным работам, после своей смерти попадали в численный состав японской армии во славу американского оружия»³.

Ныне считается, что при американском вторжении на остров летом 1945 г. погибло до 100 тыс. мирных жителей. Во время тогдашних боев разыгрывались жуткие сцены. На Окинаве, южнее Итомана, сооружен памятник, так называемая «Башня Лилий», в память о 125 школьницах, которых японская армия использовала в качестве санитарок. При наступлении американских войск девушки укрылись в пещере. Там они и были сожжены американскими огнеметчиками⁴. Капитуляция японцев на Окинаве состоялась 7 сентября 1945 года. Вскоре была создана американская военная администрация. Оккупация двух других групп островов завершилась несколько позднее, но к 1 января 1946 г. американская военная администрация действовала там повсюду. Так был установлен оккупационный режим США на Окинаве.

Все демократические мероприятия в по-

² См. Ч. Николс, Т. Шоу. Захват Окинавы. М. 1959.

³ «Кампании войны на Тихом океане». М. 1945, стр. XLII.

⁴ M. Morris. Okinawa; a Tiger by the Tail. N. Y. 1968, p. 45.

¹ Р. Смит. Лусон или Формоза? «Важнейшие решения». М. 1964, стр. 307.

слевоенной Японии, хотя бы в урезанном, ограниченном виде, вовсе не коснулись Окинавы. Как префектура она в целом перестала существовать. Было восстановлено старое название архипелага — Рюкю. США установили над Окинавой политический и финансовый контроль. Оккупационные власти делали все возможное, чтобы изолировать Окинаву от Японии, от ее демократических сил в частности, и создать, таким образом, более благоприятные условия для использования Окинавы в качестве военной базы на Дальнем Востоке. Но уже 1949 г. был отмечен первым проявлением народного возмущения оккупационным режимом. В стране разразился продовольственный кризис. Чтобы смягчить напряженную обстановку на островах, США разрешили туристические поездки из Японии на Окинаву и обратно.

А тем временем, особенно после начала американской агрессии против корейского народа, усиленными темпами осуществлялась милитаризация Окинавы. Новая волна народного протеста прокатилась в 1950 г. в связи с ухудшением материального положения трудящихся и ростом инфляции. В том же году образовалась Социалистическая партия, ставшая впоследствии одной из ведущих демократических сил Окинавы. В целях маскировки своей политики США 15 декабря 1950 г. преобразовали военную администрацию на острове в гражданскую. На Окинаве началось реакционное движение, развернутое близкими к США кругами, которое завершилось подачей петиции — «просьбы» к США аннексировать остров. По ряду политических причин в Вашингтоне, боясь осложнений, отклонили петицию. Кое-кто в США до сих пор сожалеет об этом. Так, американский автор М. Моррис пишет: «Если бы кто-нибудь в Вашингтоне в 1950 г. предвидел, что через 10 лет Гавайи станут штатом или что островами Рюкю можно управлять с Гавайских островов, то положение было бы другим. В иных случаях США забирали себе острова с куда меньшим потенциалом»⁵.

В начале 50-х годов в Вашингтоне решили, что пора «распорядиться» Окинавой. «Право» США на обладание ею оформлено в так называемом Сан-Францисском мирном договоре с Японией от 1951 г.⁶, ратифицированном 28 апреля 1952 г.: США призна-

вали японский суверенитет над Окинавой, однако не было установлено никаких твердых сроков для окончания оккупации острова⁷. Окинава осталась американской военной базой. Конкретная дата передачи Окинавы Японии не была установлена вследствие стремления американских официальных лиц избежать этого. При этом они прямо говорили, что иначе будут подвергнуты опасности те военные операции, которые руководящими кругами США рассматривались как «весьма существенные для безопасности Азии» (обычная маскировка агрессивных акций американского империализма). В соответствии со статьей 3 договора о-ва Окинава передавались под опеку ООН (а США являлись над ними единственной страной-опекуном) и оставались под американской оккупацией. Вся административная, законодательная и судебная власть над территорией, водами и населением Окинавы переходила к гражданской администрации США. С целью создать видимость демократических преобразований американские власти учредили единое правительство о-вов Рюкю, вместо находившихся на архипелагах местных правительств, созданных в 1946 г., а также однопалатное Законодательное собрание для всей Окинавы. Однако скрыть истинное положение вещей невозможно: вопиющим является тот факт, что на Окинаве не существует никакой конституции, а конституция Японии, принятая в 1947 г., не распространяется на Окинаву.

День вступления в силу Сан-Францисского мирного договора и американо-японского «договора безопасности» — 28 апреля — стал «черным днем» и для Окинавы и для всей Японии. Вместе с тем он явился днем мобилизации широких слоев японского народа на решительную и упорную борьбу с американскими оккупантами. Прогрессивные силы страны ответили созданием единого фронта борьбы демократических сил за освобождение Окинавы. 28 апреля 1963 г. впервые был организован «Великий народный марш за воссоединение Окинавы» — 100-дневный поход от Наха до Токио. С тех пор подобные марши стали традицией. В них участвуют из различных префектур тысячи японцев, требующих освобождения острова. Чтобы приглушить это движение, реакцией искусственно раздувалась антикоммунистическая истерия, хотя

⁵ M. Morris. Op. cit., p. 190.

⁶ Его текст см. «История войны на Тихом океане». Т. V, стр. 368—399.

⁷ «Global Commitments. A Publication of Congressional Quarterly Service», 1969, September, p. 34.

на Окинаве не существовало Коммунистической партии.

Американцам на Окинаве живется неспокойно. Приходится производить скоропалительные смены главы гражданской администрации и его заместителей, ибо последние никак не могут ужиться с местным населением. В 1957 г. американцы в целях упрочения своего положения ввели должность верховного комиссара США на Окинаве, наделенного чрезвычайными полномочиями и подчиняющегося непосредственно президенту США. 1960—1961 годы характеризовались изменением методов проведения американской политики в сторону якобы либерализации режима на Окинаве. В сентябре 1961 г. конгресс США принял решение о предоставлении 5,3 млн. долл. на экономическое развитие Окинавы и 1 млн. долл. — на обучение окинавских студентов «в порядке обмена». 5 марта 1962 г. была принята поправка к президентской прокламации: глава исполнительной власти на Окинаве стал выборным лицом. Однако на практике положение не изменилось до 1968 года. Американская пропаганда не раз рекламировала наступление новой эры в отношениях США и Японии, эры «равноправного партнерства», а официальные лица США неоднократно подчеркивали, что оккупация Окинавы — мера временная и диктуется она исключительно «интересами безопасности Японии». В чем же выражается эта «отеческая» забота американцев и какой ценой за нее приходится расплачиваться японцам?

В результате крупных американских капиталовложений и усиленного военного строительства Окинава, имеющая в длину около 125 км и в ширину — от 4 до 35 км, превращена в территорию с плотной сетью многоцелевых военных объектов, которых насчитывается более 100⁸. Окинаве американские военные стратеги отводят особо важное место в общей цепи их военных баз в Японии, называя остров краеугольным камнем обороны Тихого океана и ядром военной мощи США на Дальнем Востоке⁹. Одно из преимуществ Окинавы, по мнению Пентагона, состоит в чрезвычайно удобном стратегическом положении. «Нью-Йорк таймс» писала: «В течение ряда лет она является главной военной базой Соединенных Штатов в Азии и местом, откуда предпринимаются различные стратегические и

тактические миссии»¹⁰. Действительно, проводя курс на эскалацию войны во Вьетнаме, США широко использовали Окинаву как передовую базу для переброски людских подкреплений и военной техники, направляемых в Южный Вьетнам.

То главное, чем так дорожит и с чем не хочет расставаться Пентагон, заключается в неограниченной свободе военных операций с Окинавы для США, а также в отсутствии каких бы то ни было ограничений на хранение там ядерного оружия. «Окинава — единственная база в Азии, на которой Соединенные Штаты вольны делать все, что захотят»¹¹. Еще в 1953 г. тогдашние лидеры дали понять, что для планировавшихся атомных бомбардировок КНДР соответствующие силы и средства сосредоточивались именно на Окинаве. Как раковая опухоль, росли американские военные базы на острове. Его военный комплекс, обошедшийся США в 2 млрд. долл., занял 25% островной территории. Только в 1968 г. США истратили 260 млн. долл. на тамошнее военное строительство. На острове в 1969 г. находились 45 тыс. американских военнослужащих. Здесь хранится тактическое ядерное оружие, ракеты «Мейс-В», предназначенные, как отмечала американская печать, «сдерживать противников США на Дальнем Востоке и Тихом океане»¹², а также используемые для разведывательных операций. Японию в целом, вместе с Окинавой, считают «родной базой» 7-го американского флота. На Окинаве имеются склады боеприпасов и военной техники, аэродромы, учебные лагеря, жилые комплексы, военный порт и потенциальная база обслуживания ядерных подводных лодок-ракетоносцев.

На Окинаве построены, далее, две мощные авиабазы — в Наха и Кадэна; крупнейшая военно-морская база в Наха, куда регулярно заходят атомные подводные лодки США. База в Кадэна является одним из самых крупных сооружений ВВС США в Азии. Она способна принимать практически неограниченное число самолетов любого типа¹³. В джунглях острова проходят подготовку американские подразделения «зеленых беретов». С 1966 г. там базируются бомбардировщики «Б-52». Пос-

⁸ «US News and WR», 25.XI.1968.

⁹ «News Week», 31.I.1966.

¹⁰ «New York Times», 13.IX.1969.

¹¹ «Global Commitments...», p. 34.

¹² «Christian Science Monitor», 11.IX.1969.

¹³ Подробнее см. «Политика США в странах Дальнего Востока». М. 1964, стр. 238—243.

ле инцидента с американским шпионским кораблем «Пуэбло» у корейских берегов в январе 1968 г. на остров прибыла добавочная группа «Б-52». С тех пор эти самолеты регулярно совершают налеты на Вьетнам. Вся жизнь острова подчинена интересам американской военщины. В платежном балансе Окинавы доходы от обслуживания американских войск составляют 40—50% от общей суммы. Несмотря на известное развитие экономики острова, жизненный уровень его населения значительно ниже уровня в самых отсталых префектурах Японии. Так, национальный доход на душу тамошнего населения в 1963/64 г. составил 59,8% от средней цифры в Японии¹⁴.

Окинавская проблема с каждым годом становится все более острой. В Японии нет ни одной политической и общественной организации, которая бы не затрагивала в своей деятельности эту проблему. Наиболее последовательную позицию по окинавской проблеме занимают Коммунистическая партия, социалистическая партия и Генеральный совет профсоюзов Японии. Демократическая общественность неизменно связывает восстановление японского суверенитета над Окинавой с одновременной ликвидацией американских военных баз на японской земле вообще. Когда 10 ноября 1968 г. на Окинаве состоялись выборы главы исполнительной власти, победу одержал общий кандидат демократических сил, руководитель профсоюза учителей Тиобио Яра. После войны такие выборы проводились впервые. Ранее глава местной администрации назначался американскими оккупационными властями. Как правило, назначали представителя правящей либерально-демократической партии. Школьный учитель решительно выступил против наличия американских баз и потребовал быстрого и безоговорочного возвращения Окинавы Японии, чем снискал себе популярность среди избирателей.

Результаты выборов вызвали немедленную реакцию со стороны американцев. 21 ноября на Окинаву был назначен новый верховный комиссар генерал Дж. Лэмперт. Он принимал непосредственное участие в создании атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Этим назначением правящие круги США решили продемонстрировать «жесткий курс», решимость и впредь сохранять за собой Окинаву. Однако 1 декабря 1968 г. мэром Наха был избран

также кандидат единого фронта демократических сил Риосио-Тайра. Постепенно на Окинаве стала складываться новая политическая обстановка, с которой приходится считаться как Вашингтону, так и Токио. Реакционные круги в Японии считают, что их страна должна сама стать «шестой ядерной державой» либо сохранить японо-американский «договор безопасности» с вытекающими из него последствиями — американскими базами и продолжением оккупации Окинавы.

Будущий статус Окинавы является ныне для Японии вопросом первостепенной важности. Лидеры правящей либерально-демократической партии долго не поднимали этого вопроса. Только усилившиеся в стране антиамериканские настроения заставили их в начале 1966 г. провести соответствующий зондаж в Вашингтоне. Ответом явилось выступление государственного секретаря США Д. Раска на пресс-конференции 18 августа 1966 г., когда он, заявив, что «разделение военных и административных функций по отношению к Окинаве может серьезно ослабить ее значение для глобальной обороны США и их союзников на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана», прямо подчеркнул, что о возвращении Окинавы не может быть и речи; Япония же как союзник США «должна сделать еще больший вклад в совместные усилия против общего противника»¹⁵.

В ноябре 1967 г. во время визита японского премьера Сато в Вашингтон вновь был поднят вопрос об Окинаве. Сато последовал в первую очередь пропагандистские цели, отдавая себе полный отчет в том, что США не намерены отказываться, даже частично, от контроля над своей крупнейшей военной базой на Тихом океане. Вашингтон сообщил о намерении вернуть Японии небольшую группу островов Бонин, которые также находились под американским правлением (их возвратили 26 июня 1968 г.). Как отмечала японская пресса, изменения в позиции США в отношении этих островов объясняются тем, что их «стратегическое значение значительно ослабло»¹⁶. Но вопрос об Окинаве остался открытым. Президент Джонсон ограничился обещанием продолжить его изучение и согласился на создание комитета в составе представителей Японии, Окинавы и

¹⁴ См. «Современная Япония». Сборник статей. М. 1964, стр. 142—187.

¹⁵ «Washington Post», 19.VIII.1966.

¹⁶ См. «Судьбы Окинавы». «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 2.

США, который будет «консультировать» американского верховного комиссара островов Рюкю.

В 1969 г. новые переговоры начались в апреле во время посещения Вашингтона Н. Киси (братом Сато), прибывшим туда на похороны Д. Эйзенхауэра. Киси, некогда экономический владыка «Маньчжоу-Го», создатель «нового экономического порядка» в Японии, министр торговли и промышленности и заместитель министра вооружений в военном кабинете Тодзио, а затем премьер-министр, считается влиятельнейшим деятелем, незримо стоящим за спиной многих решений правительства. «Очевидно, оставшись тем влиятельным политическим деятелем, каким он был всегда, — отмечал американский журнал, — Киси своим непримиримым антикоммунизмом снижал доверие наших руководителей как в правительстве, так и в деловых кругах. Несмотря на длительное пребывание в тюрьме по подозрению в военных преступлениях категории «А» (его так и не судили), он успешно заставил забыть свое прошлое... Киси питает особую симпатию к президенту Никсону. Во время визита в Японию в 1951 г. тогдашний вице-президент Никсон признал, что Америка допустила ошибку, настояв на включении в японскую конституцию пункта об «отказе от войны»¹⁷.

Киси изложил Никсону точку зрения, сводившуюся к тому, что при создавшейся обстановке возвращение Окинавы должно произойти как можно быстрее, причем с одновременным удалением ядерного оружия с американских баз в Японии. Затем с аналогичными предложениями выступило японское правительство. Замысел Токио состоял в том, чтобы, используя шумиху о возвращении Окинавы, убедить японский народ в необходимости пойти на уступки американцам. В июне и сентябре 1969 г. в Вашингтоне проходили переговоры между государственным секретарем США У. Роджерсом и министром иностранных дел Японии К. Анти об островах Рюкю. Анти прибыл в США, располагая позицией, сформулированной правящей либерально-демократической партией под давлением общественности: добиться от американцев согласия на возвращение Окинавы в 1972 г. при условии распространения на о-ва Рюкю, с некоторыми дополнительными льготами для США, японо-американского «до-

говора безопасности». Отвечая, Роджерс намекнул на возможность вывоза ядерного оружия «в мирное время», но с правом ввоза его назад в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств».

По окончании переговоров не было опубликовано подробных сообщений. Общий ход дела был неблагоприятен для японской стороны. Переговоры подчеркнули также серьезные разногласия, существовавшие между обеими странами. Ни по одному важнейшему вопросу не было достигнуто договоренности¹⁸. Остался неясным и срок возвращения Окинавы Японии, а также форма, какую примет будущее соглашение. Представитель США настаивал на том, «чтобы это соглашение явилось дополнением к «договору о взаимном сотрудничестве и безопасности»; это придало бы ему дополнительную силу». Что касается свободного перемещения американских войск на Окинаве (без предварительных консультаций с японским правительством) после возвращения острова Японии, то «по сведениям, полученным от информированных лиц, японское правительство признает возможность того, что может потребоваться переброска американских войск с Окинавы в Южную Корею... Но Япония не намерена предоставлять США автоматическое право перебрасывать войска на Тайвань или Филиппины. Японцы считают, что предоставление автоматического права перебрасывать войска на Тайвань повредит отношениям Японии с коммунистическим Китаем и что Филиппинам не может угрожать никакое иностранное государство»¹⁹.

С 19 по 21 ноября 1969 г. состоялся новый визит Сато в США. В Белом доме имели место переговоры между президентом Никсоном и премьер-министром Японии. Руководство либерально-демократической партии последней возлагало на них большие надежды. Предварительно в Токио велись переговоры на административном уровне (с американской стороны выступал специальный посол США по вопросам Окинавы Шнайдер, с японской стороны — заведующий американским департаментом МИД Японии Того) с целью разработки проекта совместного коммюнике, которое опубликуют затем Никсон и Сато. Как свидетельствует история, в прошлом совместные коммюнике США и Японии неизменно составлялись в таких выражениях, что их можно было толковать так, как это нравилось

¹⁷ «Far Eastern Economic Review», 13.VII. 1969.

¹⁸ «New York Times», 9.IX.1969.

¹⁹ Ibid.

каждой из сторон. И на сей раз оба правительства вновь прибегли к испытанному, старому приему выхода из затруднительного положения²⁰. США объявили о своем намерении вернуть Окинаву под административный контроль Японии в течение 1972 года. Далее, однако, указывается, что, «если мир во Вьетнаме не будет установлен к намеченному сроку», оба правительства будут консультироваться друг с другом с тем, чтобы это возвращение «не подорвало усилий США, имеющих целью обеспечить южновьетнамскому народу возможность самому решить вопрос о своем политическом будущем без вмешательства извне».

Таким образом, нет никаких твердых оснований полагать, что возвращение состоится в 1972 году. Согласно коммюнике, США сохраняют на Окинаве те военные базы, которых якобы требуют интересы взаимной обороны обеих стран. Следовательно, Окинава остается важнейшей стратегической базой США на Дальнем Востоке. Суть американской политики в отношении Окинавы еще в 1956 г. была довольно четко изложена в так называемых «Рекомендациях Прайса», ставших своего рода декларацией американского империализма в отношении островов Тихого океана. Там, в частности, говорилось: «После того, как мы закрепились на Окинаве, она стала той частью нашей глобальной обороны, которой нам так не хватало. Существование наших баз в Японии и на Филиппинах зависит от того, будут ли там дружественные правительства». Что касается о-вов Рюкю, этой ключевой позиции в Восточной Азии и на Тихом океане, то «мы можем планировать использование там баз на продолжительный срок, поскольку нам принадлежит там политическая власть... Более того, нам предоставляется возможность хранить и использовать на этих островах атомное оружие, и ни одно государство в мире не в состоянии ограничить нас в этом». А если США выведут свои войска из Японии, «Окинава останется нашей военной базой, ее значение даже в мирное время усилится еще больше. В военное время стратегическое значение Окинавы невозможно переоценить. Она совершенно идеально расположена и контролирует вход в Желтое и Японское моря»²¹.

²⁰ См. текст коммюнике: «Washington Post», 21.XI.1969.

²¹ Г. К. Меклер. Окинава. М. 1969, стр. 22—23.

Одним из новых свидетельств намерений США сохранить за собой Окинаву в качестве опоры своей дальневосточной стратегии является неслыханный бум военного строительства на острове. Министерство обороны США придает большое значение созданию стационарных пунктов для связи через американские спутники Земли. Именно такой военный узел связи был сооружен в 1967 г. вблизи г. Наха. Создание станции космической связи командования американской армии позволило организовать с помощью спутников двусторонний контакт между Пентагоном и штабами вооруженных сил США в Южном Вьетнаме через Гавайские острова, где также имеются стационарные пункты связи. Очередное строительство военных объектов на Окинаве осуществляется с учетом потенциального участия японских «сил самообороны» в военных планах американского империализма.

Основная идея, которую президент Никсон подчеркивал в ходе поездки по странам Азии летом 1969 г., сводилась к тому, в какой степени союзники будут «сотрудничать» с США на базе «неорегионализма» в Азии; возьмут ли они на себя часть военных расходов, которые ранее целиком несли США²². В 1966 г. Япония израсходовала на содержание 240 тыс. человек в «войсках самообороны» 340 млрд. иен (1,3% национального дохода страны). К концу третьего «плана обороны» (1967—1971 гг.) военные расходы составят 2% национального дохода²³. А судьба ядерного оружия? Коммюнике довольно туманно затрагивает этот вопрос: «Передача Окинавы будет произведена в духе, совместимом с официальной политикой японского правительства» в отношении ядерного оружия; в то же время возвращение острова не должно повредить «международным обязательствам, которые взяли на себя США в деле защиты Дальнего Востока, включая Японию». Зарубежная печать прокомментировала этот пункт коммюнике как готовность США вывезти свой ядерный арсенал с баз на острове лишь при сохранении за собой права ввезти его обратно и применять в этом районе «в случае необходимости».

Анализируя коммюнике, нетрудно заметить, что главные условия возвращения Окинавы включают в себя относительно гибкие положения, касающиеся использования американских войск, которые остаются на

²² «Washington Post», 16.IX.1969.

²³ Г. К. Меклер. Указ. соч., стр. 36.

этом острове, и будущего статуса ядерного оружия. Американская печать прямо утверждает: «Должностные лица правительства заявляют, что в то время, как американские военные операции с широкого комплекса баз на Окинаве теоретически будут сокращены в 1972 г., США получат значительно большую свободу в использовании своих баз в самой Японии»²⁴.

В рамках составляемого сейчас управлением национальной обороны Японии так называемого «четвертого военного плана» предусматривается «оборона Окинавы» японскими «силами самообороны». После 1972 г. планируется закупка в США американских ракет «Ника», которые сейчас размещены на Окинаве.

В целях проведения совместной политики, направленной против стран социалистической системы, Вашингтон прилагает большие усилия, чтобы попытаться доказать «единство» целей Японии и США. Окинава, однако, остается живым напоминанием о минувшей мировой войне. Поэтому, пишет уже называвшийся нами М. Моррис, «ежегодно двадцать второго июня (день окончания кампании на Окинаве в 1945 г.— А. Г.) в новом японском мемориальном парке на

юге Окинавы вблизи места, где покончил самоубийством генерал Усидзима (командующий местными японскими войсками в 1945 г.— А. Г.), проводится совместная японо-американская церемония. Так дата и место поражения стали историческими... Поражение Германии под Сталинградом преподносилось немецкому народу как «священный символ, благородный пример высшего героизма и самопожертвования». Сталинград стал мифом, призванным «придать чувство обязанности всем будущим поколениям немцев». Ныне все искренне надеются, что подобного рода статус не будет придан японцами Окинаве»²⁵.

Таковы тенденции американской буржуазной печати и в плане оценки ею событий на решающем, советско-германском фронте и в свете современной ситуации на Японских островах. Как ни трудились американские пропагандисты, в Японии хорошо помнят об Окинаве и событиях, сопутствовавших ее переходу под американский контроль. Борьба за Окинаву не окончена. Она тесно связана с общей судьбой Японии, с ее политическим курсом в ближайшие годы.

А. Г. Голодова

²⁴ «New York Times», 22.XI.1969.

²⁵ М. Morris. Op. cit., p. 189.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

СИБИРСКАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ А. В. ДОЛГУШИНА

Впервые Александра Васильевича Долгушина (1848—1885) арестовали в 1870 г. как руководителя революционного кружка обучавшихся в Петербурге студентов-сибиряков. Он поддерживал связи с подпольной заговорщической полуанархической организацией С. Г. Нечаева. Однако во время следствия по делу нечаевцев у царского суда не оказалось достаточных улик против Долгушина, и его после почти двухлетнего предварительного заключения оправдали. Осенью 1872 г. А. В. Долгушин в Петербурге организовал новый кружок революционно-демократической молодежи. Вскоре «долгушинцы» перебрались в Москву, в окрестностях которой стали печатать революционные прокламации и распространять их среди крестьян и рабочих. Кружок ставил своей целью с помощью пропаганды революционных идей готовить народ к восстанию, к уничтожению «теперешних порядков», в которых «нет ни равенства, ни свободы, а есть одно только грубое насилие да рабство», как говорилось в одной из прокламаций. Деятельность долгушинцев стала известна охранке, и в сентябре 1873 г. кружок был разгромлен. Последовало суровое наказание всех его членов — их было 12. А. В. Долгушин и Л. А. Дмоховский были осуждены на 10 лет каторги, Д. И. Гамов — на 8 лет, И. И. Папин и Н. А. Плотников — на 5 лет каждый, остальных приговорили к различным срокам лишения свободы. На открытом процессе (он освещался в печати), долгушинцы вели себя мужественно и стойко, а гнусный обряд гражданской казни, совершенный над ними в начале мая 1875 г., использовали как «средство агитации» и превратили «в посрамление самого императора»¹. Вплоть до 1881 г. Долгушин отбывал наказание в Ново-Белгородском каторжном центре. Там он написал от имени заключенных обращение к русскому обществу по поводу нече-

ловеческих тюремных условий. «Заживо погребенные» — так называлось оно. Обращение, напечатанное в 1878 г. подпольной типографией «Земли и воли», нелегально распространялось в России.

Какова же дальнейшая судьба Долгушина? Постараемся дополнить то, что уже известно, некоторыми данными, заимствованными из сибирских архивов.

В конце мая 1881 г. Долгушин был «распределен в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири». В составленном 15 мая в Орловском губернском правлении «Статейном списке о государственном преступнике Александре Васильеве Долгушине» отмечалось, что он «из дворян Тобольской губернии», перечислялись его приметы, указывалось семейное положение: 33-летняя жена, 10-летний сын Александр. Отмечалось знание им «лудильного и паяльного ремесла». Жене и сыну разрешалось «следовать при нем в место его ссылки на счет казны»². Накануне отправки Долгушина в Сибирь отец его, В. Ф. Долгушин, обратился к министру внутренних дел генерал-адъютанту графу Лорис-Меликову и генерал-губернатору Восточной Сибири Анучину с просьбой разрешить сыну «проживать в г. Красноярске у родителей: у него жена и десятилетний сын, требующий воспитания», заверяя, «что в родной семье, наученный тяжелым прошлым, несчастный сын не проявит ничего преступного»³. В то время статский советник В. Ф. Долгушин находился в зените административной славы, занимал пост прокурора Енисейской губернии, имел ордена и надеялся на успех своего ходатайства. Однако в просьбе ему было отказано. 13 июля А. В. Долгушин прибыл в Красноярск в одной партии с известными революционерами-народниками, осужденными по «процессу 193-х» на 10 лет

¹ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. 3. М. 1961, стр. 70.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 3, д. 914 «А», св. 2248, лл. 1—3.

³ Там же, лл. 6—7.

каторги, И. Н. Мышкиным и Д. М. Рогачевым⁴, а также рабочим-революционером Петром Алексеевым, приговоренным к 10 годам каторги по «процессу 50-ти», и другими⁵. В Красноярской тюрьме Долгушин встретился с писателем В. Г. Короленко, следовавшим в якутскую ссылку. В своей «Истории моего современника» В. Г. Короленко называл Долгушина «самой значительной фигурой» среди политических ссыльных этой тюрьмы. Рисуя внешний облик революционера, он подчеркивал «страшную худобу и бледность нервного лица», особенную отчетливость движений и речи, «железную волю», сквозившую «во всей фигуре этого некрупного человека». В конце июля партия, с которой прибыл Долгушин, отправилась дальше по этапу в Иркутск, а ему вместе с женой и сыном позволили временно остаться в Красноярской тюрьме, так как А. Д. Долгушина была накануне родов. Отец революционера В. Ф. Долгушин, используя свое служебное положение, добился у генерал-губернатора Восточной Сибири разрешения навещать сына в заключении. Как отмечалось позднее в одном из официальных документов, родственники А. В. Долгушина «посещали его чуть ли не ежедневно и просиживали с ним очень долго в его камере... Затем начались посещения и прочих государственных преступников, и хотя эти посещения допускались только в конторе смотрителя и по билетам губернатора, но и при этом не соблюдалось никаких предосторожностей и правил...»⁶.

В октябре 1881 г. из красноярского тюремного замка бежали два заключенных — В. Малавский и П. Иванов. Выяснением обстоятельств их побега занимался прибывший в Красноярск майор Карагеоргий, состоявший для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Причину возможности совершения побега он усматривал прежде всего «в несоблюдении служащими в тюрьме основных, общих законоположений относительно размещения и содержания арестованных», в «скудости» освещения, отсутствии специальной формы у половины надзирателей и т. п. Выяснилось также, что к побегу Малавского имела отношение младшая сестра А. В. Долгушина Софья, часто навещавшая брата. В

рапорте чиновник доносил, что Малавский «вышел из тюрьмы в полицейской форме, которую ему принесла Долгушина», что отсутствие узника обнаружилось «23-го октября. по показанию же государственных преступников и виновницы побега Долгушиной, побег учинен 20 октября и в продолжение трех дней при поверке арестантов на кровати Малавского лежало чучело»⁷. Софья действительно тайно передала Малавскому шнур и пуговицы. Нашив их на арестантский костюм, Малавский стал похож на тюремного надзирателя и был пропущен из тюрьмы часовым. Софья же подыскала и указала бежавшему квартиру, где он смог укрыться⁸. Чтобы спасти сестру, А. В. Долгушин заявил жандармам, что замысел и осуществление побега принадлежат только ему⁹. Однако заступничество не помогло. 23 ноября Софья была арестована, а 26-го «отдана на поруки родителям с установлением домашнего ареста». Гласный полицейский надзор над нею устанавливался сроком на 5 лет, а затем «по высочайшему повелению» был сокращен до 3 лет. В июле 1884 г. Софье было объявлено о прекращении надзора, но вместе с тем и о том, что «она не имеет права пребывать в столичных городах»¹⁰. На другой же день после ареста дочери закончилась служебная карьера губернского прокурора. Приказом по министерству юстиции В. Ф. Долгушин был уволен от должности с причислением к ведомству юстиции¹¹.

После побега Малавского распоряжением главного тюремного управления во всех тюрьмах Енисейской губернии были введены крайние меры, проводились «самые строгие повальные обыски»¹². А. В. Долгушину запретили всякие свидания с родственниками. Это возмутило заключенных. В начале декабря около тридцати «политических» собрались в одну камеру, отказались разойтись и «произвели демонстрацию, оказав сопротивление и непослушание тюремному начальству». Они требовали разрешить свидания Долгушину с семьей и удалить из тюрьмы распоясавшегося смот-

⁷ Там же, л. 22.

⁸ «Деятели революционного движения в России». Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3: «Восьмидесятые годы». Вып. 2. М. 1934, стр. 1208.

⁹ А. Кункль. Долгушинцы. М. 1932, стр. 201.

¹⁰ ГАКК, ф. 595, оп. 63, д. 1500, лл. 1, 5, 7.

¹¹ Там же, ф. 613, оп. 1, д. 280, л. 13 (об.).

¹² Там же, ф. 32, оп. 1, д. 68, лл. 1—24.

⁴ О. В. Аптекман. Д. Рогачев. «Былое», 1924, № 26.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 595, оп. 63, д. 1603, л. 3.

⁶ ГАИО. ф. 24, оп. 3, д. 946, св. 2248, лл. 21, 21 об.

рителя Островского. Когда в камере появился губернатор в сопровождении Островского и на каторжан посыпались оскорбления, А. В. Долгушин, «не говоря никому ни слова, подошел к Островскому и дал ему пощечину»¹³. За оскорбление тюремного смотрителя Долгушина вновь судили и добавили к прежнему сроку еще 10 лет каторги. Теперь он стал фактически бессрочнокаторжным. Его путь лежал на золотые прииски у реки Кары. Иркутская тюрьма была переполнена политическими, и «во избежание скопления в Иркутском замке государственных ссыльных» Долгушина еще некоторое время продержали в Красноярске, отправив на Кару лишь в третьей партии.

Приближаясь к Иркутску в морозный январский день 1882 г., Долгушин не знал, что в тамошней тюрьме скончался всеобщий любимец, член долгушинского кружка Л. А. Дмоховский. И. Н. Мышкин, произнесший при прощании надгробную речь, получил за нее еще 15 лет каторги¹⁴. «И вот в тот момент, когда трогался от тюремных ворот траурный кортеж с телом Дмоховского,— в этот самый момент к тюрьме подвозили в санях лучшего друга покойного,— А. В. Долгушина»...¹⁵. На Каре отбывали ссылку многие представители революционного народничества. Их не сломили репрессии правительства, и они мужественно продолжали борьбу. В 1881—1882 гг. здесь подпольно выпускался рукописный журнал «Кара», в котором были помещены романы Н. Позена «Наследство нигилиста» и В. Костюрина «Гнездо террористов», а также отрывки из автобиографического романа Ф. Юрковского «Булгаков». Выходил юмористический журнал «Карийский листок объявлений». В тюрьме часто происходили «беспорядки», политические ссыльные устраивали голодовки и организовывали

побеги. А. В. Долгушин принял участие в организации побега И. Н. Мышкина. Побег, однако, окончился неудачей: Мышкина схватили во Владивостоке и отправили в Иркутск, а затем в Петербург. Та же судьба постигла и других. По распоряжению министра внутренних дел «главных зачинщиков беспорядков в политической тюрьме» Долгушина, Минакова, Юрковского, Малавского, Крыжановского отправили с Карийских золотых приисков в распоряжение департамента полиции¹⁶. При этом власти приняли «все меры к предупреждению побега преступников во время следования по Иркутской губернии». Каждого политического увозили «в сопровождении жандарма и рядового»; сроки их отъезда были разными. 24 и 25 июня 1883 г. из Иркутска выехали поодиночке Мышкин и Минаков, 25-го — Крыжановский и Малавский, 27-го — А. В. Долгушин (с ним следовали жена с дочерью Зоей, родившейся 9 октября 1881 г. в Красноярской тюрьме; сын остался у деда) и Юрковский¹⁷. В конце сентября революционеров доставили в Петербург и бросили в каменные гробы Петропавловской крепости. Отсюда 4 августа 1884 г. заключенных перевели в еще более ужасные условия шлиссельбургских застенков. Все они там и умерли (Минаков и Мышкин были казнены). Долгушин скончался 30 июня 1885 года. Его товарищи по кружку, кроме Папина, также погибли в царских застенках...¹⁸. Долгушинцы ушли из жизни, «провожаемые горячим сочувствием молодежи»; они были предшественниками широкого «хождения в народ», по существу, «первыми народниками, пошедшими в народ с намерением поднять его на восстание»¹⁹. Вот причина, в силу которой они навсегда заняли в истории принадлежащее им по праву место.

А. И. Малютина

¹³ А. Кункль. Указ. соч., стр. 204; ГАКК, ф. 595, оп. 63, д. 1387, л. 1.

¹⁴ См. Л. Островер. И. Мышкин. М. 1959.

¹⁵ Н. Виташевский. В Иркутской тюрьме двадцать пять лет тому назад. «Минувшие годы», 1908, № 7, стр. 109.

¹⁶ ГАКК, ф. 595, оп. 64, д. 573, л. 1.

¹⁷ Там же, оп. 63, д. 1532, лл. 21, 25.

¹⁸ См. «Галерея шлиссельбургских узников». Ч. I. СПб. 1907.

¹⁹ В. Ф. Антонов. Революционное народничество. М. 1965, стр. 174.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ТУНИСА

В наши дни, когда не только из глубин Земли, но и со дна морского археологи извлекают все новые остатки прошлого, когда лингвисты дешифруют новые системы письменности, а историки тщательно анализируют источники и восстанавливают многогранную жизнь древних народов, становится все нагляднее, сколь велик вклад в мировую культуру народов Древнего Востока. И в новом свете предстает перед нами проблема возникновения, развития и влияния на греко-римский мир культуры древних народов Северной Африки.

Двадцать пять веков тому назад на южном побережье Средиземного моря на месте современного Туниса находился большой и процветающий город Карфаген, построенный финикийцами. Этот город претендовал на господство в обширном районе Средиземноморья. Воспоминания о Карфагене, который вел оживленную торговлю со многими странами, сохранились у многих древних историков, в частности у Полибия, Плутарха, Аппиана. Вошла в века история упорной борьбы карфагенян за торговое преобладание и военное господство на море. По словам Полибия, в III в. до н. э. «на море неоспоримое господство принадлежало карфагенянам»¹.

Во второй половине XIX в. археологи начали раскапывать в Северной Африке развалины больших городов, построенных на территории Карфагенского государства (VII—II вв. до н. э.). Перед их изумленным взором возникла древняя культура тех североафриканских народов, которые сумели творчески переработать лучшие достижения более древних народов и создать собственную, оригинальную цивилизацию. Оказалось, что пунийцы (население древнего Карфагенского государства) имели своеобразную культуру, которая до сих пор еще очень мало исследована.

Раскопки в Северной Африке обнаружили остатки больших городов и поселений. Эти города относятся уже к римской эпохе, но они сохранили много черт карфагенской культуры. В Утике, Карфагене, Тубурбо-Маюсе и в Тугте было найдено немало памятников древнего зодчества: театры, храмы, старинные термы (бани), акведуки, мавзолеи. Многочисленные предметы быта, произведения искусства и памятники религиозного культа дают нагляд-

ное представление о том, как элементы более древней, пунической культуры сплелись с античными, греко-римскими. На это указывают своеобразные скульптуры, древняя керамика, произведения живописи, мозаика, сохранившаяся в большом количестве. Мозаичные картины, украшавшие роскошные здания в этих древних городах, являются непревзойденными образцами художественной техники.

Остатки городов, древних vill, монументальных архитектурных сооружений говорят не только о сравнительно высоком уровне материальной культуры, но также и о численности населения. Греческий писатель Страбон свидетельствовал, что в III в. до н. э. в той части Северной Африки, которую тогда называли Ливией и которая находилась под экономическим и частично культурным влиянием Карфагена, было 300 городов. В «большом» же Карфагене насчитывалось 700 тыс. жителей. В центральной части города, где были расположены крепостные сооружения, храмы, административный и культурный центр и где обитали привилегированные слои населения, жило 100 тыс. человек. На окраинах и в пригородах — еще столько же. Рабовладельческий Карфаген в III в. до н. э. являлся средоточием довольно значительного и густонаселенного района. Если в самом городе жили главным образом ремесленники и торговцы, то в сельской местности, тесно к нему прилегавшей, было много земледельцев. Трудящиеся низы, составлявшие основную массу населения, частично происходили из среды местных, покоренных племен. Учитывая это, можно предположить, что население громадного города и прилегавшего к нему района действительно достигало той цифры, которую назвал Страбон.

О глубоких корнях культурного творчества древних народов Северной Африки особенно наглядно свидетельствуют памятники самобытной архитектуры. Применение крупнокаменной кладки (циклопической или мегалитической) восходит к доисторической эпохе. Известно, что дольмены сохранились как в Алжире, так и в Тунисе, причем многие из них служили в качестве погребальных сооружений доримской эпохи. Очевидно, уже со времен глубокой древности начали применять в архитектуре большие каменные блоки, что вызвало значительное развитие каменотесного ремесла. Высокого расцвета достигла в древ-

¹ Полибий. I, 20, 5.

нем Карфагене гражданская архитектура. Остатки ее были обнаружены не так давно при обследовании лагун, расположенных около пунической столицы. Возможно, именно здесь находились знаменитые карфагенские гавани, описанные Аппианом и Полибием. Дно круглой лагуны оказалось покрытым каменными плитами, относящимися к пунической эпохе, а на восточном берегу прямоугольной лагуны были найдены основания огромных стен. Каменные блоки скреплены свинцом, и сделано это доримским техническим способом.

Чудом древней техники являлись оборонительные сооружения Карфагена, его неприступные стены, которые, судя по описаниям античных писателей, достигали в ширину почти девяти метров. На территории пунической столицы от лагуны до Бордж-Джедиды под водой на небольшой глубине видны большие камни. Возможно, это остатки набережной или стены, шедшей вдоль моря. Но особенно поражают оросительные сооружения и водопроводы города. Таков «Источник 1000 амфор» — сводчатое подземелье, расположенное около гавани. Его наиболее глубокая часть относится к пунической эпохе. Знаменитый Загуанский акведук, то есть искусственно созданный канал, сооружен из больших каменных плит и покоится на огромных арках высотой до 40 метров. Этот акведук несет с гор Загуана на протяжении 132 км воду, служившую для водоснабжения Карфагена и его окрестностей. Прекрасная обработка громадных каменных плит, своеобразные художественные пропорции арок характеризуют это замечательное произведение древнего зодчества, созданное лучшими мастерами-строителями Северной Африки во II в. н. э. Очевидно, эти древние каменщики сохранили и в римскую эпоху традиции своего старинного искусства. При виде этого «восьмого чуда света» невольно вспоминаются слова В. В. Маяковского, упомянувшего «водопровод, сработанный еще рабами Рима». Среди этих рабов, конечно, были ливийцы, нумидийцы, карфагеняне и представители других народов Северной Африки.

Памятники Туниса свидетельствуют, как элементы древней, пунической архитектуры своеобразно сочетаются с формами греко-римского зодчества, образуя особый архитектурный стиль. В этом отношении небезынтересен храм Сатурна в Тугге. Монументальный вход, большой двор под открытым небом и маленькие храмики, по-

священные разным богам, являются остатками пунической архитектуры. С другой стороны, пропилеи с колоннами и портики, окаймляющие прямоугольный двор, типичны для античного зодчества. Очевидно, и в области религии здесь сохранились многочисленные пережитки старины. Открытый двор напоминает священный двор пунического святилища (тофет). Портики служили для религиозных процессий, а прилегавшие помещения — для совершения обрядов посвящения и очищения, столь типичных для восточных культов. В развалинах древних городов Северной Африки и во многих местах, где сохранились остатки пунической культуры, было найдено множество произведений изобразительного искусства — статуй, рельефов, в особенности мозаик. Изучение этих образцов древнего художественного мастерства показывает, что народы Северной Африки, поддерживая торговые и культурные связи с народами соседних стран Средиземноморья, в частности Финикии, Греции, островов Эгейского моря, Египта и Иберии, выработали особый художественный стиль, достигший своего расцвета в период существования Римского государства. Наряду с древнейшими пуническими погребальными масками сохранились статуи и бюсты греко-римской эпохи, относящиеся к первым векам до и после нашей эры. Так, в Булла-Регия был найден бюст знаменитого римского императора Веспасиана, а в Карфагене — бюсты римского императора Гордиана и римского философа, государственного и политического деятеля Сенеки. Все эти произведения древней скульптуры, находящиеся сейчас в Тунисе, в музее Бардо, являются замечательными произведениями древнего искусства. В них удачно сочетается античная гармония формы с напряженной, почти экспрессивной выразительностью древневосточного, в частности пунического искусства. Интересны бронзовые статуи и большие глиняные сосуды, украшенные художественными барельефами, так называемые кратеры, которые были найдены среди обломков древнего корабля на дне моря около Махдия (восточное побережье Туниса). Этот корабль, очевидно, вез ценный груз, состоявший из художественных произведений, предназначенных для украшения загородной виллы богача римской эпохи. Найденные здесь предметы относятся к III—I вв. до н. э.

В этих произведениях искусства нашли отражение древние сказания и мифы, ко-

которые вошли в художественную литературу античного мира в ту эпоху, когда восточные влияния особенно сильно воздействовали на культуру греков и римлян. Прекрасно сохранилась бронзовая статуя Гермеса, «посланца богов», культ которого в те времена получил особенно широкое распространение. Ведь именно тогда культ Гермеса в Римском государстве стал сливаться с культом египетского бога мудрости и письменности Тота. Эпитет «Тота» — «Трижды величайший» был перенесен на греческого Гермеса. А Филон Библский, типичный представитель смешанной греко-восточной религиозной философии, прямо сопоставляет египетского бога Тота с греческим Гермесом. Древнеримский писатель Элиан, сохранивший в своих «Пестрых историях» далекие воспоминания о древнем Египте, называет египетского бога Тота законодателем. По его мнению, египтяне «утверждают, что бог Гермес дал им законы: людям ведь свойственно желание возвеличивать свои установления. В древнем Египте судьями были жрецы: во главе их стоял старейший жрец, который судил всех, от него требовалась непогрешимая справедливость и суровость. Шею жреца украшала сапфировая фигурка Истины. Я бы предпочел, чтобы судью отличала не вырезанная из камня и воплощенная в нем Истина, но чтобы он носил Истину в самой душе»². Как и другие античные писатели, Элиан называл египетского бога Тота, бога мудрости и письменности, который должен был присутствовать на загробном суде, именем греческого бога Гермеса.

Большое количество египетских статуэток и амулетов, найденных на территории Северной Африки, неопровержимо доказывает, что восточные культы глубоко проникли в быт древних жителей этих стран. Поэтому в ту эпоху среди других имен появляется и смешанное греко-египетское имя Германубис. Характерно, что известный писатель того времени Апулей, описывая мистерии Изиды, упоминает египетского бога Анубиса, держащего в своих руках символ Гермеса — жезл герольда, обвитый двумя змеями, культ которых также восходит к древнему Египту. Далее, в Махдия была найдена бронзовая статуя Эрота, легенда о котором столь образно описана в широко известном романе Апулея «Метаморфозы» («Золотой осел»). Апулей жил в Карфагене именно в ту эпоху, когда сформировалась эта своеобразная смешан-

ная греко-египетская культура, типичная для Северной Африки того времени. Как известно, Апулей выступал на суде в городе Сабрата, расположенном к юго-востоку от Карфагена, на территории древней Триполитании (в современной Ливии). Недавние раскопки, произведенные в Сабрате, позволили установить наличие экономического и культурного взаимодействия Карфагена с Египтом. Особенно интересны в этом плане развалины двух храмов, посвященных египто-эллинскому богу Серапису и египетской богине Изиде. Возможно, что Апулей так ярко и во многом правильно описал мистерии Изиды именно потому, что имел возможность наблюдать их или, может быть, был посвящен в таинства египетской богини, культ которой получил широкое развитие во всем Средиземноморье, а затем повлиял на формирование культа христианской богородицы.

Среди мраморных и бронзовых статуй, найденных в Махдии, встречаются статуи бога природы Пана и тех полубогов, сатиров и фавнов, которые олицетворяли собой извечную силу земного плодородия. Нет ничего удивительного, что в Северной Африке, богатой земледельческой стране, сохранилось довольно много изображений богини земледелия и материнства Деметры, образ которой в христианскую эпоху выступал в виде богородицы. В музее Бардо экспонируются статуэтки различных эпох, изображающие богиню-мать. Самые древние из них посвящены финикийской богине Астарте, более поздние — греческой Деметре и, наконец, римской Церере. Широко был распространен в Северной Африке культ богини Изиды, которую часто изображали в виде матери с младенцем на руках. В пунических погребениях обнаружено довольно много египетских предметов культа, в частности статуэток, амулетов, украшений и скарабеев. На некоторых изделиях сохранились изображения Изиды, кормящей младенца Гора. Наконец, в развалинах Тугги найдены столбы с изображением египетских божеств: Изиды, Анубиса и Гора.

Пуническая Северная Африка наряду с Египтом стала одним из очагов раннего христианства, где на почве греко-восточного синкретизма выросли раннехристианские иконография, мифология, догматика и символика, впитавшие в себя разнообразные восточные влияния. Показателем в этом отношении бассейн для купания в Келибии, украшенный впечатляющей мозаикой. Сре-

² Элиан. XIV, 34.

ди различных изображений, покрывающих поверхность этого бассейна, бросается в глаза древнеегипетский символ жизни в виде креста с ручкой, который любопытным образом сочетается с первой и последней буквами греческого алфавита (альфа и омега). Так древнеегипетский символ жизни, встречающийся на предметах того времени, например, на погребальных пеленах, сопоставлялся с раннехристианскими символами, обозначавшими вечную жизнь человека и божества. Возможно, этот бассейн служил в раннехристианскую эпоху купелью, в которой совершался религиозный обряд крещения. Эти факты еще раз демонстрируют, что раннее христианство возникло на основе скрещения и широкого использования самых разнообразных верований, религиозных представлений и символов различных народов.

Высокого развития достигло в Северной Африке античной эпохи искусство мозаики, образцы которой были найдены при раскопках развалин древних городов, поселений и в отдельных домах в Табарка, Суссе, Эль-Джеме и Карфагене. Обнаруженные мозаики дают яркое представление о развитии этого редкого художественного ремесла, достигшего в пунической и римской Африке высокой степени совершенства. Изготавливали мозаики, которыми украшались полы больших и богатых зданий, очевидно, местные художники и мастера. Мозаики отражают жизнь и быт древнего населения Северной Африки и поэтому являются драгоценным источником для изучения его материальной культуры, религии и искусства. Жизнь людей в странах Средиземноморья во многом зависела от моря. Помимо рыболовства, жители побережья занимались морской торговлей и на своих примитивных кораблях возили различные товары в соседние страны. Поэтому на мозаиках видим морские пейзажи, людей, плавающих на лодках и небольших судах, обитателей моря — рыб, осьминогов и иных морских чудовищ. В центре этих своеобразных картин «морской жизни» изображена огромная голова бородатого властителя моря — бога Океана. Эти и им подобные фантастические сцены ясно показывают, какое большое значение в жизни населения Северной Африки имела морская стихия. Щедро одаряло море рыбаков и предприимчивых мореходов. На одной мозаичной картине сохранилась сцена, заимствованная из «Одиссеи» Гомера. Художник изобразил «хитроумного» Одиссея, плывущего на корабле и

попавшего к морским девам — сиренам. Чтобы обезопасить себя от гибельных чар морских певиц — сирен, Одиссей приказал привязать себя к мачте своего корабля. Так догадливый Одиссей спасся от неминуемой гибели. Изображение парусного корабля, сохранившееся как на этой мозаике, так и на других памятниках искусства древнего Туниса, дает яркое представление о кораблестроении того времени. Карфагеняне, преемники финикийцев, достигли в технике кораблестроения больших успехов. Возможно, что свой опыт в этом деле карфагеняне передали другим народам, главным образом римлянам.

На многих мозаичных картинах древности изображены сцены охотничьей жизни, например, охота на кабанов, антилоп и зайцев. На многих мозаиках древние сказания и литературные сюжеты перемежаются с реалистическим изображением повседневной жизни. Так, рядом с богиней, покровительницей охоты Дианой, стреляющей из лука, мирно пасется лань, укрощенная взором смелой девушки. Эти изображения дают для историка ценный исторический материал, который иногда подтверждается данными археологических раскопок и свидетельствами античных авторов. Так, часто встречающиеся изображения охоты указывают на то, что многие древние племена Северной Африки вели в те времена кочевой, охотничий образ жизни. Об этом свидетельствует и Страбон, подробно описавший условия хозяйственной жизни древних ливийцев. О Маврусии, расположенной в западной части Северной Африки, он писал, что «ее население даже до настоящего времени ведет кочевую жизнь». По словам Страбона, в III в. до н. э. у некоторых племен Северной Африки уже наблюдался переход от кочевой к оседлой, земледельческой жизни³. Недавние раскопки показали, что этот переход начался в более древние времена, когда в тех странах господствовали карфагеняне.

Памятники древней культуры, сохранившиеся в Тунисе, наглядно свидетельствуют, сколь самобытную культуру создали древние народы Северной Африки и как они распространяли ее в районе Средиземного моря. Даже римляне, считавшие себя «солью Земли» и опиравшиеся на силу своих «железных» легионов, заимствовали ряд культурных достижений как карфагенян, так и их предшественников. В области

³ Страбон. XVII, 3, 7.

сельского хозяйства, в частности садоводства и виноградарства, римляне переняли у карфагенян их опыт выращивания лучших сортов винограда и маслин. По распоряжению римского сената был переведен на латинский язык труд карфагенского писателя Магона, своего рода справочник для сельских хозяев, агрономические советы которого использованы римскими специалистами по агротехнике. Римляне заимствовали у карфагенян и примитивную молотилку, которую называли «карфагенской тележкой». Высокого развития достигло у древних народов Северной Африки каменотесное дело. Прочность больших построек объясняется точной подгонкой крупных каменных плит, которые не скреплялись каким-либо связующим веществом. Памятники

зодчества Северной Африки обнаруживают органическую связь между карфагенской и римской архитектурой. Карфагеняне знали способы изготовления красивой пурпурной краски, которая славилась во всем древнем мире. В Дар-эс-Сафи были найдены чаны для изготовления пурпурной краски, пунчи-ческие красильные мастерские. Римляне даже применяли карфагенский пурпур для окраски императорских одежд. Особенно славились карфагеняне искусством изготовления различных тканей и ковров. В целом произведения древнего искусства, обнаруженные в городах Северной Африки, обладают замечательной силой реалистической выразительности, которая порой не уступает образности античного искусства.

В. И. Авдиев

У исторической карты народов мира

ЭВЕНКИ

Эвенки — небольшая народность, живущая на территории к востоку от Енисея и до Охотского моря. В наши дни их насчитывается около 25 тысяч человек. Расселены же они на огромнейшей территории. Ни среди так называемых малых народов Севера, к числу которых принадлежат эвенки, ни среди более многочисленных народов, вплоть до самых крупных современных наций, нет почти ни одного в мире, который сравнился бы в этом отношении с маленькой сибирской народностью. Достаточно сказать, что в Советском Союзе территория расселения эвенков — вторая (!) по величине после территории расселения русских.

Старое название эвенков — тунгусы. «И ныне дикой тунгус» из пушкинского «Памятника» считался одним из самых отсталых в России, действительно находившимся чуть ли не на стадии дикости. Но так ли это было? Некоторые черты в культурном облике тунгуса давно предостерегали не одно поколение исследователей от скороспелых выводов о его «дикости». То это были неопределенные рассказы путешественников об особом, отличном от других аборигенов Сибири повседневном укладе

эвенков, то указания на некоторые элементы в их культуре, как будто имевшей сходство с культурами их южных соседей. О прародине эвенков идет давний спор. Согласно одному из взглядов, тунгусы — охотники, рыболовы и оленеводы тайги и лесотундры имели южное происхождение. Их прародиной неверно называли Маньчжурию¹. Когда в XIX в. было установлено родство тунгусских языков с монгольскими и тюркскими и в особенности с маньчжурским (лингвисты относят эвенкийский язык к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи), упомянутое мнение еще более укрепилось и просуществовало в науке длительное время². Предпринимались и другие, оказавшиеся несостоятельными попытки представить тунгусов потомками доханьского населения Среднего Китая.

На основании сравнительно-лингвистического анализа маньчжурского, китайского, корейского и тунгусских языков и данных

¹ И. Е. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. 1774.

² A. Castren. Nordische Reisen und Forschungen. Bd. 4. St.-Petersburg. 1857; C. Hiekkiesch. Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie. St.-Petersburg. 1879.

топонимики русский ученый П. П. Шмидт, автор ряда работ по языкам и этнографии народов Амура, пришел к выводу, что прародина тунгусских и родственных племен — бассейн р. Селенги. Советские исследования последних лет по археологии, антропологии, сравнительной этнографии, лингвистике привели некоторых авторов (например, А. П. Окладникова, М. Г. Левина, Г. М. Василевич) приблизительно к таким же результатам³. В горной тайге Забайкалья и Прибайкалья и по течению Селенги проходило становление древнеэвенкийской культуры в соседстве и контакте с далекими их «родственниками» — маньчжурами (чжурчженями), тюрками и монголами. Отсюда же впоследствии эта культура стала распространяться в широчайших границах тайги и лесотундры. Культура эвенков, как и других тунгусоязычных групп, сложилась как самобытное явление в сибирском таежном мире.

Если мы раскроем сводное этнографическое сочинение конца XVIII в. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» И. Г. Георги, то найдем на одной из картинок тунгуса, изображенного в ярком распахнутом охотничьем кафтане с луком в руках. Уже в то время в литературе сложился образ тунгуса — прирожденного охотника, вечного скитальца и непоседы, кочевника, одержимого страстью к преодолению больших пространств. И. Г. Георги делил тунгусов по разным видам транспорта, каким они пользовались, на конных, оленьих и собачьих (кстати сказать, последнее является ошибкой или исключением: на собаках эвенки не ездили). Но все они — «звероловствующие и рыбную ловлю производящие». Однако ведь подавляющее большинство народов Северной Азии — охотники, и очень искусные. Вот тут-то и возникает вопрос: почему именно эвенки, при своей небольшой численности, смогли расселиться на громадных пространствах Сибири, где до них обитали какие-то палеоазиатские племена? Ответ на эту загадку, нам кажется, следует искать в историческом типе эвенкийской культуры, в ее отличии от палеоазиатских (в широ-

ком смысле слова), так называемых циркумполярных (располагающихся вокруг полюса) культур. Оленеводческое хозяйство и олений транспорт подняли охоту на новую ступень, сделали человека более независимым от жестоких условий Севера. «Олень окрылил тунгуса», по образному выражению советского этнографа и лингвиста В. Г. Богораза.

Вот почему «окрыленная» охотничье-олeneводческая культура тунгусов легко распространилась по таежной Сибири. Она заняла как бы среднее положение между довольно архаичной культурой «пешей охоты» палеоазиатов и более поздними и зрелыми формами экономики: скотоводством якутов и крупным тундровым оленеводством Севера.

Если оленеводческое хозяйство сложилось, как предполагают, к концу I тысячелетия до н. э.⁴, то на рубеже н. э. уже происходило широкое расселение древнетунгусских групп. Оно сочеталось с ассимиляцией тунгусами аборигенов-палеоазиатов. Вероятно, это был мирный процесс перехода палеоазиатов на тунгусский язык и принятия тунгусской культуры. В героических сказаниях и преданиях эвенков там, где речь идет о столкновениях с инонародными группами, среди этнонимов можно различить тюркские или монгольские (например, чангит, мангит), но не палеоазиатские. В фольклоре эвенков нашел отражение более древний период истории, когда они жили еще в беспокойном соседстве со скотоводами степей, чем время постепенного и мирного их расселения по Сибири.

Эвенки принесли с собой в тайгу, к северо-западу и востоку от Байкала, много ценных культурных навыков. В конечном счете именно это предопределило широкое распространение их культуры в данной области. Впрочем, в результате расселения и ассимиляции аборигенов возникли некоторые диалектные и этнографические особенности, которые отличают эвенкийские группы Сибири друг от друга. Но все же они сохранили поразительное для такой огромной территории обитания единство основных культурных черт и языка.

История эвенков, как и многих других бесписьменных народов, полна загадок и «белых пятен». Одними из них являются вопросы об оленеводстве и навыках обработки металлов. До сих пор неясно, были

³ См. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. «Материалы исследования по археологии», № 43, 1955; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 36. 1958; Г. М. Василевич. Эвенки. Л. 1969.

⁴ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М. 1958, стр. 422.

ли предки эвенков сами «изобретателями» оленеводства или они переняли его у кого-нибудь из соседей. Как полагают советские исследователи М. Г. Левин и Г. М. Василевич, оленеводство могло возникнуть у какой-то отдельной группы эвенков, усвоивших прежде от своих южных соседей навыки коневодства, а затем оленеводство было воспринято и другими группами. К тому же в эвенкийской терминологии, связанной с оленеводством, немало слов, совпадающих с монгольскими скотоводческими терминами⁵. Одно несомненно, что именно эвенки явились распространителями оленеводства в Средней и Восточной Сибири, к востоку от Енисея. Многие исследователи приписывали им и распространение техники обработки железа. «Вообще «культуртрегерская» роль эвенков в Сибири была исторически чрезвычайно велика»⁶, — пишет С. А. Токарев.

Но вот что представляет особый интерес: эвенки знали горячую обработку железа, однако добывать железную руду не умели и получали ее путем обмена у других народов. Известно любопытное эвенкийское предание XVII в. о «диких людях чюлюгдях», которые плавил железо из руды и с которыми у эвенков существовал немой обмен⁷. Жили чюлюгден на Ангаре, по ее притоку р. Кате и в Братском уезде. Предание изображает их фантастическими существами с одной ногой, одной рукой и одним глазом. Очевидно, что за необычным обликом, который придала им народная фантазия, стоит какой-то реальный народ, у которого эвенки выменивали железо. Быть может, в фантастическом представлении о кузнецах-чюлюгдях повинно то обстоятельство, что у самих эвенков кузнецами были, как правило, увечные люди, неспособные к охоте. Но вот кто такие мифические чюлюгден на самом деле, неясно. Возможно, это были потомки забайкальского скотоводческого населения, еще в III в. до н. э. переселившиеся в бассейн р. Куды (правый приток Ангары), спасаясь от агрессии хуннов. За многие столетия своей жизни в окружении охотников и рыболовов тайги они утратили скотоводче-

ские навыки, но сохранили умение обрабатывать железо. Впрочем, это только предположение. Несомненно, эвенки узнали горячую обработку металлов не от чюлюгдеев, у которых они получали драгоценный для них металл, а еще раньше, когда жили по соседству с развитым степным миром Забайкалья. Влияние степных соседей на лесных охотников — эвенков было очень велико. Его следы видны и в их материальной и в их духовной культуре.

Эвенки — таежный народ. Тайга — дом для эвенка. Не одно поколение путешественников поражалось их феноменальным топографическим способностям, их знанию местности и врожденному таланту ориентироваться в незнакомых местах. Эти навыки выработаны у них опытом тысячелетий. В быту эвенка все до мелочей приспособлено для жизни в лесу. И конический чум — переносное и разборное жилище, которое эвенк мог поставить на новом месте за несколько минут; и распахнутая, типа кафтана с расходящимися книзу лапами, одежда: она лучше других подходит для быстрого бега на лыжах, для езды верхом на олене. В скарбе и хозяйственном инвентаре эвенков нет ничего лишнего, зато имеется все необходимое. Имущество семьи моментально могло быть уложено в поты — выючные сумки — и погружено на оленей. Вещи, которые не понадобятся в ближайшее время, складываются в лабаз, но не от людей, а от диких зверей. И вот караван уже готов тронуться в путь. Куда же направил он свой путь и зачем?

Эвенков гнала в дорогу не праздная любовь к путешествиям, а забота о хлебе насущном. Вернее, о мясе. Хлеба до прихода русских эвенки не знали, а если и знали, то употребляли его в очень ограниченном количестве: он мог вымениваться на пушнину у тех же южных соседей. Основной и почти единственной их пищей были мясо и рыба. Добывалось мясо исключительно охотой. Домашнего оленя употребляли в пищу только в случае беспромыслицы и голода. Заботы охотника и заставляли эвенка вести «бродячую», но целенаправленную жизнь. «То не удача, что легко дается», — говорят эвенки. По мельчайшим деталям, тончайшим нюансам перемещений в природе эвенки за много времени вперед могут определить, куда пойдет дикий олень, где лучше охотиться на лося, много ли будет белки или же лучше искать счастья в соболином промысле. В зависимости от этого и определялось

⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.-Л. 1961, стр. 26.

⁶ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 512.

⁷ А. А. Гоздаво-Голомбиевский. Из Сибирских актов о Демьяне Многогрешном и диких людях чюлюгдях. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских». Кн. I. М. 1888.

каждый год направление кочевков. В хозяйстве эвенков основным объектом охоты был крупный мясной зверь: дикий олень, лось, кабарга, снежный баран, косуля, медведь. Это беспокойное и опасное ремесло доставляло охотнику много труда. Достаточно сказать, что иногда в холодное зимнее время он должен был по нескольку дней преследовать добычу, и от исхода охоты зависела жизнь не только его самого, но и его семьи.

Но вот зверь добыт. Если промысел удачен, часть мяса заготавливается впрок: вялится и сушится. Остальное разрезается на части, удобные для перевозки на оленях. Оно должно быть съедено в ближайшее время. Впрочем, это еще не все. Камус — кожа с ног дикого оленя или лося — пойдет для шитья унтов (обувь). Из кожи, снятой с шен чулком и нарезанной спирально, получится превосходный тонкий ремень (маут) в несколько метров длиной. Провяленные сухожилия станут тонкими и прочными нитками для шитья одежды, обуви, выючных сумок. Шкуры добытых оленей и медведей превратятся в теплую одежду, покрышки для чумов, оленью замшу, меховые спальные мешки и одеяла. Даже рога будут использованы для изготовления различных костяных изделий. «От зверя ничего нельзя бросать — вот одна из основных заповедей охотника. В то же время он никогда не убьет «лишнего», не нужного ему зверя или птицу. Поистине охотник-эвенк — бережливый и рачительный хозяин в своем доме.

Издавна у эвенков существовала и пушная охота, которая в отличие от «мясной» была товарной отраслью. Именно она связывала эвенкийское хозяйство с хозяйством соседних народов — якутов, бурятов, народов Амура, а через них и с остальным миром. Если «мясная» охота часто принималась коллективно (например, загонная охота) и добыча распределялась поровну между охотниками, то пушная охота была индивидуальным промыслом для каждого охотника, а ее добыча поступала в его личное распоряжение.

Русские вплотную соприкоснулись с племенами эвенков только с начала XVII века. Сургутские казаки Чюдин, Захар и Иван Федоровы, Семен Кондратьев «с товарищи» сообщили, что ходили они «Тымью рекою на Сым волок для промыслу и нашли де они тунгусов мужиков человек с 60, а в тех де тунгусах никто не бывал и с тех де мужиков нам ясак нейдет, по-

тому что их никто не знает»⁸. В середине XVII в. территория эвенков, за исключением некоторых групп в бассейне Амура, была включена в состав Русского государства. Русские казачьи отряды были поражены богатством «мягкой рухляди» у тунгусов. Записи об уплате тунгусами ясака пестрят длинными реестрами забранных в огромном количестве соборей, «шуб соборей», «шубенко бобровое да лисье», «рысьих парк», «соборлишек ошейных», «песцовых парк», «подволоок лыжных бобровых», «подволоок соборлиных и выдряных»⁹. Отсюда видно, что ценная пушнина широко предназначалась эвенками для собственных нужд: для шитья одежды, даже для подбивки лыж, но в основном она имела товарное значение. В обмен на пушнину эвенки получали от соседей изделия из металла, а также другие необходимые им товары, украшения. Позднее за пушного зверя русские поставляли им хлеб, чай, табак, оружие и боеприпасы.

Большое значение в жизни эвенков имело рыболовство. Раньше они добывали рыбу в основном способом покола острой при свете лучильника (палки с намотанной на конце горячей берестой). Применялась и стрельба по рыбе из лука, позднее — из ружей. Зимой рыбу добывали тоже поколом через лунки, употребляя при этом каменную или костяную рыбку-приманку. Интересно, что этот способ лова был известен в области расселения эвенков еще со времен неолита. Широко применялось и перегораживание речек при помощи запора из тальниковых прутьев, в котором оставлялись отверстия для двух или трех «морд». Рыба заходила в «морды», откуда ее наутро вынимали. Добыча рыбы с помощью сетей, неводов, удочек распространилась у них только с приходом русских.

Для рыболовства в весенне-летне-осенний период эвенки обычно собирались ежегодно на постоянное место летнего становища (урыкит), причем всегда в одном и том же «традиционном» составе. Как правило, это были родственные или соседящие семьи. Добыча здесь обыкновенно распределялась поровну между рыбаками. Таежные реки богаты ценными породами рыб, такими,

⁸ Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. III. М. 1900, стр. 217.

⁹ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII веке. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 222. 1961, стр. 239.

как таймень, хариус, сиговые, а в Амуре, его притоках и реках Охотского моря — осетр, лосось, белуга, кета. При богатом улове часть рыбы заготавливалась впрок. Эвенки вялили ее на солнце и готовили таким образом юколу. Было еще несколько способов переработки рыбы: приготовление сушеных лепешек из растертой рыбы или нкры либо специального сухого порошка (султа), который потом варили и ели. Зимой употребляли в пищу строганину.

Важной отраслью хозяйства эвенков было оленеводство. Значение этой отрасли в их жизни так велико, что ее трудно переоценить. Чукчи, например, называют эвенков не иначе, как «всадники на оленях». Ненцы тоже представляют их как людей, едущих верхом на оленях. Охотника-эвенка действительно невозможно представить без оленя. Потеря оленей считалась великим бедствием, потому что такой человек уже не был охотником. Потерявшие оленей эвенки вынуждены были оседать на одном месте у какого-нибудь богатого рыбой водоема и превращаться в рыбаков, промышляя белку лишь в небольшом радиусе вокруг. Основное назначение эвенкийского оленеводства было транспортное. Наибольшее число оленей на одного охотника и его семью равнялось приблизительно 30—50. Меньшее количество ставило его под угрозу остаться без транспорта. Олень — животное неприхотливое: он не требует заготовки корма, тщательного и неусыпного ухода и присмотра. Основная его пища ягель растет в сибирской тайге почти повсеместно. При кочевой жизни и небольшой величине оленьих стад эвенки не испытывали особых затруднений в выборе пастбищ. В зимний период лишь нужно было выбирать места без твердого наста, где олени могли бы доставать ягель из-под снега. Вообще же эвенки применяют вольный выпас оленей без пастухов. Летом, когда появляется гнус, олени кормятся по ночам, а днем их собирают на стойбищах возле специально устраиваемых дымокуров. Наиболее трудное для оленеводов время — осень, когда появляются грибы, излюбленное лакомство животных, и они разбегаются по тайге. Тогда их заставляет возвращаться к хозяевам лишь забота теляток о телятах, которых эвенки предусмотрительно привязывают на своей стоянке. И еще одно обстоятельство притягивает оленей к людям: большое пристрастие животных к соли.

Социальный строй эвенков до вхожде-

ния их территории в Русское государство не выходил за пределы патриархально-родовых отношений. Вот как, например, описывал устройство эвенкийского общества И. Г. Георги: «Они разделяются по восточному обыкновению на колена, а сии на роды. Каждый род (тагаун) производит начало свое от какого ни на есть храбростию, силою, изобилием в скоте и детях, а иногда и благоразумием прославившегося родоначальника, и называются по его имени, и все в оном находящиеся считаются кровными между собой родственниками. Несколько же таковых родов считаются между собой родством по своим родоначальникам и соединяются потому в колена»¹⁰. Георги не случайно подчеркивал сходство эвенков в данном отношении с восточными народами, вероятно, с тюрками и монголами, у которых социально-этническая структура общества строится по принципу генеалогического древа. Такое сходство не было простым совпадением: эвенки еще в древности испытали сильное влияние как монголов, так и тюрков. Оно еще более усилилось с возникновением у первых оленеводства. В целом же социальная структура эвенков, которые еще не достигли классового общества, была на более низком уровне, чем у их южных соседей. Впрочем, по внешним признакам структура общества, как верно подметил И. Г. Георги, была схожей у всех этих народов. Однако какие же внутренние связи скрывались под этой оболочкой?

Первые русские этнографы, попавшие к эвенкам, без труда обнаружили у них родовое деление, ряд довольно архаичных и примитивных обычаев и верований. В русских документах начиная с XVII в. по отношению к эвенкам постоянно упоминается термин «род»: «тунгусы такого-то рода», «тунгус такой-то со своими родниками». В советской исторической литературе неоднократно отмечалось, что термин «род» в документах того времени весьма многозначен. Не всегда под ним следует понимать действительно род. Чаще это или подразделение рода, называющиеся по имени старшего мужчины (либо общего предка), или просто большие патриархальные семьи¹¹.

¹⁰ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. III. СПб. 1799, стр. 35.

¹¹ См. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 55. 1960, стр. 8—10.

Такие подразделения рода состояли из ряда семейств общего происхождения, между которыми существовала широкая взаимопомощь. А генеалогически эти подразделения составляли род, имевший общее родовое имя. Казалось бы, картина ясна: род делится на ряд подразделений, состоявших из больших патриархальных семей, а те, в свою очередь, состоят из малых семей. На деле же все было гораздо сложнее. Необходимо не упускать из поля зрения важнейший социальный организм эвенков — общину, отличавшуюся заметным своеобразием.

Эвенки кочевали в основном семьями. Когда сын женился, отец, как правило, выделял ему отдельное хозяйство: чум, оленей. Сын после этого мог кочевать поблизости, но был уже самостоятельным хозяином. Однако для того или иного промысла — для охоты на мясного зверя, рыболовства — эвенки сгруппировывались на более или менее длительное время в общину-стойбище. По окончании промысла община распадалась. Затем подобная производственная община могла возникнуть в другом месте и в другом составе. Но всегда это происходило среди определенного и заранее известного круга лиц. В него входили кровные родственники по отцовской линии, а также родня по линии матери или жены. Между этими лицами существовала широкая взаимопомощь, особенно между семьями, составлявшими одно подразделение генеалогического рода, — тут она считалась обязательной. Таким образом, у эвенков сложилась община переходного типа: от кровнородственной к территориально-соседской. Семьи, входившие в одно подразделение генеалогического рода, кочевали попеременно с семьями других подразделений этого же рода или даже других родов. Между многими из них устанавливались взаимобрачные отношения. Есть основания предполагать, что уже давно экзогамной единицей у эвенков был не большой генеалогический род, а его подразделение. Запрет жениться ограничивался тремя-четырьмя поколениями. В результате между соседними семьями возникали тесные связи по родству различной степени и по соседству, на основании которых и строились отношения внутри общины.

Группировалась община вокруг наиболее смышленного и удачливого охотника, который в случае опасности мог стать воином-защитником. В документе о переобложении ясаком тунгусов Мангазейского уез-

да в 1768 г. с эвенкийских «старшин» бралась подписка-обязательство об уплате положенного количества ясака. Как правило, за одну группу-подразделение генеалогического рода в 30—40 мужчин ставили свои знаки-подписи несколько таких «старшин». Обращает на себя внимание тот факт, что большинству из этих «старшин» — от 25 до 40 лет¹². По-видимому, это и были охотники — главы ряда общин.

А что же представлял собой генеалогический род эвенков (по И. Г. Георги — колено)? Русские казаки, встретившиеся в начале XVII в. с тунгусами, насчитали у них ряд «землиц», названных именами эвенкийских генеалогических родов¹³. Этот термин обозначал какое-то более или менее устойчивое территориальное (или территориально-племенное) объединение. Генеалогический род и был именно таким образованием, объединявшим в своем составе как подразделения, имевшие общее происхождение, но давно разделившиеся, так и адаптированные пришлые группы, по длительности проживания в данном ареале тоже включенные в местную генеалогию и принявшие общее имя рода. Такие роды не были замкнутыми объединениями с четкими и определенными границами. Напротив, они постепенно как бы переходили один в другой. При довольно низком уровне развития производительных сил, на каком находились тогда эвенки, все связи облекались в форму связей по родству. Именно поэтому структура генеалогического древа была наиболее понятной и приемлемой для их общества.

К моменту прихода русских масса эвенкийского населения была, в общем, социально однородной. Еще не существовало условий для накопления в одних руках большого прибавочного продукта и, таким образом, возникновения предпосылок социального неравенства. Обмен носил примитивный характер. Лишь наиболее удачливые и отважные охотники и бойцы-соининги, возглавлявшие при столкновениях группу сородичей, да самые искусные шаманы пользовались особым уважением окружающих. Среди этого небольшого круга «лутчих людей» царизм нашел опору:

¹² ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 127, 139—165 и др.

¹³ Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., стр. 239; Н. Н. Степанов. Заметки по исторической географии и этнографии Сибири. «Известия» Всесоюзного географического общества. 1949, № 3.

они назначались русской администрацией «старшинами» и «князцами», ответственными за сбор ясака в своем административном «роде» (деление на «волости» и административные «роды» было введено в конце XVIII — начале XIX в.; в основе его лежали генеалогические роды эвенков).

С развитием товарных отношений эвенкийские князцы и «старшины» стали во все возрастающем масштабе выполнять функцию торговых посредников между купцами и рядовой массой охотников. В их руках начали сосредотачиваться большие олени стада. Они эксплуатировали в своем хозяйстве безоленных и малооленных охотников, нанимавшихся к ним в качестве батраков. брали к себе на воспитание детей бедных сородичей, которые, вырастая, оставались у них в качестве работников «за еду». В результате к началу XX в. у эвенков наблюдалась заметная социальная и имущественная дифференциация. Например, большей частью поголовья оленей на Нижней и Подкаменной Тунгусках владели всего несколько богачей-эвенков.

Своеобразен был и духовный мир эвенков в то время. Их мировоззрение принято считать шаманистским. Эвенкийский шаманизм — довольно стройная система взглядов и представлений об окружающем мире, живом и неживом, который одухотворялся и персонифицировался. Эвенки наделяли весь мир таинственной духовной силой, общаться с которой могли только избранные лица — шаманы. Сохранялись у эвенков и другие древние религиозные представления: почитание медведя, культ огня и домашнего очага, который восходит своими корнями к материнско-родовой эпохе.

Разнообразен и красочен фольклор эвенков: здесь и героические сказания, повествующие о межродовых столкновениях, о подвигах смелых и ловких сонингов, о столкновениях с другими народами, и исторические предания, и различные песни-импровизации, и танцы. Очевидцы рассказывают: когда встречаются в тайге эвенки, обычно сдержанные и немногословные, но долгое время не видевшие друг друга, то между ними сама по себе как бы стихийно возникает огневая хороводная пляска «Ехорьё», и радость встречи выплескивает наружу вихрь долго дремавших чувств.

Важную роль в жизни эвенка играет сказка. Эвенкийская сказка (нимгакан) — это своеобразный воспитатель, накапливающий и передающий из уст в уста опыт тысячелетий. Сказки повествуют обо всем: и о

повадках животных, и о «сотворении мира», и о необычных случаях в тайге. Эвенки умеют ценить умное и доброе слово. Во многих пословицах и поговорках передают они мудрость и вековой опыт своего народа.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции основная масса эвенкийского населения Сибири находилась в тяжелейшем положении. Оно, по свидетельству дореволюционных этнографов, непрерывно сокращалось. Нищета, болезни, поголовная неграмотность — вот что досталось в наследство Советской власти. Образованному в 1924 г. Комитету содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК РСФСР (Комитет Севера) вменялось в обязанность «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-социальном отношении». Предстояла грандиозная работа. По определению В. И. Ленина, среди народов Сибири царил еще «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹⁴. Необходимо было поднять экономику края, перейти от натурального хозяйства, разоренного царскими купцами и полукOLONиальной эксплуатацией, сразу к социалистическому, начать здесь широкое культурное строительство.

Советская власть успешно решила эти большие задачи. Малые народы, получившие право самостоятельно решать собственные дела в соответствии с особенностями и условиями своей жизни и огромную помощь со стороны всего советского народа, за довольно короткий срок прошли истинный путь веков. И это был новый, социалистический путь развития. «Неправильно полагать, — говорил В. И. Ленин, — что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей».¹⁵ Ленинские идеи о возможности некапиталистического пути развития воплотились в жизнь. В ходе социалистического строительства у народов Крайнего Севера произошли огромные преобразования не только в экономике края, но и в сознании людей. Развитие промышленности, победа колхозного и совхозного строя, установление централизованного государственного снабжения, ликвидация неграмотности и преодоление культурной отсталости, разветвленная система народного образования, здравоохранения, социального обеспечения — вот итоги социа-

¹⁴ В. И. Ленин, ПСС. Т. 43, стр. 228.

¹⁵ В. И. Ленин, ПСС. Т. 41, стр. 246.

листических преобразований у народов Сибири, в том числе у эвенков. Получили эвенки и государственную автономию: в 1930 г. в составе Красноярского края был образован Эвенкийский национальный округ¹⁶. Ныне Эвенкия дает стране пушнину, графит, исландский шпат. Здесь ведутся перспективные поиски нефти. Большое народнохозяйственное значение имеет теперь и такая древняя отрасль хозяйства, как оленеводство. Нынешнее эвенкийское население Сибири резко отличается от забитой и темной массы таежных охотников дореволюционного прошлого. В быт эвенков пришла современная культура: школы, больницы, культпросветучреждения, квартиры в поселках — центрах колхозов и совхозов, кино, радио, книги, промышленные товары. Появились новые прослойки в эвенкийском обществе: рабочие (техники, меха-

низаторы), своя интеллигенция — учителя, врачи, зоотехники, писатели, поэты, художники. Есть среди эвенков и ученые, например, первый историк своего народа В. Н. Увачан, этнограф А. С. Шубин.

Многие эвенки работают в геологических и геодезических партиях, своими знаниями местных условий помогая важному делу освоения земных недр. Одному из них, герою ряда книг советского писателя Г. А. Федосеева, старому эвенку Улукиткану (С. Трифонову), человеку большой души и огромного жизненного опыта, посвящено немало прекрасных страниц. Улукиткан говорил: «Мать дает жизнь, годы — мудрость». Эти слова можно отнести сегодня к исторической судьбе его народа. Тысячелетия борьбы с суровой природой дали ему великую мудрость, а социалистические преобразования возродили его к новой жизни среди больших и малых равноправных народов Советской страны.

В. В. Карлов

¹⁶ Подробнее см.: В. Н. У в а ч а н. Переход к социализму малых народов Севера. М. 1958.

ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕВИЦКИЙ

30 июня 1970 г. безвременно ушел из жизни Яков Александрович Левицкий — известный советский историк, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР. Исследовательская работа Я. А. Левицкого в области изучения западноевропейского феодализма началась в конце 30-х годов в аспирантуре исторического факультета МГУ под руководством академика Е. А. Косминского, главы советской школы средневековедов-англоведов. Эта школа дала как ряд фундаментальных трудов, написанных с марксистско-ленинских позиций, так и новых, принципиальных решений многих вопросов истории английского феодализма, прежде всего аграрной истории. Однако пробелом в отечественной историографии оставались проблемы средневекового английского города. Именно на них и сосредоточил свое внимание Я. А. Левицкий. В 1943 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Английский город в XI веке». Дальнейшая многолетняя его работа была обобщена в монографии «Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв.» (М. 1960), за которую автору была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Эта книга, получившая высокую оценку в советской и прогрессивной зарубежной историографии, явилась первым в марксистской литературе специальным исследованием конкретных процессов генезиса и становления средневекового английского города. До последних дней жизни Я. А. Левицкий работал над монографией «Средневековый город и развитие феодализма в Англии (XII—XIV вв.)», которая посвящена малоизученной теме взаимовлияния английских города и деревни.

Я. А. Левицкий уделял много внимания важным теоретическим проблемам, в том числе типологии средневековых городов. Этим вопросам посвящены его труды «Спорные вопросы истории античного и средневекового города» (1968), «Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма» (1969), доклады на советских и международных форумах историков. Ему принадлежит ряд глав в двухтомном издании «Английская буржуазная революция XVII в.» (М. 1954), редактором которой он являлся совместно с академиком Е. А. Косминским. Большой авторский и редакторский вклад сделан Я. А. Левицким в издание т. III «Всемирной истории» и вузовских учебников по истории средних веков, особенно т. I «Истории средних веков» для исторических факультетов университетов (М. 1966). Он являлся постоянным консультантом и автором в изданиях Большой Советской и Советской Исторической Энциклопедий, членом редколлегии и консультантом «Атласа всемирной истории», членом редколлегии и автором в сборниках «Средние века» и «Британский ежегодник».

Более 20 лет жизни отдал Я. А. Левицкий работе в Институте истории и Институте всеобщей истории АН СССР. Плодотворную научную деятельность он успешно сочетал с напряженной научно-организационной работой, в течение длительного периода являясь заместителем заведующего сектором истории средних веков, членом Бюро секции по проблеме генезиса и развития феодализма Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», членом Ученого совета института. Большой вклад внес Я. А. Левицкий в координацию научно-исследовательской работы советских средневековедов вообще. 20 с лишним лет отдал он и педагогической работе: был учителем в средней школе, преподавателем истории, политэкономии и обществоведения в Северо-Кавказском университете и Финансово-экономическом институте Ростова-на-Дону, а также истории средних веков на историческом, филологическом и экономическом факультетах МГУ. С 1943 г. Я. А. Левицкий — доцент, затем заведующий ка-

федрой всеобщей истории в Абаканском пединституте; с 1945 г. — доцент, потом декан исторического факультета Московского областного пединститута и одновременно лектор Высшей школы профдвижения ВЦСПС. Много сил и времени отдавал он общественной работе. Человек широких и разносторонних интересов, он прекрасно знал поэзию, был страстным любителем искусства, увлеченным путешественником, любителем памятников старины. Всегда доброжелательный, спокойный и отзывчивый человек, Я. А. Левицкий пользовался заслуженным авторитетом и любовью сотрудников сектора и института. До последнего дня он вел напряженную работу по подготовке XIII Международного конгресса исторических наук в Москве и V Международного конгресса экономической истории в Ленинграде.

Советская общественность, коллеги, товарищи и ученики Якова Александровича Левицкого навсегда сохранят о нем добрую память.

ИМРЕ ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ

Прогрессивная наука понесла серьезную утрату: скончался крупный венгерский ученый и общественный деятель, специалист по истории античной культуры, профессор, действительный член Венгерской Академии наук Имре Тренчени-Вальдапфель.

Окончив Будапештский университет еще в 1932 г., он только после второй мировой войны и возникновения Венгерской Народной Республики получил возможность работать по своей специальности, став преподавателем сперва Сегедского, а затем Будапештского университетов. Глубоко изучая в течение почти сорока лет историю и культуру Древнего мира, И. Тренчени-Вальдапфель выдвинулся в ряд видных специалистов в этой области. Его труды насыщены большим количеством исторических фактов, знание и понимание которых позволило ему по-новому подойти к разрешению трудных проблем культурного наследия: основываясь на марксистско-ленинском учении о прогрессивной смене социально-экономических формаций, он показал, как передовые представители античной культуры, в свою очередь, творчески использовали культурное наследие Древнего Востока. Объяснению социального фона взаимодействий между материальной и духовной культурами Запада и Востока в древности И. Тренчени-Вальдапфель посвятил, в частности, интересную работу о творчестве Гесиода, в поэмах которого он обнаружил множество мотивов, роднящих их с восточными мифами. Те же сюжеты ему удалось выявить в легенде о Данае и в баснях Эзопа. Для установления параллелей и аналогий автор широко использовал большое количество фактов, извлеченных из древнеегипетских, шумерийских, вавилонских, хеттских и древнеевропейских источников.

Ряд работ И. Тренчени-Вальдапфеля посвящен изучению народных корней величайших произведений античной литературы. Таков его труд «Закат матриархата в зеркале гомеровских мифов». Далее венгерский исследователь перешел к изучению проблемы отражения социально-экономических отношений разлагающегося родового строя в ранних античных источниках. С этим кругом вопросов тесно связаны его работы о древневосточной и античной религии и мифологии: сборник статей «Исследования по истории религии» (Будапешт, 1966), книга «Мифология», переведенная на русский язык в 1959 г., и др.

И. Тренчени-Вальдапфель был не только крупным ученым-исследователем, но и одним из организаторов высшего образования и всей системы гуманитарных наук в социалистической Венгрии. В 1949—1950 гг. он работал ректором Сегедского, а в 1950—1953 гг. — Будапештского университетов. Советская общественность хорошо знает большую работу, которую проделал акад. Тренчени-Вальдапфель для укрепления научных и культурных связей между СССР и ВНР. Он состоял также в течение ряда лет членом Международного комитета антиковедов социалистических стран «Эйрене», являлся организатором Будапештской конференции по истории стран античного мира и вписал немаловажную и заметную страницу в науку социалистической Венгрии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МОХОВ Николай Андреевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории АН Молдавской ССР. Специалист по истории Молдавии периода феодализма, автор книг «Молдавия эпохи феодализма», «Очерки истории молдавско-русско-украинских связей».

КОЛКЕР Борис Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Молдавской ССР, специализируется по истории Румынии новейшего времени.

ЦАРАНОВ Владимир Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Молдавской ССР. Работает по истории Молдавии советского периода.

ЛЕПЕТЮК Азалия Викторовна, старший преподаватель истории КПСС Камчатского учебно-консультационного пункта Всесоюзного юридического заочного института.

ГАФУРОВА Капитолина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Имеет работы по истории народов СССР.

РОЗНЕР Ионас Германович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории экономической мысли Института экономики Академии наук УССР, доцент Киевского института народного хозяйства. Занимается социально-экономической историей России и Украины XVI—XVIII веков. Автор работ: «Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг.», «Янк перед бурей» и других.

КОСАРЕВ Борис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Костромского педагогического института. Специализируется по социально-экономической истории США. Автор статей по этой теме.

КОРОЛЮК Владимир Дорофеевич, доктор исторических наук, зав. сектором истории славянско-германских отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР, зам. главного редактора журнала «Советское славяноведение», автор монографий: «Древнепольское государство», «Западные славяне и Киевская Русь», «Россия, Польша и Северная война» (на польском языке), «Ливонская война» и др.

ТИХОНОВ Юрий Александрович — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории СССР АН СССР. Автор книги «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. XVII век» (совместно с А. Ц. Мерзоном) и ряда статей по истории российского феодализма.

ЛЕСКОВ Валентин Александрович, сотрудник ЦНИИПИ. Специализируется в сфере изучения античной истории и культуры.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

N. A. MOKHOV, B. M. KOLKER and V. I. TSARANOV. The History of Moldavia as Reflected in Contemporary Bourgeois Historiography

The article is devoted to the critical analysis of works by bourgeois authors on certain important aspects of Moldavia's history. Drawing on concrete historical material, the author reveals the distinctive features of Moldavia's social and economic development, exposes the pseudo-scientific disquisitions of bourgeois authors concerning the influence exerted on this development by German colonists, as well as the assessment of the role played by the bourgeois-nationalist Territorial Council and the revolutionary events in Bessarabia in 1918. The article also examines certain aspects of Soviet-Rumanian relations prior to Hitler Germany's perfidious attack on the Soviet Union and exposes the slanderous fabrications concocted by bourgeois authors with regard to the formation of Soviet national statehood in Moldavia and the striking achievements registered by the Moldavian people in the Soviet period in the sphere of industrial and agricultural development and in the promotion of national culture.

A. V. LEPETYUK. Cultural Development in Kamchatka

The article examines the process of cultural development in Kamchatka in the years of Soviet government. In the shortest possible historical period the Communist Party solved the extremely difficult problem of switching the backward population of this remote borderland of Russia from the patriarchal forms of economy and culture to the path of socialism. The data cited in the article enable one to see the peculiar way in which the cultural development in Kamchatka followed the main principles constituting the sum and substance of the cultural revolution in the U.S.S.R. At the same time, the rich variety of solutions did not prevent the attainment of the principal aim common to the whole country. All the benefits of material and spiritual culture became the property of the entire people. Together with all Soviet people the working masses of Kamchatka became the architects of the most progressive and advanced culture in the world.

K. A. GAFUROVA. Documents Indict

Soviet researchers have discovered in India's National Archive a hitherto unknown account by the notorious British intelligence agent Colonel Frederick Bailey disclosing his activity on the territory of the Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republic in 1918-1920. In 1946 Bailey published a book in which his visit to Soviet Turkestan is presented as an innocent pleasure trip undertaken with the purpose of "sounding out the situation." Drawing on materials now received from India and on special research works by Soviet historians, the author reveals that Bailey's "mission" in Soviet Turkestan was chiefly connected with espionage and subversion. Among other things, the author establishes the exact period of Bailey's stay on the territory of Soviet Turkestan and exposes his clandestine activity aimed at engineering anti-Soviet conspiracies and inciting the White-

guards and the Basmachi to counter-revolutionary revolts. The article also traces the direct connection which existed between Bailey's arrival in Tashkent and the British interventionists' entry into the trans-Caspian territory. It is graphically demonstrated that the withdrawal of British troops from Soviet Turkestan and Bailey's inglorious flight abroad were directly attributable to the consolidation of Soviet power and to the growing prestige it enjoyed among the working people inhabiting the outlying national districts of the former tsarist empire. Bailey's account is presented by the author as part of a broad picture of historical events which unfolded in Turkestan during that period.

I. G. ROZNER. Anti-Feudal State Formations in Russia and the Ukraine in the 16th-18th Centuries

The article is devoted to the genesis of anti-feudal state formations in Western and Eastern Europe in the period of feudalism. At a certain stage of development of the feudal system, the author writes, the lower, underprivileged and disfranchised classes and social estates develop a striving towards organizing their own political institutions which can help them to fight the oppressors. Such institutions, which were set up, as a rule, on the initiative and with the participation of the propertied sections of underprivileged social estates and which often took the form of state or semi-state republican-type organizations possessing certain democratic features, at the same time expressed and protected the objective interests of much broader segments of the population. True, the degree of maturity of these anti-feudal institutions should not be overestimated. The free Cossack "republics" formed by the fugitive serf peasants in the 16th-17th centuries on the banks of the Don and the Yaik and in Zaporozhye areas provide a graphic example of such anti-feudal organizations in Russia.

B. M. KOSAREV. Employment of Slave Labour on the American Plantations in the First Half of the 19th Century and Its Role in the Genesis of Capitalism

The article stresses that the intensive development of the system of slavery in America's Southern States undoubtedly presented a serious obstacle to the social, economic, political and cultural progress in this part of the country. At the same time the enslaved Negro people played an immense part in the creation of material values, in laying the groundwork for the rapid industrial development of the U.S.A., Britain and, to a certain extent, of a number of other countries. In the case of Britain, for instance, Negro slavery, up to the outbreak of the civil war in the U.S.A., was the mainstay of the cotton industry and an important source of profits.

On the United States itself Negro slavery exerted a multiform and contradictory influence. From the economic point of view, as a "method of enrichment" and capital accumulation, it was an important prerequisite of the industrial revolution. But no one will deny that slavery exerted a negative influence on the country's political and ideological life, on the shaping of certain traits typical of the North American nation. With the beginning of a swift transition from manufacture to factory production in the mid-19th century, slavery as a whole became a formidable obstacle to the further progress of the country and was bound to quit the historical scene.

V. D. KOROLYUK. Vladimir Ivanovich Picheta (a creative portrait)

Academician Vladimir Ivanovich Picheta (1878-1947)—one of the leading Soviet historians specializing in the feudal history of the Ukraine, Byelorussia and Lithuania—came forward at the close of the thirties and in early forties with the initiative of reviving Soviet research in Slavonic history, philology and literature. In 1939 he headed Moscow University's department studying the history of the Western and Southern Slavs and the department of Slavonic research at the Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences. Side by side with Vladimir Picheta an important contribution to the revival of research into Slavonic history, philology and literature was made by Academicians

B. D. Grekov and Zdenek Nejedly, the latter being evacuated from Czechoslovakia to the U.S.S.R. after the Munich compact. Subsequently Academician Grekov headed the Institute of Slavonic Research founded in 1946 by the U.S.S.R. Academy of Sciences, and Vladimir Picheta was appointed Deputy Director of that same institute.

Having given a brief characteristic of Vladimir Picheta's creative path as an historian, the author of the article (who is one of Picheta's pupils) dwells in detail on the last period of Picheta's life, when Slavonic research became his main scientific trend. Much attention was devoted by Picheta to the training of young specialists in Slavonic history and to the formulation of long-term problems and subjects to be tackled by Slavonic historians. The author analyzes the activity of his late teacher in the sphere of organization of science and tries to paint his creative portrait, to characterize him as a scientist, teacher and man.

Summing Up the Discussion Devoted to Certain Problems of the Theory of a Nation

The article briefly summarizes the different views and opinions expressed by a number of scientists during the discussion of certain problems of the theory of a nation in the pages of our journal between 1966 and 1968.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 8, 1970

Articles: **N. A. Mokhov**, **B. M. Kolker** and **V. I. Tsaranov**. The History of Moldavia as Reflected in Contemporary Bourgeois Historiography; **A. V. Lepetyuk**. Cultural Development in Kamchatka; **K. A. Gafurova**. Documents Indict; **I. G. Rozner**. Anti-Feudal State Formations in Russia and the Ukraine in the 16th-18th Centuries; **B. M. Kossarev**. Employment of Slave Labour on the American Plantations in the First Half of the 19th Century and Its Role in the Genesis of Capitalism; **V. D. Korolyuk**. Vladimir Ivanovich Picheta. Discussions: Summing Up the Discussion Devoted to Certain Problems of the Theory of a Nation. Historical Essays: **Y. A. Tikhonov**. The Defence of Azov; **V. A. Leskov**. Marcus Crassus and Others. Publications: Raymond Robins' Papers. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. **Book Reviews**: "The Soviet Intelligentsia. The History of Formation and Growth 1917-1955"; **N. D. Smirnova**. Fascist Italy's Balkan Policy. Essay on Diplomatic History, 1936-1941; **A. V. Burdukov**. Mongolia in the Past and Today. Reminiscences. Letters; **A. V. Efimov**. The U.S.A.: Paths of Capitalist Development (pre-imperialist epoch); **R. M. Hatton**. Charles XII of Sweden; **James Connolly**. ~~The Working Class in the History of Ireland. The Regaining of Ireland.~~ Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals, new books.

"Labor in Pre-Bourgeois History";

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», 1970, N° 8.

Articles: **N. A. Mokhov**, **B. M. Kolker**, **V. I. Tsaranov**. Comment l'historiographie bourgeoise d'aujourd'hui interprète l'histoire de la Moldavie; **A. V. Lépetuk**. Action culturelle en Kamtchatka; **K. A. Gafourova**. Les documents accusent; **I. G. Rozner**. Les formations d'Etat antifeodales en Russie et en Ukraine aux XVI-XVIII siècles; **B. M. Kossarev**. Sur le rôle de l'esclavage de planteur américain de la première moitié du XIX siècle; **V. D. Koroluk**. Vladimir Ivanovitch Pitchéta. Discussions: Sur le bilan de la délibération de quelques problèmes de la théorie de nation. Etudes historiques: **Y. A. Tikhonov**. Défense d'Azov; **V. A. Leskov**. Marcus Crassus et les autres. Publications: Documents de Raymond Robins. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Comptes rendus des livres**: «Les intellectuels soviétiques (Histoire de la formation et du développement, 1917-1955)»; **N. D. Smirnova**. Politique balkanique de l'Italie fasciste. Essai de l'histoire diplomatique (1936-1941); **A. V. Bourdoukov**. En Mongolie vieille et nouvelle. Mémoires. Lettres; **A. V. Efimov**. Les Etats-Unis d'Amérique. Voies du développement du capitalisme (Epoque précédant l'impérialisme); **R. M. Hatton**. Karl XII—roi de Suède; **James Konnoly**. Le rôle de la classe ouvrière dans l'histoire de l'Irlande. La reconquête de l'Irlande. Notices scientifiques. Faits, événements, hommes. Sommaire des revues historiques soviétiques et étrangères, nouveaux livres.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 8. 1970.

Artículos: N. A. Mójov, B. M. Kólker, V. I. Zaránov. Historia de Moldavia vista por la historiografía burguesa moderna; A. V. Lepetiuk. Construcción cultural en Kamchatka; K. A. Gafúrova. Documentos desenmascaran; I. G. Rósner. Formaciones estatales antifeyudales en Rusia y Ucrania en los siglos XVI—XVIII; B. M. Kósarev. Sobre el papel de la esclavitud de plantación americana de la primera mitad del siglo XIX; V. D. Koroliuk. Vladímir Ivánovich Picheta. Discusiones y disputas: Hacia las conclusiones de la discusión sobre algunos problemas de la teoría de la nación. Ensayos históricos: Y. A. Tíjonov. Defensa de Azov; V. L. Leskov. Marcus Crasus. Publicaciones: Documentos de Raymont Robins. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Reseñas de libros: «Intelectualidad soviética (Historia de la formación y del crecimiento. 1917—1955)»; N. D. Smirnova. Política balcánica de Italia fascista. Esbozo de la historia diplomática (1936—1941); A. V. Burdukov. En la vieja y nueva Mongolia. Memorias. Cartas; A. V. Efímov. EE.UU. Caminos del desarrollo capitalista (Epoca preimperialista); R. M. Hatton. Carlos XII — rey de Suecia; James Connoly. La clase obrera en la historia de Irlanda. Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras, nuevos libros.

Редакционная коллегия: ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. (главный редактор), АХРАМОВИЧ Р. Т., ГАПОНЕНКО Л. С., ГОЛИКОВ Г. Н., ДУДИНСКИЙ И. В., ЖУКОВ Е. М., КИМ М. П., КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СКАЗКИН С. Д., ФЕДОСОВ И. А., ХРЕНОВ И. А., ЧЕРНЯЕВ А. С., ЮДАЧЕВ С. А.

Технический редактор В. Н. Пархоменко.

Адрес редакции: Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 25/VI 1970 г.

А 09620.

Подписано к печати 7/VIII 1970 г.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 20 800 экз. Изд. № 1798. Заказ № 1 827.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.